АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
XIII

1

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1964

СОДЕРЖАНИЕ

Э. А. Макаев (Москва). Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика 3

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. А. Зализняк (Москва). «Условное ударение» в русском словоизменении 14
П. С. Кузнецов (Москва). К вопросу о происхождении аканья 30
А. Н. Тихонов (Самарканд). Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования 42
О. С. Широков (Минск). О соотношении фонологической системы и частотности «фонем» 53

Обсуждение вопросов русской орфографии

М. Янакиев (София). Теория орфографии и речь 61

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. Н. Колмогоров, А. В. Прохоров (Москва). О дольнике современной русской поэзии 75
Е. С. Кубрякова (Москва). Об относительно связанных (относительно свободных) морфемах языка 95
А. Н. Баскаков (Москва). Типы бессоюзных сложносочиненных предложений в турецком языке 101
В. В. Вертоградова (Москва). К интерпретации среднеиндийских интервокальных фрикативных 109
С. Я. Лурье (Львов). К вопросу о греческом ударении 116

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В. М. Калинин (Ленинград). О статистике литературного текста 123

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Д. И. Эдельман (Москва). Современное состояние изучения памирских языков 128

Рецензии

Т. Лер-Сплавинский (Краков). О северо-восточных окраинах праславянского языка 134
М. Браун (Гёттинген). *I. Mahnken.* Die Struktur der Zeitgestalt des Redegebildes 136
Н. Д. Арутюнова (Москва). *A. Juilland.* Outline of a general theory of structural relations 138
Т. М. Николаева (Москва). Вопросы общей лингвистики в работах Д. Болинджера 143
В. Г. Гак (Москва). *M. Cohen.* Nouveaux regards sur la langue française . . . 149

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. К. Матвеев (Свердловск). О топонимической работе в Уральском государственном университете им. А. М. Горького 154
А. И. Кузьмина (Томск). Об изучении языков народностей Западной Сибири в Томском пединституте 157
Над чем работают ученые 159
Хроникальные заметки 159
Книги, журналы и брошюры, поступившие в редакцию 174

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1964

Э. А. МАКАЕВ

СРАВНИТЕЛЬНАЯ, СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ И ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА

§ 1. Не подлежит сомнению, что сравнительно-историческое языкознание в настоящее время вступило в новую фазу своего развития. Это находит выражение в пересмотре и критике основных понятий сравнительной методики исследований: понятия генетического родства, понятия праязыка, а также границ применения сравнительно-исторического метода [1]. Существенный пересмотр понятия языкового родства внес значительные коррективы в сравнительно-историческую методику. Концепция родословного древа, подвергнутая критике еще в XIX в., в настоящее время изжита в основных направлениях современного языкознания. Понятию праязыка как исходного состояния генетически родственной группы или семьи языков была противопоставлена теория языковых союзов, плодотворно развиваемая в работах Н. С. Трубецкого [2], К. Сандфельда [3], Р. О. Якобсона [4] и ряда представителей итальянской неолингвистической школы [5]. Следует, однако, иметь в виду, что теория языковых союзов, представляющая скорее набросок или фрагмент общей теории, а не систематически разработанную концепцию, в настоящее время еще не может быть последовательно использована в сравнительном языкознании при определении степени языкового родства и выяснении причин и условий его эволюции в терминах исторической и пространственной лингвистики. Вряд ли можно также полагать, что теории языковых союзов вообще удастся элиминировать понятие праязыка и заменить его некоторой совокупностью изоглосс. Но в одном отношении теория языковых союзов уже сейчас весьма плодотворно сказывается на разработке ряда проблем сравнительного языкознания. Это находит выражение в использовании некоторых структурно-типологических критериев при анализе различных явлений исторической грамматики группы родственных языков наряду с критериями генетического порядка. Для того чтобы можно было взвесить всю важность данных критериев для сравнительного языкознания, необходимо уяснить соотношение: 1) сравнительно-исторической, 2) историко-сопоставительной, 3) типологической грамматики группы или семьи языков.

[1] Обзор литературы по данному вопросу см. в работах: A. Scherer, Der Stand der indogermanischen Sprachwissenschaft, сб. «Trends in European and American linguistics 1930—1960», Utrecht— Antwerp., 1961, стр. 225—227; J. Vendryès, La comparaison en linguistique, BSLP, XLII, 1, 1942—1945.

[2] N. S. Trubetzkoy, Gedanken über das Indogermanenproblem, AL, I, 2, Copenhague, 1939.

[3] Kr. Sandfeld, Linguistique balkanique. Problèmes et résultats, Paris, 1930.

[4] Р. О. Якобсон, К характеристике евразийского языкового союза, Париж, 1931 (перепечатана в сб.: R. Jakobson, Selected writings, 's-Gravenhage, 1962, стр. 144 и сл.).

[5] V. Pisani, Geolinguistica e Indeuropeo, Roma, 1940; G. Bonfante, Il concetto di «lega linguistica» e la sua applicazione all'indeuropeo, сб. «Indeuropeo e protostoria», Milano, 1961; V. Pisani, Concetto storico di «Indeuropeo», сб. «Indeuropeo e protostoria», стр. 16 и сл.

§ 2. Цели и задачи сравнительно-исторической грамматики ясны: на основе последовательного и систематического сравнения фонем и морфем всех языков, образующих определенную генетическую семью, устанавливать генетически исходное состояние, именуемое праязыком, и на основе принципов относительной хронологии выделять хронологические срезы, позволяющие определить наличие архаизмов или инноваций в определенном ареале или в каждом конкретном языке. Не менее важным оказывается вскрытие тенденций развития и выяснение вопроса о том, в какой мере данные тенденции восходят к исходному состоянию или являются следствием конвергентного развития отдельных представителей соответствующей семьи языков. Гораздо сложнее обстоит дело с целями и задачами историко-сопоставительной и типологической грамматики, создание которых является одной из неотложных задач сравнительно-исторического и общего языкознания.

Историко-сопоставительная грамматика родственных языков в подлинном смысле этого слова является грамматикой схождений и расхождений, наблюдаемых среди различных языков или языковых ареалов соответствующей языковой семьи. Данный тип грамматики не может и не должен давать полное описание строя всех языков, входящих в данную семью. Если бы подобная процедура имела место, исследователь располагал бы не историко-сопоставительной грамматикой, а серией грамматических очерков, лишь объединенных принадлежностью к определенной семье языков. Следовательно, вопросом первостепенной важности является отбор явлений, служащих основанием для сопоставительного анализа. Так, анализ морфологического строя родственных языков в сопоставительной грамматике наиболее эффективно можно проводить не по отдельным категориям (как, например, категория определенного члена в немецком, английском, шведском, исландском и других языках), а по морфемным полям [6]. По аналогии с семантическим полем под морфемным полем понимается известная совокупность категорий, образующая определенную структурную целостность в данном языке. Так, вышеуказанная категория определенного члена в германских языках в сопоставительной грамматике должна сополагаться с категорией прилагательного, с местоимениями и местоименными частицами в связи с суффигированным и свободно стоящим членами в ряде скандинавских языков: все эти категории втягиваются в одно морфемное поле.

При отборе явлений для сопоставительной грамматики необходимо установление инвариантов соответствующих уровней в каждом языке. Эта процедура значительно осложняется тем, что инварианты одного уровня в определенном языке могут не быть таковыми в другом языке. Можно указать, например, на различный статус дифтонгов в немецком, шведском и исландском языках: так, дифтонги *aɪ̯*, *ɔɪ̯*, *aʊ̯* в немецком языке являются составной частью фонологической системы данного языка, в то время как в шведском языке дифтонги *eʊ̯*, *aʊ̯* встречаются лишь в маргинальных фонологических системах (в иностранных и заимствованных словах). Можно указать на различие в распределении корреляции по глухости / звонкости в немецком, нидерландском и датском языках, по смычным / фрикативным в английском, фарерском и шведском языках. Не приходится оговаривать, что соотношение инвариантов и вариантов может быть различным не только в разных языках одной группы, но и в пределах одного языка в его подсистемах, например в литературном и в разговорном языке или в различных стилях речи. Таким образом, весьма

[6] В. Н. Топоров, О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа, ВЯ, 1960, 3.

важной задачей сопоставительной грамматики является решение вопроса о том, в какой мере возможно установление однозначного отношения между инвариантами одного уровня в языках одной группы или семьи. Обнаружение инвари тов каждого уровня позволит определить наиболее существенные, реле нтные признаки данного уровня, а это в свою очередь сделает возможным выделение наиболее типичных приемов моделирования конститутивных единиц и отношений между ними. Принципиальная важность данной процедуры заключается в том, что на ее основе становится возможным обнаружение конститутивных признаков не только одного определенного языка и всех представителей соответствующей генетически родственной группы языков, но одновременно, путем систематического сопоставления различных языковых групп и семей, постепенно обеспечивается возможность установления известного набора конститутивных признаков языка вообще, что имеет первостепенное значение для разработки языковой типологии, типологической классификации языков, диахронической типологии, а также для постановки вопроса о создании констант для построения универсальной грамматики языка.

Как для сопоставительной, так и для типологической грамматики (при этом в еще большей степени) существенно важным оказывается установление таких констант, которые могут претендовать на общеязыковую или универсальную значимость. Выявление и отбор подобных констант является неотложной задачей общего языкознания. Можно полагать, что в недалеком будущем исследователи будут располагать своего рода индексами, в которых будут сведены и обобщены эмпирические наблюдения, охватывающие все до сих пор известные и описанные языки, о всех возможных конфигурациях языковых единиц разных уровней, об их дистрибуции и сочетаемости, об их частотности и ограничениях, налагаемых на их аранжировку. Одним из путей для решения данной задачи является составление многочисленных *ареальных* атласов разных уровней языка (фонологических, морфологических, синтагматических, лексических), в которых отмечаются изофоны, изоморфы, изолексемы и изосинтагмы, охватывающие ряд генетически родственных языков или ряд языков и языковых групп, образующих определенный языковой союз. Подобные атласы, необходимость создания которых еще в 30-х годах обосновывалась Н. Трубецким, Р. Якобсоном и другими исследователями, позволят выявить не только пространственное распределение различных конститутивных единиц и их дифференциальных признаков, но одновременно они помогут установить *идентичные* приемы структурирования данных единиц в различных языковых ареалах. Наличие вышеуказанных индексов (наподобие, например, известного индекса сказочных сюжетов, составленного Аарне) значительно облегчит задачу построения универсальной грамматики языка, которая, как нам представляется, впервые поможет вскрыть тот несомненный факт, что все языки мира, при всех их огромных различиях и неповторимых путях развития, в *конечном счете* идентично структурированы или в известной мере идентично используют возможности самого языкового материала.

§ 3. В одном отношении сопоставительная грамматика родственных языков как бы копирует сравнительно-историческую грамматику: направление сравнительно-исторической грамматики — ретроспективное (установление общей исходной модели структурных единиц разных уровней, т. е. реконструкция архетипов). Направление сопоставительной грамматики — проспективное: установление общей конечной модели единиц данного уровня для всей группы языков (общегерманская, общерманская, общеславянская и т. д. модели). Выявление и описание подобных общих моделей предполагает нахождение и отбор общих данной груп-

не языков констант разных уровней. Эта процедура позволит отделить те явления, которые генетически восходят к исходному для данной группы языков состоянию, от явлений, возникших в результате параллельного, но независимого развития в каждом отдельном языке или различных ареалах соответствующей группы языков [7]. Можно указать, например, на процесс дифтонгизации долгих гласных в немецком, нидерландском, английском, исландском и фарерском языках, приводящий к сходным результатам, но протекающий параллельно и независимо в каждом из указанных языков. В ряде случаев может наблюдаться переплетение двух тенденций и не всегда представляется возможным указать на то, имеет ли исследователь дело с генетически исходным состоянием или с конвергентным развитием; ср., например, двухтипную модель структуры слога во всех современных германских языках, пришедшую на смену древнегерманской четырехтипной модели [т. е. наличие следующих четырех типов слоговой структуры: 1) краткий гласный + краткий согласный; 2) краткий гласный + долгий согласный; 3) долгий гласный + краткий согласный; 4) долгий гласный + долгий согласный; ср. в др.-исл. *at* «при, к, у»; *att* «род»; *át* — прошедшее время глагола *eta* «есть»; *átt* «род»], предпосылки к чему уже были заложены в общегерманском состоянии, но сам процесс замены одного типа структуры слога другим типом протекал параллельно в разных германских языках. Важность данной процедуры заключается также в том, что она позволит с точки зрения пространственной лингвистики определить изоглоссы разных уровней языка, охватывающие один или несколько ареалов данной группы языков и являющиеся либо архаизмами, либо инновациями соответствующих ареалов. Именно с этой точки зрения представляет несомненный интерес работа Дж. Бонфанте о румынском языке, в которой автор приходит к несколько неожиданному выводу о том, что анализ некоторых слоев лексики румынского языка позволяет заключить, что румынский язык по своей структуре является в большей степени латинским языком, чем английский и немецкий являются германскими языками [8]. В другой работе Дж. Бонфанте, применяя те же критерии и полагая, что в румынском языке имеются и архаизмы, и инновации, заключает, что данный язык из всех романских языков ближе всего стоит к итальянскому языку [9].

В дальнейшем возможно и методически целесообразно соположение исходной и конечной моделей, например, сравнение двух моделей видовременной структуры германского глагола в общегерманском и в современных германских языках. Еще более инструктивно соположение двух моделей: исходной и конечной в таких языках, где праязык исторически засвидетельствован, как, например, в романских языках. В качестве образца подобной методики можно указать на сопоставительный анализ латинских и романских предложных конструкций, произведенный Б. Поттье [10]. Заслуживает внимания вопрос о том, в каких лингвистических терминах следует давать сопоставительное описание всех языков соответствующей группы или семьи. Многозначность, а порой и двусмысленность таких терминов, как «перфект», «претерито-презентный глагол»

---

[7] A. Meillet, Convergence des développements linguistiques, в его кн.: «Linguistique historique et linguistique générale», Paris, 1948, стр. 61 и сл.

[8] G. Bonfante, Sur la «latinité» du roumain, «Acta philologica [Societatis Academiae Daco-Romanae]», II, Roma, 1959, стр. 191 и сл.

[9] G. Bonfante, La place du roumain parmi les langues romanes, «Revue des études roumaines», VII—VIII («Actes du premier cycle des journées d'études roumaines, 24—26 janvier 1959»), Paris, 1961, стр. 251—256.

[10] B. Pottier, Systématique des éléments de relation. Etude de morphosyntaxe structurale romane, Paris, 1962, стр. 267 и сл.

и др. по отношению к современным германским языкам, указывает на необходимость использования своего рода мета-языка, избираемого исследователем, или требует соответствующей переформулировки существующей терминологии, отвечающей адекватности описания не одного, а всех представителей данной группы языков.

Полученная таким образом картина явится лишь исчерпывающей структурной характеристикой соответствующей группы языков. Лишь после того, как структурную модель группы родственных языков можно будет соотнести со структурной моделью различных индоевропейских и неиндоевропейских языков (например, модель германских и кельтских языков — с одной стороны, модель германских и финских языков — с другой стороны), что наиболее рационально проводить на основе установления типологического тождества, станет правомочной постановка вопроса о типологических особенностях, о типологической характеристике определенной группы языков. Лишенная иноструктурной соотнесенности, вышеописанная процедура анализа группы родственных языков будет только структурной, а не типологической характеристикой данной группы языков. Типология определенной группы языков начинается там и тогда, когда выходят за их пределы.

Большой теоретический интерес представляет предлагаемая некоторыми исследователями [11] в виде рабочей гипотезы методика установления языка-эталона определенной группы языков, в котором в идеальной форме будет дано соотношение элементов плана выражения и плана содержания; по отношению к языку-эталону отдельные системы родственных языков предстанут как частичные реализации данного эталона. Не подлежит сомнению, что потенциальные возможности системного восполнения и его фактическая реализация часто не будут покрывать друг друга, а наличие пустых клеток подсистем разных уровней явится одним из конститутивных признаков общей структурной характеристики определенной группы языков.

§ 4. Историко-сопоставительная грамматика родственных языков является в известном отношении подготовительным этапом для построения структурно-типологической грамматики родственных языков [12]. Сопоставительная грамматика как бы перебрасывает мост от сравнительной к типологической грамматике. Данный тип грамматики, даже контуры которой обрисовываются весьма неотчетливо, имеет одной из своих задач определение того, в какой мере данное явление в том или ином языке или в языковой группе в целом отвечает или не отвечает всей типологии или всем структурным потенциям того языкового ареала, к которому относится данная языковая семья.

Кроме того, не менее важным является установление того, в какой мере модели определенной группы или семьи языков соотносятся с моделями других языковых семей и, насколько это в настоящее время представляется возможным, с универсалиями или конститутивными единицами универсальной грамматики. Тем самым масштабы типологической грамматики определенной группы языков не могут не определяться зависи-

---

[11] З. М. Волоцкая, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева, И. И. Ревзин, Т. В. Цивьян, Об одном подходе к типологии славянских языков, сб. «Славянское языкознание», М., 1963, стр. 515 и с.

[12] Некоторые предварительные замечания содержатся в работах: P. Hartmann, Zur Typologie des Indogermanischen, Heidelberg, 1956; его же, Zur Erforschung von Sprachtypen: Methoden und Anwendungen, сб. «II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft», Innsbruck, 1962, стр. 31 и сл.; E. Lewy, Kleine Schriften, Berlin, 1961, стр. 21—41, 65—67, 77—83, 284—286, 297—301, 330—346, 689—693, 697—702.

мостью от набора признаков, которые можно приписать универсальной грамматике. В этом смысле типологическая грамматика оказывается как бы срезом общеязыковой типологии, замкнутым определенными пространственными или (если речь идет о диахронической типологии) временными границами. Следовательно, определенное явление того или иного уровня языка данной языковой семьи может быть возведено в ранг типологической характеристики лишь в том случае, когда оно будет соотнесено не только с идентичными явлениями в других языковых семьях, но и с соответствующими индексами или конститутивными единицами постулируемой универсальной грамматики, что позволит определить м е с т о данного явления в общеязыковой типологии или позволит говорить о типологической иерархии.

Подобная предлагаемая процедура имеет, как нам представляется, большое значение не только для самой типологической, но одновременно и для сопоставительной, и для сравнительной грамматики соответствующей семьи языков, ибо она дает возможность более строгого и объективного определения того, что́ следует приписать развертыванию исконных моделей определенной семьи языков, что́ следует рассматривать как параллельное, но независимое развитие в нескольких языковых группах и что́ является иноструктурной моделью в данной семье языков, лишь от отображающей фрагмент общеязыковой типологии.

Так, только типологическая грамматика в состоянии решить вопрос о том, являются ли некоторые приемы суффигирования в исландском языке (например, др.-исл. *ákka* < **á + ek + á* «я не имею»; *þikkak* < < ** þigg + ek + a + ek* «я не принимаю»; *mákak* < ** má + ek + a + ek* «я не могу»), наличие так называемых преаспирированных согласных в современном исландском языке, употребление дат. падежа прямого дополнения при некоторых разрядах глаголов в готском и других германских языках, особенности в употреблении безличных оборотов в исландском языке [ср. др.-исл. *velkði þá lengi i hafi* «их долго носило море»; *skilði með þeim* «их разлучило», т. е. «они расстались»; *rak hana yfir fjǫrðinn* «ее погнало (волнами) через фьорд», ср. в современном исландском языке: *honum dvelst* «он долго отсутствует; его долго нет»; *honum ferst vel við mig* «он хорошо поступил со мной»; *skipinu barst* «судно потерпело крушение»]— собственно германской и индоевропейской моделью или данные структурные типы следует рассматривать как иноструктурную модель в соответствующих языках. Ответ на данный вопрос может быть дан, с одной стороны, на основе данных, почерпнутых из сравнительной и историко-сопоставительной грамматики родственных языков; с другой стороны — на основе соположения определенной модели с соответствующими ей моделями в иноструктурных языках.

Эффективность и доказательность подобного соположения в значительной степени зависят от решения вопроса о том, в какой степени сравниваемые конструкции являются изолированными и, с точки зрения трансформационной грамматики, находятся в однозначном отношении друг к другу. Для этого необходимо выяснить понятие типологического тождества. Две сопоставляемые конструкции являются типологически тождественными лишь в том случае, если они при прочих равных условиях обнаруживают функциональное тождество. Так, конструкции «субъект при переходном глаголе» в перспективной форме в хинди и в древнеармянском языке функционально тождественны: ср. в хинди *Lərka bylli dekhta həy* «Мальчик видит кошку», но *Lərke-ne bylli dekhi həy* «Мальчик увидел кошку»[13]. Ср. в древнеармянском в перифрастических формах пере-

[13] W. S. A l l e n, A study in the analysis of Hindi sentence-structure, AL, VI, 2—3, Copenhague, 1950—1951, стр. 68 и сл.

ходного глагола в прошедшем времени употребление субъекта не в им., а в род. падеже: *Oč zgirn zayniçē əntherçeal jer?* «Неужели вы не читали сего в Писании?», *Arkeal ēr noça ouŕkans i ç'ov* «Они закинули сети в море»[14]. Главным здесь оказывается принцип «при прочих равных условиях». В противном случае речь может идти лишь о поверхностном, мнимом сходстве сопоставляемых конструкций, но не об их функциональном тождестве. Так, Г. Нандриш показывает, что тождественность сопоставления конструкции «глагол + *a*» при одушевленном объекте в испанском языке и конструкции «глагол + *pe*» в румынском языке является мнимой, ибо данные конструкции не сопоставимы ни генетически, ни типологически[15].

Понятие функционального тождества включает в себя в качестве обязательного признака тождество фономорфологического и морфосинтаксического или морфосемантического окружения. В противном случае речь может идти о случайно созвучных типологических параллелях, отдельно взятых признаках, обнаруживающих мнимое сходство, но ничего не дающих типологической характеристике языка. Именно подобного рода типологические параллели всегда были излюбленным занятием языковедов, упражнявшихся в построении языковой типологии. В качестве яркого примера подобных типологических упражнений можно указать на работу Э. Локера «Древнейшие языковые пласты Западной Европы», в которой автор на основе таких случайно подобранных параллелей, как употребление подлежащего при глаголе, особенности в системе счета, употребление «смотри» в смысле «вот», употребление условных придаточных предложений + глагольная форма прошедшего времени в индикативе и пр., приходит к выводу о типологической близости французского и некоторых африканских языков[16].

Не менее уязвимыми являются типологические характеристики А. Кюльстра и Х. Вагнера. В работе А. Кюльстра делается попытка обнаружить элементы «арктической» языковой типологии и следы «арктического» субстрата в скандинавских языках[17]. Так, А. Кюльстра объясняет характерное только для скандинавских языков употребление постпозитивного члена на основе типичных для финно-угорских языков постпозитивных элементов, в чем он усматривает «арктическую» языковую типологию. Х. Вагнер оперирует славяно-кавказскими типологическими параллелями при объяснении перфектирующих глаголов с префиксами в германских языках[18]. Наиболее показательной в этом отношении является известная монография Э. Леви «Структура европейских языков», в которой автор приходит к выводу о наличии атлантической языковой типологии на основе самых разнообразных структурных черт различных уровней целого ряда индоевропейских и неиндоевропей-

---

[14] H. Jensen, Altarmenische Grammatik, Heidelberg, 1959, стр. 135; о данной конструкции в армянском и в других индоевропейских языках см. в работах: E. Benveniste, Sur la phonétique et la syntaxe de l'arménien classique, BSLP, LIV, 1, 1959, стр. 57 и сл.; K. H. Schmidt, Zum Agens beim Passiv. IF, 68, 1, 1963, стр. 8 и сл.; W. Krause, W. Thomas, Tocharisches Elementarbuch, I, Heidelberg, 1960, стр. 82—83.

[15] G. Nandriš, Sur l'accusatif prépositionnel en roumain (un calque slave), «Mélanges M. Roques», III, Paris, 1952, стр. 159 и сл.

[16] E. Locker, Die ältesten Sprachschichten Westeuropas, «Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften», Philos.-Hist. Klasse, CCXL, 5, Wien, 1962.

[17] A. D. Kylstra, Substraatinfloed in het oudnoors?, Groningen, 1962.

[18] H. Wagner, Die sprachgeographische Stellung des Germanischen und der germanischen Sprachen, Utrecht, 1951, стр. 8; его же, Das Verbum in den Sprachen der britischen Inseln, Tübingen, 1959, стр. 241 и сл.

ских языков Европы[19]. Э. Леви перечисляет такие типологические особенности, как развитие глагольности, наличие относительных частиц, наличие абсолютных конструкций, наличие согласования, артикля, чередований типа $n \rightarrow r$ (ср. баскск. *anima* ~ *arima*, ирл. *knok* ~ *krok*) и пр.

Не может не броситься в глаза случайный и по сути дела ничем не мотивированный подбор подобных структурных признаков, которые могут встретиться в любой конфигурации и которые в своей совокупности не ведут к созданию определенной языковой типологии. Вопрос заключается, с нашей точки зрения, в том, что необходимо прежде всего определение самих структурно-типологических признаков, которые в терминах пространственной лингвистики можно было бы назвать типологическими изоглоссами, установление их иерархии и их внутрисистемных отношений в определенном языке или в соответствующей группе языков. По аналогии с лингвистической географией в типологической грамматике можно было бы говорить о таких пучках типологических изоглосс, которые образуют определенный структурный тип того или иного уровня языка.

Следовательно, лишь после того, как будет обнаружено наличие определенных пучков типологических изоглосс, являющихся общими для финно-угорских (или, возможно, алтайских и германских языков), правомерной и своевременной станет постановка вопроса о наличии арктического субстрата в германских языках. Очевидно, что пучок типологических изоглосс может слагаться из некоторого набора конститутивных признаков одного или нескольких уровней языка. Возможно, что углубленный анализ внутрисистемных отношений между конститутивными единицами одного определенного уровня языка при строгом соблюдении принципа иерархии позволит в дальнейшем наметить некую типологическую доминанту разных подсистем одного уровня языка, которая затем сможет стать составной частью определенного пучка типологических изоглосс.

Установление известной иерархии типологических изоглосс позволит в значительной мере избавиться от произвольных и субъективных выводов при причислении соответствующего языка к определенной языковой типологии. В качестве одной из многих иллюстраций можно указать на исландский язык, который большинством исследователей рассматривается как классический представитель германских языков, лучше всего сохранивший структурный облик германских языков, в то время как П. Хенри и Ю. Покорный полагают, что исландский язык вовсе не является типичным скандинавским языком и в нем следует усматривать кельто-германский смешанный язык[20].

§ 5. Следует проводить существенное различие между: 1) типологическим сравнением родственных и неродственных языков на основе установления типологического тождества сравниваемых конструкций и 2) привлечением материала самых разнообразных языков при объяснении определенной конструкции в соответствующей группе языков, позволяющим более рельефно оттенить данный структурный тип и подчас объяснить причины и условия его трансформации. Определенное направление развития соответствующего явления в одном языке вовсе не является обязательным и тождественным в другом языке, но оно может в известной степени бросить свет на выявление условий преобразования данного явле-

[19] E. Lewy, Der Bau der europäischen Sprachen, «Proceedings of the Royal Irish academy», XLVIII, section C, № 2, Dublin, 1942, стр. 87 и сл.

[20] P. D. Henry, The Irish substantival system and its reflexes in Anglo-Irish and English, «Zeitschr. für keltische Philologie», XXVIII, 1960, стр. 19 и сл.; J. Pokorny, Die Sprachen der vorkeltischen Bewohner Nordwesteuropas, сб. «II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft», стр. 137 и сл.

ния в изучаемом языке. Так, можно указать на В. Краузе, который именно в вышеуказанном смысле привлекает данные венгерского и финского языков при анализе пассива и каузатива в индоевропейских языках[21]. Ж. Фурке приходит к выводу, что изучение подобных аналогичных путей развития в различных языках позволяет объяснить инновации в изучаемом языке и что оно является «тем вторым типом сравнительного изучения языка, создание которого еще является делом будущего»[22].

§ 6. Проблема установления типологического тождества соответствующих конструкций включает в себя в качестве одной из задач выяснение того, что́ в соответствующих типологических тождествах (например, преаспирированные согласные в некоторых скандинавских и кельтских языках, эргатив в некоторых индийских, иранских и кавказских языках, система двадцатиричного счета в некоторых иранских и кельтских языках с реликтами в романских и германских языках и пр.) является следствием возможных субстратных воздействий (например, кельтский субстрат в романских языках, этрусский субстрат в италийских языках, финно-угорский субстрат в славянских языках, дравидский субстрат в индийских языках и пр.) и что́ является лишь завершением тенденций в структурном оформлении соответствующего явления в определенном языке или языковой группе, т. е. то, что может быть приписано конвергентности развития в двух или в нескольких языках. В качестве примера можно указать на двоякое оформление verbum substantivum в испанском и португальском языках (исп. *ser* и *estar*), в кельтских языках (ирл. *is* и *tá*) и в берберском языке, в чем Ю. Покорный категорически усматривает доиндогерманский, африканский субстрат[23] и в чем с тем же основанием можно усмотреть параллелизм в оформлении данной конструкции в указанных языках.

Таким образом, для построения типологической грамматики весьма существенным оказывается установление и отбор на основе принципа иерархии типологических констант или типологических изоглосс всех уровней языка, позволяющих в своей совокупности выявить соотношение таких языковых признаков, которые разделяются всеми или большинством языков, и таких признаков, которые свойственны лишь нескольким языкам (или даже одному языку), что и позволяет определить структурный облик соответствующего языка. Следовательно, если историко-сопоставительная грамматика перебрасывает мост от сравнительной к типологической грамматике, то последняя является предварительным этапом к построению универсальной грамматики языка. В этой связи обращает на себя внимание отличие современной методики типологических исследований от типологических построений XIX в. В настоящее время исследователи стараются типологически охарактеризовать не какой-либо язык в целом, а отдельные подсистемы или уровни языка[24]. Прямым следствием этого является обнаружение в одном и том же языке большого числа перекрещивающихся типологических признаков разных уровней, позволяющее причислить соответствующий язык одновременно к нескольким типологическим классификационным схемам. Данная методика исследований, характерная для Э. Сепира и детально обоснованная Дж.

---

[21] W. Krause, Handeln und Leiden im Spiegel der Sprache «Forschungen und Fortschritte», XXXIV, 5, 1960, стр. 145 и сл.

[22] J. Fourquet, Germanique *skulum*, *munum* et la classification des prétérits forts, сб. «Festgabe für L. L. Hammerich. Aus Anlass seines siebzigsten Geburtstags», Kopenhagen, 1962, стр. 68.

[23] J. Pokorny, указ. соч., стр. 133.

[24] См. об этом: C. F. Voegelin, Subsystems within systems in cultural und linguistic typologies, сб. «For R. Jakobson», The Hague, 1956, стр. 592 и сл.

Гринбергом, более отвечает состоянию и задачам современного языкознания, чем традиционная морфологическая классификация, и поэтому проблема может быть сформулирована следующим образом: описать типологически определенный язык означает прежде всего типологически описать его отдельные уровни.

§ 7. Типологическая грамматика может значительно обогатить и расширить горизонты сравнительной грамматики родственных языков. В сравнительном языкознании типологические исследования особенно важны для анализа следующих проблем: 1) выявление глоттогонических проблем; 2) определение конвергентности развития определенных явлений в различных языках; 3) разграничение конвергентности развития и последствий субстратных воздействий. Более пристального внимания заслуживает первый круг проблем. Современный этап развития сравнительного языкознания характеризуется, между прочим, тем, что широкое применение приемов внутренней реконструкции, позволяющей значительно углубить доисторическую перспективу развития и трансформации различных явлений языка, позволило включить глоттогоническую проблематику (при этом на иных основаниях, чем то было принято в первой половине XIX в.) в область сравнительной грамматики. «Вынесение за скобки» глоттогонической проблематики в индоевропейском сравнительном языкознании, кодифицированное младограмматиками в 70-х годах XIX в., следует считать в настоящее время отжившей свой век методикой сравнительных исследований. Но именно здесь особенно ощутима плодотворность применения методики типологических исследований. Вопрос о реальности, большей или меньшей степени вероятности общеиндоевропейских реконструкций должен решаться на основе соображений, почерпнутых из сравнительного и типологического анализа соответствующих явлений. Так, вопрос о реальности и оперативности восстановления десяти ларингальных фонем для протоиндоевропейского состояния, как это постулируется А. Мартине [25], может быть разрешен в конечном счете лишь типологической грамматикой. То же замечание относится к постулированию Х. Хиртом неопределенной основы или casus indefinitus для протоиндоевропейского состояния [26]. Г. Хирт, как известно, в данном случае был вдохновлен «Якутской грамматикой» О. Н. Бётлинга. Того же плана проблема сведения протоиндоевропейского вокализма к одной фонеме или силлабеме, постулируемого многими представителями ларингальной теории. Того же плана и остающийся до сих пор весьма дискуссионным вопрос о реальности постулирования для протоиндоевропейского состояния корней, которые могли самостоятельно функционировать в лексическом и грамматическом плане[27].

В заключение необходимо указать на то, что нигилистическое отношение к сравнительно-историческому языкознанию, особенно к проблеме

[25] A. Martinet, Les «laryngales» indo-européenes, «Proceedings of the VIII International congress of linguists», Oslo, 1958, стр. 36 и сл.; критические замечания содержатся в работе: F. R. Adrados, Estudios sobre las laringales indoeuropeas, Madrid, 1961, стр. 9—15.

[26] H. Hirt, Indogermanische Grammatik, Tl. III — Das Nomen, Heidelberg, 1927, стр. 39.

[27] R. Jakobson, Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics, «Reports for the VIII International congress of linguists», Suppl. Oslo, 1957, стр. 9; см. также: O. J. L. Szemerényi, Trends and tasks in comparative philology, London, 1962, стр. 10—11; H. Velten, Hedgehogs versus foxes in comparative linguistics, сб. «For. R. Jakobson», стр. 585—587; H. Kronasser, Die Nasalpräsentia und Kretschmers Objektive Konjugation im Indogermanischen, «Sitzungsberichte [der Österreichischen Akademie der Wissenschaften]», Philos.-Hist. klasse, CCXXXV, 2, Wien, 1960, стр. 20 и сл.

языкового родства, со стороны некоторых языковедов, особенно четко заявившее о себе в работе В. Аллена [28], не оправдывается состоянием и задачами сравнительного языкознания середины XX в. Описание, сравнение и анализ языковых явлений и языков в терминах теории языковых союзов или типологической грамматики не может ни отменить, ни заменить сравнительно-исторический анализ соответствующих явлений и языков. В настоящее время речь может идти о том, каким образом и в каком объеме сравнительное языкознание может и должно быть дополнено, уточнено и частично переформулировано с точки зрения современного уровня методики лингвистических исследований, и как раз здесь типологической грамматике должно быть отведено подобающее место. Взаимодействие сравнительно-исторической и типологической методики исследований особенно ярко сказывается в историко-типологической грамматике определенной языковой группы, но это составляет предмет моей другой работы.

---

[28] W. S. Allen, Relationship in comparative linguistics, «Transactions of the Philological society», Oxford, 1953, стр. 52—108; см. также: C. E. Bazell, Linguistic typology, London, 1958; N. E. Collinge, Some reflexions on comparative historical syntax, «Archivum linguisticum», XII, 2, стр. 79 и сл.; Т. Милевский, Предпосылки типологического языкознания, сб. «Исследования по структурной типологии», М., 1963.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1964

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. А. ЗАЛИЗНЯК

«УСЛОВНОЕ УДАРЕНИЕ» В РУССКОМ СЛОВОИЗМЕНЕНИИ

Полная классификация парадигм всех формообразующих русских слов должна строиться на следующих главных признаках парадигмы: 1) устройство парадигмы, т. е. набор представленных в ней грамматических значений и, соответственно, число и внутренняя организация входящих в нее словоформ; 2) набор окончаний; 3) устройство основы, т. е. количество и характер вариантов основы и их распределение по словоформам; 4) место ударения в каждой словоформе парадигмы.

В настоящей работе рассматриваются вопросы, связанные с построением последней из этих характеристик. В качестве материала взяты существительные с полной парадигмой. Этого материала достаточно для выяснения вопросов принципиального характера [1].

Объем рассмотренного материала — все существительные с полной парадигмой, входящие в словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» [2]. Существительное считается имеющим полную парадигму, если по данным «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова оно имеет полный набор словоформ хотя бы в одном из своих значений. Во всех случаях учитывается только нормативное ударение. Слова рассматриваются в письменной форме (но с указанием места ударения).

Предполагается, что каждая словоформа разделена на основу и окончание. Разумеется, чтобы однозначно указать, как именно производится это разделение, необходимо было бы привести здесь полный алгоритм выделения основы в произвольной словоформе. Поскольку, однако, этот алгоритм слишком громоздок, приходится пожертвовать корректностью и ограничиться здесь указанием способа разделения на образцах всех различных с этой точки зрения типов склонения существительных (у слов с единой основой способ выделения основы показан на исходной словоформе; при наличии нескольких основ приводится по одной словоформе на каждый вид основы): *стол-*, *стен-á*, *дóл-о*; *кон-ь*, *пýл-я*, *мóр-е*; *бо-й*, *стá-я*, *здáни-е*; *ручé-й* (*ручь-я́*), *стать-я́* (*статé-й*), *ущéль-е* (*ущéли-й*); *мыш-ь*; *муж-*, *сын-* (*сынов-ья́*), *звен-б*; *мат-ь* (*мáтер-и*), *úм-я* (*úмен-и*), *дит-я́* (*дитя́т-и*, *дéт-и*); *нéб-о* (*небес-á*); *телёнок-* (*телёнк-а*, *теля́т-а*), *славянúн-* (*славя́н-е*), *хозя́ин-* (*хозя́ев-а*); *часов-бй*, *столóв-ая*. Словоформа *лю́ди* рассматривается как мн. число от *человéк*, а словоформа *дéти* — как мн. число от *ребёнок* и от *дитя́*.

---

[1] Опыт практического построения правил определения места ударения в любой словоформе любого склоняемого слова см. в статье: А. А. Зализняк, Ударение в современном русском склонении, «Р. яз. в нац. шк.», 1963, 2 (далее — «Ударение...»).

[2] «Русское литературное произношение и ударение». Словарь-справочник под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, М., 1959 (далее — АО).

Все словоформы вин. падежа мн. числа из рассмотрения исключаются; таким образом, каждая парадигма считается состоящей из 11 (а не из 12) словоформ; кроме того, не рассматриваются формы так называемых «2-го родительного» и «2-го предложного» падежей [3].

Построение акцентуационной характеристики отдельной парадигмы. Опыт показывает, что простейший на первый взгляд способ учитывать место ударения в словоформе — учет номера ударного слога (считая от начала или от конца словоформы) — приводит к весьма сложному описанию и к неестественному, с точки зрения лингвистической интуиции, объединению парадигм в группы.

Наиболее целесообразным оказывается следующий менее прямолинейный способ описания:

1. Вначале место ударения в словоформе учитывается огрубленно — с точностью до главного морфологического компонента (основы или окончания). Признак «огрубленно учитываемое место ударения» (в дальнейшем просто «место ударения») может принимать два значения: «ударение на основе» (обозначим его плюсом) и «ударение на окончании» (обозначим его минусом). Запись, показывающую, в каких словоформах парадигмы ударение падает на основу и в каких на окончание, мы будем называть схемой ударения этой парадигмы [4]. Например, слово *мóре* имеет следующую схему ударения: «в ед. числе на основе, во мн. числе на окончании». Если приписать 11 грамматическим значениям постоянные номера, то схему ударения можно представить как 11-местную строку из плюсов и минусов.

2. Далее составляются правила, позволяющие по схеме ударения и по указанию ударного слога в исходной (т. е. словарной) словоформе определить, на какой именно слог падает ударение в каждой из остальных словоформ парадигмы. Поскольку эти правила являются общими для всех парадигм, они не должны включаться в акцентуационную характеристику отдельной парадигмы. Эта характеристика складывается при таком способе описания всего из двух частей: 1) схема ударения; 2) указание ударного слога в исходной словоформе.

Ниже рассматривается первая часть этой программы описания (вопрос о схемах ударения) [5].

Словоформы с неслоговым компонентом. Поскольку каждая словоформа разделена на основу и окончание и акцентуирована, установить схему ударения любой парадигмы не составляет труда. Привлекает особое внимание тот случай, когда один из морфологических компонентов словоформы не содержит гласной. Например, словоформа *сн-ы* имеет неслоговую основу, словоформа *стол* — неслоговое (а именно, нулевое) окончание. Разумеется, и в этих случаях нет формальных затруднений в определении места ударения. Однако ответ на вопрос о месте ударения предопределен здесь буквенным составом компонентов (в отличие, например, от словоформ типа *зеркал-а*, *рыб-а*, где в принципе возможны два ответа). Можно сказать, что признак «место ударения» в таких случаях нейтрализован. Целесообразно проверить, не следует ли при составлении схем ударения трактовать указанные случаи каким-то особым образом.

---

[3] См. об этом: «Ударение...», стр. 8—9.

[4] В акцентологической литературе для этого понятия обычно используется термин «акцентуационная парадигма», который здесь был бы неудобен из-за сочетаний типа «акцентуационная парадигма данной парадигмы».

[5] Вопрос об определении ударного слога в неисходных словоформах парадигмы рассмотрен в работе «Ударение...», стр. 19—20.

При описании ударения в словоформах типа *сны* или *стол* возможны, по-видимому, три типа решений.

Р е ш е н и е 1. Учитывается только действительное место ударения (т. е. нейтрализация не принимается во внимание и словоформы типа *сны*, *стол* не получают никакой особой трактовки). Схема ударения состоит в этом случае из плюсов и минусов, отражающих действительное ударение каждой словоформы.

Р е ш е н и е 2. В дополнение к двум имеющимся значениям признака «место ударения» вводится еще одно значение, а именно: «ударение нейтрализовано» (его можно обозначить нулем). Оно приписывается как словоформам типа *сны*, так и словоформам типа *стол*. Схема ударения состоит в этом случае из знаков трех родов (+, —, 0). Ударению, учитываемому в соответствии с решением 2, мы дадим рабочее название «функционального».

Р е ш е́ н и е 3. Каждой словоформе с нейтрализованным ударением приписывается одно из двух определенных значений рассматриваемого признака («ударение на основе» или «ударение на окончании»), но не в соответствии с действительным положением ударения, а по некоторому специально составляемому правилу. Ударение, приписанное словоформе по этому правилу, будем называть у с л о в н ы м (в отличие от ударения в обычном смысле слова, которое будем называть д е й с т в и т е л ь н ы м). Таким образом, в схеме ударения для словоформ с обоими слоговыми компонентами должно быть указано действительное ударение, а для словоформ с одним несложовым компонентом — условное. Поскольку, однако, такое неединообразие неудобно с формальной точки зрения, будем считать, что условное ударение имеют все без исключения словоформы, но у тех словоформ, где оба компонента слоговые, условное ударение совпадает с действительным. Схема ударения при данном типе решения, как и при решении 1, состоит только из плюсов и минусов, но каждый из них отражает условное, а не действительное ударение соответствующей словоформы [6].

Выбор наилучшего решения. Целесообразно принять следующий критерий: лучшим является то решение, при котором общее число различных схем ударения (в данном случае в склонении существительных) является н а и м е н ь ш и м. Сравним перечисленные выше типы решения с точки зрения этого критерия. Вначале сравним решения 1 и 2.

[6] В существующих описаниях русского ударения избрано либо решение 1, либо решение 3 (решение 1 более характерно для зарубежных русистов). Пример решения 1: «Слова типа *стол—столá* с п о д в и ж н ы м ударением, падающим в им. (вин.) падеже ед. числа на основу, во всех остальных падежах на окончание» (А. В. И с а ч е н к о, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. 1, Братислава, 1954, стр. 177. Сходные формулировки см. в кн.: G. D a v y d o f f, P. P a u l i a t, Précis d'accentuation russe, Paris, 1959; V. K i p a r s k y, Der Wortakzent der russischen Schriftsprache, Heidelberg, 1962, и др.). Основной принцип решения 3 наиболее явно сформулирован Р. И. Аванесовым: «Различие в месте ударения в подобных случаях (*полк — полкá, местá — мест, нёс — несла́* и т. д.) не имеет грамматического значения, поскольку оно вынужденное, обусловленное отсутствием окончания в одной из форм слова. Поэтому ударение в них с грамматической точки зрения следует квалифицировать как неподвижное» (Р. И. А в а н е с о в, Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956, стр. 73). В ряде описаний, в частности в академической грамматике, решение 3 используется в неявном виде. При этом отсутствие четких формулировок и специального термина для «условного ударения» часто приводит к непоследовательности. Например, в академической грамматике можно найти, с одной стороны, формулировки типа: «имена существительные среднего рода с ударением, переходящим во в с е х формах множественного числа с основы на окончание, . . . например: *обйско, дёло*, . . .» (I, § 264; здесь слово «ударение» означает условное ударение), с другой стороны, и такие формулировки: «имена существительные с устойчивым ударением на окончании во всех падежных формах, имеющих окончание» (I, § 278. 4; здесь слово «ударение» означает действительное ударение).

В русском языке нетрудно найти пару существительных с одинаковой схемой действительного ударения, но разными схемами функционального ударения: ср., например, слова *ю́ноша* и *ка́рта* (разное функциональное ударение в Р. мн.). Возможно, правда, и обратное соотношение; так, слова *шоссе́* и *сон* имеют одинаковую схему функционального ударения (из одних нулей), но разные схемы действительного ударения. Случаев первого типа много больше; поэтому число схем функционального ударения должно превысить число схем действительного ударения. Полное обследование материала (подробнее см. ниже) показывает, что общее число схем ударения при решении 1 составляет 23, а при решении 2 — 39.

Покажем теперь, что среди решений третьего типа можно найти такие, при которых общее число схем ударения будет еще меньше, чем при решении 1. Примем, например, следующий алгоритм приписывания условного ударения: 1) словоформам род. падежа мн. числа с неслоговым окончанием у слов, имеющих во всех прочих словоформах действительное ударение на окончании (т. е. у слов типа *чертá*), приписывается условное ударение на окончании; 2) всем прочим словоформам приписывается условное ударение, совпадающее с действительным. С точки зрения решения 1 слова типа *чертá* имеют схему ударения «на окончании во всех словоформах, кроме Р. мн.». При этом никакие другие слова к данной схеме не относятся, поскольку слов с таким же распределением действительного ударения, но со слоговым окончанием в Р. мн. в русском языке нет. В принятом варианте решения 3 все слова типа *чертá* получат схему ударения «на окончании во всей парадигме», т. е. такую же, как слова *ступня́*, *бахча́*, *очкó* и т. д.; во всем остальном это решение не отличается от решения 1. Это значит, что общее число разных схем ударения в данном варианте решения 3 на единицу меньше, чем при решении 1.

Таким образом, из трех основных типов решения наилучший результат может дать (при достаточно удачном выборе алгоритма приписывания условного ударения) решение 3. Задача сводится к тому, чтобы выбрать *наилучший вариант решения* 3, т. е. найти такой *алгоритм приписывания* условного ударения, который даст минимальное общее число схем ударения (разумеется, такой алгоритм может оказаться не единственным).

Как мы видели, условное ударение может быть приписано произвольно только словоформам с неслоговым компонентом, т. е. тем и только тем, которые при решении 2 получают значение 0. Отсюда вытекает следующая постановка задачи. Каждая парадигма из исследуемой совокупности изображается той схемой ударения, которую она имела бы при решении 2, т. е. некоторой 11-местной строкой из плюсов, минусов и нулей. (Разумеется, некоторые строки могут оказаться одинаковыми.) Требуется заменить все нули во всех строках на плюсы и минусы. После замены каждая парадигма также будет представлена некоторой 11-местной строкой, но уже состоящей только из плюсов и минусов. Это и будет схема ударения, которую соответствующая парадигма получит при решении 3. Нужно найти способ замены, при котором среди полученных строк из плюсов и минусов число р а з н ы х строк минимально. Тем самым наша лингвистическая задача сводится к следующей математической задаче.

Задача

Имеется матрица из m строк и n столбцов. На каждом пересечении строки и столбца стоит один из трех знаков: $+$, $-$ или 0. Заменить каждый из имеющихся в матрице нулей плюсом или минусом так, чтобы в полученной матрице без нулей (назовем ее р е з у л ь т и р у ю щ е й для данной матрицы) число s разных строк было минимальным.

Частичное решение

Вообще говоря, задача допускает тривиальное решение — путем последовательного перебора всех возможных результирующих матриц. В самом деле, при конечных m и n число возможных результирующих матриц конечно (оно не превышает 2^{mn}); порядок же перебора легко может быть задан. Ясно, однако, что даже при сравнительно небольших m и n перебор может быть чрезвычайно велик, и поэтому необходимо искать менее тривиальные решения.

Введем ряд вспомогательных определений. Мы будем говорить, что строка a подчиняет строку b, если b отлична от a и ее можно превратить в a одними лишь заменами нулей на не-нули. Как легко убедиться, отношение подчинения транзитивно. Назовем образом данной строки всякую безнулевую (т. е. содержащую только плюсы и минусы) строку, которая ее подчиняет или совпадает с ней [7]. Назовем две различные строки слабо различными, если они имеют хотя бы один общий образ, и сильно различными, если это не так [8]. Назовем строку матрицы подчиненной, если в матрице имеется хотя бы одна строка, которая ее подчиняет, и неподчиненной, если такой строки в матрице нет.

Назовем совокупность всех одинаковых между собой строк матрицы полосой. Всякая матрица состоит из стольких полос, сколько разных строк она содержит [9]. К полосам применимы, с небольшими изменениями, все определения, данные выше для строк, а именно: полоса A подчиняет строку b (полосу B), если любая строка из A подчиняет строку b (любую строку из полосы B); образ всех строк полосы называется образом полосы; полоса A слабо (сильно) отлична от строки b (полосы B), если любая строка из A слабо (сильно) отлична от строки b (от любой строки полосы B); полоса называется подчиненной (неподчиненной), если любая ее строка является подчиненной (неподчиненной). Заметим, что, в отличие от строк, в матрице не может быть двух одинаковых полос.

Назовем матрицей 1-го рода матрицу, в которой любая пара неподчиненных полос сильно различна. Назовем матрицей 2-го рода матрицу, для которой это неверно. Поскольку в нашей лингвистической задаче встречаются только матрицы 1-го рода, можно ограничиться решением поставленной задачи только для одного частного случая — для матриц 1-го рода.

Теорема 1. Для любой матрицы 1-го рода верно, что среди ее результирующих матриц есть хотя бы одна такая, где число разных строк (s) равно числу неподчиненных полос исходной матрицы (k), и нет такой, где $s < k$.

Докажем вначале вторую часть теоремы.

Допустим противное: существует результирующая матрица, где $s < k$. Это значит, что хотя бы одна пара различных неподчиненных строк (т. е. неподчиненных строк из разных полос) отображена в результирующей матрице одинаково, т. е. заменена одним и тем же образом. Но это невозможно, так как в матрице 1-го рода любая пара неподчиненных по-

[7] Построение результирующей матрицы есть не что иное, как замена каждой строки одним из ее образов. Заметим, что всякая строка имеет 2^z различных образов (где z — число нулей в этой строке).

[8] Иначе говоря, слабо различны две такие различные строки, что не существует столбца, на пересечении с которым одна из них содержит плюс, а другая — минус; сильно различны две строки, для которых хотя бы один такой столбец найдется.

[9] Поскольку наша задача допускает перестановку строк матрицы, строки, образующие полосу, всегда можно расположить рядом (после чего они действительно будут иметь вид «полосы»).

лос (и, следовательно, любая пара неподчиненных строк из разных полос) сильно различна.

Докажем первую часть теоремы. Припишем каждую подчиненную полосу матрицы к какой-нибудь из неподчиненных полос, которые ее подчиняют. (В силу транзитивности подчинения хотя бы одна такая полоса найдется для любой подчиненной полосы.) Все полосы матрицы оказались, таким образом, разбиты на k групп, в каждой из которых имеется ровно одна неподчиненная полоса. Возьмем для каждой неподчиненной полосы какой-нибудь из ее образов. В силу транзитивности подчинения этот образ является также образом любой полосы, подчиненной данной неподчиненной полосе, т. е. любой полосы, входящей в одну группу с данной неподчиненной полосой. Следовательно, все строки одной группы могут быть отображены в результирующей матрице одинаково. Заменим в каждой группе все ее строки выбранным образом неподчиненной полосы. Мы получим результирующую матрицу, имеющую не более k разных строк. Поскольку, однако, по доказанному выше s не может быть меньше k, в этой результирующей матрице $s = k$.

Итак, указан способ построения результирующей матрицы, где величина s принимает наименьшее из возможных для нее значений. Тем самым для матриц 1-го рода задача решена [10].

В описанной процедуре в двух случаях фигурирует произвольный выбор: во-первых, подчиненную полосу можно приписать к любой из подчиняющих ее неподчиненных полос; во-вторых, среди образов неподчиненной полосы можно выбрать любой. Отсюда следует, что способ замены нулей на не-нули, дающий минимальное s, вообще говоря, не является единственным. Это значит, что в нашей лингвистической задаче возникнет дополнительная проблема выбора среди различных способов замены нулей, дающих минимальное s. Исследуем условия, при которых способ замены нулей, дающий минимальное s, является единственным. Поскольку способ замены нулей однозначно определяется получаемой результирующей матрицей, далее будем говорить просто о разных результирующих матрицах. Будем называть результирующую матрицу м и н и м а л ь н о й, если она имеет минимальное s.

Т е о р е м а 2. Для матрицы 1-го рода M минимальная результирующая матрица M' единственна, если и только если все неподчиненные строки матрицы M безнулевые и каждая подчиненная строка матрицы M подчинена только одной неподчиненной полосе.

[10] Лингвистический интерес поставленной задачи не исчерпывается данным частным случаем. Дело в том, что принадлежность лингвистических матриц к матрицам 1-го рода в известном смысле случайна: так, достаточно было бы «удалить» из русского языка, например, всего лишь три слова (*дбля*, *ýхо*, *бко*), чтобы наша матрица стала матрицей 2-го рода. Кроме того, во многих других случаях, когда в лингвистическом описании используются различительные признаки, матриц 1-го рода может оказаться недостаточно. Решение задачи в общем виде, по-видимому, пока неизвестно. Укажем все же путь решения, представляющийся перспективным. Можно показать, что наша задача сводится к следующей задаче на графе: имеется множество точек, некоторые пары которых связаны линиями (причем две точки не могут быть непосредственно связаны между собой более чем одной связью); разбить это множество точек на минимальное число таких подмножеств, что внутри каждого подмножества любая пара точек непосредственно связана. (В виде точек должны быть изображены все неподчиненные полосы матрицы, а в виде непосредственных связей — все отношения слабого различия между соответствующими парами неподчиненных полос.) Очевидно, что матрицы 1-го рода составляют тот тривиальный случай общей задачи, когда граф не имеет ни одной связи, т. е. состоит из изолированных точек. Нам известно решение поставленной задачи на графе для значительно более широкого частного случая, когда *любая точка графа либо 1) такова, что все непосредственно связанные с ней точки непосредственно связаны между собой, либо 2) непосредственно связана хотя бы с одной точкой, удовлетворяющей условию 1.* Этого решения было бы достаточно, например, для русского языка, даже если бы в нем отсутствовали слова типа *дбля*.

1. Покажем, что требуемые условия достаточны. Пусть имеется матрица 1-го рода M, где оба указанные условия выполняются. Докажем, что ее минимальная результирующая матрица является единственной.

Построим минимальную результирующую матрицу M' общим способом (см. теорему 1). Единый образ для каждой группы полос здесь будет совпадать со строками неподчиненной полосы, входящей в эту группу (поскольку все неподчиненные строки M — безнулевые).

Пусть имеется другая результирующая матрица M''. Покажем, что число разных строк (s'') матрицы M'' больше, чем число разных строк (s') матрицы M'.

Любая строка матрицы M' совпадает с некоторой неподчиненной строкой исходной матрицы M; все такие строки—безнулевые, т. е. каждая из них во всех результирующих матрицах отображается одинаково — в виде самой себя. Это значит, что любая строка матрицы M' встречается также во всякой другой результирующей матрице, в частности в M''.

Матрица M'' отлична от матрицы M', следовательно, имеется хотя бы одна строка матрицы M, которая по-разному отображена в M' и в M''. Рассмотрим любую из таких строк; пусть это будет строка c, а ее образы в результирующих матрицах — соответственно c' и c''. Строка c — подчиненная, поскольку все неподчиненные строки матрицы M безнулевые и, следовательно, не могут иметь двух разных образов.

В матрице, где соблюдены оба условия теоремы, всякая подчиненная строка сильно отлична от всех неподчиненных полос, кроме одной — той единственной, которая ее подчиняет. (В самом деле, если строка a не подчинена безнулевой строке b, то a и b сильно различны.) Таким образом, строка c сильно отлична от всех неподчиненных полос матрицы M, кроме одной.

Как известно из построения матрицы M', строка c' совпадает со строками неподчиненной полосы матрицы M, которая подчиняет c (по условию теоремы такая полоса единственна). Строки c' и c'' различны; следовательно, c'' не совпадает со строками указанной неподчиненной полосы матрицы M. Но c'' не может совпадать также со строками никакой другой неподчиненной полосы матрицы M, поскольку, как уже показано, строка c сильно отлична от всех этих неподчиненных полос. Таким образом, c'' не совпадает ни с одной из неподчиненных строк матрицы M, следовательно, ни с одной из строк матрицы M'. Итак, в матрице M'' встречаются, во-первых, все разные строки, встречающиеся в M', во-вторых, по крайней мере еще одна строка c'', не встречающаяся в M'. Следовательно, $s'' > s'$. Единственность минимальной результирующей матрицы M' доказана.

2. Покажем, что требуемые условия необходимы. Пусть имеется матрица 1-го рода P, где хотя бы одно из указанных в теореме условий не выполняется. Докажем, что минимальная результирующая матрица для матрицы P не является единственной.

а) Пусть не выполнено первое условие: не все неподчиненные строки матрицы P безнулевые. Построим общим способом минимальную результирующую матрицу P'. Возьмем в матрице P какую-нибудь из неподчиненных строк с нулями; пусть это будет строка d, а ее образ в P' — d'. Найдем в d' какой-нибудь из знаков, заменяющих нуль строки d, и изменим его на противоположный; получим некоторую строку d'''.

Из построения матрицы P' известно, что в виде d' отображены все строки матрицы P из той группы полос, куда входит строка d. При этом никакая другая группа полос не может быть отображена в виде d', так как такое отображение значило бы, что P не есть матрица 1-го рода. Таким образом, любая строка из P, отображенная в P' в виде d', либо

совпадает с d, либо подчинена d. Это значит, что любая из этих строк имеет нуль в том столбце, где произведено изменение, т. е. d'' является образом любой из них. Отсюда следует, что если заменить в P' все вхождения d' на d'', то полученная матрица (назовем ее P'') также будет результирующей для P. Число разных строк в P'' не больше, чем в P' (поскольку при замене одна строка исчезла и не более одной прибавилось); оно и не меньше, чем в P' (поскольку P' — минимальная матрица); следовательно, эти числа равны, и P'' есть также минимальная результирующая матрица для P. Неединственность минимальной матрицы доказана.

б) Пусть не выполнено второе условие: не каждая подчиненная строка матрицы P подчинена только одной неподчиненной полосе. Построим минимальную результирующую матрицу P'. Возьмем любую строку из P, подчиненную нескольким неподчиненным полосам. В P' эта строка отображена так же, как одна из подчиняющих ее неподчиненных полос. Отобразим ее теперь так же, как другую из подчиняющих ее неподчиненных полос. Понятно, что полученная новая матрица P'' есть также результирующая матрица для P. Матрицы P' и P'' различны, поскольку взятая строка из P отображена в них по-разному (в матрице 1-го рода две неподчиненные полосы не могут иметь общего образа). Но число разных строк в этих матрицах одинаково; следовательно, P'' есть также минимальная результирующая матрица для P. Неединственность минимальной матрицы доказана.

Далее. Введем еще одно дополнительное определение: матрица P содержит матрицу M, если все строки M являются также строками P.

Т е о р е м а 3. Пусть имеется матрица 1-го рода P, содержащая матрицу 1-го рода M, причем 1) для M минимальная результирующая матрица M' единственна и 2) любая строка из M сильно отлична от любой неподчиненной строки матрицы P, не входящей в M. В этом случае в любой минимальной результирующей матрице для P часть, отображающая M, совпадает с M'.

Все неподчиненные строки матрицы M — безнулевые (в силу теоремы 2); следовательно, они являются также неподчиненными строками матрицы P. С другой стороны, очевидно, что все подчиненные строки матрицы M являются также подчиненными строками матрицы P. Таким образом, неподчиненные строки матрицы P, входящие в M, и неподчиненные строки матрицы M — это одни и те же строки.

Как показано выше, в матрице, удовлетворяющей обоим условиям теоремы 2 (здесь таковою является матрица M), любая подчиненная строка сильно отлична от всех неподчиненных строк, кроме строк неподчиненной полосы, подчиняющей ее. Кроме того, по второму условию нашей теоремы любая строка из M сильно отлична от всех неподчиненных строк матрицы P, не входящих в M. Следовательно, любая подчиненная строка матрицы M сильно отлична от всех неподчиненных строк матрицы P, кроме строк неподчиненной полосы, подчиняющей ее.

Пусть имеется результирующая матрица P', где хотя бы одна строка из M получила образ, отличный от ее образа в M'. Докажем, что P' не минимальна. Рассмотрим любую из таких строк матрицы M, получивших новый образ. Эта строка подчиненная (поскольку все неподчиненные строки матрицы M безнулевые). Образ этой строки в M' совпадает с образом подчиняющей ее неподчиненной полосы матрицы M (причем этот образ единственный, поскольку данная полоса состоит из безнулевых строк). Следовательно, новый образ не совпадает с образом строк этой неподчиненной полосы. Но он не совпадает также с образом никакой другой неподчиненной строки матрицы P, поскольку взятая строка сильно отлична от всех этих неподчиненных строк матрицы P.

Как мы знаем, в матрице 1-го рода образ (или образы) каждой неподчиненной полосы не совпадает с образами ни одной из других неподчиненных полос. Следовательно, в P' имеется не менее k разных строк, отображающих неподчиненные строки P (где k — число неподчиненных полос матрицы P), и, кроме того, по крайней мере еще одна строка, отличная от всех этих k строк. Таким образом, в P' число разных строк больше k, т. е. P' не минимальна.

*

Применим полученные результаты к изучаемым фактам русского склонения. Составим на основании последовательной проверки материала полную матрицу распределения функционального ударения в парадигмах существительных. Привести эту матрицу целиком, разумеется, невозможно [11]; но это и не нужно. Достаточно привести с о к р а щ е н н у ю матрицу, в которой каждая полоса первоначальной матрицы представлена лишь частью своих строк (в частном случае — одной строкой).

Поскольку в дальнейшем потребуются также сведения о распределении действительного ударения, произведем сокращение так: каждая полоса первоначальной матрицы будет представлена в сокращенной матрице столькими строками, сколько разных схем действительного ударения в ней встречается. Оказывается, что каждой полосе полной матрицы, за исключением последней, соответствует всего одна схема действительного ударения. Например, все слова, относящиеся к полосе 13, имеют такую же схему действительного ударения, как слово *тигр*. Таким образом, в нашей сокращенной матрице каждая полоса, кроме последней, представлена всего одной строкой.

Первоначальную матрицу можно без ущерба «сжать» также и по ширине: дело в том, что в ней в точности одинаковы: 1) столбцы Р. ед., Д. ед. и П. ед.; 2) столбцы Д. мн. и П. мн. Каждая из этих групп столбцов представлена в сокращенной матрице в виде одного столбца.

Неподчиненные и подчиненные полосы матрицы даны раздельно. Для каждой подчиненной полосы указаны подчиняющие ее неподчиненные. Для каждой строки указано, кроме того, относится ли она к самостоятельной (т. е. еще не встречавшейся) схеме действительного ударения или к уже встречавшейся ранее в матрице.

Таким образом, приводимая ниже матрица содержит сведения не только о всех схемах функционального ударения, но и о всех схемах действительного ударения. Из нее видно, в частности, что общее число разных схем ударения при решении 2 составляет 39, а при решении 1 — 23.

Опираясь на информацию, содержащуюся в сокращенной матрице, исследуем свойства полной матрицы распределения ударения. Для наших целей этой информации достаточно. В самом деле, имея хотя бы по одной строке от каждой полосы полной матрицы, можно судить о всех встречающихся в полной матрице строках и о всех существенных для нас отношениях между ее полосами. Понятно также, что произведенная замена группы одинаковых столбцов одним из этих столбцов не изменяет отношений одинаковости или различия между какими бы то ни было строками.

Непосредственная проверка по сокращенной матрице показывает:

1. Все 12 неподчиненных полос полной матрицы сильно различны между собой, т. е. это матрица 1-го рода. Следовательно, в силу теоремы 1 минимальное возможное число разных строк в результирующей матрице для полной матрицы равно 12.

2. Ни одному из условий теоремы 2 полная матрица не удовлетворяет. Следовательно, минимальная результирующая матрица для полной матрицы не единственна.

[11] В АО входит около 22 тысяч существительных.

Сокращенная матрица распределения функционального ударения у существительных

Неподчиненные полосы

№ полосы	Формы: ед. число И	В	Р Д П	Т	мн. число И	Р	Д П	Т	Образцы	Схема действительного ударения
1	+	+	+	+	+	+	+	+	*ю́ноша*	самост.
2	—	—	—	—	—	—	—	—	*ступня́*	»
3	+	+	+	+	—	—	—	—	*мо́ре*	»
4	—	—	—	—	+	+	+	+	*перо́*	»
5	+	+	+	+	+	—	—	—	*до́ля*	»
6	—	—	—	—	+	—	—	—	*ноздря́*	»
7	—	+	—	—	+	0	+	+	*зима́*	самост.
8	—	+	—	—	+	0	—	—	*рука́*	»
9	0	0	—	+	—	—	—	—	*любо́вь*	»
10	—	—	+	+	—	—	—	—	*полчаса́*	»
11	0	+	+	+	+	—	+	—	*челове́к* (мн. *лю́ди*)	»
12	—	—	+	+	+	—	+	—	*дитя́* (мн. *де́ти*)	»

Подчиненные полосы

№ полосы	Формы: ед. число И	В	Р Д П	Т	мн. число И	Р	Д П	Т	Образцы	Схема действительного ударения	Каким неподчиненным полосам подчинена
13	0	+	+	+	+	+	+	+	*тигр*		
14	+	+	+	+	+	0	+	+	*ка́рта*		
15	0	0	+	+	+	+	+	+	*тетра́дь*	как у *ю́ноша*	1
16	0	+	+	+	+	0	+	+	*солда́т*		
17	0	0	+	+	+	0	+	+	*ва́ленок*		
18	0	—	—	—	—	—	—	—	*царь*	самост.	
19	—	—	—	—	—	0	—	—	*черта́*	»	2
20	0	0	—	—	—	—	—	—	*стол*	»	
21	0	0	—	—	—	0	—	—	*сапо́г*	»	
22	0	+	+	+	—	—	—	—	*ма́стер*	как у *мо́ре*	3
23	+	+	+	+	—	0	—	—	*ме́сто*	самост.	
24	0	—	—	—	+	+	+	+	*каза́к* (мн. *каза́ки*)	самост.	
25	—	—	—	—	+	0	+	+	*вино́*	как у *перо́*	4
26	0	0	—	—	+	+	+	+	*сук*	самост.	
27	0	+	+	+	+	—	—	—	*зверь*	как у *до́ля*	
28	+	+	+	+	+	0	—	—	*дере́вня*	самост.	5
29	0	0	+	+	+	—	—	—	*мышь*	как у *до́ля*	
30	0	0	+	+	+	0	—	—	*во́лос*	как у *дере́вня*	
31	0	—	—	—	+	—	—	—	*конь*	самост.	
32	—	—	—	—	+	0	—	—	*губа́*	»	6
33	0	0	—	—	+	—	—	—	*гвоздь*	»	

№ полосы	Формы: ед. число И	ед. число В	ед. число Р Д П	ед. число Т	мн. число И	мн. число Р	мн. число Д П	мн. число Т	Образцы	Схема действительного ударения	Каким неподчиненным полосам подчинена
34	0	0	+	+	—	—	—	—	*сад*	как у *мóре*	3,10
35	0	0	+	+	—	0	—	—	*глаз*	как у *мéсто*	
36	0	0	—	—	+	0	+	+	*зубóк* (мн. *зýбки*)	как у *сук*	4,7
37	0	0	0	0	+	+	+	+	*дно*	как у *перó*	1,4
38	0	0	0	+	0	0	0	0	*вошь*	как у *любóвь*	1,3,5, 9—12
39	0	0	0	0	0	0	0	0	*шоссé*	как у *юношá*	1—12
	0	0	0	0	0	0	0	0	*лев*	как у *цáрь*	
	0	0	0	0	0	0	0	0	*сон*	как у *стол*	
	0	0	0	0	0	0	0	0	*тля*	как у *ступнú*	
	0	0	0	0	0	0	0	0	*тьма* (множество)	как у *чертá*	

Какую же из этих результирующих матриц выбрать? Для обоснованного ответа на этот вопрос нужна некоторая вспомогательная процедура.

Выделим среди 39 полос полной матрицы следующие 27: 1—6 и 13—33. Назовем эти 27 полос м а л о й матрицей. Как показывает подсчет, в малую матрицу входит около 98% строк полной матрицы. Непосредственная проверка по сокращенной матрице показывает:

1. Малая матрица имеет 6 неподчиненных полос (1—6); все они сильно различны между собой. Таким образом, малая матрица — это матрица 1-го рода и, следовательно, минимальное возможное число строк в результирующей матрице для малой матрицы равно 6.

2. В малой матрице соблюдены оба условия теоремы 2. Следовательно, минимальная результирующая матрица для малой матрицы единственна.

3. Любая строка малой матрицы сильно отлична от любой неподчиненной строки полной матрицы, не входящей в малую матрицу (т. е. от любой строки из полос 7—12). Таким образом, соотношение между малой и полной матрицами удовлетворяет обоим требованиям теоремы 3. Следовательно, во всех минимальных результирующих матрицах для полной матрицы малая матрица будет отображена одинаково — в виде своей единственной минимальной результирующей [12].

Итак, для 98% материала способ замены нулей, удовлетворяющий выдвинутому требованию минимальности, является единственным. Все различие между минимальными результирующими матрицами для полной матрицы состоит только в способе отображения 12 полос «остатка», охватывающих 2% материала. Отсюда ясно, в каком направлении должен идти поиск наиболее целесообразного решения: необходимо построить алгоритм замены нулей на не-нули, который 1) обращал бы малую матрицу в ее единственную минимальную результирующую, 2) был бы применим без дополнительных изменений также к «остатку» и обращал бы полную матрицу в одну из ее минимальных результирующих.

Минимальную результирующую матрицу для малой матрицы можно построить общим способом (см. теорему 1). Поскольку малая матрица

[12] В принципе возможно включить в малую матрицу также полосы 10 и 12: указанное свойство при этом сохранилось бы; однако это было бы неудобно для последующих построений.

удовлетворяет обоим условиям теоремы 2, этот способ получает форму следующего алгоритма: каждая подчиненная строка заменяется единственным образом подчиняющей ее неподчиненной полосы. Однако к «остатку» этот алгоритм неприменим (поскольку «остаток» не удовлетворяет требованиям теоремы 2). Поэтому следует искать иной алгоритм отображения малой матрицы, равносильный данному.

Назовем з о н о й такую группу столбцов, что пересечение любой строки с этой группой столбцов (будем называть его з о н о й с т р о к и) не содержит одновременно плюса и минуса. Простейший пример зоны составляет любой столбец.

Малую матрицу можно разбить, в частности, на такие зоны: зона 1 — все ед. число; зона 2 — И. мн.; зона 3 — Р., Д., Т., П. мн. Это разбиение на зоны обладает следующими свойствами: 1) оно неукрупняемое, т. е. никакие две зоны этого разбиения нельзя соединить в одну (это устанавливается непосредственной проверкой по сокращенной матрице); 2) оно — единственное неукрупняемое (поскольку, как показывает проверка, никакие два столбца из разных зон нельзя включить в одну зону и, таким образом, любое другое разбиение на зоны может быть только [раздроблением нашего).

Понятно, что в неподчиненных строках малой матрицы каждая зона строки состоит либо из одних плюсов, либо из одних минусов (поскольку все ее неподчиненные строки безнулевые). Напротив, в любой подчиненной строке хотя бы одна зона строки содержит хотя бы один нуль; при этом, однако, как показывает проверка, в малой матрице при нашем разбиении на зоны нет зон строки, состоящих из одних нулей.

Предложенный алгоритм состоит в том, что каждая подчиненная строка заменяется единственным образом подчиняющей ее неподчиненной полосы (т. е. любой строкой из этой полосы). Как легко убедиться, в указанных условиях такая замена равносильна следующей: в каждой зоне строки (при нашем разбиении на зоны), содержащей хотя бы один нуль, все нули заменяются плюсами, если в этой зоне строки есть хотя бы один плюс, и минусами, если там есть хотя бы один минус.

Таким образом, построен другой алгоритм получения минимальной результирующей матрицы для малой матрицы. Он имеет перед первым то преимущество, что позволяет заменить нули в отдельно взятой строке без сопоставления ее с какими бы то ни было другими строками матрицы, т. е. без обращения ко всей матрице. (Вся необходимая информация о матрице заключена в этом случае в задании определенного разбиения на зоны.) Однако и этот алгоритм неприменим к «остатку» (поскольку использованное разбиение на зоны таковым для «остатка» не является).

Обратим внимание на то, что в малой матрице нули встречаются только в трех столбцах: И. ед., В. ед. и Р. мн. Это обстоятельство дает возможность переформулировать второй из предложенных алгоритмов, например, так: каждый нуль заменяется тем знаком, который стоит в той же строке в столбце дат. падежа того же числа. (Разумеется, вместо дат. падежа можно взять пред. или твор. падеж.) В самом деле, 1) в малой матрице в столбцах дат. падежа нули не встречаются, 2) И. ед. и В. ед. (формы, где возможны нули) принадлежат к той же зоне разбиения, что и Д. ед., а Р. мн.— к той же зоне, что и Д. мн.

Новый алгоритм, в отличие от предшествующих, уже можно применить к «остатку»; но результат будет все же неудовлетворительным, поскольку в «остатке» есть строки, где в дат. падеже стоит нуль, а такие строки этот алгоритм не превратит в безнулевые. Недостаток этот, однако, легко исправить: для этого нужно учитывать в дат. падеже не функциональное, а действительное ударение. В самом деле, в столбцах дат. падежа малой

матрицы эти два вида ударения совпадают; но действительное ударение, в отличие от функционального, всегда (следовательно, и в строках «остатка») имеет определенное значение: + или —. Таким образом, можно предложить следующий алгоритм замены нулей, применимый к любой строке полной матрицы: каждый нуль заменяется тем знаком, который стоит в схеме действительного ударения того же слова в столбце дат. падежа [13] того же числа. На содержательном уровне этот алгоритм выглядит так: каждой словоформе с неслоговым компонентом приписывается условное ударение на том компоненте, на который падает действительное ударение в словоформе дат. падежа того же числа, принадлежащей той же парадигме.

Этот алгоритм, как мы видели, равносилен для нашей малой матрицы всем предшествующим; следовательно, он преобразует малую матрицу в ее единственную минимальную результирующую. Остается лишь проверить, является ли минимальной результирующая матрица, в которую он преобразует полную матрицу.

Построим по нашему алгоритму результирующие строки для всех строк сокращенной матрицы. Поскольку в сокращенной матрице представлены все полосы полной матрицы, а для каждой полосы — все схемы действительного ударения, мы получим таким способом все разные строки, встречающиеся в результирующей матрице для полной матрицы. Таких разных строк оказывается 12; следовательно, результирующая матрица минимальна. Таким образом, наша цель достигнута: построен алгоритм, удовлетворяющий обоим поставленным выше требованиям.

Приведем полный список полученных таким способом разных результирующих строк. Этот список одновременно является сокращенной результирующей матрицей для полной матрицы, а также полным списком схем условного ударения. В качестве образцов взяты те же слова, что в исходной сокращенной матрице. Для шести первых строк вертикальными линиями разграничены зоны.

Сокращенная результирующая матрица

Схема условного ударения	Формы: ед. число И	Р	Д	В	Т	П	мн. число И	Р	Д	Т	П	Образцы
a	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	*ю́ноша, тигр, ка́рта, тетра́дь, солда́т, ва́ленок, шоссе́;*
b	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	*ступня́, царь, черта́, стол, сапо́г, лев, сон, тля, тьма;*
c	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	*мо́ре, ма́стер, ме́сто, сад, глаз;*
d	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	*перо́, каза́к, вино́, сук, зубо́к, дно;*
e	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	*дбля, зверь, дерёвня, мышь, вблос;*
f	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	*ноздря́, конь, губа́, гвоздь*
d′	—	—	—	+	—	—	+	+	+	+	+	*зима́*
f′	—	—	—	+	—	—	+	—	—	—	—	*рука́*
b′	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	*любо́вь, вошь*
c′	—	+	+	—	+	+	—	—	—	—	—	*полчаса́*
e′	+	+	+	+	+	+	+	—	+	—	+	*челове́к*
e″	—	+	+	—	+	+	+	—	+	—	+	*дитя́*

[13] Результирующая матрица не изменится, если вместо дательного взять предложный; если же взять творительный, она будет отличной (различие будет в полосах 9 и 38; они охватывают всего 4 слова).

З а м е ч а н и е 1. Из таблицы видно, что большинство типов слов алгоритм относит к первым шести схемам условного ударения. Подсчет показывает, что на эти 6 схем приходится около 99,8% всего материала; вторые 6 схем охватывают лишь около 40 слов. Этим объясняется выбранная система обозначений, при которой каждая из 6 последних схем рассматривается как бы как отклонение от одной из основных.

З а м е ч а н и е 2. Принятый алгоритм по-разному преобразует строки полосы 39, относя слова типа *шоссе́* к схеме *а*, а слова типа *сон*, *тля* и т. д.— к схеме *b*. Таким образом, не всякая пара одинаковых строк преобразуется этим алгоритмом одинаково.

Итак, в результате проведенного исследования принимается следующее решение. Каждой словоформе каждой парадигмы приписывается условное ударение, т. е. особый признак, значение которого определяется по следующему правилу: 1) у словоформы с обоими слоговыми компонентами условное ударение совпадает с действительным; 2) у словоформы с неслоговым компонентом условное ударение такое же, как действительное ударение в словоформе дат. падежа того же числа, принадлежащей той же парадигме. Под схемой ударения в дальнейшем понимается схема условного ударения. С точки зрения принятого критерия это решение является единственным оптимальным для 98% материала и одним из оптимальных для остальных 2%.

Лингвистический смысл условного ударения. Принятое определение условного ударения основано на формальном критерии — минимальности общего числа разных схем ударения. Полученное таким путем понятие имеет, однако, и более непосредственный лингвистический смысл.

Что такое зона с содержательной точки зрения? Это такая группа форм, что в любой парадигме (из определенной совокупности [14]) в соответствующей группе словоформ (назовем ее з о н о й п а р а д и г м ы) все словоформы с обоими слоговыми компонентами имеют ударение на одном и том же компоненте. Как мы уже видели, парадигма существительного единственным образом делится на неукрупняемые зоны: 1) ед. число, 2) И. мн., 3) Р., Д., Т., П. мн. Приведем примеры зон парадигмы, соответствующих этому разделению на зоны: а) *гость*, *гóстя*, *гóстю*, *гóстем*, *гóсте*; б) *гóсти*; в) *гостéй*, *гостя́м*, *гостя́ми*, *гостя́х*; г) *топóр*, *топорá*, *топорý*, *топорóм*, *топорé*; д) *зеркáл*, *зеркалáм*, *зеркалáми*, *зеркалáх*. Легко проверить, что сформулированное выше требование везде соблюдено.

Назовем местом ударения в зоне парадигмы место ударения во входящих в нее словоформах с обоими слоговыми компонентами. Так, в примерах *а* и *б* ударение в зоне парадигмы — на основе, в примерах *в*, *г* и *д* — на окончании. Понятие места ударения в зоне парадигмы соответствует интуитивному представлению об «истинном» месте ударения в группе словоформ, на фоне которого ударение в словоформах типа *зеркáл*, *топóр* воспринимается как «сдвинутое».

Можно ли по взятой словоформе определить, каково место ударения в той зоне парадигмы, куда она входит? По словоформе с обоими слоговыми компонентами, разумеется, можно; по словоформе же типа *гость*, *топóр*, *зеркáл* — нельзя: нужно знать какие-то другие словоформы тех же парадигм. Например, можно использовать для этой цели словоформы *гóстю*, *топорý*, *зеркалáм*. Но тем самым будет произведена именно та опе-

[14] Здесь в качестве такой совокупности выступают все существительные с полной парадигмой, за исключением около 40 слов, принадлежащих к 6 последним схемам ударения.

рация, которая предложена выше для определения места условного ударения в словоформах с неслоговым компонентом. Отсюда ясен лингвистический смысл условного ударения: условное ударение данной словоформы есть указание на место ударения в той зоне парадигмы (при неукрупняемом разбиении на зоны), к которой эта словоформа принадлежит. При замене действительного ударения условным каждая зона парадигмы любого слова становится единой в акцентуационном отношении, что соответствует интуитивному представлению о единстве «истинного» ударения в таких группах словоформ.

Условное ударение связано еще с одним кругом фактов. В акцентологии о группе словоформ, имеющих ударение на одном и том же по счету слоге (считая от начала), говорят, что она имеет колонное ударение. При этом считается, что колонность не нарушена также в следующем особом случае: 1) число слогов в одной (или нескольких) из словоформ меньше номера ударного слога в более длинных словоформах и 2) ударение в этой короткой словоформе падает на последний слог. Местом колонного ударения в группе считается номер ударного слога в самой длинной словоформе группы.

Назовем колонной зоной такую группу форм, что в любой парадигме (из определенной совокупности) соответствующая группа словоформ (назовем ее колонной зоной парадигмы) имеет колонное ударение.

Оказывается, что если в качестве такой совокупности взять все существительные с полной парадигмой (за исключением около 40, принадлежащих к 6 последним схемам ударения, сложных слов с основой *пол-* в первой части и еще около двадцати слов[15]), то колонные зоны совпадут с обычными зонами. В качестве примеров, подтверждающих это, можно назвать приведенные примеры зон парадигмы: все они имеют колонное ударение. Подчеркнем, что данное совпадение не является внутренним следствием изложенного выше, а составляет самостоятельный эмпирический факт.

Таким образом, условное ударение можно рассматривать также как указание (с точностью до морфологического компонента) на место колонного ударения в колонной зоне парадигмы, куда входит данная словоформа. Эта сторона условного ударения используется в правилах определения ударного слога в неисходных словоформах. Например, словоформы *кишо́к* и *чи́сел* получают по этим правилам разное место ударения внутри основы потому, что им приписано разное условное ударение: словоформе *кишо́к* — на окончании, словоформе *чи́сел* — на основе.

Отметим также следующее. С диахронической точки зрения словоформы с условным ударением на неслоговом окончании (типа *стол, конь, голо́в*) — это в основном[16] те словоформы, которые до падения редуцированных имели в качестве окончания ударные *ъ́* или *ь́*. Современным словоформам *стол, конь, голо́в* (с условным ударением на окончании) соответствуют древнерусские словоформы *стол-ъ́, кон-ь́, голов-ъ́* (с действительным ударением на окончании); ср., с другой стороны, современные *похо́д, рыб* (с условным ударением на основе) и древнерусские *похо́д-ъ, ры́б-ъ* и т. п. Такого рода соответствия не являются парадоксальными или случайными; наиболее простое описание (особенно в области морфологии), по-

[15] А именно: *госпо́дь, перёд, по́лдень; по́лночь, са́жень; земля́, овца́, свинья́, семья́, сестра́, судья́; гумно́, кольцо́, кру́жево, ма́сло, яйцо́; де́ньги, хло́поты.*

[16] Т. е. в отвлечении от случаев, где современная схема ударения есть результат поздних изменений.

видимому, почти всегда будет в той или иной мере сходно с несколько «идеализированной» историей [17].

Вопрос об условном ударении в других группах формообразующих слов. Принципы, а в ряде случаев и непосредственные результаты предложенного разбора применимы не только к существительным с полной парадигмой. Легко включаются в описание существительные с неполной парадигмой (например, существительные, не имеющие одного из чисел). Такие слова обычно можно отнести к нескольким схемам ударения (поскольку отсутствующим словоформам можно приписать какое угодно ударение). Для них удобнее всего принять следующее правило: считать такое слово относящимся к первой по порядку из тех схем ударения, к которым оно может быть отнесено. Существительных с неполной парадигмой, которые бы не уложились ни в одну из 12 схем ударения, в русском языке нет.

Оказывается возможным также включить в эту же систему описания все остальные склоняемые части речи [18]. При описании кратких форм прилагательных, по-видимому, потребуется приписать краткой форме муж. рода условное ударение, совпадающее с действительным ударением краткой формы ср. рода (ср., например, *ва́жен* и *ва́жно*, *смешо́н* и *смешно́*).

Предложенные принципы описания применимы также к системе глагола (хотя они и потребуют некоторых уточнений в тех случаях, когда глагольная словоформа отчетливо распадается на три, а не на два компонента, например, *нес-у́щ-ий*). Понятие условного ударения необходимо здесь в нескольких случаях (муж. род прошедшего времени, повелительное наклонение, инфинитив и некот. др.). Например, словоформам муж. рода прошедшего времени, по-видимому, потребуется приписать услов. ное ударение, совпадающее с действительным ударением в ср. роде (ср., например, *вы́шел* и *вы́шло*, *ушёл* и *ушло́*).

*

Понятие схемы ударения имеет для изучения русского словоизменения, в частности склонения, примерно такое же значение, как, например, понятие типа склонения (школьные I, II, III склонения). Между тем в научной литературе ему уделяется несравненно меньшее внимание; характерно, что термин, использующийся для этого понятия в специальных работах («акцентуационная парадигма»), в общих описаниях практически не встречается. В школьном преподавании это понятие полностью отсутствует. Такое положение объясняется не существом дела, а главным образом традицией. В литовском языке, типологически близком к русскому, в склонении существительных также различаются несколько схем ударения — так называемые kirčiuotės (правда, в отличие от русского, схема ударения учитывает здесь не только место ударения, но и интонацию ударной гласной). Но в литовской традиции, в отличие от русской, kirčiuotė является стандартным лингвистическим понятием, обязательным не только для научного обихода, но и для школьного преподавания (оно в точности параллельно понятию linksniuotė «тип склонения»). Возможно, что именно трудности, связанные с условным ударением, т. е. с необходимостью признать словоформы типа *стол*, имеющими ударение на окончании, помешали распространению соответствующего понятия в изучении и преподавании русского языка.

---

[17] Ср.: M. H a l l e, On the role of simplicity in linguistic descriptions, сб. «Structure of language and its mathematical aspects», Providence, 1961, стр. 94.

[18] См.: «Ударение...», стр. 21—22.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1964

П. С. КУЗНЕЦОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ АКАНЬЯ

Проблема возникновения аканья, решение которой представляет большой интерес для исторической фонетики русского языка, но до сих пор еще не осуществлено в удовлетворительном полностью виде, в недавнее время вновь подвергнута рассмотрению[1]. Однако появившиеся статьи не приближают к решению проблемы, вызывая, каждая в своем направлении, ряд серьезных возражений. Ни одна из них не предлагает по существу принципиально нового решения; В. И. Георгиев стремится подкрепить новыми доказательствами высказывавшееся уже некоторыми зарубежными исследователями предположение о генетической связи аканья с характерным для восточной части индоевропейских языков историческим совпадением *о* и *а* в одном гласном[2], В. Г. Руделев возвращает нас к гипотезе А. А. Шахматова, которую стремится интерпретировать фонологически, исходя из теории дифференциальных признаков Р. Якобсона[3].

Раньше чем приступить к разбору и оценке положений, содержащихся в указанных статьях, следует, к сожалению, констатировать, что статья В. И. Георгиева характеризуется полным пренебрежением к ряду важнейших фактов русской диалектологии и древнерусской письменности. Считая русские и белорусские формы с безударным *а* в соответствии с ударным *о* (типа *вадá*) исконными, Георгиев объясняет отсутствие отражения аканья в письменных памятниках ранее XIV в. тем, что древнерусская орфография была орфографией древноболгарской, киевского (окающего) говора и северновеликорусских окающих наречий[4]. Конечно, в отношении отдельных памятников, писанных особо грамотными писцами, можно предполагать, что некоторые фонетические черты, свойственные говору соответствующих писцов и в других памятниках отражающиеся, в данных памятниках не отразились. Но это положение никоим образом не может быть распространено на все памятники. Смоленская грамота 1229 г., писанная на несомненно акавшей впоследствии и акающей теперь территории, как известно, характеризуется чрезвычайной орфографической неустойчивостью. Чуть не каждое слово в ней содержит написание, являющееся с точки зрения орфографических норм того вре-

---

[1] См.: В. И. Георгиев, Русское аканье и его отношение к системе фонем праславянского языка, ВЯ, 1963, 2 (положения этой статьи изложены также во второй половине доклада В. И. Георгиева к V МСС «Праславянский и индоевропейский языки», сб. «Славянска филология», III — Доклади, съобщения и статии по езикознание, София, 1963); В. Г. Руделев, К фонологической интерпретации русского аканья, ВЯ, 1963, 2.

[2] См., например: А. Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 44; A. Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves, I, Paris, [1950], стр. 107.

[3] По поводу гипотезы, поддерживаемой В. И. Георгиевым, мне уже приходилось высказываться в печати в рецензии на I том сравнительной грамматики А. Вайана (см. ИАН ОЛЯ, 1951, 4, стр. 398—399).

[4] В. И. Георгиев, Русское аканье..., стр. 25.

мени ошибкой (а многие слова содержат по нескольку орфографических ошибок одновременно). Но в ней нет ни одного случая, который мог бы быть квалифицирован как отражающий аканье, т. е. ни одного случая написания *а* вместо *о* или *о* вместо *а* в безударном положении. Западнорусские, т. е. старобелорусские, памятники также не содержат указаний на аканье до XV в., хотя в них отражается довольно много различных колебаний в написаниях, свидетельствующих о различных других фонетических явлениях.

Самое понимание аканья применительно к русским диалектам находится у Георгиева на том уровне, который был свойствен ранним нашим диалектологам и не соответствует даже уровню конца XIX в. Отграничивая аканье от редукции гласных в безударном положении, Георгиев понимает его лишь как произношение в безударном положении *а* вместо *о*[5]. Как редукцию он квалифицирует лишь фонетическое изменение, «сужение» *е* > *и*, *а* > *ạ* (последним знаком, по-видимому, обозначено *ə* или *ъ*), имеющее место в русском языке. Во-первых, само явление квалифицировано неточно. В *и* изменяется не только *е*, но и *а* после мягких согласных (если даже квалифицировать, встав на этимологическую точку зрения, изменение *'о* > *и* как изменение *е*), ср. *взилá* «взяла» в икающих и диссимилятивно якающих говорах. Или Георгиев имеет в виду в данном случае праславянское носовое *ę*, из которого развилось русское *'а*? Но тогда это следовало оговорить. Во-вторых, под аканьем в современной диалектологии понимается не изменение *о* в *а* в безударном положении и не соответствие *а* в безударном положении *о* в ударном положении, а неразличение или совпадение в безударном положении некоторых гласных, различающихся под ударением, в первую очередь *о* и *а*, совпадение же может осуществляться не только в *а*, но и в других гласных (ʌ, ъ; арсенал этих гласных еще расширяется, если мы примем во внимание положение после мягких согласных). Последовательное совпадение *о* и *а* в *а* в любом безударном слоге (хотя бы лишь после твердых согласных и в начале слова) наблюдается лишь в немногих говорах и притом обычно в таких, которые лишь недавно сменили оканье на аканье. Большинство же акающих говоров характеризуется наличием *а* или гласного близкого к нему лишь в первом предударном слоге и в начале слова (в других слогах возможно *а*, но лишь в особых интонационных условиях, шире всего в конечном слоге, открытом и закрытом, перед паузой). Давно принятое в русском языкознании и установленное на основании многочисленных наблюдений (первоначально на слух, а в последние годы и инструментально) разграничение различных безударных позиций, в первую очередь первой (первый предударный слог) и второй (остальные безударные слоги), В. И. Георгиевым совершенно не принято во внимание. Не принято во внимание и различие безударных гласных первой позиции (т. е. в первом предударном слоге) в зависимости от качества предшествующего согласного и в особенности от качества гласного ударного слога. Между тем для положения после мягких согласных уже давно, а для положения после твердых согласных на протяжении последнего десятилетия (в более ранней литературе имеются лишь намеки) установлено в ряде говоров наличие *а* (в соответствии с этимологическими или ударяемыми *а* и *о*) лишь перед слогом с ударяемыми гласными верхнего подъема, а также с представленными в прошлом, а частью сохраняющими такое качество и теперь восходящими дифтонгами (гласными, восходящими к *ĕ* и *ŏ*). Перед ударным слогом с остальными гласными, т. е. с *а*, *е*, *о* (из *ъ* и *о* под нисходящим ударением) в этих говорах представлено после мягких согласных *и* или *е*,

[5] Там же, стр. 25—26.

после твердых же — редуцированный гласный (типа ъ). И говоры, характеризующиеся таким вокализмом, как раз являются среди акающих наиболее архаическими[6].

Правда, многие исследователи в прошлом, а некоторые и теперь рассматривают такие говоры как представляющие отступление от первоначальной картины последовательно осуществляемого «аканья» (под которым в данном случае понимается последовательно проведенное *а* вместо *о* в безударном слоге). Но об отступлении от первоначальной картины (если считать первоначальным *а* в безударном слоге) могло бы свидетельствовать беспорядочное употребление *а* и других гласных в одних и тех же позициях, мы же имеем дело с сложной и достаточно строго осуществляемой системой зависимости качества гласного первого предударного слога от качества гласного ударного слога. В таком случае более вероятным и легко объяснимым является развитие остальных, более простых типов безударного вокализма акающих говоров из этого более сложного типа.

В. Г. Руделев, неоднократно подчеркивая, что фонологическая интерпретация аканья и его возникновения позволяет подтвердить правильность многих положений А. А. Шахматова[7], не останавливается на отмечавшемся уже в лингвистической литературе внутреннем противоречии, содержащемся в шахматовской гипотезе. Шахматов неоднократно менял свои взгляды на протяжении своей научной деятельности (что вообще свойственно любому выдающемуся ученому, не боящемуся отказаться от прежних положений, если он получил доказательства их ошибочности). Однако обращают на себя внимание противоречия не между положениями различных работ, а между различными положениями одной и той же работы, где как раз наиболее полно в последний раз излагается гипотеза возникновения и развития аканья[8]. Как известно, различные этапы развития безударного вокализма акающих говоров Шахматов связывал с отношениями гласных по длительности и изменениями этих отношений. Но при этом, рассматривая отношения гласных ударного и предударного слога, он не делает никакого различия между ударными гласными на конце и не на конце слова. Так, например, судьба ударного *у* в формах *несу́* (1-е лицо ед. числа) и *несу́ть* (3-е лицо мн. числа) совершенно одинаково отражается на судьбе предударного гласного. Между тем в том же «Очерке древнейшего периода...» Шахматов подробно исследует количественные изменения гласных, имевшие место еще на праславянской почве, причем оказывается, что еще на праславянской почве конечные долгие гласные (а к ним относилось и *ǫ*, давшее на восточнославянской почве *и*) подвергались сокращению[9]. Сократившееся *-у* в *несу́* и сохранившее долготу *-у-* в *несу́ть* должны были бы оказывать различное воздействие на гласный предударного слога. Но оказывается, что воздействие одинаково, и в говорах с диссимилятивным яканьем (которое является архаическим сравнительно с остальными типами) являются формы *нясу́*, *нясу́т'*. Это могло бы быть (если стоять на шахматовской точке зрения) лишь в том случае, если аканье началось на праславянской почве, более того, в ранний период развития праславянского языка, до количественных измене-

[6] См.: Т. Г. Строганова, Одна из особенностей южнорусского вокализма, ВЯ, 1955, 4.

[7] В. Г. Руделев, указ. соч., стр. 31, 38.

[8] А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка, Пг., 1915, стр. 331—343. Позднейшие работы Шахматова («Введение в курс истории русского языка», ч. I, Пг., 1916; «Древнейшие судьбы русского племени», Пг., 1919) лишь по-разному решают проблему исторических судеб первоначальных носителей аканья.

[9] См.: А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода..., стр. 77 и сл.

ний гласных, но Шахматов этого не утверждает и не может утверждать, так как аканье не охватывает не только всей славянской, но и всей восточнославянской области (явления словенского и диалектного болгарского — родопского —безударного вокализма носят совершенно иной характер, чем южновеликорусское и белорусское аканье, хотя некоторые исследователи и пытались найти здесь генетические связи). Если же принять, что *несу́* содержит рано сократившееся *у*, в диссимилятивно якающем говоре должно было бы быть **нису́* (как *нисла́*). На это противоречие Руделев не обращает внимания.

На пути положительного решения проблемы, видимо, встают следующие вопросы. Во-первых, что собой генетически представляет аканье как фонетическое явление, как оно связано, хронологически и причинно, с другими фонетическими явлениями в звуковой системе соответствующих восточнославянских наречий? Во-вторых, как следует интерпретировать аканье с фонологической точки зрения и в какой мере фонологические отношения и их изменения могут быть причиной, вызвавшей аканье? В-третьих, возникло ли аканье на базе звуковых отношений самих соответствующих восточнославянских наречий или было вызвано каким-либо иноязычным влиянием и если да, то каким? Последняя гипотеза выдвигалась в прошлом, отстаивается некоторыми исследователями и теперь, и В. Г. Руделев на эту гипотезу ссылается, хотя и не рассматривает ее подробно.

Многие лингвисты, и уже давно, рассматривают аканье (в широком смысле) как результат редукции гласных в безударном положении, но именно как результат, а не как самое редукцию. Так по существу рассматривал в генетическом плане аканье и Шахматов. И при всем различии в деталях, и весьма существенных деталях, такое понимание аканья следует признать соответствующим действительному положению вещей. В. И. Георгиев настаивает на том, что переход *о* > *а* (именно его он и называет аканьем) нельзя объяснить редукцией, поскольку *а* более широкая гласная, чем *о*[10]. Но что́ понимается под редукцией в фонетике? Ослабление мускульного напряжения речевого аппарата при производстве тех или иных работ, сокращение времени, на протяжении которого осуществляется это напряжение, в результате чего положение органов речи при произнесении того или иного звука меняется, что неизбежно сказывается и на акустическом эффекте. И именно с такой точки зрения наличие в безударном положении в определенных случаях *а* в соответствии с ударяемыми *о* и *а* легко может быть объяснено, если мы не примем только непосредственного перехода *о* в *а*. Возможно, что первоначально как на месте *о*, так и на месте *а* в соответствующем безударном положении являлся гласный типа ʌ, в части говоров выступающий и теперь в первом предударном слоге после твердых согласных на месте *о* и *а* (этот гласный является нормой и современного литературного произношения). Он требует меньшей затраты мускульной энергии как сравнительно с *о*, так и сравнительно с *а* (хотя и не характеризуется таким совершенно нейтральным положением, как *ə*), отличаясь от *о* отсутствием округления губ, а по положению языка занимая промежуточное место между *о* и *а*[11]. По слуховому впечатлению ʌ ближе к *а*, чем к *о*, вследствие чего в значительной части говоров (и, в частности, именно тех, территория которых послужила первоначальным очагом развития и распространения аканья) ʌ сменился на *а*. Ведь развитие языка регулируется двумя про-

[10] В. И. Георгиев, Русское аканье..., стр. 25—26.

[11] Схему расположения гласных русского литературного языка по их артикуляции см. в кн.: D. Jones, M. V. Trofimov, Pronunciation of Russian, Cambridge, 1923.

тивоположными тенденциями — потребностями говорящего и потребностями слушающего [12].

Согласно давно установившейся точке зрения, редукция гласных в безударном положении имеет место обычно в языках с сильным динамическим ударением, где ударные гласные значительно отличаются от безударных по интенсивности. Так объясняются различные изменения гласных, имевшие место в германских языках, в ирландском. Чередования гласных непервого слога, имевшие место в латинском, а также и в других италийских языках, уже давно объясняются на основе некогда существовавшего в этих языках сильного динамического ударения на начальном слоге. Правда, в последнем случае выдвигались и иные объяснения, поскольку отрицался самый факт наличия в этих языках такого ударения [13]. Однако и в последние годы некоторыми учеными отстаивается прежняя точка зрения [14].

Если мы встанем на такую точку зрения, согласно которой редукция гласных связана с сильным динамическим ударением, а аканье является результатом редукции, мы вправе предположить в говорах территории первоначального возникновения аканья ударение указанного типа. С фонетической точки зрения редукция безударных гласных при таком ударении относится к явлениям такого же типа, как заменительное удлинение гласных, сокращение и синкопирование гласных при удлинении гласных следующего слога и т. п. Слово в потоке речи представляет собой некоторую структуру, имеющую тенденцию сохранения своего облика (колебания наблюдаются лишь в известных пределах) как по длительности, так и по сумме затрачиваемой произносительной энергии. По отношению к длительности на это обращалось внимание уже давно [15]. Что же касается интенсивности, которой обычно характеризуют динамическое ударение, то она и длительность находятся вообще в тесной взаимосвязи и компенсируют друг друга. Ведь известно, что и русское ударение характеризуется не только большей интенсивностью, но и большей длительностью (в целом) ударного гласного сравнительно с безударными (не касаюсь сейчас некоторых отступлений). В синтезированном фонетическом слове русской речи, как известно, более долгий гласный производит на слушателя впечатление ударного.

Существенно обратить внимание на своеобразный характер структурной модели фонетического слова в основной массе русских акающих говоров, в том числе и наиболее архаических по типу, с точки зрения рас. пределения слоговых элементов по слогам в отношении к ударному слогу. Речь идет о схеме, предложенной еще А. А. Потебней и поддержанной

---

[12] См.: А. Мартине, Принцип экономии в фонетических изменениях, М., 1960, стр. 126.

[13] См., например: И. М. Тронский, Очерки из истории латинского языка, Л., 1953, стр. 162 и сл.; его же, К вопросу о латинском ударении (циркумфлекс), сб. «Памяти акад. Л. В. Щербы», Л., 1951.

[14] Ср., например, обширную работу Х. Бенедиктсона, посвященную синкопе гласных в древних италийских наречиях (H. Benediktsson, The vowel syncope in Oscan-Umbrian. «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», XIX, 1960). Он прямо говорит о былом сильном динамическом ударении на начальном слоге — «a strong stress accent» (стр. 281), которое считается единственным вероятным объяснением синкопирования гласных (стр. 283).

[15] В качестве примера можно сослаться на работу Э. Лагеркранца, основным объектом для которого явился диалект иннари саамского языка, но который привлекает обширный материал и из других языков, в частности различных индоевропейских (см.: E. Lagerkrantz, Strukturtypen und Gestaltwechsel im Lappischen, Helsinki, 1927; см. также рецензии Н. И. Кравцова и мою на эту и другие работы Лагеркранца, «Психология», III, 2, М., 1930).

В. А. Богородицким и другими учеными. Согласно этой схеме, представляющей отношения гласных по интенсивности, наиболее сильным является гласный ударного слога, второе место занимает гласный первого предударного слога, третье — гласные остальных безударных слогов (второго и далее предударных, всех заударных). Отступления представляют начальные гласные и гласные конечного слога, открытого и закрытого, причем на гласные конечного слога оказывают воздействие два фактора — возможность совпадения конца слова и конца фразы (т. е. нахождение перед паузой) и отношения морфологического характера, поскольку конечный слог часто содержит словоизменительные окончания; на начальные же гласные воздействует один фактор — возможность совпадения начала слова и начала фразы. Эта схема свойственна не только основной массе акающих говоров, но и южной полосе северновеликорусских говоров (говоры с так называемым неполным оканьем, какими является значительная часть владимирских). Эта модель отступает как от модели соседних финно-угорских языков (правда, не все последние в этом отношении изучены, но большинство прибалтийских финских дает чередование по силе четных и нечетных слогов), так и от предполагаемой модели далекого предка не только восточнославянских наречий, но и славянской группы в целом. В общеиндоевропейской системе определенного периода, по-видимому, если объяснять возникновение ступени редукции в индоевропейском чередовании гласных сильным динамическим ударением, для чего есть веские основания, одним из наиболее слабых был первый предударный слог[16]. А. А. Шахматов полагал, что такое положение вещей сохранялось не только в праславянскую эпоху, но и в эпоху древнейших древнерусских памятников — именно в этих условиях, в сочетании с условием принадлежности к начальному слогу, по мнению Шахматова, наиболее рано стали утрачиваться слабые редуцированные[17]. Впрочем последнее объясняется скорее другими причинами: ранее всего теряются редуцированные, находящиеся в постоянно слабом положении, не соотнесенные с сильными редуцированными в той же морфеме[18], а такие постоянно слабые редуцированные действительно часто выступают в начальном слоге слова непосредственно перед ударным слогом.

Как бы то ни было, модель слова с точки зрения распределения в ней слоговых элементов по интенсивности в эпоху наступления аканья, насколько можно судить по отношениям наиболее архаических типов, была существенно иная. Конечно, если принять шахматовские объяснения, в основе которых лежат количественные отношения гласных ударного и предударного слога, первоначально модель была не та, что в этих типах, но эти объяснения несостоятельны в силу их внутренней противоречивости, о которой уже было сказано выше.

В некоторых опирающихся на экспериментальные данные фонетических работах последних лет оспаривается существенное значение отношений по интенсивности даже для таких языков, которые обычно относят к характеризующимся сильным динамическим ударением. Ср. Ура-

---

[16] Ср.: В. А. Богородицкий, Краткий очерк сравнительной грамматики ариоевропейских языков, 2-е изд., Казань, 1917, стр. 18, примеч. 1. Слабость этого слога, правда без указания на отношения к другим безударным слогам, отмечалась для определенной эпохи общеиндоевропейского состояния и в позднейшей литературе. Ср.: W. P. Lehmann, Proto-Indo-European phonology, Austin, 1955, стр. 111.

[17] См.: А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода..., стр. 218.

[18] См.: В. Н. Сидоров, Редуцированные гласные ъ и ь в древнерусском языке XI века, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», II, 1953.

боты Х. Моля и Э. М. Уленбека [19], Д. Л. Болинджера [20], Л. В. Златоустовой [21]. Моль и Уленбек вообще считают, что ухо человека не использует информацию об амплитуде, между тем как различия в интенсивности связаны с различием амплитуды воспринимаемых ухом воздушных колебаний. Златоустова показала применительно к русскому языку как литературному, так и некоторым говорам, что в ряде случаев ударный гласный характеризуется меньшей интенсивностью, чем безударный, причем это относится к самым различным по качеству гласным, независимо от различной степени их интенсивности самих по себе, на которую давно уже было обращено внимание. В большей степени, чем по интенсивности, различаются гласные по длительности, хотя и там имеют место колебания в известных пределах. Несомненно выступает, по Златоустовой, различие в характере спектра между ударными и безударными гласными одного и того же (приблизительно) качества — эти различия, конечно, показательны преимущественно для гласных, мало изменяющихся качественно в безударном положении, т. е. артикуляционно верхнего подъема, акустически диффузных (по терминологии Р. Якобсона и его сотрудников).

На основании весьма разнообразного языкового материала можно прийти к заключению, что различия гласных по длительности, представленные в данной языковой системе, сами по себе не приводят обычно к значительным качественным изменениям, каким подвергаются гласные в безударном положении. Поскольку же, как показывают и исследования Златоустовой, в определенных условиях ударные гласные и в современном языке характеризуются большей интенсивностью сравнительно с безударными, можно думать, что именно значительное различие по интенсивности между ударными и безударными гласными имело следствием неустойчивость и сильные изменения в артикуляционном отношении (а отсюда и акустические результаты), которыми характеризуются безударные гласные. Но различия в спектре, являющиеся результатом различий в укладке артикулирующих органов, являются более стойкими сравнительно с различиями по интенсивности, обусловленными степенью напряжения соответствующих органов, вследствие чего безударные гласные, даже редуцированные, становясь достаточно интенсивными в определенных позициях (в особенности в начальном слоге слова после паузы), сохраняют ту укладку органов речи и те спектральные характеристики, которые сложились в условиях, где соответствующие гласные были наименее интенсивными. Такому объяснению не противоречит и положение Моля и Уленбека о неиспользовании анализирующим слуховым органом человека информации об амплитудных различиях (основного тона), которые в действительности есть, но воспринимаются не непосредственно, а через факты, производные от них.

Что касается хронологии возникновения аканья, то наиболее мотивированной следует признать ту точку зрения, согласно которой оно не могло развиться до падения редуцированных; возражения, высказываемые В. И. Георгиевым против этого, не представляются достаточно убедительными. Принимая во внимание, что падение редуцированных охватывает в основном XII в. (для некоторых говоров можно предполагать сохранение редуцированных и в XIII в., но это как раз такие говоры, где

[19] H. Mol, E. M. Uhlenbeck, The linguistic relevance of intensity in stress, «Lingua», V, 2, 1956.

[20] D. L. Bolinger, A theory of pitch accent in English, «Word», XIV, 2—3, 1958.

[21] Л. В. Златоустова, Фонетическая структура слова в потоке речи, Казань, 1962; ее же, О природе словесного ударения в окающих говорах с редукцией и без редукции сравнительно с литературным языком, «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, III, М., 1962.

аканье не развилось и впоследствии), следует полагать, что аканье развилось не ранее XIII в. (или, самое раннее, конца XII в.), но и не позднее, поскольку в XIV в. оно уже отражается в некоторых памятниках. В эпоху возникновения аканья еще различались, несомненно, в одних и тех же позициях *е* и *ѣ*, с одной стороны, *о* и *ѣ*, с другой. Впрочем в части говоров, и притом таких, которые характеризуются архаическим типом безударного вокализма, эти гласные различаются и теперь.

В связи с вопросом об абсолютной и относительной хронологии возникновения аканья следует сказать несколько слов об оценке ее Шахматовым. В советском языкознании утвердилась такая точка зрения, согласно которой, по Шахматову, аканье возникло в далекие доисторические времена. Эта точка зрения отразилась и в статье Руделева. Некоторые высказывания Шахматова дают основания для такой квалификации его взглядов, и прежде всего то, что он считал аканье характерной чертой одной из основных восточнославянских диалектных групп эпохи племенных диалектов. Но Шахматов не был здесь, как и в других своих высказываниях, вполне последователен. У него же можно найти и указание на то, что аканье возникло лишь после падения редуцированных [22]. Но это указание мало вяжется с другими соображениями и утверждениями Шахматова.

Очень существенный вопрос — фонологическая интерпретация аканья и причин, обусловивших его возникновение и дальнейшее преобразование. Согласно положениям, выдвигаемым В. Г. Руделевым, именно фонологические отношения и обусловили для части наших говоров такие изменения безударного вокализма, которые принято называть аканьем. В ответе нуждаются по существу два вопроса (если иметь в виду статью Руделева): 1) возможно ли вообще, чтобы фонологические отношения были причиной фонетических изменений? 2) удовлетворительно ли то решение, которое предлагает Руделев специально для аканья?

Обычно чисто фонетические изменения, происходящие на протяжении истории языка и сами по себе не обусловленные фонологией, являются причиной перестройки фонологических отношений, а не наоборот. В качестве примера можно сослаться на такое важнейшее для исторической фонетики не только русского, но и других славянских языков явление, как падение редуцированных. Оно привело к очень важному фонологическому последствию — установлению фонологических различий согласных по твердости — мягкости (не-диезности ~ диезности, если пользоваться получившим распространение русским эквивалентом якобсоновской терминологии). Но само падение (хотя оно и было осложнено в деталях некоторыми фонологическими отношениями) фонологическими причинами не было вызвано — речь идет об утрате некоторых звуковых единиц, бывших (что легко доказать) самостоятельными и различными фонемами.

Что касается самой гипотезы Руделева, то она, как и некоторые другие работы последнего времени — имею в виду прежде всего статьи и рецензии В. К. Журавлева, которые требуют особого рассмотрения [23],— стремится истолковать историческое развитие звуковой системы языка, исходя из дифференциальных признаков Якобсона и их отношений. Объяснения Руделева вызывают следующие возражения, которые могут быть

---

[22] См.: А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода..., стр. 334—335.

[23] См.: В. К. Журавлев, Формирование группового сингармонизма в праславянском языке, ВЯ, 1961, 4; его же, Из истории вокализма в праславянском языке позднего периода, там же, 1963, 2; его же, [рец. на кн.:] A. Furdal, Rozpad języka prasłowiańskiego w świetle rozwoju głosowego, там же, 1963, 1.

обращены и к другим работам этого направления. Во-первых, самые дифференциальные признаки произвольно приписываются некоторым звуковым единицам (фонемам), которые соответствующими признаками могли и не характеризоваться, а порой и заведомо не характеризовались. Во-вторых, достаточным мотивом для фонетического изменения признается тот факт, что некоторые признаки становятся в силу тех или иных обстоятельств избыточными.

Гласные *е*, *о*, *а* для эпохи, предшествующей наступлению аканья, В. Г. Руделев рассматривает как компактные [24]. Из них безусловно компактным является *а*, а *е*, *о* нельзя точно характеризовать для той эпохи; для современного же языка они являются некомпактными [25]. Древнерусским *е*, *о* компактность приписывается вполне произвольно — иначе необходимо было определить, что автор понимает под компактностью и диффузностью, как определяется граница между ними и как происходит разбиение пары «диффузность ~ компактность» на две пары (по М. Халле).

Избыточность дифференциального признака «долгота ~ краткость» (в какой-то период, по мнению Руделева, все ударяемые диффузные долги, а все ударяемые компактные кратки) приводит, по Руделеву, к окончательной дефонологизации этого признака, в результате чего ударяемые диффузные и компактные гласные (т. е. вообще все гласные) перестают различаться по длительности [26]. Но избыточность никогда не является достаточным мотивом для фонетических изменений. Любая человеческая речь характеризуется наличием избыточной информации. Если бы этого не было, общение при помощи речи в условиях различного рода шумовых помех было бы просто невозможно, а если бы помех и не было, требовало бы непосильного напряжения нервной системы общающихся людей. Следует, кроме того, отметить, что автор путает фонологические и чисто фонетические отношения, поскольку под «окончательной дефонологизацией» понимает утрату фонетического различия гласных по длительности. Между тем это различие могло сохраниться и не будучи используемым фонологически, т. е. уже дефонологизованным.

На всех произвольных и необоснованных положениях Руделева можно и не останавливаться. В качестве примера можно привести, пожалуй, объяснение сокращения первоначально долгого *а* [27]. Это сокращение объясняется тем, что все диффузные фонемы относились к долгим, большинство же компактных к кратким; наиболее компактная фонема *а* была в то же время долгой, стать же диффузной, как наиболее компактная, она не могла, в результате чего и сократилась. Но откуда известно (даже если считать необходимым предполагаемое Руделевым выравнивание фонемных рядов), что фонема, бывшая некогда компактной, не может со временем коренным образом изменить свой облик? Праславянское *о*, перешедшее и в русский язык, восходит как к *ŏ*, так и к *ā* (ср., например, *коза́*, где *о*<*ā*, ср. др.-инд. *ajā́*, греч. ἀις, арм. *ayc*). Но это *о* в определенных условиях могло получить новый акут, а впоследствии дать закрытое *ô* или восходящий дифтонг (или полифтонг) *уо*, т. е., по крайней мере в начальной части (а по Руделеву, и полностью) стать диффузным (ср. род. падеж мн. числа *кôз*).

Для сколько-нибудь основательного рассмотрения предположений Руделева относительно изменений отношений гласных по длительности и фонологического значения этих изменений необходимо было бы, чтобы он ответил на вопрос: принимает ли он (целиком или в какой-то части)

[24] В. Г. Руделев, указ. соч., стр. 33.
[25] См.: M. Halle, Sound pattern of Russian, 's-Gravenhage, 1959, стр. 46.
[26] В. Г. Руделев, указ. соч., стр. 35.
[27] Там же, стр. 33.

те количественные изменения, которые различными исследователями (в том числе и Шахматовым) принимались для различных периодов развития праславянского языка, а если нет, то каким способом объясняет он те факты современных славянских языков, которые привели к предположениям о количественных изменениях гласных на праславянской почве?

Нельзя считать решенным вопрос о спонтанном или субстратном возникновении аканья в южновеликорусских говорах (вероятнее всего, возникло оно именно в одной из групп этих говоров и лишь отсюда распространилось затем на запад и на север). Из ныне сохранившихся языков, соседивших в прошлом и соседящих ныне с русскими говорами, наиболее близкую к аканью структуру безударного вокализма (правда, в синхронном плане полностью не сохранившуюся) представляет мордовский язык. В первую очередь речь идет, по-видимому, о мокшанском. Правда, еще Шахматов, приводя параллели из некоторых эрзянских говоров, указывал на переход лабиализованных в положении после твердых согласных в гласный неполного образования *ɑ* в непервом слоге слова, т. е. в слоге, который некогда был безударным, и даже сопоставлял соответствующее явление с фактами южновеликорусских и белорусских акающих говоров; однако сам же Шахматов отмечал, что в современных мордовских (эрзянских) говорах прежние гласные неполного образования (т. е. редуцированные) заменены гласными полного образования [28]. В современном эрзянском, как известно, ударение по месту нефиксированное (свободное), ударные же слоги по интенсивности от безударных отличаются незначительно. Таким образом, если и можно говорить о подобии эрзянской и южновеликорусской систем безударного вокализма, то лишь применительно к какой-то древней эпохе и к тому же весьма гипотетически.

В мокшанском, судя еще по данным Х. Паасонена, редуцированные гласные сосредоточены в безударных слогах (так же, как гласные верхнего подъема *u*, *i*, которые могут быть, впрочем, и под ударением), широкие же гласные, в особенности *a*, тяготеют к ударному слогу, причем ударение, имеющее тенденцию постановки на начальном слоге, может вообще падать и на другие слоги слова [29]. Возможно, что генетически качественные видоизменения части гласных связаны были с безударным положением. Но для мокшанского, как и для некоторых других финно-угорских языков, в особенности пермских, где наблюдается много общего с мокшанскими фактами (в особенности в современном коми-пермяцком и в древнепермском), встает вопрос, что́ от чего зависит в синхронном плане (причем не только для современного состояния, но и для каких-то сравнительно недавних временных срезов),— гласные меняются, попадая в безударное положение (как в соответствующих наших акающих говорах), или, напротив, ударение притягивается к определенным гласным? Судя по заимствованиям из русского языка, именно гласные определенного качества притягивают к себе ударение. Из-за возможной разноместности ударение в заимствованиях обычно сохраняет место, но если в начальном слоге узкий гласный, а в следующем (иногда и не непосредственно) слоге — широкий, ударение перетягивается на него; ср. *kərsa* ← русск. *кры́са*, *kukla'* ← русск. *ку́кла*, *ul'c'ä'* ← русск. *у́лица* [30]. В то же время, напротив, ударение, в русском языке падавшее на неначальный слог, может перетягиваться на начальный, если в нем был широкий гласный; ср. мокш.

[28] См.: А. А. Шахматов, Мордовский этнографический сборник, СПб., 1910, стр. 761—762.

[29] См.: H. Paasonen, Mordvinische Lautlehre, «Mémoires de la Société finno-ougrienne», XXII, 1903, стр. 114 и сл.

[30] Там же, стр. 117.

av͡ən′, *ov͡ən′* (по разным говорам) с ударением на первом слоге из русск. *ови́н*[31]. Впрочем следует заметить, что в соответствии с *о* в мокшанском в безударном положении может являться и *а*. К тому же наблюдения последних лет показывают некоторые расхождения с данными, приводимыми Паасоненом[32].

Вообще воздействие другого и даже неродственного и иного типологически по своему строю языка на данный в фонетическом отношении вполне возможно, многочисленные примеры этому засвидетельствованы. Но для решения вопроса, хотя бы и в гипотетическом плане, материала недостаточно. Необходимо тщательное, в том числе и экспериментальное исследование качества мокшанских безударных гласных в различных условиях, структуры слова с точки зрения отношения слогов по длительности и интенсивности и спектральных характеристик их слоговых элементов.

Наконец, очень сложный вопрос, возможно, отчасти связанный и с проблемой иноязычного возникновения аканья,— это вопрос о происхождении архаического типа вокализма первого предударного слога, сложившегося, вероятно, на почве тех говоров, где аканье первоначально возникло. Установленная в последнее десятилетие возможность полного параллелизма гласных первого предударного слога после мягких и после твердых согласных устранила многие трудности, встававшие раньше. Этот параллелизм полностью не сохраняется даже во всех архаических говорах просто потому, что различия между ъ, ʌ, *а* (после твердых согласных) легче стираются, чем между *i* и *а* после мягких согласных.

Прежде всего встает вопрос, возникает ли система архаического типа диссимилятивного аканья и яканья именно как система диссимилятивная или отношения диссимиляции между гласными ударного и первого предударного слога являются лишь случайным следствием некоторого другого фонетического процесса. Согласно Шахматову и интерпретаторам его теории эти диссимилятивные отношения явились лишь случайным следствием предполагаемых сокращений гласных. Диссимиляция представляет собой вообще редкое явление (она значительно менее регулярна в различных языках, чем ассимиляция, и к тому же она чаще представлена единичными фактами). Но все же она возможна. И, поскольку не имеет достаточных оснований предположение о сокращении части ударяемых гласных при заменительном удлинении предударных, рассматриваемые отношения могут быть поняты лишь как результат диссимиляции. Гласный первого предударного слога как после мягкого, так и после твердого согласного, выступает как *а* перед слогом с гласным верхнего подъема, как не *-а* (*i*, *е*, *ъ*), т. е. именно как гласный ненижнего (верхнего или среднего) подъема перед слогом с гласным неверхнего подъема. К гласным верхнего подъема должны быть причислены также *ě* и *ô*, если принять во внимание, что они, возможно, представлены были уже в эпоху начала аканья восходящими дифтонгами или полифтонгами, начинающимися с гласных верхнего подъема, как это наблюдается и теперь в части говоров, характеризующихся архаическим типом вокализма первого предударного слога (т. е. *ê* = *iê*, *ô* = *yô*).

Встают два вопроса: 1) почему эти отношения диссимиляции по подъему (или, если пользоваться акустической терминологией Якобсона, по

---

[31] H. Paasonen, указ. соч., стр. 116.

[32] На лучшее сохранение общемордовской системы гласных именно мокшанским языком указывает и В. И. Лыткин, придерживающийся гипотезы о возникновении аканья под мордовским влиянием (см. его доклад «К вопросу о происхождении аканья в русском языке», «Рязанский гос. пед. ин-т. Научная конференция 1957—1958 уч. года. Тезисы-аннотации докладов»).

компактности и диффузности) распространяются лишь на гласные первого предударного слога, являющиеся, если пользоваться терминологией московской фонологической школы, вариантами фонем *е*, *ĕ*, *о*, *ô*, *а*, но не фонем, представленных гласными верхнего подъема? 2) какими причинами все же вызвана эта диссимилятивная система, в особенности принимая во внимание редкость систематически проведенной диссимиляции? К ответу на первый вопрос следует сказать, что здесь необходимо дополнительное исследование — дополнительный сбор материала по соответствующим говорам, но уже теперь можно сказать, что засвидетельствованы случаи, когда *і* (после мягких согласных), *ы* после твердых вовлекаются в те позиционные чередования, каким подвергаются гласные, соотносимые с ударяемыми гласными неверхнего подъема; что же касается *у*, то этот гласный в большинстве русских говоров, как наиболее сильно лабиализованный верхнего подъема, наиболее устойчив, в наименьшей степени подвержен качественным изменениям. Кроме того, принимая во внимание, что в некоторых говорах с архаическим типом диссимилятивного яканья в предударном слоге перед гласными неверхнего подъема в соответствии с ударными *е*, *ĕ*, *о*, *ô*, *а* является не *і*, а *е*, можно думать, что и первоначально соответствующий гласный если и не был *е*, то во всяком случае отличался от *і*, так же как *ъ* (после твердых согласных) отличается от *ы*.

Сложнее ответить на вопрос о причинах образования диссимилятивной модели. Здесь мы опять возвращаемся к возможности субстратного происхождения системы безударного вокализма в зоне первоначального возникновения яканья. Влияние субстрата может сказаться не только прямым, но и обратным воздействием. Такая мысль была некогда высказана В. Н. Сидоровым, но письменно не оформлена и нигде не опубликована. Говорящие, переходящие с одной языковой системы на другую, могут не только усваивать особенности новой системы и сохранять некоторые особенности старой, но могут и отталкиваться от особенностей старой, усиливая те отличия, которые существуют между старой и новой системой. Так, при переходе от сингармонистической системы вокализма, которая основана на ассимиляции гласных в пределах слова, к системе несингармонистической говорящие могут не только усваивать модель, не имеющую отношения к сингармонизму, но и создавать модель антисингармонистическую, основанную на диссимиляции (т. е. создавать своего рода «гиперкорректные» с точки зрения усваиваемого языка формы). Сингармонистические отношения в некоторых языках, с которыми приходилось издавна сталкиваться именно тем восточнославянским говорам, в которых начинается аканье, представлены. Таковы различные тюркские языки, некоторые финно-угорские (например, эрзя мордовский). Но сложность состоит в том, что диссимилятивная система, представленная в нашем архаическом типе, не является прямо противоположной никакой из систем, представленных в сингармонистических языках, где известен сингармонизм или по ряду (переднему — заднему, высокой — низкой тональности, если пользоваться терминологией признаков Якобсона) или по лабиализации (бемольности ~ не-бемольности), но не по подъему (или компактности — диффузности). Вопрос пока остается открытым.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1964

А. Н. ТИХОНОВ

ЧИСТОВИДОВЫЕ ПРИСТАВКИ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ВИДОВОГО ФОРМООБРАЗОВАНИЯ

I. Изучение чистовидовых приставок[1] имеет длительную историю. В русской грамматической традиции оно связано с именами М. В. Ломоносова, Н. И. Греча, А. Х. Востокова, Г. К. Ульянова, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова и др. В советское время чистовидовым префиксам уделяется внимание в работах В. В. Виноградова, П. С. Кузнецова, Т. П. Ломтева, Ю. С. Маслова, Н. А. Янко-Триницкой, И. П. Мучника, Б. Н. Головина и др. В связи с изучением общих и частных вопросов глагольного слово- и формообразования проблемы, связанные с чистовидовыми приставками, затрагиваются в ряде диссертационных работ — Е. А. Земской, Е. И. Самохваловой, В. А. Приходько, Е. Н. Прокопович, Н. С. Авиловой, В. П. Григорьевой, М. А. Теленковой, Э. Галнайтите и др.

Из зарубежных славистов заметный вклад в изучение чистовидовых приставок внесли Э. Кошмидер, А. Богуславский, А. Вайан, М. Вей, И. Польдауф, Ф. Копечный, Й. Немец, К. Г. Ван Схонефельд и др.

Основные результаты исследований чистовидовых приставок в работах упомянутых авторов сводятся к следующему: 1) обнаружено (но убедительно не доказано) существование в русском языке приставок, выступающих исключительно в грамматической функции, т. е. изменяющих только видовое значение глагола; 2) члены корреляций, образуемых при помощи чистовидовых приставок (эти корреляции будем называть префиксальными), семантически тождественны. Однако в чем выражается и как проявляется их семантическая тождественность, специально не изучалось и даже не было продемонстрировано на убедительных примерах; 3) в чистовидовой функции приставки выступают в составе глаголов определенных структурно-семантических групп. Основная заслуга в обосновании этого важного положения принадлежит Г. К. Ульянову и В. В. Виноградову.

При определении сущности чистовидовых приставок остается нерешенным целый ряд вопросов: 1) семантическое взаимоотношение исходных основ несовершенного вида и их совершенных коррелятов с чистовидовыми префиксами; 2) семантическая соотносительность членов префиксальных и суффиксальных корреляций; 3) соотношение и взаимодействие процессов перфективации и имперфективации глаголов в русском языке; роль и место каждого из этих процессов в системе глагольного слово- и формообразования; 4) выявление особенностей каждого чистовидового префикса (семантика и структура основ, в сфере которых префикс употребляется; случаи полной и частичной утраты лексического значения префикса; продуктивность префикса в современном русском языке).

---

[1] О преимуществах термина «чистовидовые приставки» перед остальными см.: А. Н. Тихонов, К вопросу о чистовидовых приставках в современном русском языке, «Труды Самаркандск. гос. ун-та», Новая серия, 118, 1962.

В настоящей статье будут рассмотрены первые три проблемы.

II. Тезис о семантической тождественности членов префиксальных корреляций, выдвинутый сторонниками теории чистовидовых приставок, оказался наиболее слабым звеном в доказательстве их основных теоретических положений. Это дало повод поставить под сомнение и прямо отрицать само существование чистовидовых приставок (С. О. Карцевский, Ю. С. Маслов, А. В. Исаченко). В связи с этим основные процессы глагольного видообразования — перфективация и имперфективация — рассматриваются первый как процесс только словообразовательный, второй как словоизменительный; тем самым между этими тесно связанными и постоянно взаимодействующими процессами воздвигнута китайская стена.

1. О характере семантического взаимоотношения исходных основ несовершенного вида и их совершенных коррелятов с чистовидовыми приставками. Аспектологи, отрицающие существование чистовидовых приставок, обычно отмечают, что исходный глагол и производный глагол, образованный при помощи так называемой «пустой» приставки, не имеют полной синонимичности, т. е. не являются семантически тождественными. Действительно, среди образований с чистовидовой приставкой имеются глаголы, которые соответствуют исходной основе не во всех значениях; ср. *чернеть — почернеть*, *командовать — скомандовать* и т. п. Однако подобные глаголы сравнительно немногочисленны. Их наличие не колеблет общей закономерности, характеризующей образования с чистовидовыми приставками. Эта закономерность заключается в том, что производная основа совершенного вида с чистовидовой приставкой, как правило, дублирует все значения исходной основы несовершенного вида. Характерно, что при полисемантизации у них возникают одни и те же значения. В этом отношении небезынтересно сравнить многозначные глаголы, в которых наиболее отчетливо проявляются характерные особенности семантического взаимоотношения членов видовых пар. Ср., например, *ставить—поставить*. По данным материалов имеющихся словарей, ленинградской словарной картотеки АН и по непосредственным наблюдениям автора эти глаголы обладают сложной, разветвленной системой значений, которая у них полностью совпадает. *Ставить* и *поставить* имеют 21 основное значение, 14 оттенков этих значений, 37 случаев лексически ограниченного употребления (в ряде случаев они очень близки к устойчивым словосочетаниям), более 50 фразеологических оборотов. Таковы же отношения глаголов *терять* и *потерять*, *строить* и *построить*, *делать* и *сделать*, *гаснуть* и *погаснуть*, *тухнуть* и *потухнуть*, *тонуть* и *потонуть*, *гибнуть* и *погибнуть*, *гасить* и *погасить*, *крепнуть* и *окрепнуть* и др. Параллелизм значений членов префиксальных корреляций наблюдается в сфере глаголов с чистовидовыми приставками и отсутствует среди образований с лексическими приставками. Глагол с лексической приставкой при полисемантизации обычно обнаруживает стремление обособиться от исходной основы; он все более семантически отдаляется от нее и может совершенно утратить с ней смысловую связь; ср. *ставить — поставить*, но *ставить — оставить*, *ставить — заставить* (сов. к *заставлять*).

Некоторые аспектологи этого не учитывают. Так, А. В. Исаченко отрицает существование чистовидовых префиксов и образования с такими приставками рассматривает как совершаемости действия, которые в его понимании являются «семантической модификацией исходного простого или приставочного глагола»[2]. В результате в одном ряду яв-

[2] А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. II, Братислава, 1960, стр. 216.

лений оказываются не только приставочные глаголы, не синонимичные со своими производящими, но и семантически полностью совпадающие с ними. Так, к результативной совершаемости А. В. Исаченко относит как глаголы типа *поставить*, *построить* и т. п., так и разнообразные семантические модификации этих исходных основ — *настроить*, *понастроить* и т. п.

Совершаемости А. В. Исаченко очень нечетко отграничены как друг от друга, так и от фактов видового формообразования. Хотя он полагает, что «глаголы, выражающие ту или иную совершаемость, представлены всегда лишь одной видовой формой» (стр. 218), он включает в совершаемости и глаголы, образующие видовые пары, см., например, на стр. 225 *заговорить* (ср. *заговаривать*), *запеть* (ср. *запевать*) и др., относимые к начинательной совершаемости. Возникает вопрос, чем отличаются соотношения *говорить* : *заговорить* и т. п. от таких, как *кричать* : *закричать*, второй член которых вполне законно относится к совершаемости (стр. 217, 230). Ср. также *приунывать* и *приутихнуть*//*приутихать* (стр. 240); *изранить* и *искалечить*//*искалечивать* (стр. 245) и др. В результативной совершаемости выделяется 10 оттенков; вряд ли можно отнести к достижению результата такие глаголы, как *перезимовать*, *отдежурить* и некот. др. В то же время совершаемость, названная распределительной (дистрибутивной: *перекусать*, *перебелить*, *позакрывать* и т. п., стр. 287—290) и имеющая непосредственное отношение к результативности, выделена в самостоятельную рубрику. Таких замечаний по поводу совершаемостей А. В. Исаченко можно сделать много.

Теоретически отрицая наличие в русском языке чистовидовых префиксов, А. В. Исаченко при анализе конкретных фактов все же вынужден делать оговорки. Так, на стр. 175 он пишет: «Не исключено, что в единичных случаях действительно последние следы лексического значения приставки „выветрились“. Но это лишь отдельные, частные случаи, притом сравнительно редкие». Более того, в разделе «„Конкуренция видов“ в прошедшем времени» (стр. 438—441) он использует префиксальные корреляции в качестве иллюстративного материала наряду с другими типами видовых пар: *сказал*/*говорил*, *сообщали*/*сообщили*, *просил*/*попросил*, *строил*/*построил* и др. См. также на стр. 368—369: *дом строится — дом построен*, *это письмо писал*/*написал мой брат*. В других местах своей работы А. В. Исаченко или совершенно отрицает парность этих глаголов или ставит ее под сомнение (стр. 137, 168, 175 и др.)[3]. Замечание А. В. Исаченко о том, что чистовидовые приставки представляют собой «отдельные частные случаи, притом сравнительно редкие», ничем не подтверждается: ни Исаченко, ни кто-либо другой специально исследованием чистовидовых приставок и выявлением круга их распространения не занимались.

2. Сопоставительная характеристика семантической соотносительности членов префиксальных и суффиксальных корреляций. Под влиянием работы С. О. Карцевского «Система русского глагола» в аспектологии распространяется мысль о словообразовательном характере перфективации. Единственной «операцией» «чисто грамматического характера» С. О. Карцевский считает имперфективацию[4]. В последнее время эта

---

[3] В этой связи можно также отметить случаи, когда А. В. Исаченко члены префиксальных корреляций рассматривает как формы времени одного глагола. Так, префиксальный глагол *смочь* он включает во временную парадигму беспрификсального глагола *мочь* (стр. 95).

[4] С. Карцевский, Система русского глагола. IV — Вид, сб. «Вопросы глагольного вида», М., 1962, стр. 227.

точка зрения развивается в работах Ю. С. Маслова и А. В. Исаченко[5], хотя их взгляды имеют некоторые существенные отличия. С. О. Карцевский относил виды к словообразованию. Он писал: «Морфологическая система видов основана на отглагольной деривации. Игра видовых форм представляет собой лишь своего рода частный случай более широкой и более сложной игры форм, какой является глагольное словообразование в целом» (стр. 220). Ю. С. Маслов и А. В. Исаченко всю перфективацию (включая и чистовидовую) оставили в словообразовании, а имперфективацию отнесли к формообразованию. Таким образом, основные процессы видового формообразования — чистовидовая перфективация и имперфективация — оказались оторванными друг от друга.

Вывод этот не основан на анализе материала, достаточного для такого ответственного решения. Факты приводят к иному выводу: в образовании видовых пар между перфективацией, осуществляемой при помощи чистовидовых приставок, и имперфективацией нет принципиальных различий. Члены префиксальных видовых пар типа *ставить — поставить*, как и члены суффиксальных пар типа *открыть — открывать*, являются лексически идентичными.

В оценке перфективации как процесса целиком словообразовательного определенную роль сыграло, очевидно, наблюдение над тем, что среди префиксальных корреляций имеются случаи нарушения семантической тождественности коррелятов. Сопоставление семантической соотносительности членов суффиксальных и префиксальных корреляций показывает, что нарушение семантической соотносительности между членами видовых пар не является исключительной особенностью префиксальных корреляций. Оно наблюдается и в суффиксальных парах. Ср. (по словарю Ушакова): *продуть* (4) — *продувать* (3), *окружить* (3/1) — *окружать* (3/3), *произвести* (5) — *производить* (6), *прожить* (2/1) — *проживать* (3/1), *проколоть* (3) — *прокалывать* (2), *пропустить* (6) — *пропускать* (5), *прострелять* (1/1) — *простреливать* (1/2), *выделать* (3) — *выделывать* (5), *выступить* (11) — *выступать* (8), *встать* (7) — *вставать* (8), *заворожить* (3) — *завораживать* (1), *закрутить* (6) — *закручивать* (3/1)[6] и т. п.

В этом отношении представляют интерес цифровые данные. Из 1260 рассмотренных суффиксальных видовых пар 1180 состоят из семантически тождественных коррелятов, что составляет 94,5%; из 1235 префиксальных пар 1025 состоят из семантически тождественных коррелятов, что составляет 83%. Семантическая тождественность коррелятов в префиксальных видовых парах нарушается чаще, чем в суффиксальных, что, очевидно, объясняется в какой-то степени относительной молодостью приставочных корреляций. Однако расхождение цифровых данных не столь большое, чтобы придавать ему принципиальное значение. Ясно одно: лексическая природа префиксальных и суффиксальных корреляций имеет много общего.

Суффиксальные и префиксальные корреляции выражают семантически однотипные видовые противопоставления. Ср. *изготовлять — изготовить* (что-либо) и *делать — сделать* (что-либо); *засекретить — засекречивать* и *кодировать — закодировать*; *показывать — показать* (фильм) и *демон-*

---

[5] Ю. С. Маслов, Глагольный вид в современном болгарском языке, I. Докт. диссерт., Л., 1957, стр. 57—58; А. В. Исаченко, указ. соч., стр. 137, 176.

[6] Цифры в скобках обозначают количество значений. Дробь используется для подачи видовых пар, члены которых имеют несоотносительные значения; в числителе указываются значения, общие с значениями другой видовой формы, а в знаменателе даются значения, отсутствующие в другой видовой форме.

стрировать — продемонстрировать (фильм); (ветер) *уменьшается — уменьшился* и (ветер) *слабеет — ослабел*; (ветер) *усиливается — усилился* и (ветер) *крепчает — покрепчал*; *превращаться — превратиться* (в черное) и *чернеть — почернеть* и т. п. Ср. также *срисовать — срисовывать*, *списать — списывать* и *скопировать — копировать*, *сфотографировать — фотографировать*, *скалькировать — калькировать*; *сколоть — скалывать*, *соединить — соединять*, *собрать — собирать* и *сформировать — формировать*, *сконцентрировать — концентрировать*, *скомпоновать — компоновать* и т. п. Почти для каждой префиксальной корреляции можно указать соответствующий семантический тип суффиксальной корреляции. Думается, при определении роли перфективации и имперфективации в языке этот факт не может остаться вне внимания аспектолога. К сожалению, исследованием подобного рода группировок в различные периоды развития языка никто не занимался.

3. **Связь и взаимодействие процессов чистовидовой перфективации и имперфективации** обнаруживаются прежде всего в существовании соотношения «первичный имперфектив : перфектив : вторичный имперфектив» (обозначим его $A : B : C$), где перфективный член (B) семантически соотносится и с первичным имперфективом (A) и с вторичным (C). Примеры: *слабеть : ослабеть : ослабевать*; *гибнуть : погибнуть : погибать*; *гаснуть : погаснуть : погасать*; *гасить : погасить : погашать*; *тухнуть : потухнуть : потухать*; *морщить : сморщить : сморщивать*; *формировать : сформировать : сформировывать* и т. п.

Главной особенностью таких соотношений является полная или частичная семантическая тождественность компонентов, т. е. здесь могут быть случаи: 1) $A = B = C$; 2) $A > C$, но $A = B$ или $C > A$, но $C = B$; 3) $A < B > C$, но $A + C = B$[7].

Ср. *слабеть — ослабеть — ослабевать*: 1) «Становиться (стать) физически слабым». «Он (Мересьев) заметно *слабел* и день ото дня худел и чахнул...» (Полевой, Повесть о наст. человеке); «Старец *ослабел* силами» (Лесков); «Наконец, приметя, что Швабрин *ослабевает*, я стал... на него наступать» (Пушкин, Капитанская дочка); «Силы *слабеют*» (Герцен, Былое и думы); «Силы его приметно *ослабевали*» (Словарь языка Пушкина, III); ноги, руки и т. п. *слабеют, ослабели, ослабевают*; слух, зрение, память и т. п. *слабеют, ослабели, ослабевают*. 2) «Уменьшаться (уменьшиться), становиться (стать) слабее по силе проявления». «Шум все *слабел* и *слабел*» (Катаев, Белеет парус одинокий); «Глухой шум деревьев то рос, то *ослабевал*» (Вересаев, На повороте); «Мало-помалу звуки ее голоса *слабели, слабели* и совсем стихли» (Григорович, Деревня); «У старика была громовая октава. И — странное дело — голос его не прерывался, *не слабел*, а наоборот, крепчал с каждой секундой» (С. Диковский, Осечка); «Голос дьякона *ослабел*» (Апухтин, Между смертью и жизнью); «Голос чтеца *ослабевал*» (Греч, Черная женщина); || «Интерес зрителя к герою неизбежно *слабеет*» (Симонов, Проблемы развития советской драматургии, «Лит. газ.», 22 окт. 1953); «Зато значительно *ослабел* (у Ивана Дмитрича) интерес к внешнему миру» (Чехов, Палата № 6); «Наверно, каждый из слушателей не менее десяти раз присутствовал на „преставленьях" Замошникова, но интерес вовсе не *ослабевает* от этого» (Куприн, Ночная смена); талант *слабеет, ослабел, ослабевает*. Такое же соотношение наблюдается во всех остальных значениях. Как показывают примеры, семантически *слабеть = ослабеть = ослабевать*.

Соотношения типа $A : B : C$ следует отличать от внешне сходных, но

---

[7] Ю. С. Маслов считает, что в таких «тройках» коррелят A обозначает действие непредельное, а C действие предельное («Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида», «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов», М., 1963, стр. 206—214), откуда, по его мнению, следует, что между членами префиксальных корреляций нет семантической тождественности. При этом не учитывается целый ряд важных моментов: значение предельности—непредельности в этих формах часто оказывается контекстуально обусловленным; A и C не всегда отличаются значением предельности и непредельности; значение предельности—непредельности в системе видов не выходит за рамки грамматических значений; среди видовых корреляций такие «тройки» занимают незначительное место (не более 1%) и характеризуются нестабильностью и нерегулярностью.

не совпадающих с ними соотношений типа *делать* : *переделать* : *переделывать*, где, как правило, $A \neq B$, но $B = C$.

Соотношения типа $A : B : C$ в русском языке существовали ранее и существуют ныне[8]. Они необходимо возникают тогда, когда появляется перфективный глагол, для которого еще нет парного глагола другого вида: ни первичный имперфективный глагол, ни вторичный не составляют ему подлинной пары. Возникающее двойное коррелирование (с первичным и вторичным имперфективами) является аномалией; требования нормализации побуждают перфективный коррелят избрать в качестве единственного и подлинного члена пары A или C. Выбор длится разное время. Однако рано или поздно A и C становятся дублетами и оказываются в позиции взаимного исключения. Поэтому один из них со временем исчезает. Такова в русском языке обычная судьба рассматриваемых «троек». Примеры: 1) A вытесняет C: *губить* : *погубить* : *погублять* (устар.); *топить* : *потопить* : *потоплять* (устар.); *делать* : *сделать* : *сделывать* (C исчезло совсем); *тонуть* : *потонуть* : *потопать* (устар.); *чинить* : *починить* : *починять* (устар.); *ставить* : *поставить* : *поставлять* (устар., в значении «помещать стоймя; строить» и т. п.); 2) C вытесняет A: *полнить* (арх.) : *наполнить* : *наполнять*; *казить* (арх.): *исказить* : *искажать*; *сякнуть* (арх.) : *иссякнуть* : *иссякать* и т. п. История таких соотношений не дает повода говорить о какой-либо тенденции к вытеснению префиксальных корреляций суффиксальными: часто (если не чаще) язык предпочитает сохранить префиксальную пару, а не суффиксальную.

Роль и место имперфективации и перфективации в различных славянских языках неодинакова. Например, в русском и чешском языках перфективация играет большую роль как в словообразовании, так и в формообразовании, в целом ряде случаев формообразования успешно конкурируя с имперфективацией и даже вытесняя ее. Иная картина наблюдается в болгарском языке, где вторичная имперфективация возможна от любого перфективированного с помощью префикса глагола, даже от глаголов с начинательными и детерминативными префиксами[9]. Поэтому очень опасно переносить выводы, сделанные на материале одного славянского языка, на другой. Как кажется, это случилось в работе Ю. С. Маслова, который, анализируя видовой механизм болгарского глагола, пришел к выводу о формообразующем характере имперфективации и словообразовательном характере перфективации в болгарском языке, а затем перенес это на русскую почву[10].

[8] См. работы: М. Н. Кожина, Морфология глагола в «Ведомостях» петровского времени. Канд. диссерт., Л., 1953; В. А. Приходько, Формы и категории глагола в произведениях А. Д. Кантемира. Канд. диссерт., Л., 1953; ее же, О развитии соотносительных видовых форм русского глагола, «Уч. зап. [ЛГУ]», 277. Серия филол. наук, 55 — Исследования по грамматике русского языка, II, 1959; М. В. Иоанина, Категория вида и залога в русском литературном языке начала XVIII в. Канд. диссерт., Л., 1955; А. Н. Тихонов, О стилистической и смысловой дифференциации вариантных форм несовершенного вида глаголов с грамматикализованными префиксами, «Краткие сообщения Узб. гос. ун-та им. А. Навои. Кафедра русск. языкознания», Самарканд, 1959; Н. С. Авилова, Материалы к истории видовых соотношений глагола, сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», V, М., 1962.

[9] См.: Л. Андрейчин, К морфологической характеристике видовой системы современного болгарского языка, сб. «Вопросы глагольного вида», стр. 233—234. Если русский глагол с чистовидовой приставкой коррелирует с первичным имперфективом, то соответствующий ему болгарский префиксальный глагол образует видовую пару с вторичным имперфективом. Ср. *ставить* ← *поставить* и *поставя* → *поставям*, *желтеть* ← *пожелтеть* и *пожълтея* → *пожълтявам* (ср. также *жълтея*), *белеть* ← *побелеть* и *побеля* → *побелявам*, *тушить* ← *потушить* и *потуша* → *потушавам*.

[10] См.: Ю. С. Маслов, указ. соч.; его же, Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида (доклад на IV Международном съезде славистов), М., 1958. В более ранней работе

Обратим внимание еще на два чрезвычайно интересных, но недостаточно изученных явления, связанных с участием префиксов в чисто грамматических «операциях»: на участие префиксации в видовой дифференциации двувидовых глаголов и в образовании видовых пар. Охарактеризуем вкратце эти процессы.

Роль префиксации в видовой дифференциации двувидовых глаголов. В русском языке существует ясно выраженная тенденция к разрушению класса двувидовых глаголов. Двувидовые глаголы, в которых, как правило, видовые значения морфологически или вообще не выражаются или выражаются недостаточно четко, приобретают особую для каждого вида морфологическую форму и переходят в класс парных по виду глаголов. В качестве морфологических средств видовой дифференциации двувидовых глаголов используются суффиксы и приставки. Выбор того или другого способа выражения обусловливается тем, какое из видовых значений возобладало в глаголе. Если в двувидовом глаголе возобладало перфективное значение, он, естественно, нуждается в имперфективации; для этого используется суффикс. Если же в двувидовом глаголе возобладало имперфективное значение, он подвергается перфективации; избирается подходящий для его группы префикс. Этот путь устранения двувидовости в русском преобладает. Выбор суффиксации или префиксации зависит и от других факторов. Так, например, он может зависеть от ударения. Использование суффикса возможно только в том случае, если ударение падает на конечный гласный суффикса (*-ова́ть*). Ср. *атакова́ть — атаковывать*, *арестова́ть — арестовывать*, *конфискова́ть — конфисковывать*, *образова́ть — образовывать* и т. п. Префиксация такого ограничения не имеет. Ср. *патентова́ть — запатентова́ть*, *силосова́ть — засилосова́ть*, но: *мини́ровать — замини́ровать*, *прихо́довать — заприхо́довать*, *свидетельствовать — засиде́тельствовать* и т. п. В некоторых типах образований, например в основах на *-ировать* (всегда с постоянным ударением на *и*), префиксация является единственным средством дифференциации видов. Если учесть, что в сфере двувидовых глаголов подобные образования являются самым большим и продуктивным классом[11], то становится ясно, как широка сфера действия префиксации как способа устранения двувидовости в русском языке. Образование совершенного вида этих глаголов путем префиксации — очень продуктивный и прогрессирующий способ видообразования. Нельзя забывать о том, что необходимость устранения двувидовости вызвана потребностями системы; поэтому префиксация в этом случае связана с чистым видообразованием и никакого отношения к словообразованию не имеет.

Приведем словарные данные хотя бы по двум приставкам *с-* и *за-*. Глаголы с приставкой *за-*: в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. (С-47) всего четыре глагола: *арестовать — заарестовать*, *арендовать — заарендовать*, *пеленговать — запеленговать*, *секвестровать — засекве́стровать*. В словарь Ушакова (СУ) вводятся пары: *бронировать — забронировать* (с пометой «нов.»), *консервировать —*

Ю. С. Маслова «Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке» (ИАН ОЛЯ, 1948, 4) приставки рассматриваются как морфологическое средство образования видовых пар и перфективация не противопоставляется имперфективации.

[11] В этом плане интересны данные, приводимые И. П. Мучником в статье «Двувидовые глаголы в русском языке» (сб. «Вопросы культуры речи», III, М., 1961). По подсчету И. П. Мучника, в словаре Ушакова двувидовых глаголов чисто русского и старославянского происхождения — 52 (не включая позднейшие образования типа *большевизировать*; см. стр. 96, 97); двувидовых глаголов, «образованных от основ, заимствованных из разных языков, главным образом западноевропейских» — 575, среди них глаголов с суффиксом *-овать* — примерно 40, с суффиксом *-изовать* — примерно 30, все остальные имеют суффикс *-ировать* (*-ифицировать*, *-изировать*).

законсервировать, *конспирировать* — *законспирировать*, *патентовать* (С-47) — *запатентовать*, *протоколировать* — *запротоколировать*, *фиксировать* — *зафиксировать* (6 слов). Словарь Ожегова (СО): *актировать* — *заактировать*, *визировать* (СУ) — *завизировать*, *минировать* (СУ) — *заминировать*, *резервировать* — *зарезервировать*, *силосовать* (СУ) — *засилосовать*, *хлороформировать* (СУ) — *захлороформировать*, *асфальтировать* (СУ) — *заасфальтировать* (7 слов). «Словарь русского языка» АН СССР в 4 томах (САН-4): *гудронировать* (СУ) — *загудронировать*, *известковать* (СУ) — *заизвестковать*, *инвентаризовать* (СУ) — *заинвентаризовать*, *камуфлировать* — *закамуфлировать*, *кодировать* — *закодировать*, *компостировать* (СУ) — *закомпостировать*, *матрицировать* (СУ) — *заматрицировать*, *мульчировать* — *замульчировать*, *наркотировать* (СУ) — *занаркотировать*, *ретушировать* (СУ) — *заретушировать*, *стоговать* — *застоговать*, *цементировать* (СУ) — *зацементировать*, *центровать* (СУ) — *зацентровать* (13 слов). С-47: 4, СУ: 6, СО: 7, САН-4: 13.

Можно привести много слов, не зафиксированных словарями, но на наших глазах прочно входящих в научно-техническую терминологию: *табулировать* — *затабулировать*, *экранировать* — *заэкранировать*, *программировать* — *запрограммировать*, *синхронизировать* — *засинхронизировать*, *блокировать* — *заблокировать* (катод) и т. п.

Глаголы с приставкой *с-*: *провоцировать* (СУ) — *спровоцировать* (СУ), *конструировать* (СУ) — *сконструировать* (СУ), *моделировать* (СУ) — *смоделировать* (САН-4) и т. п. (около 20 слов). Примеры из научно-технической литературы, не отмеченные в словарях: *фазировать* — *сфазировать* (радиотехнич.), *моделировать* — *смоделировать* (кибернетич.).

Можно уверенно сказать, что в подавляющем большинстве случаев имперфективация здесь невозможна.

Активное участие префиксов в образовании видовых пар в современном русском языке. Префиксы широко используются как единственно возможное средство перфективации глаголов несовершенного вида, не имеющих формы совершенного вида, образованной при помощи суффикса. (Разумеется, в данном случае нас интересуют не все приставочные образования, а лишь те из них, которые возникают как чистовидовые соответствия исходных глаголов.) Возникновение в языке бесприставочного глагола несовершенного вида, способного (по своему лексическому значению) иметь парный глагол другого вида, всегда влечет за собой с необходимостью образование перфективной формы, выражающей отношение этого действия к внутреннему пределу.

Префиксация вновь возникающих глаголов несовершенного вида осуществляется независимо от того, являются ли они производными от исконно русских или заимствованных основ или представляют собою прямые заимствования. Однако в группе глаголов на *-овать* видовое формообразование осуществляется преимущественно при помощи префиксов, а в глаголах с суффиксом *-ировать* исключительно путем префиксации. При этом каждый префикс как бы закрепляется за определенными структурно-семантическими группами глаголов. Так, в группе глаголов на *-овать* большую роль играют приставки *за-*, *про-*, *с-* и др. Особенно продуктивной является приставка *за-*. Вот некоторые словарные данные: *баррикадировать* (СУ) — *забаррикадировать* (СУ), *бетонировать* (СУ)— *забетонировать* (СО), *балластировать* (СУ) — *забалластировать* (СУ), *вуалировать* (СУ) — *завуалировать* (СУ), *гипнотизировать* (СУ) — *загипнотизировать* (СУ), *гипсовать* (СУ) — *загипсовать* (СУ), *кольцевать* (СУ) — *закольцевать* (СО), *конспектировать* (СУ) — *законспектировать* (СО), *культивировать* (САН-4) — *закультивировать* (САН-4) и мн. др. Приставка *по-* является продуктивным средством образования видовых корреляций в сфере отыменных исконно русских глаголов, преимущественно в глаголах, обозначающих психические переживания, типа *мрачнеть* — *помрачнеть*. В САН-4 впервые вводится более 10 таких глаголов. Примеры, не зафиксированные в словарях: *грустнеть* (Г. Николаева) — *погрустнеть* (Твардовский), *скучнеть* (Ю. Крымов) — *поскучнеть* (Осеева) и др. Таких образований в современном русском языке немало.

От этих глаголов вторичные имперфективы не образуются. Известно, что если приставочный глагол вполне соответствует исходному как член видовой корреляции, то надобность в продолжении видовой цепи отпадает и вторичный имперфектив уже не образуется. По-видимому, и здесь этот факт связан с тем, что роль префикса сводится к образованию видовых пар.

Таким образом, префиксы не только активно участвуют в образовании видовых корреляций, но и имеют собственные «сферы влияния», недоступные для суффиксов и все более и более расширяющиеся в своих границах [12].

III. Исследование особенностей перфективации и имперфективации имеет прямое отношение и к практике лексикографической работы. Обратимся к опыту 4-томного академического «Словаря русского языка». Судя по материалу, который подвергся сплошному исследованию, составители этого словаря с явным недоверием отнеслись к формообразовательным возможностям перфективации и слишком переоценили роль имперфективации в образовании видовых корреляций.

В сравнении с предыдущими толковыми словарями (СО и СУ) в САН-4 префиксальные корреляции занимают весьма скромное место: вместо сотен корреляций авторы САН-4 сохранили несколько десятков недостаточно тщательно выбранных видовых пар с приставками *по-*, *с-* и отдельные видовые пары с префиксами *на-*, *у-* и некот. др. Совсем изъяты корреляции, образуемые при помощи одной из распространенных чистовидовых приставок — *о-*, несмотря на существование множества бесспорных случаев семантического тождества коррелятов. Ср. многозначные *каменеть* (3 + 2) — *окаменеть* (3 + 2), *крепнуть* (3 + 2) — *окрепнуть* (3 + 2) [13] и т. п. В результате у лексически идентичных глаголов оказалась разная система значений (и количественно и качественно), разное соотношение значений и оттенков значений, разная связь и зависимость основных и производных значений и т. д.

Приведем несколько примеров. Глагол *пустеть* характеризуется: «Становиться пустым, ничем не заполненным. *Я с тоской смотрел, как пустела моя квартира.* И. Гончаров [14]. // Становиться безлюдным. *Улицы быстро пустели.* Катаев». В производном *опустеть* значение «становиться безлюдным» дается как самостоятельное: «1. Стать пустым, ничем не заполненным, никем не занятым. *И вот гнездо (грачей) уже опустело.* Лидин. 2. Стать пустынным, безлюдным или малолюдным. *Опустела темная улица.* Лаптев». Ср. также *рисовать* (1 + 2) и *нарисовать* (2 + 1); *щадить* (2 вместо 3) и *пощадить* (3); *калечить* (1 + 1 вместо 2 + 1) и *искалечить* (2 + 1); *портить* (4 + 1) и *испортить* (3 + 1 вместо 4 + 1) и т. п. В последней паре неудачно распределяются значения и оттенки значений. Ср. *портить*: «1. Приводить в негодность, в неисправное состояние; причинять повреждения. (*Леня*)... *везде что-нибудь ломал и портил.* Мамин-Сибиряк. // Причинять вред, приводить в состояние, не соответствующее норме. *Портить здоровье. Портить зрение.* 2. Делать неприятным, скверным; ухудшать. *Портить впечатление. Портить настроение. Портить отношения.* 3. Оказывать дурное, развращающее влияние на кого-, что-л. (*Уланбекова:*) *Холостая жизнь ужасно портит молодых людей.* А. Островский. 4. Устар. По суеверным представлениям: наводить порчу на кого-л.» — и *испортить*: «1. Привести в негодность, в неисправное состояние; причинить повреждения. *Испортить машину.* // Сделать скверным, неприятным. *Испортить настроение. Испортить отношения.* 2. Оказать дурное, развращающее влияние на кого-, что-л. *Испортить пошлым воспитанием.* 3. Устар. Навести, по суеверному представлению, порчу на кого-л.». Оказалось, что полностью совпадают только 3 и 4 значения. Первое и второе значения несовершенного *портить* в статье, посвященной совершенному *испортить*, объединяются в одно значение. Оттенок первого значения *портить* (*портить здоровье, зрение*) в совершенном *испортить* вообще не отмечается.

В словаре сплошь и рядом обедняется система значений членов префиксальной корреляции. Ср. *хиреть* (1 + 2 вместо 2 + 1) и *захиреть* (2 вместо 2 + 1), *тонуть* (2 + 3) и *потонуть* (1) [15], *мужать* (2) и *возмужать* (1 вместо 2), *тускнеть* (3) и *потуск-*

[12] Утверждение авторов проспекта «Русский язык и советское общество» (Алма-Ата, 1962) о том, что в современном русском языке префиксальные пары «оказываются все в большей изоляции,... все более явно преобразуют свое грамматическое соотношение в лексическое, изолированно-нерегулярное, все более теряют право входить в ряд видовых глагольных пар» (стр. 26), нуждается в пересмотре.

[13] Цифры, присоединенные знаком +, обозначают оттенки значений.

[14] Примеры из словаря даются сокращенно, названия литературных произведений не указываются.

[15] Судя по САН-17, совершенный *потонуть* обладает всеми 5 значениями несовершенного *тонуть* (см. т. 10, стр. 1624—1625).

неть (1 вместо 3), *уродовать* (1 вместо 2 + 2) и *изуродовать* (2 + 2), *холодеть* (2) и *похолодеть* (1 вместо 2), *крепнуть* (1 вместо 3 + 2) и *окрепнуть* (3 + 2) и т. п. Возможно, определенную роль здесь сыграло непоследовательное использование принципов определения значений слов. Большой разнобой наблюдается в толковании при помощи отсылки к родственным словам. Ср. *крепнуть*: «Становиться более крепким (в 1, 2, 4, 5 и 6 знач.)» и *окрепнуть*: «1. Стать более крепким, прочным. 2. Стать более здоровым, сильным, выносливым. // Стать более крепким, сильным; укрепиться. 3. Стать более сильным, увеличиться в силе своего проявления. // Стать более значительным, уверенным, твердым»; *уродовать*: «Делать уродливым»[16] и *изуродовать*: «1. Сделать уродливым, придать черты уродства; искалечить, изувечить. //Обезобразить, исказить.//Причинить значительные повреждения. // перен. Извратить, исказить смысл, сущность. 2. Оказать дурное воздействие, испортить»; *холодеть*: «1. Становиться холодным или более холодным. /Об умирающем человеке. / в безл. употр. 2. Испытывать ощущение холода под влиянием какого-л. сильного чувства. / О частях тела. / в безл. употр.» и *похолодеть*: «Стать холодным (в 1 и 9 знач.)»[17]. Ср. также *тонуть* и *потонуть* и др.

Идентичные по содержанию значения соотносительных видовых форм часто получают разные определения. Так, например, по-разному формулируются одни и те же значения *маскировать* и *замаскировать*: 1. Несов. «Одевать кого-л. в маскарадный костюм, надевать на кого-л. маску. *Маскировать детей для костюмированного вечера*». Сов. «Придать иную внешность с помощью маски и костюма. *Сегодня у него костюмированный вечер... Все замаскированы, как и сам Серов*. Н. Ульянов»; ср. формулировку переносного значения (см. 2 знач.): несов. «Делать незаметными, скрывать какие-л. поступки, действия, чувства с помощью чего-л. показного, притворного. *Маскировать свое смущение*», а сов. «Скрыть сущность чего-л. *Но что-то есть в психологии человека, когда тайное чувство даже перед самим собою хочется замаскировать шуткой*. Скиталец». Отмеченные недостатки САН-4 объясняются недооценкой формообразовательных возможностей приставок.

Не лучше обстоит дело в словаре и с подачей вторичных имперфективных форм. Эти формы искусственно объединяются в видовые пары со своими производящими. Так, к *починить* дается несов. *починять*, хотя обычно предпочитают говорить *Я чиню часы*, а не *Я починяю часы*; к *удушить* отмечается несов. *удушать* вместо *душить*; к *вымыть* указывается несов. *вымывать* (*вымыть посуду*, но нет *вымывать посуду*; ср. *мыть посуду*). Ср. также *прудить*, *запрудить* и *запружать* (?) реку; *лупить*, *отлупить* и *отлупливать* (?) в значении «побить» и т. п.

В нашей лексикографической практике вообще стало традицией переносить из словаря в словарь все (или почти все) вторичные имперфективы, несмотря на то, что многие из них давно уже не числятся в фонде современной лексики (а некоторые, может быть, вообще никогда не существовали в языке). Это касается и большого академического словаря.

Нередко вторичные имперфективы возникают, но употребляются очень редко или совершенно не употребляются, избегаются. Приставочный глагол совершенного вида часто вступает в корреляцию не с громоздкой формой вторичного образования, а с бесприставочным исходным глаголом[18]. В связи с этим небезынтересно сравнить члены таких «сомнительных» суффиксальных корреляций по частоте употребления. Для этого можно использовать данные САН-17. Этот словарь удобен тем, что члены суффиксальных корреляций толкуются в нем в одной словарной статье, которая содержит богатый иллюстративный материал по каждой видовой форме. Ср. *сморщить* (16[19]) — *сморщивать* (1), *сморщиться* (16) — *сморщиваться* (нет), *замаскировать* (11) — *замаскировывать* (1), *заарканить* (3) — *заарканивать* (нет), *забинтовать* (3) — *забинтовывать* (нет), *забраковать* (5) — *забраковывать* (нет), *сгруппировать* (9) — *сгруппировывать* (нет), *сгруппироваться* (7) — *сгруппировываться* (нет) и т. д. В то же время там, где оба члена корреляции занимают прочное положение в языке, словарь дает достаточно примеров на обе видовые формы. Ср., например, *заплыть* (11) — *заплывать* (7), *сгустить* (5) — *сгущать* (6), *подделать* (4) — *подделывать* (4), *запросить* (4) — *запрашивать* (6) и др. Отмеченное распределение подтверждается и материалами ленинградской картотеки АН СССР. Ср. *морщить* (72) — *сморщить* (144) — *сморщивать* (3); *формировать* (85) — *сформировать* (50) — *сформировывать* (нет); *группировать* (17) — *сгруппировать* (24) — *сгруппировывать* (нет); *группироваться* (27) — *сгруппироваться*

[16] Неясно, в одном каком-нибудь значении прилагательного или во всех его значениях.

[17] Совершенный *похолодеть* дублирует все значения *холодеть* (см. САН-17, т. 10, стр. 1692).

[18] Бесприставочные исходные глаголы могут иметь и другие преимущества. Так, если личные формы типа *загримировываю*, *сгруппировываю*, *забраковываю*, *сформировываю* и т. п. явно избегаются, то *гримирую*, *группирую*, *бракую*, *формирую* и т. п. таких ограничений не имеют.

[19] Здесь цифры в скобках обозначают количество иллюстративных примеров.

(32) — *сгруппировываться* (нет); *пыжиться* (24) — *напыжиться* (23) — *напыживаться* (1); *шалеть* (27) — *ошалеть* (63) — *ошалевать* (4) и др.

Конечно, основываясь только на этих цифровых данных, рискованно окончательно решать вопрос, с какой из имперфективных форм (*А* или *С*) коррелирует глагол совершенного вида; однако игнорировать их тоже не следует, так как они, несомненно, отражают реальную картину взаимодействия двух основных процессов видообразования (перфективации и имперфективации) и свидетельствуют о том, что в видовом формообразовании русского глагола перфективация играет значительную роль, с чем необходимо считаться при составлении словарей.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы:

1. В русском языке существуют глагольные префиксы, лишенные реального значения; по своей функции они отличаются от лексических приставок.

2. У глаголов с чистовидовыми приставками и их бесприставочных производящих наблюдается полный параллелизм значений. Глагол с чистовидовым префиксом в языке выступает не в качестве самостоятельной лексической единицы, а как видовая форма производящего глагола. Наличие префиксальных пар с неполной семантической тождественностью членов корреляции не доказывает обратного, так как, во-первых, несоотносительные значения могут иметь и члены суффиксальных корреляций, которые принято считать «идеальными» чистовидовыми парами, во-вторых, они составляют сравнительно небольшой процент (для суффиксальных корреляций 5—10%, а для префиксальных — 10—15%).

3. Перфективацию нельзя рассматривать только как процесс словообразовательный. Противопоставление ее имперфективации как процессу формообразовательному лишено реальных оснований. Перфективация и имперфективация — это два между собой связанных и постоянно взаимодействующих процесса видообразования, о чем (прежде всего) свидетельствуют немалочисленные случаи, когда префиксальные и суффиксальные корреляции вступают в «конкуренцию», в процессе которой нередко побеждают префиксальные образования как семантически более близкие к производящему глаголу.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1964

О. С. ШИРОКОВ

О СООТНОШЕНИИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ЧАСТОТНОСТИ «ФОНЕМ»

(На материале албанского литературного языка и его бессарабского наречия)

На территории Украины (в Южной Бессарабии и в Приазовье) представлено албанское наречие, относящееся по своему происхождению к тоскскому диалекту (к его юго-восточным, по-видимому, говорам) [1]. При изучении фонологической системы этого наречия и ее сравнении с фонологической системой литературного языка (в основе которого лежат, как известно, севернотоскские говоры) были произведены статистические подсчеты отдельных фонем и их парных сочетаний как в литературных текстах[2], так и в фольклорных диалектных записях бессарабского наречия[3]. В процессе подсчетов было замечено, что между частотностью «фонемы» (точнее — ее звукового воплощения в речевом потоке) и ее местом в системе можно установить некоторые закономерные соотношения.

В литературном языке самой частой «фонемой» (8,65%) оказалась гласная *ë* («нейтральный» гласный *ə*), обладающая наиболее простой артикуляцией (средний ряд, средний подъем, нелабиализованная). Реже, чем *ë*, встречается *e* (на 100 *ë* приходится приблизительно 80 *e*), отличающаяся от *ë* некоторым усложнением артикуляции (выдвижение массы языка вперед, что отражается на повышении второй форманты); гласная *i*, отличающаяся от *e* высоким подъемом спинки языка (и, в соответствии с этим, пониженной первой формантой, что обусловливает «диффузный» характер спектра), встречается еще реже (на 100 *e* приблизительно 78—79 *i*). Еще сложнее по артикуляции гласная *y* (она отличается от *i* лабиализацией, создающей так называемую «бемольную» тональность), которая встречается еще реже (на 100 *i* лишь 17—18 *y*). Всякое «усложнение» гласной, таким образом, сопряжено с понижением ее частотности. Это позволило интерпретировать гласные литературного албанского языка как систему производных от самой частой гласной *ë*(*ə*)[4], что можно изобразить в виде схемы (см. рис. 1).

---

[1] См. об этом наречии: S. Islami, Material gjuhësor nga kolonitë Shqiptare të Ukrainës, «Buletin për shkencat shoqerore», II, 1955; Н. В. Котова, Материалы по албанской диалектологии (албанские говоры Украины), «Уч. зап. Ин-та славяноведения [АН СССР]», XIII, 1956; О. С. Широков, Происхождение бессарабских албанцев (Опыт глоттохронологии), «Докл. высш. шк. Филол. науки», 1962, 4.

[2] Было выборочно взято несколько небольших отрывков из официальных газетных публикаций, из статей по общественным наукам, из произведений художественной прозы и, наконец, одно лирическое стихотворение. Общая длина выборки — 25 000 фонем.

[3] Для подсчетов были использованы тексты записанных нами 7 песен, 5 сказок, 15 пословиц, 1 предания; общая длина выборки — около 6000 фонем.

[4] Об интерпретации «нейтральной» гласной *ə* как «исходной», а остальных как производных в немецком языке см.: G. Ungeheuer, Die Eigentwerttheorie der Formanten und das System der Vokale, ZfPh, XI, 1, 1958, стр. 37.

На этой схеме стрелки обозначают «производность» (т. е. прибавление некоторого признака, усложняющего артикуляцию и изменяющего спектр гласной; условимся называть такие признаки д е р и в а н т а м и, а образуемые в результате их прибавления «производные» фонемы — д е р и в а т а м и); цифры около стрелок показывают частотность соответствующей деривации по сравнению с частотностью той б а з о в о й фонемы, от которой она произведена. Из схемы видно, что всякое прибавление деривантов влечет к уменьшению частотности дериват.

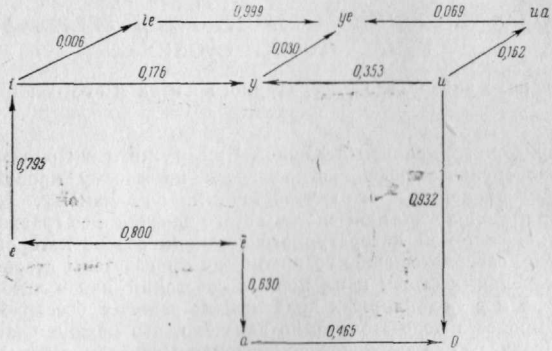


Рис. 1

Стрелки, идущие налево, обозначают прибавление дериванта «палатальность», или «высокость» (δ_1); так, *ë* + δ_1 → ***e***: *bëj* «делаю» — *bej* «помещик», *dëm* «вред» — *dem* «бык», *ëndë* «желание, охота, воля» — *ende* «ещё, пока ещё», *gjëja* «вещь, предмет» — *gjeja* «я находил, обнаруживал»; ***u*** + δ_1 → ***y***: *buk* «хлебы» — *byk* «мякина», *burón* «происходит, вытекает, берёт начало» — *byrón* «бюро» (вин. ед.), *dush* «душ» — *dysh* «двойка», *fut* «вбиваю, вкладываю» — *fyt* «горло, глотка»; ***ua*** + δ_1 → ***ye***: *duar* «руки» — *dyer* «двери», *thua* «ноготь» — *thyej* «разбиваю, ломаю».

Стрелки, идущие направо, обозначают прибавление дериванта «лабиальность», «бемольность» (δ_2); так, ***a*** + δ_2 → ***o***: *arë* «поле, нива» — *orë* «время, час», *ballë* «лоб» — *boll* «обильно», *bar* «трава» — *borë* «снег», *bazë* «база» — *bozë* «буза»; ***i*** + δ_2 → ***y***: *di* «знаю» — *dy* «два», *hij* «тени» — *hyj* «вхожу», *ij* «поясница» — *yj* «звезды», *lihem* «меня оставляют» — *lyhem* «мажусь, пачкаюсь»; ***ie*** + δ_2 → ***ye***: *diell* «солнце» — *dyer* «двери» *fier* «папоротник» — *fyell* «дудка», *thier* «чечевица» — *thyer* «разбитый, сломанный».

Стрелки, идущие вниз, обозначают прибавление дериванта «открытость», «компактность» (δ_3) [5]; так, *ë* + δ_3 → ***a***: *bëri* «он сделал» — *bari* «трава», *fët* «скоро» — *fat* «судьба», *hënë* «луна» — *han* «постоялый двор», *kë* «кого» — *ka* «бык» (это противопоставление используется в морфологии: *dalë* «an exit» — *dala* «the exit», *shkollë* «a school» — *shkolla* «the school», *arë* «a cornfield» — *ara* «the cornfield», *lopë* «a cow» — *lopa* «the cow»); ***u*** + δ_3 → ***o***: *bujë* «шум, крик» — *bojë* «цвет», *burrë* «муж, мужчина» — *borë* «снег», *bush* «самшит» — *bosh* «пустота», *butë* «мягкий» — *botë* «мир, земля, свет, люди».

[5] Широкий раствор рта и нижний подъем языка связаны с повышением первой форманты; это обусловливает «компактный» характер спектра.

Стрелка, идущая вверх от *e*, обозначает прибавление дериванта «закрытость», «диффузность» (δ_4); так, $e + \delta_4 \rightarrow i$: *bêbe* «младенец» — *bibë* «индюшка», *bej* «помещик» — *bijë* «дочь», *bel* «талия» — *bilë* «шар», *cepa* «углы» — *cipa* «пленка».

Стрелки, идущие вглубь, обозначают прибавление дериванта «дифтонгичность» (δ_5; в результате возникает расширяющийся равновесный или падающий дифтонг); так, $i + \delta_5 \rightarrow ie$: *dijë* «знание» — *diell* «солнце», *firë* «отходы» — *fier* «папоротник», *mill* «ножны» — *miell* «мука», *thirret* «призываются, сзываются, приглашаются» — *thier* «чечевица»; $u + \delta_5 \rightarrow ua$: *bulë* «почка» — *buall* «буйвол», *gju* «колено» — *gjuaj* «охочусь», *hu* «кол» — *hua* «заём»; $y + \delta_5 \rightarrow ye$: *dyllë* «воск» — *dyer* «двери», *fyt* «горло, глотка» — *fyell* «флейта», *lyrë* «жир» — *lyer* «смазанный».

Таким образом, в системе гласных прибавление дериванта связано с понижением частотности фонемы или, другими словами, гласные, маркированные на парадигматической оси, встречаются на синтагматической оси реже, чем немаркированные гласные.

Эту же закономерность можно наблюдать и у согласных. Например, звонкие согласные в албанском языке встречаются реже, чем соответствующие им глухие; это дает возможность представить звонкие согласные как производные от соответствующих им глухих путем прибавления дериванта «звонкость» (δ_6). Так, $t + \delta_6 \rightarrow d$: *teh* «лезвие, острие» — *deh* «опьяняю, спаиваю», *tel* «проволока» — *dele* «овца», *ter* «сушу» — *derë* «дверь», *terr* «тьма, мрак» — *derr* «свинья»; $p + \delta_6 \rightarrow b$: *pallë* «сабля» — *ballë* «лоб», *par* «деньги» — *bar* «трава», *pas* «после, за, через, сзади» — *bas* «бас», *Pashkë* «пасха» — *bashkë* «клок шерсти»; $k + \delta_6 \rightarrow g$: *kati* «этаж» — *gati* «готово», *kalë* «лошадь» — *galë* «галка», *kërmë* «падаль» — *gërmë* «буква», *kishë* «церковь» — *gisht* «палец»; $q + \delta_6 \rightarrow gj$: *qahem* «жалуюсь» — *gjah* «охота», *qarë* «плач, слёзы» — *gjarpër* «змея», *qas* «приближаю, сближаю, принимаю» — *gjas* «я похож», *qejf* «наслаждение» — *gjej* «нахожу», *qelb* «гной» — *gjel* «петух»; $c + \delta_6 \rightarrow x$ [6] : *cefël* «осколок, щепка», *cekët* «мелкий» — *xehe* «руда»; *cicërij* «чирикать», *cikër* «кусочек, частичка» — *xixë* «искра», *cung* «пень, сук» — *xunkth* «камыш»; $s + \delta_6 \rightarrow z$: *sallë* «зал» — *zall* «галька, пляж», *sekt* «секта» — *zekth* «овод», *së* (косвенный падеж артикля) — *zë* «голос», «ловить», *si* «как» — *zi* «нужда»; $ç + \delta_6 \rightarrow xh$: *çam* «ель» — *xham* «стекло», *çoku* «иногда» — *xhoke* «безрукавка, жилет»; $sh + \delta_6 \rightarrow zh$: *shapi* «квасцы» — *zhapí* «ящерица», *sheg* «гранаты (плоды)» — *zheg* «зной, жара», *shelg* «ива» — *zhel* «лохмотья», *shur* «песок» — *zhur* «обуглившееся», *shytë* «безрогий» — *zhyt* «погружать».

Все эти звонкие согласные встречаются в тексте реже соответствующих им глухих. Однако у фрикативных плоскощелевых (апикальных *th*, *dh*, губно-зубных *f*, *v*) отношение по частотности иное: при наших подсчетах на 207 *dh* встретилось лишь 105 *th*, на 209 *v* — 123 *f*. По-видимому, глухие *th*, *f* следует считать дериватами от звонких *dh*, *v*; значит, здесь звонкость не является дериватом; единственным признаком, присутствующим обычно у глухих согласных, но отсутствующим у звонких, является напряженность (во всех почти языках глухие произносятся обычно с

[6] В албанском алфавите буква *c* обозначает аффрикату [t͡s], *x* — аффрикату [d͡z], *ç* обозначает аффрикату [t͡š], *xh* — аффрикату [dž], *sh* обозначает звук [š], *zh* — звук [ž]; *th* обозначает звук типа английского [th] в слове *three*, *dh* — соответствующий звонкий, как в английском *the*, *that*, но с более слабой артикуляцией (акустически иногда напоминает твердый *t*). В свою очередь, *q* обозначает среднеязычный взрывной глухой, близкий к очень мягкому русск. *т'*, а *gj* — соответствующий звонкий, близкий к очень мягкому русск. *д'*.

большей напряженностью органов речи, что вызывает более четкую акустическую окраску). Следовательно, «напряженность», «сила» (δ_7) выступает здесь в качестве дериванта. Так, ***dh*** + δ_7 → ***th***: *dhënë* «(вы)данный» — *thënë* «судьба», *dhi* «коза» — *thi* «свинья»; ***v*** + δ_7 → ***f*** : *vaj* «масло» — *faj* «вина, проступок», *vakët* «теплый» — *fakt* «факт», *vala* «волна» — *fala* «привет», *vallë* «хоровод» — *fall* «гадание», *var* «повесить» — *far* «маяк». Сюда же мы присоединяем противопоставления «скользящих» *j* (встретилось 474 раза) и *h* (встретилось 125 раз). Так, ***j*** + δ_7 → ***h*** : *ja* «вот; или» — *ha* «ем», *jap* «отдавать» — *hap* «открывать», *jaz* «водяной поток» — *has* «встретить», *jonë* «наша» — *hon* «обрыв, пропасть», *ju* «вы» — *hu* «кол», *juaj* «ваш» — *huaj* «чужой».

В классе плоскощелевых и «скользящих» самой частой оказывается *j*; ее, в свою очередь, можно считать дериватой от «мягкого» *l* (на 542 *l* — 474 *j*), в качестве дериванта здесь выступает «скольжение» (δ_8). Так, ***l*** + δ_8 → ***j*** : *lab* «лябериец» — *jap* «давать», *lakër* «капуста» — *jakë* «воротник», *lavë* «лава» — *javë* «неделя», *le* «пусть» — *je* «ты есть». Самой редкой в этом классе оказалась *th* , которую можно считать дериватой от *s*, т. е. ***s*** + δ_8 → ***th*** : *saj* «ее» — *thaj* «сушу», *serë* «битум, асфальт» — *ther* «резать», *si* «как» — *thi* «свинья», *sis* «сосцы» — *thith* «сосать».

В классе «сонорных» чаще, чем *l*, встречается *n*, а еще чаще *r* (на 1147 *r* — 837 *n*, 542 *l*); реже, чем *n*, встречается *m*, реже, чем *l* — «твердое» (веляризованное) *ll* (на 837 *n* — 515 *m*, на 542 *l* — 104 *ll*). Мы считаем *l* и *ll* производными от *n* и *m* путем прибавления дериванта «фрикативность» (δ_9), а *n* — производной от *r* посредством дериванта «непрерывность», «длительность» (δ_{10}). Так, ***n*** + δ_9 → ***l*** : *napë* «скатерть» — *lapës* «карандаш», *natë* «ночь» — *latë* «топор», *ne* «мы» — *le* «пусть», *nesër* «завтра» — *lesë* «борона»; ***m*** + δ_9 → ***ll*** : *moll* «яблоки» — *llom* «грязь», *mos* «не» — *lloz* «засов»; ***r*** + δ_{10} → ***n*** : *re* «облако» — *ne* «мы», *rend* «бежать» — *nen* «статья (закона)»; *resë* «зависть» — *nesër* «завтра», *rimë* «рифма» — *nim* «лавки вдоль стены», *rus* «русский» — *nus* «невестки».

Реже всего среди сонорных встречается «резкая» *rr* (раскатистая зубная в отличие от одноударной альвеолярной *r*: на 1147 *r* встретилось лишь 82 *rr*); мы считаем ее дериватой по отношению к *r* (деривант «резкость» — δ_{11}), т. е. ***r*** + δ_{11} → ***rr*** : *rasë* «ряса» — *rrasë* «каменная плита», *re* «облако» — *rre* «пихта», *remë* «песок» — *rrem* «весло», *ri* «молодой, новый» — *rri* «сижу», *rit* «обряд» — *rrit* «выращивать», *rojë* «стража» — *rroj* «живу». Деривант «резкость» отличает также в классе шумных смычных аффрикаты от взрывных (на 1458 *t* и 322 *d* — лишь 42 *c* и 33 *x*; на 163 *q* и 95 *gj* — 71 *ç* и 4 *xh*).Так, ***t*** + δ_{11} → ***c*** : *tagër* «налог, пóдать»— *cak* «предел, конец», *tendë* «палатка» — *cen* «недостаток, изъян», *tepër* «много» — *cep* «угол», *tigër* «тигр» — *cikër* «кусочек, частичка»; ***d*** + δ_{11} → ***x*** : *dehja* «опьянение» — *xehja* «руда», *dumkë* «кулак» — *xunkth* «камыш»; ***q*** + δ_{11} → ***ç*** : *qaj* «плáчу» — *çaj* «раскалываю», *qark* «круг» — *çarg* «мышеловка», *qartë* «ясный» — *çart* «портить», *qas* «приближать» — *çast* «мановение»; ***gj*** + δ_{11} → ***xh*** : *gjépurë* «вздор, чепуха» — *xhep* «карман», *gjol* «озеро» — *xhol* «джокер».

Аффрикаты в албанском языке встречаются реже и соответствующих фрикативных (на 481 *s* — 42 *c*, на 115 *z* — 33 *x*, на 386 *sh* — 71 *ç*; *zh* и *xh* встретились лишь по 4 раза); их можно считать также производными от фрикативных путем прибавления дериванта «смычность» (δ_{12}). Так, ***s*** + δ_{12} → ***c*** : *sa* «сколько» — *ca* «несколько», *send* «вещь, изделие» — *cen* «недостаток, изъян», *sipër* «над» — *cipë* «пленка, кожица», *sop* «втулка» — *cop* «куски, части»; ***z*** + δ_{12} → ***x*** : *zi* «нужда, лишение» — *xixë* «искра», *zeje* «ремесло, профессия, занятие» — *xehe* «руда», *zura* «я схватил» — *xurxull* (*bëhëm xurxull* «напиться до бесчувствия»); ***sh*** + δ_{12} → ***ç*** : *shahet*

«ругается» — *çahet* «раскалывается», *shap* «квасцы» — *çap* «шаг», *shelg* «ива» — *çel* «открывать», *shet* «продает» — *çetë* «отряд», *shoh* «смотрю» — *çohem* «поднимаюсь», *shoku* «товарищ» — *çoku* «иногда»; ***zh*** + δ_{12} → ***xh***: *zhabë* «лягушка» — *xham* «стекло», *zhapí* «ящерица» — *xhamí* «мечеть», *zheg* «зной, жара» — *xhep* «карман», *zhug* «камыш» — *xhungë* «опухоль, шишка», *zhyt* «погружать» — *xhybe* «тулуп».

Остальные дериванты у согласных общи с гласными: «высокость» (δ_1), «бемольность» (δ_2) [7], «компактность» (δ_3), «диффузность» (δ_4). Высокая тональность достигается палатализацией; так, ***t*** + δ_1 → ***q***[8] : *tas* «чашка» — *qas* «приближаю, принимаю», *te* «у, около, к» — *qe* «ты был», *tej* «за, по ту сторону» — *qejf* «наслаждение», *tendë* «палатка» — *qendër* «центр»; ***d*** + δ_1 → ***gj***[9] : *dal* «выхожу», *dallgë* «морской вал» — *gjalm* «бечёвка», *gjallë* «живой»; *datë* «дата» — *gjatë* «длинный», *dell* «жи́ла» — *gjell* «блюда, кушанья», *deri* «до» — *gjeri* «широкий»; ***n*** + δ_1 → ***nj***[10] : *na* «на!» — *nja* «около», *në* «в, на» — *një* «один», *nergut* «нарочно» — *njerkë* «мачеха», *niset* «начинается» — *njihet* «знако́м, знает», *nofull* «челюсть» — *njohur* «знакомый, известный»; ***c*** + δ_1 → ***ç***[11] : *ca* «немного», *cak* «предел, конец» — *çaj* «раскалываю»; *cekët* «мелкий, мелководный» — *çek* «чех; чек»; *cergë* «паутина; тряпка» — *çere* «цвет лица», *cipa* «тонкая кожа» — *çipa* «углы», *cung* «пень, сук» — *çun* «мальчик»; ***x*** + δ_1 → ***xh***[11] : *xehe* «руда» — *xhep* «карман», *xixë* «искра» — *xhind* «джин, демон», *xunkth* «камыш» — *xhungë* «опухоль, шишка»; ***s*** + δ_1 → ***sh***[11] : *saj* «ее» — *shaj* «ругаю», *sakát* «калека» — *shaká* «шутка», *sallë* «зал» — *shall* «шаль, шарф, кашне», *se* «чем» — *she* «ручей»; ***z*** + δ_1 → ***zh***[11] : *zekth* «овод» — *zheg* «зной», *zell* «усердие, прилежание» — *zhel* «лохмотья», *zi* «нужда» — *zhivë* «ртуть», *zuri* «он схватил» — *zhuri* «обуглившийся»; ***v*** + δ_1 → ***dh***[12] : *vallë* «разве» — *dhallë* «сыворотка», *ve* «вдова» — *dhe* «земля», *vënd* «место» — *dhëntë* «овечий», *vënë* «поставленный» — *dhënë* «(вы)данный»; ***f*** + δ_1 → → ***th***[12] : *faj* «вина, проступок» — *thaj* «сушу», *fat* «судьба, рок» — *thatë* «сухой», *feks* «сверкать» — *theks* «ударение», *ferr* «ад» — *ther* «резать».

Низкая тональность достигается заменой переднеязычной артикуляции на губную, т. е. ***t*** + δ_2 → ***p***[13] : *tall* «насмехаюсь» — *pall* «сабли», *tagër* «налог» — *pagë* «плита», *tálli* «он осмеял» — *palli* «он ревел, мычал», *tapë* «пробка» — *patë* «гусыня»; ***d*** + δ_2 → ***b***[14] : *dado* «кормилица» — *babo* «повивальная бабка», *daltë* «долото» — *baltë* «грязь», *dardhë* «груша» — *bardhë* «белый», *darkë* «ужин» — *barkë* «лодка»; ***n*** + δ_2 → ***m***[15] : *nam* «репутация, известность» — *man* «тутовник», *ndaj* «отделяю» — *mban* «дер-

[7] «Бемольность», или «низкая тональность», достигается увеличением объема ротового резонатора путем лабиализации или веляризации.

[8] На 1458 *t* приходится 163 *q*.

[9] На 322 *d* — 95 *gj*.

[10] На 837 *n* приходится 103 «мягких» (среднеязычных) *nj*.

[11] Обычно противопоставление звуков типа *q* — *t*, *gj* — *d*, *ç* — *c* считается противопоставлением по признаку «компактность» — «диффузность». Однако нужно учесть, что в албанском тосском литературном языке: а) *q*, *gj* ближе к диффузным (мягким) *m*', *∂*', чем к компактным (мягким) *κ*', *ε*', б) фонемам *q*, *gj* в албанском языке как аффрикаты противостоят *ç*, *xh* (а фонемам *t*, *d* — аффрикаты *c*, *x*); объем ротовой полости при произношении шипящих все же меньше, чем при произношении свистящих, следовательно, тональность *ç*, *xh*, *sh*, *zh* несколько выше тональности *c*, *x*, *s*, *z* (тем более, что в албанском языке шипящие немного палатализуются). На 481 *s* и 115 *z* приходится 386 *sh* и 4 *zh*, на 33 *x* — 4 *xh*, и лишь *ç* встретилось чаще (71), чем *c* (42).

[12] Здесь более высокая тональность достигается заменой губной артикуляции на переднеязычную; базовыми фонемами здесь следует считать *v*, *f*, а дериватами — *dh*, *th*; на 209 *v* и 123 *f* встречается 207 *dh* и 105 *th*.

[13] На 1458 *t* встретилось 516 *p*.

[14] На 322 *d* — 246 *b*.

[15] На 837 *n* — 515 *m*.

жу», *natë* «ночь» — *mat* «мерить», *ne* «мы» — *me* «с»; $l + \eth_2 \rightarrow ll$ [16] : *lapës* «карандаш» — *llapës* «лохмотьям», *lavë* «лава» — *llavë* «стая волков», *lojë* «игра» — *lloj* «вид, род», *los* «играю» — *lloz* «засов», *lum* «река» — *llum* «грязь». «Компактность» достигается заменой переднеязычной артикуляции на заднеязычную, т. е. $t + \eth_3 \rightarrow k$ [17] : *tall* «насмехаюсь» — *kall* «вставляю, вкладываю, втыкаю, вбиваю», *tanë* «наши» — *kanë* «кувшин для воды», *tapa* «пробки» — *kana* «я поймал», *tëmbël* «желчь» — *këmbë* «нога»; $d + \eth_3 \rightarrow g$ [18] : *dalë* «выход» — *galë* «галка», *dardhë* «груша» — *gardh* «изгородь», *darë* «клещи» — *garë* «соревнование», *degë* «ветка» — *gegë* «гег».

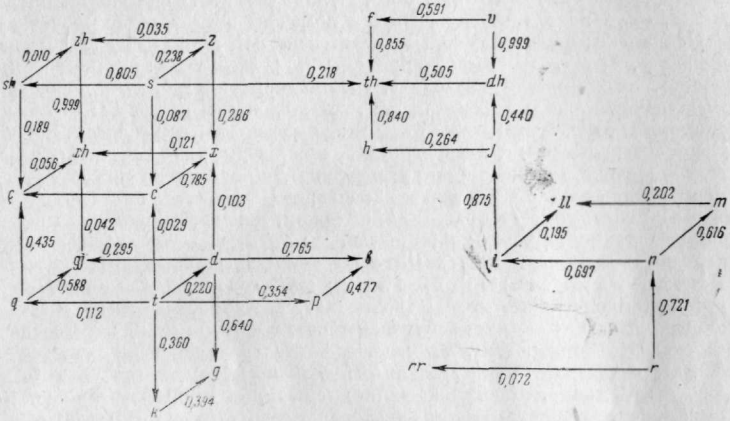


Рис. 2

«Диффузность» в классе плоскощелевых и «скользящих» достигается путём замены заднеязычной артикуляции на переднеязычную. Так, $j + \eth_4 \rightarrow dh$ [19] : *je* «ты есть» — *dhe* «и, также», *jonë* «наша» — *dhomë* «комната», *jugë* «юг» — *dhunë* «насилие»; $h + \eth_4 \rightarrow th$ [20] : *hahet* «он съедобен, съедается» — *thahet* «сохнет», *han* «постоялый двор» — *than* «кизиловые ягоды», *hark* «арка; лук» — *thark* «загон», *hartë* «карта» — *thartë* «кислый».

Всю систему албанских согласных можно представить в виде схем (рис. 2).

Как видно из схемы (рис. 2), в среднем прибавление какого-либо дериванта к базовой фонеме связано с уменьшением частотности соответствующей дериваты у согласных приблизительно на 0,7, у гласных — приблизительно на 0,5. При помощи выделенных 12 деривантов можно описать всю фонологическую систему албанского языка. Эти дериванты, как можно видеть, лишь частично соответствуют дифференциальным элементам по Якобсону и Халле и по Шаумяну; причем расхождения между ними имеют как частный, так и общий характер. Из частных расхождений следует отметить, например, что заднеязычные противопоставляются

[16] На 542 *l* встретилось 104 веляризованных *ll*.
[17] На 1458 *t* — 523 *k*.
[18] На 322 *d* — 206 *g*.
[19] На 474 *j* пришлось 208 *dh*.
[20] На 125 *h* пришлось 105 *th*.

у нас непосредственно переднеязычным, в то время как у Якобсона, Халле и Шаумяна они трактуются как «компактные» и «низкие» и непосредственно противопоставляются губным; признаки «бемольность» и «низкая тональность», так же как и признаки «диезность» и «высокая тональность», у нас объединяются; по-иному трактуются шипящие и др. Из общих расхождений нужно прежде всего подчеркнуть, что наша система деривантов не является универсальной для всех языков; мы убеждены, что для каждого языка следует искать особую систему деривантов; но в то же время мы вводим универсальное правило: прибавление деривата всегда связано с уменьшением частотности.

Изложенные выше приемы дают возможность, как нам кажется, не только для более точного и простого описания фонологической системы языка, но и для выявления в отдельных случаях причин изменения этой системы. Приведем в заключение нижеследующий пример.

В бессарабском албанском наречии в области вокализма произошли следующие изменения:

а) Дифтонг *ie* и сочетание *-je-* в середине слова изменились в *i*: бессараб. *bi* (литерат. *bie*) «падаю», бессараб. *dig* (литерат. *djeg*) «сжигаю», бессараб. *mill* (литерат. *miell*) «мука», бессараб. *pik* (литерат. *pjek*) «пеку» и др.

б) Фонема *ë* после мягких согласных изменилась в *i* (за исключением позиции после *l* — *lëmë* «ток, гумно») : *gji* «имущество» (литерат. *gjë* «вещь»). Все это привело к увеличению частотности фонемы *i* (на 850 *ë* встречается 785 *i*).

в) Все согласные перед мягкими (диезными) гласными (и особенно перед *i*, *y*) подвергаются палатализации (за исключением *ll*); гласный *u* после диезных (мягких) согласных также частично палатализуется, приближаясь к *y*; в начале слова перед *y* развивается протетический согласный *j* (*jyll* вместо *yll* «звезда»). Это привело к тому, что *y* перестало противостоять как самостоятельная фонема фонеме *u*, стало ее позиционным вариантом.

г) Дифтонг *ye* изменился в *y* (бессараб. *pys* вместо литерат. *pyes* «спрашиваю»), дифтонг *uo* (литерат. *ua*) изменился в *u* (бессараб. *shkrun*, литерат. *shkruan* «пишет»); это привело к еще большему увеличению частотности фонемы *u*.

д) Поскольку *i* стал встречаться чаще, чем *e*, фонему *e* следует считать производной от *i*; снимается противоречие, которое было в схеме вокализма литературного языка: как для диезных, так и для недиезных гласных деривантом может выступать «компактность»:

$$\begin{array}{ccccc} i & \leftarrow & \ddot{e} & \rightarrow & u \\ \downarrow & & \downarrow & & \downarrow \\ e & \leftarrow & a & \rightarrow & o. \end{array}$$

Фонема *ë* оказывается здесь в одном ряду с *i* и *u* («некомпактные» гласные), это отражается и в ее особом произношении у бессарабских албанцев, близком к *ы* (подтверждением этому служит то обстоятельство, что если бессарабские албанцы делают попытки писать на родном языке русскими буквами, то фонему *ë* они всегда передают буквой *ы*). Здесь на нашей симметричной схеме стрелки везде указывают одновременно и на уменьшение частотности, и на прибавление деривата.

Стрелки, идущие налево, обозначают прибавление деривата «диезность», т. е. $\ddot{e} + \mathfrak{d}_1 \rightarrow i$: *zë* «голос» — *zi* «черный», *rëp* «шов» — *rip* «ремешок», *ëndër* «сон, сновидение» — *inde* «твоя, твое»; $a + \mathfrak{d}_1 \rightarrow e$: *sa*

«сколько» — *se* «почему», *dardën* «грушу» — *derdën* «проливают» (это противопоставление используется в морфологии, ср. *rah* «бью» — *reh* «бьешь, бьет», *mar* «беру» — *mer* «берешь, берет», *dal* «выхожу» — *del* «выходишь, выходит», *jap* «даю» — *jep* «даешь, дает»). Стрелки, идущие направо, обозначают прибавление дериванта «бемольность»: *ë* + $\delta_2 \rightarrow$ *u*: *kër* «поле» — *kur* «когда», *thënë* «сказанный» — *thunë* «говорят», *bëka* «делал» — *buka* «хлеб»; *a* + $\delta_2 \rightarrow$ *o*: *arë* «поле» — *orë* «посуда», *darë* «тара» — *dorë* «рука», *janë* «они суть» — *jonë* «наш», *qar* «даже» — *qor* «слепой». Стрелки, идущие вниз, обозначают прибавление дериванта «компактность»; так, *ë* + $\delta_3 \rightarrow$ *a*: *kë* «кого» — *ka* «вол», *atë* «его, ее» — *atá* «того» (это противопоставление используется в морфологии, ср. *lopë* «a cow» — *lopa* «the cow»); *i* + $\delta_3 \rightarrow$ *e*: *dig* «жгу» — *dek* «который, что», *e dilë* «воскресенье» — *dele* «овца», *dite* «день» — *det* «море», *gji* «имущество» — *gje* «тот же», *hirë* «вошёл» — *here* «раз», *mil* «дою» — *mel* «просо», *mirë* «хороший, добрый» — *merë* «мера»; *u* + $\delta_3 \rightarrow$ *o*: *këtú* «здесь, сюда» — *këtó* «эти», *gjys* «осень» — *gjos* «стекло» (это противопоставление используется в морфологии: *du* «хочу, люблю» — *do* «хочешь, хочет, любит»).

В литературном (севернотоскском) языке фонема *e* противостоит базовой фонеме *ë* по признаку «диезность» точно так же, как фонемы *q*, *gj* — базовым фонемам *t*, *d*; но в бессарабском наречии *e* относится к классу «компактных» и противостоит фонеме *a* (компактная *a* так относится к базовой *ë*, как компактные *k*, *g* — к базовым *t*, *d*). С этим связана и особенность бессарабского наречия в области консонантизма: «диезные» *q*, *gj* противостоят компактным фонемам *k*, *g* (бессарабские *q*, *gj* ближе по звучанию и артикуляции к *k'*, *g'* в отличие от литературных, близких к *m'*, *∂'*), т. е. *k* + $\delta_1 \rightarrow$ *q*: *drek* «по направлению к» — *dreq* «правильно, прямо», *bulluk* «облако» — *kuq* «красный», *imishlik* «ягоды, фрукты, сладости» — *hurík* «гнездо», *kafadar* «друг, приятель» — *qafë* «шея», *ka* «вол» — *qe* «волы», *kom* «пойди» — *qomyr* «уголь»; *g* + $\delta_1 \rightarrow$ *gj*: *gagë* «клюв» — *gjak* «кровь», *gard* «забор» — *gjarp* «змея», *gola* «рот» — *gjol* «озеро».

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1964

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСОВ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

М. ЯНАКИЕВ

ТЕОРИЯ ОРФОГРАФИИ И РЕЧЬ

Лингвистика — детище школы, где главное внимание уделяется письменной форме речи. Аппарат лингвистики оттачивался на проблематике трансформации речевых сообщений в письменные. Буквенная сегментация письменного сообщения считалась заранее заданной, изучение речевых сообщений предварялось аксиомой «в речи имеются элементарные сегменты, соответствующие буквам в ее письменной трансформации». Вопрос «Как записывать речь?» преобразовывался на основании негласно принимаемой «буквенной аксиомы» в формулу «Как записывать речь буквами данного, весьма ограниченного списка?».

Изучение соответствий между фактами речи и фактами письма лишь как трансформаций фактов речи в факты письма создавало видимость большего многообразия фактов речи сравнительно с фактами письма. Ведь трансформация «речь → письмо» — гомоморфная (много-однозначная), т. е. при изучении разнообразия письменных знаков лингвисты предварительно задают себе некоторое разбиение этого разнообразия на классы эквивалентности и абстрагируются от различий между разными письменными знаками, принадлежащими к одному и тому же классу эквивалентности. Таким образом, от внимания лингвиста ускользает все разнообразие и речи, и букв.

Попытки фонетистов конца XIX и начала XX в. преодолеть обеднение разнообразия речи, привносимое ограниченностью множества букв, путем разработки системы диакритических знаков к существующим буквам, не затронули основного недостатка буквенной трансформации речевых фактов — недостаточный учет собственной дискретности речи. Неосведомленность лингвистов в области теории множеств приводила к сетованиям на бесконечную дробимость речевого потока[1], в то время как физикам и физиологам уже было вполне известно, что эта дробимость далеко не «бесконечна». Закономерным результатом неудачных попыток формирования новых более разнообразных знаками орфографий — так называемых «фонетичееких транскрипций» речи — было появление фонологии, науки, которая по существу является теорией орфографии.

Создатели фонологии, однако, не связывали ее с орфографией. Поэтому не поддающиеся обобщению слишком явные традиционализмы в орфографии они игнорируют и строят свою теорию на базе орфографии, дающей возможность более экономно выражать орфографические правила чтения (орфоанагностемы) и записывания (орфоанаграфемы), чем традиционные орфографии. Само понятие фонемы не что иное, как предельно общая формула орфоанаграфемы (т. е. орфографического правила применения буквы одного и того же класса эквивалентности для записывания

[1] Ср.: Г. П а у л ь, Принципы истории языка, М., 1960, стр. 71.

репрезентантов множества речевых фактов): фонемой X_ϕ по отношению к орфографии $\mathfrak{O}_i$ является тот комплекс речевых фактов (регистрируемых человеческим слухом либо как одновременные, либо как следующие друг за другом), который необходим и достаточен, чтобы по правилам орфографии $\mathfrak{O}_i$ записать его буквой класса эквивалентности X_ε. Или короче: фонема есть речевое соответствие (значение) буквы.

Весь круг нерешенных проблем и противоречий, порожденный введением понятия фонемы в лингвистику, обязан своим существованием неуточненности отношений между фактами речевого и письменного языков. Фонему называют (элементарным) знаком речевого языка, который не имеет значения, а служит только различением выражений, бóльших ее. Но «знак без значения» — это contradictio in terminis даже с точки зрения элементарной логики, как и «элементарный (знак)», представляющий собой пучок дифференциальных «э л е м е н т о в». Эти противоречия естественно отпадут, как только будет принято, что фонема является речевым соответствием букве определенной орфографии.

С семиотической точки зрения соответствия типа «буква ~ фонема» — не что иное, как переводы с одного языка (в данном случае письменного) на другой (в данном случае речевой). Но с той же семиотической точки зрения «значение» какого-то знака также является не чем иным, как «соответствием», т. е. «переводом» этого знака на определенный «язык». Поскольку процесс перевода обратим, то при переводе с письменного на речевой язык (т. е. при чтении) в паре «буква ~ фонема» первый член становится знаком, а второй член его значением. Наоборот, при переводе с речевого языка на письменный, т. е. при з а п и с ы в а н и и, в паре «буква ~ фонема» второй член становится знаком, а первый член его значением.

Когда говорят, что фонема — «знак», т. е. компонент какого-то речевого языка, имеют в виду, что есть другой язык — письменный, в котором фонема имеет однозначное соответствие (т. е. значение). Когда говорят, что фонема «не имеет значения», имеют в виду, что фонема не имеет соответствия в «языке природы». Выражаясь терминологией Ельмслева, можно сказать, что по отношению к определенному письменному языку фонема является «знаком», в то время как по отношению к «языку природы» фонема является «фигурой» (т. е. «незнаком»). Как видно, первое логическое противоречие в учении о фонеме является результатом неправомерной абсолютизации термина «значение». Термин «значение» — реляционный. Понятие «значения» есть логическая абстракция, регистрирующая позицию переменной ς_i в логических функциях типа: «Подмножеству ε_i множества ε соответствует в множестве ς подмножество ς_i».

Когда говорят, что фонема — «элемент» языка, имеют в виду, что, как правило, фонема является речевым соответствием букве, т. е. элементарность (четкость пределов) письменного соответствия фонемы неправомерно приписывается самой фонеме. Когда говорят, что фонема является «пучком дифференциальных элементов», имеют в виду уже самое фонему как поддающийся расчленению, т. е. сложный, неэлементарный речевой факт.

Тень сети греческого алфавита настолько искажала представление о сегментации речевого сообщения, что даже лучшим представителям фонетики конца XIX и начала XX в. вроде Русло, Зиверса, Суита не удалось установить собственную дискретность речевого сообщения. Не вводя абстракции «дифференциальный элемент», эти лингвисты фактически ею оперировали, стараясь в трудах по общей фонетике описывать как можно более исчерпывающе и точно «звуки речи» в качестве пучков «дифференциальных элементов»; однако и они, и уже пользующиеся абстрак-

цией «дифференциальный элемент» лингвисты во главе с Р. О. Якобсоном представляют себе речевое сообщение состоящим из «звуков речи», т. е. из элементарных сегментов, дифференцируемых наличием или отсутствием хотя бы одного «дифференциального элемента» по всему их протяжению и соответствующих, как правило, буквам их записи. На самом деле с буквенной сетью не совпадает никакая собственная сегментация человеческой речи, тем более элементарная.

Лишь в самое последнее время в связи с попытками конструировать автоматически действующие пишущие и читающие вслух аппаратуры задача сегментации речи предстала во всей своей сложности. Такой удовлетворительно функционирующей аппаратуры до сих пор не удалось построить из-за неразработанности надежной теории орфографии, а более точно — из-за нерешенности задачи нахождения соответствий между данной сегментацией человеческой речи и данной орфографией [2].

Остановимся подробнее на этом весьма сложном и важном вопросе современного языкознания. Вопрос усложняется главным образом тем, что необходимо разграничивать «собственную элементарную сегментацию речевого сообщения» с точки зрения производящего речь аппарата (органов речи) и «собственную элементарную сегментацию речевого сообщения» с точки зрения воспринимающего речь слухового органа. Под сегментацией первого рода следует понимать расчленение этого сообщения на такие минимально длящиеся во времени сегменты, продолжительность которых достаточно мала, чтобы не было возможно любое неслучайное изменение речевого сигнала за время, меньшее, чем продолжительность данного сегмента. Такой элементарный сегмент отличается крайне малой продолжительностью. Мозг дает отдельные командные импульсы для каждой отдельной контракции каждого мускула речевого аппарата. Как установил Р. Юссон, контракции голосовых связок могут следовать одна за другой даже по нескольку сотен в секунду [3]. Экспериментальные исследования с целью определения продолжительности элементарного шага работы остальных органов речи, очевидно, являются одной из первостепенных задач того перспективного раздела лингвистики, который удачно был назван Ёргеном Форхаммером «лалетикой» [4].

Исследования Юссона и Жинкина показывают, что речевой аппарат человека как целое может изменять свое состояние гораздо быстрее, чем его слуховой аппарат, который, как известно, способен регистрировать изменения звучания, следующие одно за другим в количестве не более 16—20 в секунду. Иными словами, элементарный сегмент речевого сообщения с точки зрения воспринимающего речь слухового органа (назовем его «фема» от др.-греч. $\varphi\eta\mu\acute{\iota}$ «говорю») длится 0,05—0,06 сек. Временной предел, равный по продолжительности одной феме (фематический предел), играет важнейшую роль в речевой коммуникации. Его существование отразилось в реальных орфографиях, что видно хотя бы на примере аффрикат. Так, modus nascendi кириллической буквы *ц* или ее соответ-

[2] Даже до самого последнего времени тень буквы традиционной орфографии продолжает мешать работам в области сегментации речевого сообщения. Ее не преодолел, к сожалению, и Н. И. Дукельский в своей в других отношениях очень интересной монографии «Принципы сегментации речевого потока» (М.— Л., 1962). Значительно лучшую постановку проблемы находим в работе: H. R y f f e r t, Nouvelles méthodes d'obténir des spectres instantanés non-stationnaires, «Actes du 2-e Congrès International de cybernétique», Namur, 1960, стр. 257 и сл.

[3] См.: Н. И. Ж и н к и н, Новые данные о работе двигательного речевого анализатора в его взаимодействии со слуховым, сб. «Вопросы психологии мышления и речи», М., 1956 («Изв. АПН РСФСР», вып. 81), стр. 222 и сл.; см. также: «Механизмы речи», М., 1958.

[4] Ср.: Э. В и д е, Лалетика Ёргена Форхаммера, «Вестник МГУ», Серия VII. Филология, журналистика, 1962, 5.

ствий в латинских славянских алфавитах (*c*) и в румынском алфавите (*ţ*) состоит в том, что продолжительность взрывного шума, соответствующего этой букве в речи, меньшая, чем фематический предел, в то время как буквосочетанию *mc*(*ts*) соответствовала бы продолжительность взрывного шума бóльшая, чем фематический предел.

Существование фематического предела учитывается в широко применяемых в этимологии и исторической фонетике терминах типа «аллегропроизношение» и «анданте-произношение». Дело в том, что органы речи человека при учащении какой-либо последовательности речевых движений начинают реализовать эту последовательность так «сжато», что слух воспринимает ее уже не как последовательность, а как комбинацию акустических эффектов нескольких одновременных речевых движений, т. е. как совокупность акустических эффектов внутри фематического предела.

Конечно, фематический предел не является столь строго фиксированной временной единицей, чтобы можно было подсчитывать количество фем в сколь угодно длинном речевом сообщении лишь на основании общей продолжительности этого сообщения. Очень вероятно, что протяженность фемы зависит от уровня громкости речи. В этой области должны быть сделаны точные экспериментальные исследования. Однако по отношению к наименьшим единицам, с которыми имеет дело теория орфографии (или фонология), можно сформулировать, учитывая существование фематического предела, некоторые вполне определенные утверждения.

1. Каждой букве из так называемых «согласных» в кириллических и латинских алфавитах соответствует в общем один фематический интервал. Исключения хорошо известны. Например, русской и болгарской дилитере *дж* соответствует один фематический интервал в выражениях типа *Джамбул*. Надо, однако, иметь в виду, что членимость дилитеры, обусловливаемая наличием интерлитеры в ней, иногда (чаще у русских, чем у болгар) доводит до такого «анданте-произношения», при котором взрывной (щелчковый) шум, предшествующий фрикативному шуму, растягивается до размеров целого фематического интервала, и тогда с основанием говорят, что аффриката (т. е. симультанное сочетание) трансформировалась в последовательность взрывного и фрикативного согласных. Алфавит «фонемной транскрипции» обогащен перилитерами (диакритическими знаками), при помощи которых устраняются все буквосочетания, обозначающие единичные консонантные фемы.

2. Каждой букве из так называемых «гласных» в кириллических и латинских алфавитах соответствует, как правило, сегмент речевого сообщения более длинный, чем один фематический интервал. Как показали уже исследования Хлумского о чешских гласных, фонетический процесс, соответствующий одной гласной букве славянских алфавитов, может охватывать один, два, три, четыре, даже пять фематических интервалов[5]; однако лишь для обозначения эмфазисного сверхудлинения в подробных руководствах по орфографии встретится рекомендация писать две, три или четыре одинаковые гласные буквы, разделяемые или не разделяемые дефисами.

Естественно было бы ожидать, что в фонемной транскрипции для обозначения последовательности хорошо различимых слухом фонетических явлений будут применяться цепочки гласных букв, дифференцируемых перилитерами (диакритическими знаками). Однако подобными цепочками

---

[5] См.: J. C h l u m s k ý, Česká kvantita, melodie a přízvuk, Praha, 1928, стр. 86—89.

оперировали не фонологи, а такие сторонники традиционной лингвистики, как Богородицкий и Пешковский.

Если принять во внимание фематический предел в качестве сегментатора речевого сообщения, акцентно-интонационное разнообразие славянских языков получит весьма простое графическое отображение (аналогичное отображению консонантов) при помощи некоторых перилитер к основным гласным буквам, которые теперь уже будут обозначать не «фонемы», а «фемы» (в качестве «репрезентанта» основных гласных букв воспользуемся буквой *а*):

высоко интонируемая фема — $\dot{a}$, $\breve{\dot{a}}$
низко интонируемая фема — $\grave{a}$, $\breve{\grave{a}}$
ударная фема — $\acute{a} = \dot{a}$ V $\grave{a}$
безударная фема — $\breve{a} = \breve{\dot{a}}$ V $\breve{\grave{a}}$

Литературные стили славянских речевых языков в акцентно-интонационном отношении в этом случае предстанут в следующем виде:

языки чешский и словацкий — безударные фемы встречаются лишь непосредственно после ударных (или, в более привычной, но неточной терминологии — в чешском и словацком, если под «ударностью» подразумевать то, что подразумевается в болгарской и частично в русской фонетике, все слоги ударные)[6]; аллофоны так называемых кратких вокальных фонем состоят из одной ударной и одной следующей непосредственно за ней безударной фемы, а так называемые долгие вокальные фонемы состоят из одной ударной фемы и двух, трех или четырех следующих непосредственно за ней безударных;

сербскохорватский язык — последовательности, состоящие более чем из двух безударных фем, встречаются во всяких позициях (или в традиционной терминологии: в сербскохорватском языке многосложное письменное слово может содержать больше одного ударного слога)[7];

[6] «Ударность» — это симультанность дифференциальных элементов «диффузность ⋀ некомпактность» либо «недиффузность ⋀ компактность». См.: М. Я н а к и е в, Българско стихознание, София, 1960, стр. 52—60.

[7] Названия сербскохорватских акцентов в известной мере искажают картину распределения ударности и интонаций. «Дугосилазни акценат» (ˆ) соответствует графическим словам типа $(C)\acute{a}\breve{a}\breve{a}$ $(C\breve{a})$ $(C\breve{a})$ $(C\breve{a})$; «краткосилазни акценат» (˝) — графическим словам типа $(C)\acute{a}\breve{a}$ $(C\breve{a})$ $(C\breve{a})$ $(C\breve{a})$. Иными словами, понятию «силазность» соответствует русское и болгарское понятие «ударность». Поэтому на односложное графическое сербскохорватское слово может падать только «нисходящее» ударение. «Дугоузлазни акценат» (ˇ) соответствует сукцессии фем безударных и высоко интонированной ударной: (C) $(\breve{a})$ (C) $(\breve{a})$ . . . (C) $(\breve{a})$ $\breve{a}\breve{a}$ ˙ a (C) $(\breve{a})$ (C) $(\breve{a})$ (C) a $(\breve{a})$ $(\breve{a})$ (C) $\breve{a}$ (C).« Краткоузлазни акценат» (`) соответствует первому краткому ударному слогу в графическом слове, если за этим слогом следует опять ударный слог: (C) $(\breve{a})$ (C) $(\breve{a})$ . . . (C) $a\breve{a}$ (C)˙ a $(\breve{a})$ $(\breve{a})$ $(\breve{a})$ (C) $(\breve{a})$. Поэтому болгары, русские, а равным образом и сами сербы и хорваты не слышат этого акцента — отсюда и другие его названия «слаби кратки» и «спори» (т. е. «медленный» — речь как бы замедляется оттого, что за одним «ударным гласным» следует еще один — у «ударных гласных» больше фем). Во всех формулах буквой *С* обозначался «консонант» либо «последовательность смежных консонантов».

Результаты экспериментальных исследований Хлумского и Б. Милетича подтверждают такую трактовку сербскохорватских вокалов. Конечно, предлагаемый фемологический перевод традиционного описания сербскохорватских «акцентов» в изолированных словах не охватывает стилистического и диалектного разнообразия типов фраз с акцентологической точки зрения. Ведь, как отмечал А. Белич («L'accent de la phrase et l'accent du mot», TCLP, IV, 1931, стр. 184 и сл.), во фразе некоторые сербскохорватские слова меняют ударение. Однако он хорошо помогает понять некоторые преимущества фемологии. Фематический интервал дает возможность объяснить восприятие лингвистами не только долгих, но и кратких изолированных вокалов как интонированных: продолжительность одного краткого вокала, состоящего не менее чем из двух фем, превышает 0,06 сек., и за время его артикуляции слух успевает отреагировать на изменение тона. Применяемая А. Лескином «моровая сегментация», огрубляющая представление о слуховом восприятии, наводит Р. Якобсона («Die Betonung

словенский язык — последовательности безударных фем встречаются лишь в соседстве с ударными;

болгарский и македонский языки — последовательности, состоящие более чем из двух вокальных фем, не встречаются [8];

русский, украинский и белорусский языки — последовательности, состоящие более чем из двух безударных фем, встречаются лишь в соседстве с ударными фемами;

польский язык — безударные фемы встречаются лишь в соседстве с с ударными.

Как видно, в приведенных акцентологических характеристиках звуковых славянских языков не упоминается о «несвободном» и «свободном» ударении. Дело в том, что понятие «несвободное ударение в слове» является одним из тех понятий, которые дефинируются только при помощи орфографии. Поскольку «слово» представляет собой полилитеру, содержащую только одну нуллолитеру — на конце [9], «несвободное ударение в слове» польского, чешского или словацкого языка не что иное, как способ обозначить, пользуясь нуллолитерой (межсловным пробелом), некоторые особенности мелодинамики польской, соответственно чешской или словацкой фразы, называемые не очень ясным термином «(словесное) ударение». Например, за выражением «польское несвободное ударение на предпоследнем слоге слова» кроется следующее обобщенное орфографическое правило чтения (неэлементарная орфоанагностема): «За исключением полилитерем *wogóle*, *pospolita*, *fonetyka*,... (предполагается полный список этих полилитерем) каждую полилитерему, начинающуюся с нуллолитерона, заканчивающуюся первым следующим нуллолитероном и содержащую более одного вокального литерона списка *a*, *e*, *i*, *o*, *ó*, *u*, *ą*, *ę* или пару литеронов типа *i* + (*a*, *e*, *o*, *ó*, *u*, *ą*, *ę*), читай с ударением на предпоследнем вокальном литероне (точнее: с увеличенным числом безударных вокальных фем, смежных с предпоследней ударной вокальной фемой [10])».

Этому правилу (точнее: этому пучку элементарных анагностем) обязана легкость чтения польского текста. Очевидно, не только при помощи перилитеронов вроде ′ можно уменьшить число орфоанагностем, необходимых для достижения изоанагностии. В чисто теоретическом плане можно допустить использование в болгарских и русских текстах таких, например, способов: 1) буквы ъ для обозначения ударности предшествующей вокальной буквы; слово *наша* тогда выглядело бы *наъша*; 2) удвоения буквы, обозначающей ударный вокал (*наааша*); 3) замены буквы, обозначающей ударный вокал, буквой другого типографского шрифта, полужирного или курсивного (наша, *наша*).

Если принимать во внимание интересы читающих (и не только русских, а также иностранцев), то с предлагаемым М. В. Пановым алгоритмом [11] согласиться нельзя — в нем аспект чтеца учитывается очень

und ihre Rolle in der Wort- und Syntagmaphonologie», TCLP, IV, стр. 176—178) на необоснованное экспериментальными исследованиями утверждение об интонационной немаркированности односложных выражений с кратким вокалом типа сербскохорв. *nâs* «пёс».

[8] Здесь, как и в других случаях, имеются в виду «литературные языки». В диалектах встречаются трифемные вокалы как результат вокализации *x*, ср., например, *кавайймe* (< *казахме*).

[9] «Диэрема» М. В. Панова (см. «О разграничительных сигналах в языке», ВЯ, 1961, 1, стр. 6) не что иное, как совокупность соответствий нуллолитереме в звуковом языке, состав которой определяется только орфографией.

[10] Ср. приводимые Клумским данные о долготах польских вокалов (указ. соч., стр. 86).

[11] М. В. Панов, Об усовершенствовании русской орфографии, ВЯ, 1963, 2, стр. 86—87

недостаточно. Можно было бы ожидать, что этот алгоритм будет последовательно исходить из интересов записывающего речь человека, поскольку в его основу положен принцип, называемый «фонематическим». Отвергая термин «морфологический принцип», М. В. Панов как бы отстаивает объективно реализуемую возможность записывания речи без понимания того, что записывается. Интересы писца будто бы оберегаются и пунктом III алгоритма, где предложено принимать только те изменения орфографии, которые направлены на уменьшение «различительной силы» знаков, т. е. на облегчение писца. Ведь если (воспользуемся примерами Панова) из русского алфавита устранить *э* и заменить его знаком *е*, именно пишущим и только пишущим станет легче[12]. Однако применение пункта III ограничено пунктом I, где говорится, что допустимо принимать лишь такие изменения орфографии, которые относятся к редко встречающимся фактам языка[13]. Этим устраняется всякая возможность обсуждать вопросы орфографии, исходя из интересов обучения. Ведь нельзя ожидать, что изменение каких-то редко встречаемых в практике орфографических алогизмов сколько-нибудь заметно отразится на занятиях родным языком в школе.

*

Основываясь на разъясненных ранее понятиях теории орфографии[14], можно определить процедуру построения оптимальной для современных условий орфографии. Операции процедуры будут иллюстрироваться примерами, почерпнутыми главным образом из болгарского языка. Исходным пунктом этой процедуры должны быть встречающиеся в практике орфографические «ошибки». С точки зрения теории орфографии ошибочные написания представляют собой результаты функционирования в сознании пишущего другой орфографии, более экономной, чем официальная. Так, например, болгары очень часто пишут букву *с* вместо *з* перед буквами, произносимыми как глухие согласные (например, пишут *исправят* вместо правильного для болгарской орфографии *изправят*). Надо установить, является ли орфография, в которой в этих случаях всегда писалось бы *с* вместо *з*, более экономной по отношению к писцу, чем официальная болгарская орфография.

Ответ на этот вопрос может быть дан очень легко. В орфографии, где буква *з*, стоящая непосредственно перед «глухими буквами», будет заменена буквой *с*, число орфоанаграфем значительно уменьшится, так как все орфоанаграфемы, дефинирующие применение тех многих разных полилитер, которые содержат букву *з*, произносимую как глухой согласный, отпадают. Если такое замещение окажется более экономным и по отношению к чтецу (а это так, потому что все полилитерные орфоанагностемы, дефинирующие произношение литерона *з* как глухого консонанта, отпадут — останется небольшое множество дилитерных орфоанагностем, возводимых к общей формулировке: «*с* + интерлитера + буква, обозначающая глухой консонант» → «глухой альвеолярный спирант + глухой консонант»), то теоретически уместной будет рекомендация о соответствующем изменении официальной орфографии.

Однако встречаются и такие орфографические ошибки, которые нельзя рекомендовать в качестве правильных написаний, хотя определяющая

[12] Если устранить *э* из русского алфавита, энтропия (т. е. степень неопределенности) его заместителя *е* уменьшится для пишущего, так как пишущий будет чаще, чем раньше, выбирать *е*, но зато для читающего энтропия *е* значительно возрастет, поскольку частость *э* в русских текстах гораздо меньше, чем частость *е*, а каждая буква *е* после устранения *э* окажется неопределенной.

[13] М. В. Панов, Об усовершенствовании русской орфографии, стр. 86.

[14] См.: М. Янакиев, Основы теории орфографии, ВЯ, 1963, 5.

их орфография также более экономна и с точки зрения писца, и с точки зрения чтеца. Болгарские учащиеся пишут иногда, например, *истина* (вместо *истина*), *изкали* (вместо *искали*). Легко установить, что если в болгарскую орфографию ввести правило всегда записывать глухой альвеолярный спирант перед глухим консонантом буквой *з*, то получится новая орфография, более экономная в сравнении с официальной, однако противоречащая предложенной выше орфографии. Очевидно, выбор между этими двумя орфографиями определяется тем, что более экономной из них является орфография, требующая писать *исправят*, *истина*. В ней применение буквы *з* определяется меньшим числом орфографем.

Итак, принцип оценки экономности «ошибочной» орфографии легко применить в тех случаях, когда интересы записывающего речь совпадают с интересами читающего. Целесообразность ее узаконения можно определить с помощью статистики. Педагоги могли бы установить процент допускающих «ошибки» соответствующего типа. Если этот процент большой, принятие соответствующего изменения орфографии окажется лишь актом узаконения фактически уже функционирующей новой орфографии [15]. Статистические данные о фреквентности позиций, затрагиваемых предлагаемым изменением, могут, если фреквентность мала, подействовать успокаивающе на общественное мнение, которое, как правило, сопротивляется радикальным нововведениям в области орфографии. Так, например, фреквентность позиций, которые были бы затронуты изменением в болгарской орфографии написаний типа «*з* + буква, обозначающая глухой консонант» в написания типа «*с* + буква, обозначающая глухой консонант», равна примерно 0,003 ($\sigma = 0{,}0016$) [16].

Из данных о большой частости предлагаемого изменения, однако, нельзя, как это следует из алгоритма Панова, делать вывод о том, что соответствующее изменение неуместно. Большая частость может служить лишь оценкой возможной степени облегчения пишущих и (или) читающих. Основанием для того, чтобы принять или отвергнуть данное изменение орфографии, может быть лишь выигрыш для пишущего и читающего, устанавливаемый описанной выше процедурой.

Конечно, не всегда «ошибки» какой-либо группы пишущих определяют орфографию, более экономную для всех пишущих и для всех читающих. Нередко «ошибка» пишущего является отражением диалектного произношения. В таких случаях пишущий не вводит для себя новую орфографию. Он записывает свое произношение по правилам знакомой ему орфографии. Ясно, что таких изменений орфографии нельзя принимать. О них не следовало бы даже говорить, если бы в ныне действующих русской и болгарской орфографиях не существовали факты, точно отражающие диалектные произношения. Например, записывание безударного вокала, стоящего в русской речи на месте общеславянского *о*, через *о* (а не через *а*) отражает окающее диалектное произношение. В русской орфографии

[15] Например, наблюдения над письменными работами поступающих в болгарские вузы говорят, что каждый второй абитуриент допускает «ошибочные» буквы *с* (на месте *з*). В свете этих данных странным кажется пункт 5 предложений сектора современного русского литературного языка Института русского языка АН СССР, опубликованных М. В. Пановым (указ. соч., стр. 83): «Приставки *без*, *воз*, *из*, *низ*, *раз*, *роз*, *чрез* всегда писать с буквой *з*...». Принятие этого предложения привело бы к бесчисленным ошибкам. Предложение противоречит и пункту III принимаемого М. В. Пановым алгоритма. Ведь если вместо каждой полилитеры типа *бес* ввести две полилитеры — типа *бес* и типа *без*, «различительная сила» каждой полилитеры типа *бес* возрастает. Ввод в русскую орфографию пар типа *без* ~ *бес* даже и по фреквентности изменений, которые появились бы в текстах, аналогичен возврату буквы ять.

[16] Данные взяты из неопубликованной работы болгарской славистки Ж. Икономовой.

функционирует множество орфографем, устанавливающих, в каких случаях речевое безударное *а* следует записывать через *о* и в каких через *а*. Если ввести в русскую орфографию имеющую место в белорусской орфографии парциальную орфоанаграфему «неокругленный средний вокал всегда записывать через литерон (букву) *а*», то от этого выиграют все неокающие русские (чтецы и писцы), а также окающие, когда они выступают в роли чтецов. В болгарском правописании ударный ъ в глагольных окончаниях 1-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа настоящего времени записывается через литерон *а*, а не через литерон ъ. Это отражает произношение ударного вокала *а* в названных глагольных окончаниях, характерное для некоторых болгарских диалектов. В болгарской орфографии функционирует множество орфографем, устанавливающих, в каких случаях ударное ъ литературного произношения («узкий средний ударный вокал») следует записывать через букву *а* и в каких через ъ (ср. *градът*, но *принесат*). С точки зрения предлагаемой здесь процедуры оценки изменений в орфографиях соответствующие упрощения русской и болгарской орфографий должны были бы быть приняты потому, что в нынешних русской и болгарской орфографиях применяются основывающиеся на диалектных произносительных нормах орфографемы.

*

Легко показать, что если под «морфологическим принципом» орфографии понимается требование записывать все алломорфы одной морфемы речевого языка репрезентантами одной и той же литеремы, независимо от звукового состава этих алломорф[17], его нельзя отличить от «традиционного принципа» орфографии: строгое определение понятия морфемы требует, чтобы причисление той или иной морфы к определенной морфеме речевого языка обосновывалось не звуковым составом морфы, а только соответствующей ей семемой (иными словами, алломорфами одной и той же морфемы могут быть очень различные по своему звуковому составу морфы, если их семантика одна и та же, т. е. если им соответствует одна и та же точка в системе содержания[18]. Так, например, мы должны принять, что алломорфами морфемы, выражающей «множественность», являются все окончания мн. числа, коль скоро мы признаем, что значение всех этих окончаний одно и то же. А из этого следует, что, подчиняясь «морфологическому принципу», следует записывать все окончания мн. числа репрезентантами одной и той же литеремы, т. е. в русском языке окончания в словах [брат-]*ья*, [нож-]*и*, [профессор-]*а*, [женщин-]*ы* должны записываться одним и тем же способом.

Конечно, такая абсурдная абсолютизация будет отвергнута сторонниками «морфологического принципа». Скажут, что алломорфы одной морфемы должны иметь «нечто общее» и в своем звуковом составе; однако беда в том, что именно понятие «нечто общее в звуковом составе» очень неясно. Ведь и приведенные окончания содержат «нечто общее» — все они характеризуются наличием в них дифференциальных элементов «вокальность» и «неокругленность». А вероятное возражение, что по отношению к окончаниям «морфологический принцип», пожалуй, и не строго применим, поскольку они даны, так сказать, списком всех пишущихся разными буквами их алломорф, встречаются чересчур часто и их письменные формы следует просто запомнить, но зато по отношению к корневым

[17] Ср.: А. Б. Шапиро, Русское правописание, 2-е изд., М., 1961, стр. 32; ср. также: С. Стойков, Увод в българската фонетика, София, 1961, стр. 174.

[18] Ср.: Г. Глисон, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, стр. 95, 108—109, 118.

морфемам «морфологический принцип» действует безотказно, должно получить достойный ответ: корень слова *шел* и корень слова *ход* один и тот же и согласно морфологическому принципу его следует писать в обоих словах одинаково, т. е., например, *ход* и *ходл* (читай «шол»!) или *шел* и *ше* (читай «хот»!).

Морфологический принцип орфографии требует, чтобы всякая алломорфа всякой морфемы речевого языка записывалась в контекстах одних и тех же алломорф одних и тех же морфем одной и той же совокупностью литеронов, причем в разных контекстах иногда допускается записывание двух или более разных алломорф одной и той же морфемы, а также двух или более разных морфем одной и той же совокупностью литеронов. В этой формулировке выражение «иногда допускается» с логической точки зрения является «переменной». Для того чтобы морфологический принцип был действенным, требуется замена этой переменной какими-то «постоянными», перечисляемыми в некотором списке морф, составленном традицией. Естественно, морфы этого списка подвергаются классификации; получившиеся классы изолитеремных морф, т. е. морф, обозначаемых в письменных сообщениях одной и той же совокупностью литеронов, обычно считаются морфемами речевого языка. Назовем такой класс «орфографической морфемой». Обычная формулировка «морфологического принципа» орфографии имеет в виду именно «орфографическую морфему». Например, аллолитеры псевдотрилитеремы *ход* в *ходить*, *ходит*, *ходок*, *ходоки*, *ходун*, *ходуна*, *ход* считаются алломорфами одной и той же «морфемы» (уточним: «орфографической морфемы»).

Орфографическая морфема, однако, не совпадает с тем, что обычно называется морфемой. Чтобы перейти от морфемы графической к морфеме в обычном смысле этого слова, придется классы изолитеремных морф, т. е. графические морфемы, в свою очередь классифицировать на основании наличия в них в определенных позициях определенных подсовокупностей литеронов. Получаются классы орфографических морфем. Назовем их «орфографическими архиморфемами». Орфографические архиморфемы обозначаются аллолитерами разных литерем. Совокупность этих литерем будем называть «дизъюнкцией литерем» или «литеродизъюнктом». Надо специально обратить внимание, что в составе всех литерем, объединяемых в одном литеродизъюнкте, может не быть ни одного общего литерона. Например, приведенные выше аллолитеры псевдотрилитеремы *ход*, аллолитеры псевдотрилитеремы *хож* в *хожу*, *похоже*, аллолитеры псевдотрилитеремы *хаж* в *хаживать*, *расхаживать*, аллолитеры псевдотетралитеремы *хожд* в *хождение*, *расхождение*, аллолитеры псевдотрилитеремы *шед* в *вышедши*, *шедши*, аллолитеры псевдодилитеремы *ше* в *шел*, *вышел* и аллолитеры псевдомонолитеремы *ш* в *шла*, *вышла* группируются в дизъюнкцию литерем («литеродизъюнкт»), являющуюся письменным соответствием орфографической архиморфемы {*ход*, *хож*, *хаж*, *хожд*, *шед*, *ше*, *ш*}.

По отношению к орфографической архиморфеме, которая тождественна морфеме в обычном понимании этого термина, «морфологический принцип» неприменим или, точнее, его можно применить лишь после трансформации существующей орфографии в новую, в которой «орфографическая архиморфема» была бы трансформирована в «орфографическую морфему». Теоретически такая орфография всегда возможна, поскольку в естественных человеческих языках множество морфем конечное и притом не очень большое. С точки зрения теории орфографий историческая грамматика данного языка представляет собой построение именно такой орфографии, только на ее литеремы смотрят как на «праформы» морфем, приписывают им определенное единое звучание, в то время как вполне возможно рас-

сматривать эти «праформы» и как псевдолитеремы какой-то сверхтрадиционной орфографии современного речевого языка. Так, например, если записать все морфы «орфографической архиморфемы» {*ход*, *хож* и т. д.}, скажем, псевдодилитеремой *хд*, эта «архиморфема» превратится в «орфографическую морфему», совпадающую с «морфемой» в обычном лингвистическом смысле этого термина. Будут сформулированы орфографемы типа «ноналитереме][=*хдение*. в речи соответствует выражение, записываемое фонетически [хажд'ён'ийе]», или «гепталитереме][=*хдла*! в речи соответствует выражение, записываемое фонетически [шла]», или «декалитереме][=*хдивали*! в речи соответствует выражение, записываемое фонетически [ха́жъвъл'и]».

Но подобным образом можно было бы превратить и всякую совокупность морф, имеющих хоть сколько-нибудь родственную семантику, в морфему. Возьмем, к примеру, корни слов *спичка* и *огонь*. Если обозначить «архиморфему» {*спичк*, *огон*} аллолитерами псевдотрилитеремы *спичк*, то *спичка*, *спичек* и т. д. будут выглядеть как обычно, а вместо *огонь*, *огня*, *огонек* нужно будет писать соответственно *спичкь*, *спичкя*, *спичкек*. Наоборот, если обозначить «архиморфему» {*спичк*, *огон*} аллолитерами псевдотрилитеремы *огн*, то получится соответственно *огнь* вместо *огонь*, *огня* останется и т. д., а вместо *спичка* будет *огна*. Конечно, появились бы неопределенности, например *огонек* и *спичек* записывались бы одинаково— *огнек*, однако увеличением числа литеронов в литеремах такие неопределенности снимались бы обычным способом. Например, в 11-литереме =*нет*][*огнек*., как и в 12-литереме =*нет*][*огнька*. анагностическая неопределенность снята.

А это уже подлинная идеография. Очевидно, переход от обозначения аллолитерами одной и той же литеремы орфографической морфемы к обозначению таким способом «истинной» морфемы невозможен без ссылки на традицию. «Морфологический принцип» орфографии — это традиционный принцип, а традиционный принцип — это идеография[19]. Почему мы пишем][*ход*. и][=*ходить*., но][=*шел*., а не][=*ходл*.? Только из-за традиции.

На вероятное возражение, что псевдотрилитереме *ход* в.][=*ход*!,][=*ход*. и][=*ходить*. в речи соответствуют более близкие звучания, чем псевдолитеремам *ход* и *ше* в .][=*ход*. и .][=*шел*., ответит анализ различий этих звучаний. Если представить себе графически фиксированным все то, что обществом признается неслучайным, т. е. не принадлежащим индивидуальности говорящего, то получатся следующие различия в речевых соответствиях анализируемых литерем:

№ дифференц. элемента		.][=*ход*.		.][=*ходить*.		.][=*шел*.
1	*х*	округленный	*х*	неокругленный	*ш*	округленный
2		веляр		веляр		невеляр
3		фразово акцентованный		фразово неакцентованный		фразово акцентованный
4	*о*	округленный	*о*	неокругленный	*е*	округленный
5		фразово акцентованный		фразово неакцентованный		фразово акцентованный
6	*д*	взрыв	*д*	взрыв	*ø*	невзрыв
7		глухой		неглухой		неглухой
8		альвеолярный		альвеолярный		неальвеолярный
9		апикальный		неапикальный		неапикальный
Всего		9 дифференциальных элементов		Из них 6 иного значения		Из них 5 иного значения

[19] Ср.: М. В. Панов, Об усовершенствовании русской орфографии, стр. 81.

Иными словами, отличие речевого соответствия репрезентанта псевдотрилитеремы *ход* в .][=*ход*. от речевого соответствия репрезентанта той же самой псевдотрилитеремы *ход* в .][=ходить. на один элемент больше, чем от речевого соответствия псевдодилитеремы *ше* в .][=*шел*. [20].

Итак, понятие «более близкое звучание» неприменимо в качестве признака, определяющего группу алломорф «орфографической морфемы» по отношению ко всем остальным алломорфам обычной лингвистической морфемы, частью которой является «орфографическая морфема», если не введена некоторая перархия дифференциальных элементов речевого языка.

Нетрудно увидеть, что такая иерархия вводится традицией и только традицией. К этой традиции в конечном итоге сводится и принцип орфографии, называемый М. В. Пановым «фонематическим». Фактическим исходным пунктом «фонематического» истолкования орфографем является «орфографическая морфема». Только при фонематическом подходе для нужд обучения «орфографические морфемы» подвергаются не классификации, объединяющей их в «орфографические архиморфемы», а классификации, объединяющей их в классы на основании типов соответствий между компонентами звукового состава их алломорф и литеронами обозначающих их литерем (обычно псевдолитерем). На основании этих типов соответствий строится все учение о фонемах, аллофонах фонем, архифонемах, комбинаторных фонетических законах в речевом языке, а также и процедура фонематического подхода к орфографии.

Так, например, устанавливается, что в болгарском языке существует класс орфографических морфем, алломорфы которых записываются псевдолитеремами, содержащими литерон *н*—*нос*, *нас*, *син*, *банка*, *бронх*, *пунш* и т. д. Затем делаются попытки описать парциальными орфоанагностемами соответствия литерона *н* в алломорфах этих орфографических морфем; начинаются споры вокруг способов описания. Абстракция общего из речевых соответствий литерона *н* во всех данных морфах называется фонемой, а сами речевые соответствия — аллофонами или вариантами фонемы. При этом остается без специального названия совокупность речевых соответствий литерона *н*, из которых абстрагируется фонема, т. е. объем понятия фонемы; он также обозначается термином «фонема», вследствие чего возникает ряд недоразумений [21]. Фонемой называют и репрезентант фонемы в речи — и таким образом возникают новые недоразумения. При этом остается без внимания тот факт, что те хорошо различимые слухом особенности вариантов фонемы, которые не отражаются в письме и поэтому считаются иррелевантными по отношению к фонеме как абстракции, настолько важны для самого речевого языка, насколько важны и особенности, релевантные по отношению к фонеме.

Об «архифонемах», т. е. о пересечениях множеств дифференциальных элементов двух или более фонем, говорят в тех случаях, когда по традиции установилась орфография, делающая возможным отразить заменой одной буквы на другую какие-то вариации в звуковом составе алломорф морфемы. Если в действующей орфографии такой возможности нет, эти вариации объявляются иррелевантными по отношению к речевому языку, а их репрезентанты — аллофонами или позиционными вариантами одной

[20] Характеристика консонантов дифференциальными элементами «фразовое ударение» и «округленность» может показаться необоснованной. Однако наличие этих элементов у консонантов может быть доказано экспериментально. Ср. хотя бы рум. *hoarnă* «дымоход», где оглушенное *x* перед неокругленным вокалом звучит как *h* округленное (отсюда и спор среди румынских лингвистов о «лабиализованных консонантных фонемах»; если учесть наличие фематического предела, спор становится легко разрешимым).

[21] Разрабатываемая С. К. Шаумяном «двухступенчатая система фонем и фонемоидов» является по существу попыткой устранить именно эти недоразумения.

фонемы. Правда, процедуре, при помощи которой проводится различие между, так сказать, «внутрифонемными» позиционными альтернациями дифференциальных элементов и позиционными альтернациями, выводящими части звукового состава морфемы за пределы одной фонемы, придается чисто речевой вид. В качестве доказательства «гетерофонемности» альтернации приводится существование так называемых минимальных пар слов. Эти слова берутся из словарей, которые не дают естественных сегментов речевых сообщений. При этом не принимается во внимание средняя частость минимальных пар в речевых сообщениях.

Так, например, в болгарском языке замена в звуковом составе фонемы *т* дифференциального элемента «глухость» на «неглухость» считается заменой, превращающей фонему *т* в другую фонему — *д*, в то время как хорошо уловимая глухом замена дифференциального элемента «округленность» на «неокругленность» считается «внутрифонемной» альтернацией. Ср. *чисто стана* «чисто стало», где произносится *т* «округленное», и *чист остана* «чистым остался», где произносят при не слишком быстром произношении *т* «неокругленное»; точно так же как при не слишком быстром произношении в *наред би изпращал* «всем подряд бы посылал» звучит *д* «глухое» (т. е. *т*) и этим выражение отличается от *наредби изпращал* «распоряжения посылал», где перед *б* звучит *д* «неглухое».

Все изложенные выше логические противоречия в фонологии снимаются, если рассматривать ее понятия как понятия теории орфографии, но вместе с противоречиями снимается и возможность пользоваться для обоснования изменений в орфографии этими понятиями, т. е. так называемым фонематическим принципом. Каждой орфографии присуща специфическая фонемная система; поэтому, если рассматривать какое бы то ни было изменение существующей орфографии сквозь призму фонематической системы, сконструированной на основе старой орфографии, достаточно строгий логический подход всегда должен приводить к «доказательству» недопустимости соответствующего изменения. Наиболее ясно это видно из конструируемой С. К. Шаумяном «двухступенчатой теории фонологии», которая является не фонологией в общепринятом смысле этого слова, а попыткой построить строгую с логической точки зрения теорию описания всякой цепочки знаков при предположении, что предварительно (т. е. не этой теорией) заданы: 1) способ сегментации цепочки на знаки (например, каким-то аналогом интерлитеры); 2) какой-то алфавит (абстрактных) знаков; 3) способ определения, репрезентантом какого (абстрактного) знака алфавита является каждый сегмент (элементарный или сложный) описываемой цепочки, т. е. способ классификации знаков сообщения.

Способ сегментации речевого сообщения на «звуки» С. К. Шаумян принимает как «объективно устанавливаемый фонетический факт», как «исходную ситуацию»[22]. Алфавит (абстрактных) знаков и способов классификации знаков сообщения автор «Проблем теоретической фонологии» также считает заранее данными, называя парадигматическую (т. е. алфавитную) и синтагматическую (т. е. классифицирующую на основе алфавита) оппозиции понятиями, вводимыми в теорию извне, т. е. в теории не определяемыми[23].

Совокупность парадигматических и синтагматических оппозиций, о

[22] С. К. Шаумян, Проблемы теоретической фонологии, М., 1962, стр. 30. Автор ссылается на утверждение Фанта (G. Fant, Acoustic theory of speech production, «Royal Institute of technology. Division of telegraphy—telephony», Report № 10, 1958, стр. 17). Однако Фант не доказывает, что звуки — недробимые для слуха в шкале времени сегменты речи. Он говорит только о том, что границам звуков есть соответствия в широкополосных интенситетных спектрограммах речевых сообщений.

[23] С. К. Шаумян, указ. соч., стр. 37.

которых говорит С. К. Шаумян, можно представить как орфоанаграфию (но не как орфографию), а каждое «отношение воплощения» — как орфоанаграфему, т. е. как правило, определяющее, репрезентантом какой литеремы аксиоматически заданного списка литерем следует записывать каждый сегмент речевого сообщения. Ведь фонемы, парадигматические и синтагматические оппозиции, являются «конструктами», т. е. поддаются транспозиции. Поскольку, с одной стороны, списки фонем, парадигматических оппозиций и синтагматических оппозиций задаются аксиоматически и поскольку, с другой стороны, возможны разные (различающиеся только по экономности) орфоанаграфии для одного и того же речевого языка, вполне законно предположить возможность существования разных фонематических систем, описывающих один и тот же речевой язык даже при неизменной процедуре сегментации речи.

Лишь при таком понимании фонематической системы данного языка, т. е. при понимании ее как одной из многих возможных систем описания языка, можно, не допуская логической ошибки, трактовать фонемы и их оппозиции как конструкты, а поскольку каждой логически непротиворечивой орфоанаграфии будет изоморфно соответствовать определенная фонематическая система, каждая фонематическая система будет «сопротивляться» всякому изменению изоморфной ей орфоанаграфии[24]. И тем не менее всяким изменением орфоанаграфии определяется новая орфоанаграфия, для которой возможно построить изоморфное ей фонематическое описание языка.

*

Вернемся к процедуре оценки изменений орфографии. Мы показали, каким образом можно реализовать объективную оценку орфографических изменений на основе большей или меньшей экономности порождаемых ими новых орфографий. Изменения в орфографии, однако, следует оценивать также с точки зрения облегчения процесса чтения для человеческого глаза и процесса записывания для человеческой руки.

В рассмотренных выше случаях этим аспектом можно было пренебречь, но есть такие орфографические «ошибки», при оценке которых этот аспект становится определяющим, — это «ошибки» в употреблении прописных букв, дефиса и межсловного пробела (нуллолитеры), которые должны стать предметом специального рассмотрения. Надо все же отметить, что и при оценке ошибок в этом аспекте необходимым является строгое разграничение интересов в общем меньшего коллектива записывающих и интересов, как правило, более многочисленного коллектива читателей. Так, например, более частое применение дефиса и нуллолитеры затруднительно для письма, однако очень благоприятствует процессу чтения[25].

[24] В своей книге С. К. Шаумян конструирует только такие фонематические системы, в которых все списки фонем и оппозиций отличаются некоторыми общими свойствами, являющимися отражением общих свойств современных описаний традиционных орфографий европейских языков при помощи орфографических словарей и руководств. Отсюда и кажущаяся необходимость разграничивать, например, в фонематических описаниях фонемы и кульминаторы (вокальность и просодемы), фонологические слоги и фонологические слова. Если, однако, расширить и упростить теорию фонематических описаний, освободив ее от влияния традиционных орфографий, она пригодится mutatis mutandis для описания речевого сообщения в его дискретности.

[25] В Болгарии делались некоторые эксперименты в этом отношении. Интересно отметить неожиданные последствия, к которым приводит, например, отделение нуллолитерой глагольных основ от глагольных окончаний в болгарских текстах. Оказалось (имеется в виду неопубликованное исследование К. Гуляшкой), что этим изменением орфографии определяется совершенно новая... грамматика болгарского языка, очень «бедная» глаголами, но зато обогащенная новой «частью речи» — инфинитивом. Перед лингвистикой раскрываются захватывающие перспективы построения грамматик на основе изменения только орфографической аксиоматики.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1964

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. Н. КОЛМОГОРОВ, А. В. ПРОХОРОВ

О ДОЛЬНИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ *

(Статистическая характеристика дольника Маяковского, Багрицкого, Ахматовой)

I. Правильный трехдольник и четырехдольник, их формы и варианты. Основная схема правильного трехдольника такова:

$$0/2 - 1/2 - 1/2 \overset{\prime}{-} 0/2.$$

В полноударных формах трем долям соответствуют три реальных ударения:

$$0/2 \overset{\prime}{-} 1/2 \overset{\prime}{-} 1/2 \overset{\prime}{-} 0/2.$$

С точки зрения длины межударных промежутков имеются четыре возможности:

22, 12, 21, 11.

Каждая из них может сочетаться с анакрузой 0, 1 или 2. Таким образом получается двенадцать форм[1], цифры которых в следующей таблице набраны полужирным шрифтом:

1.	**0 22**	**1 22**	**2 22**
	3 2	4 2	5 2
	0 5	1 5	2 5
	6	7	8
2.	**0 12**	**1 12**	**2 12**
	2 2	3 2	4 2
	0 4	1 4	2 4
	5	6	7
3.	**0 21**	**1 21**	**2 21**
	3 1	4 1	5 1
	0 4	1 4	2 4
	5	6	7
4.	**0 11**	**1 11**	**2 11**
	2 1	3 1	4 1
	0 3	1 3	2 3
	4	5	6

В таблице под шифром каждой полноударной формы выписаны шифры двухударных и одноударных форм, которые могут быть получены из нее при замене одного или двух ударных слогов безударными. Например, из формы

$$1\ 12 \quad \smile \overset{\prime}{-} \smile \overset{\prime}{-} \smile \smile \overset{\prime}{-}$$

---

* Общее понимание современного русского дольника дано в нашей предшествующей статье (ВЯ, 1963, 6).

[1] Клаузула — группа слогов, следующих за обязательным третьим метрическим ударением,— во внимание не принимается.

при пропуске первого ударения получается

$$3\,2 \quad \cup - \cup \acute{-} \cup \cup \acute{-},$$

а при пропуске второго ударения

$$1\,4 \quad \cup \acute{-} \cup - \cup \cup \acute{-}.$$

Из таблицы видно, что некоторые двухударные и одноударные формы могут быть получены несколькими способами. Например, 1 4 получается из 1 12 и из 1 21. Поэтому окончательная классификация неполноударных форм строится по междударным промежуткам и анакрузам, как видно из табл. 1, где объединены полноударные и неполноударные формы.

Таблица 1

Классификация форм трехдольника

Формы трехдольника	№№	Междударные промежутки	Возможные анакрузы	Исходная форма	Число вариантов
A ´ – ´ –	1	22	0—2		27
	2	12			18
	3	21			18
	4	11			12
B ´ – – ´	5	5	0—2	1	18
	6	4		2, 3	15
	7	3		4	12
C – ´ – ´	8	2	2—5	1, 2	9
	9	1		3, 4	6
D – – ´	10	—	4—8	1, 2, 3, 4	3

В последнем столбце таблицы указано число вариантов[2], определяемых расположением словоразделов и формой окончания (0, 1, 2 слога). Всего формально получается 36 форм от

$$1_0 \quad 0 \quad 22 \quad \acute{-} \cup \cup \acute{-} \cup \cup \acute{-}$$
$$\text{до } 10_8 \quad 8 \quad \cup \cup \cup \cup \cup \cup \cup \cup \acute{-},$$

охватывающих 435 вариантов. В действительности последние пять форм 10_4—10_8 с единственным ударением неупотребительны. Не встретились нам и примеры форм 8_2 и 9_2. Трудно реализуемы варианты форм 5_0—5_2 с крайними словоразделами

$$\acute{-} \mid \cup \cup \cup \cup \acute{-}$$
$$\acute{-} \cup \cup \cup \cup \mid \acute{-}.$$

В остальном все богатство форм и вариантов правильного трехдольника является вполне реальным материалом ритмических построений русских поэтов[3].

Для четырехдольника

$$0/2 - 1/2 - 1/2 - 1/2 \acute{-}$$

[2] Например, каждая из форм 1_0, 1_1, 1_2 имеет по 27 вариантов.

[3] Форма 9_2 обычна в трехстопном хорее. Форма 10_4 в трехстопном хорее редка, но не вовсе исключительна. В русском трехдольнике редки полноударные формы 4_0 — 4_2 и все происходящие из них неполноударные.

Таблица 2

Классификация форм четырехдольника.
Статистика форм четырехдольника Багрицкого

№№	Соответ. формы 4-стопного ямба	Межуд. интервалы	Число вариантов	Исходная форма	Анакрузы						
					Σ	0	1	2	3	4	5
1	*A* ´ ⏑ ´ ⏑ ´	222	87		7	4	3	*			
2		122	54		5	*	2	3			
3		212	54		47	20	23	4			
4		221	54		263	136	109	18			
5		112	36		9	1	8	*			
6		121	36		42	2	24	16			
7		211	36		5	1	4	—			
8		111	24		1	*	1	*			
9	*B* ´ ⏑ ´ ⏑ ´	52	54	1	3	1	2	—			
10		42	45	2,3	21	10	10	1			
11		51	36	4	13	4	9	—			
12		32	36	5	8	—	8	—			
13		41	30	6,7	32	12	15	5			
14		31	24	8	1	—	*	1			
15	*C* ´ ⏑ ´ ⏑ ´	25	54	1	8	4	4	—			
16		15	36	2	4	1	3	—			
17		24	45	3,4	113	46	63	4			
18		14	30	5,6	31	2	23	6			
19		23	36	7	12	3	8	1			
20		13	24	8	1	—	1	—			
21	*D* ´ ⏑ ⏑ ´	8	27	1	—	—	—	—			
22		7	24	2, 3, 4	2	—	2	—			
23		6	21	5, 6, 7	1	—	1	—			
24		5	18	8	—	—	—	—			
25	*E* ⏑ ´ ⏑ ´	22	27	1,2	*			*	*	—	—
26		12	18	3,5	7			—	7	—	—
27		21	18	4,6	49			*	48	1	—
28		11	12	7,8	1			—	1	—	—
29	*F* ´ ⏑ ⏑ ´	5	18	1,2	1			—	1	—	—
30		4	15	3, 4, 5, 6	14			1	11	1	1
31		3	12	7,8	2			—	2	—	—
32	*G* ⏑ ⏑ ´ ⏑ ´	2	9	1, 2, 3, 5	—	анакрузы 4—8					
33		1	6	4, 6, 7, 8	—						
34	*H* ⏑ ⏑ ⏑ ´	—	3	1—8	—	анакрузы 6—11					
			Всего:		703	248	322	60	70	2	1

приводится без специальных пояснений табл. 2 форм, расклассифицированных по характеру междударных промежутков и по возможным анакрузам (клетки с невозможными для данной формы анакрузами заштрихованы). Всего при этом получается 106 форм и 3318 вариантов. Однако в классификации имеется дефект — формы 24_2 и 29_2 идентичны:

2 ´ 5 ´.

Таким образом, в действительности число теоретически возможных форм 105, а вариантов — 3300[4].

В правой части таблицы дана статистика форм по 703 стихам четырехдольника Багрицкого (звездочкой отмечены формы, отсутствующие в этих 703 стихах, но встретившиеся у Ахматовой или Маяковского). В отношении межударных промежутков отсутствие у Багрицкого формы 25 является его особенностью (у Ахматовой и Маяковского в нашем материале 8 таких стихов). Отсутствие форм групп H и G, как и вообще малочисленность стихов с анакрузами 4 и 5 в основном можно объяснить их несходством с естественной ритмикой русского языка[5]. Вполне понятно и отсутствие формы 21 с восьмисложным межударным промежутком. Заслуживает внимания отсутствие формы 24: среди форм группы D она наиболее естественна с точки зрения ритмики русского языка. Но в четырехдольнике русских поэтов, произведения которых здесь рассматривались, вообще избегается как полноударная форма 8, так и все производные от нее неполноударные.

Большинство же теоретических форм является естественным фондом ритмического разнообразия русского четырехдольника[6]. Что касается 3300 вариантов, то их число превосходит количество всех разобранных стихов. Ясно, что крайние словоразделы в пятисложных межударных промежутках форм 9, 11, 15, 16, 29 и тем более в 6—7-сложных промежутках форм 22 и 23 трудно осуществимы. Но большинство из 3300 теоретических вариантов в принципе вполне реальны. По-видимому, наши поэты употребляют их с полной свободой в соответствии с естественными ритмическими тенденциями русской речи[7].

В заключение приведем несколько примеров употребления форм из групп D и F с двумя пропусками ударений.

Звезды круглы, и круглы кусты.
Скатываются девять часов
В огромную бочку возле окна.
Я выхожу. За спиной засов
Защелкивается. И — тишина.

Последний стих принадлежит к форме 22_1 с семисложным промежутком, скрывающим в себе две безударные доли[8]. В этом отрывке из «ТВС» Багрицкого двойной пропуск ударений помещен в заключительном стихе периода. Вот пример из «Февраля», где Багрицкий помещает ту же форму

---

[4] Если в основной схеме вариация анакрузы ограничена, то суживаются и пределы вариации анакруз в формах с пропуском метрических ударений, как это показано ниже:

Формы четырехдольника	Анакрузы для форм из групп E, F	G	H
0 — 1/2 — 1/2 — 1/2 $\overset{\prime}{-}$	2—3	4—6	6—9
1 — 1/2 — 1/2 — 1/2 $\overset{\prime}{-}$	3—4	5—7	7—10
2 — 1/2 — 1/2 — 1/2 $\overset{\prime}{-}$	4—5	6—8	7—11
0/1 — 1/2 — 1/2 — 1/2 $\overset{\prime}{-}$	2—4	4—7	6—10

Форма 2 $\overset{\prime}{-}$ 5 $\overset{\prime}{-}$ в случае твердой анакрузы 2 должна считаться формой 24_2, в случае же анакрузы, колеблющейся в пределах 0/1, должна быть интерпретирована как 25_2. Впрочем в обследованном материале таких стихов вообще не встретилось.

[5] Стихи формы 33_4 нередко встречаются в русском четырехстопном хорее.

[6] Редкость у Багрицкого форм 1_0—1_2 является следствием свойственного ему, как и многим другим поэтам, стремления избегать в четырехдольнике стихов, укладывающихся в классические метры («изолирующая тенденция», по М. Л. Гаспарову). В нашем материале по Ахматовой и Маяковскому из общего числа 642 стихов 20 относятся к форме 1_0, 97 к форме 1_1 и 12 к форме 1_2.

[7] Для трехдольника это доказано М. Л. Гаспаровым.

[8] Безударное *и* обособлено: $\smile \overset{\prime}{-} \smile \smile \smile \smile \,|\, - : \smile \smile \overset{\prime}{-}$

21_1 непосредственно после глубокой паузы:

Я не подглядывал, как другие,
В щели купален.
Я не старался
Сверстницу ущипнуть случайно...
Застенчивость и головокруженье
Томили меня.
Я старался боком
Перебежать через сад, где пели
Девочки в гимназических платьях...

Вот еще пример, где в заключительном стихе пропущено первое и третье ударение (форма 30_3):

Так и стоял он в огнях без счета,
Памятником, что воздвигли болота.
Памятник — только вздыхает глухо
Да поворачивается ухо...
(Багрицкий, Трясина).

II. Формы с дополнительными ударениями. «Сказка о дезертире» Маяковского. Как и в классических силлабо-тонических метрах, в дольнике возможны дополнительные «внесхемные» или «не метрические» ударения. За единственным исключением в нашем материале они помещаются; 1) на первом слоге стиха с ударной первой долей (т. е. с метрическим ударением на втором или третьем слоге), 2) в двухсложном промежутке между двумя смежными метрическими ударениями (т. е. между реально ударными сильными слогами двух смежных долей).

Дополнительные ударения на первом слоге стиха с односложной анакрузой сравнительно редки. Вот примеры таких ударений у Багрицкого:

Грунт, дюжие лошади, топот, гром...
Что ж, служба на выручку! Полустанки...

Дополнительные ударения на первом слоге двухсложной анакрузы очень часты как в односложных, так и в двухсложных словах:

Юность кончилась нынче... Покой далече...
Грянь о камень прикладом! Сорви фуражку!
(Багрицкий, Февраль).

Избегая дополнительных ударений на втором слоге двухсложной анакрузы, дольник следует традиции классического анапеста.

Внутренние дополнительные ударения в дольнике, как и в классических силлабо-тонических метрах, встречаются значительно реже. В двухсложных междударных промежутках как в односложных, так и в двухсложных словах они падают по преимуществу на первый слог:

Он сказал,— *скоро* стану взрослым...
(трехдольник Ахматовой)
Лет пяток назад *жил* во всех домах...
(Маяковский).

В отношении редкости дополнительных ударений на втором слоге двухсложного промежутка между метрическими ударениями дольник также следует традиции классических метров, где, впрочем, примеры таких ударений имеются у Пушкина:

И молвил: «*Спи*, друг одинокой!...»
Там ниже *мох* тощий, кустарник сухой...

В дольнике такие дополнительные ударения нам встретились лишь у

Маяковского:

А на фронте *враг* видит: полк с дырой...

Все же можно думать, что все четыре варианта

1а) $\acute{-}\,|\,\breve{\cup}\,|\,\cup\,\acute{-}$ 1б) $\acute{-}\,|\,\breve{\cup}\cup\,|\,\acute{-}$

2а) $\acute{-}\,\cup\,|\,\breve{\cup}\,\acute{-}$ 2б) $\acute{-}\,|\,\cup\breve{\cup}\,|\,\acute{-}$

следует считать для дольника законными.

Дополнительные ударения на первом слоге стиха порождают длинный ряд новых форм трехдольника и четырехдольника. Например, форме трехдольника

$$6_1\quad \cup\,\acute{-}\,\cup\cup\cup\,\acute{-}$$

соответствует форма с дополнительным ударением

$$\bar{6}_1\quad \breve{\cup}\,\acute{-}\,\cup\cup\cup\,\acute{-}.$$

Она имеет то же число вариантов, что и форма 6_1. Форме

$$6_2\quad \cup\cup\,\acute{-}\,\cup\cup\cup\,\acute{-}$$

соответствует форма с дополнительным ударением

$$\bar{6}_2\quad \breve{\cup}\cup\,\acute{-}\,\cup\cup\cup\,\acute{-},$$

которая содержит удвоенное по сравнению с 6_2 число вариантов, так как здесь варианты могут различаться еще по расположению словораздела между дополнительным и метрическим ударением.

Классификация форм с дополнительными внутренними ударениями несколько сложнее. Например, две формы четырехдольника

$$\bar{6}_2\quad \breve{\cup}\cup\,\acute{-}\cup\,\acute{-}\cup\cup\,\acute{-}\cup\,\acute{-}$$

и

$$\bar{7}_2\quad \breve{\cup}\cup\,\acute{-}\cup\cup\,\acute{-}\cup\,\acute{-}\cup\,\acute{-}$$

при введении дополнительного ударения порождают одну и ту же форму

$$\breve{\cup}\cup\,\acute{-}\cup\,\breve{\acute{-}}\,\breve{\cup}\cup\,\acute{-}\cup\,\acute{-}.$$

Таков стих Маяковского

Встал стеною *полк*, *фронт* раскинул свой... [9]

Во всяком случае, все формы, которые можно произвести от перечисленных в разделе I введением дополнительных ударений в двухсложных промежутках, следует считать законными формами дольника. Было бы излишне давать их полное перечисление, так как число возможных форм значительно превзошло бы число имеющихся в нашем распоряжении примеров внутренних дополнительных ударений.

Здесь не будет рассматриваться вопрос о законности введения дополнительных ударений на анакрузе при пропуске первого метрического ударения и в длинных интервалах, возникающих при пропуске второго или третьего метрического ударения: в исследованном материале не встретилось таких стихов.

Интересный пример правильного рифмованного 4—3—4—3-дольника с большим числом дополнительных ударений дает «Сказка о дезертире» Маяковского.

Близкие по стилю «Сказка для шахтера-друга» и «Рассказ про то, как кума о Врангеле толковала» написаны обычными четырехстишиями 4—3—4—3-стопного хорея. Но «Сказка о дезертире» и «Вон самогон!» несколько неожиданно для казалось бы нарочитой их примитивности

[9] В данном случае кажется более естественной интерпретация его в соответствии с формой $\bar{6}_2$: $\breve{\cup}\,|\,\cup\,\acute{-}\,\cup\,|\,\breve{\cup}\,\|\,\breve{\cup}\,|\,\cup\,\acute{-}\,\cup|\,\acute{-}$.

написаны очень изысканным 4—3—4—3-дольником схемы

2 — 1/2 — 1/2 — 1/2 — 0/2
2 — 1/2 — 1/2 — 0/2
2 — 1/2 — 1/2 — 1/2 — 0/2
2 — 1/2 — 1/2 — 0/2

с постоянной анапестической анакрузой, интересными пропусками второго и третьего метрических ударений и большим разнообразием форм с дополнительными ударениями.

Ограничимся разбором «Сказки о дезертире». На 25 четырехстиший имеется два нарушения выписанной схемы: трехсложная клаузула в неравносложной рифме [10]

Мчит буржуй.
Не видали три *года, никак...*
уважать заставляет *угодников...*

и столкновение ударений в стихе

буду
я
на ро*жон* *пры*гать?

Статистика форм по 100 стихам «Сказки» дана в табл. 3.

Таблица 3

«Сказка о дезертире». Распределение дольника по формам

Четырехдольные стихи					Трехдольные стихи				
		число стихов					число стихов		
форма	шифр	без дополн. удар. на 1-м слоге	с дополн. ударением	всего	форма	шифр	без дополн. удар. на 1-м слоге	с дополн. ударением	всего
1	2 222	4	5	9	1	2 22	11	9	20
2	2 122	6	1	7	2	2 12	6	7	13
3	2 212	3	2	5	3	2 21	7	4	11
4	2 221	6	2	8	4	2 11	1	3	4
5	2 112	2	1	3	5	2 5	—	1	1
6	2 121	5	1	6	неправильные		—	1	1
7	2 211	3	1	4					
12	2 32	1	—	1					
13	2 41	1	—	1					
16	2 15	1	—	1					
формы с внутр. дополн. удар.		3	2	5					
Всего		35	15	50			25	25	50

[10] Имеются еще две неравносложные рифмы:

1 — 2 красноар*мейцы... имеется...*
2 — 1 *тяжкие... ляжки...*

Пропусков метрических ударений всего четыре. Зато дополнительных ударений на первом слоге в 100 стихах $15 + 25 = 40$, а внутренних дополнительных ударений 5.

Уже третий стих первого четырехстишия доставляет красивый пример внутреннего дополнительного ударения:

Хоть пока
победила
крестьянская рать,
Хоть пока
на границах мир,
но не время
еще
в землю
штык втыкать,
красных армий
ряды крепи!

Любопытно, что дополнительные ударения на тех же местах повторяются в следующем четырехстишии:

Чтоб вовеки
не смел
никакой Керзон
брать на-пушку,
горланить ноты,—
даже землю паша,
помни
сабельный звон,
помни
марш
атакующей
роты,

где им предшествует дополнительное ударение в начале второго стиха. При созданной инерции *всю* в третьем четырехстишии, как кажется, тоже звучит ударно (хотя и не выделено лесенкой):

Молодцом
на коня боевого влазь,
по земле
пехотинься пеший.
С неба
землю *всю*
глазами оглазь,
на железного
коршуна
севши.

В следующем четырехстишии все первые слоги ударны (некоторое сомнение может быть в ударности *будь* в третьем стихе). Несомненно ударно в третьем стихе *смел* (это единственный в нашем материале ударный второй слог анапестической анакрузы). Второе *будь* третьего стиха расположено на метрически сильном месте, а третье выделено в отдельную ступеньку; таким образом, этот стих оказывается семиударным:

Мир пока,
но на страже
красных годов
Стой
на нашей
красной вышке

Будь смел.
Будь умел.
Будь
всегда
готов
Первым
ринуться
в первой вспышке.

Первый «чистый» пропуск метрического ударения появляется (кажется, не случайно) лишь при переходе к заключительному нравоучению:

Сей истории
прост
и ясен сказ, —
посмотри,
как наказаны дурни.
Чтобы то *же*
не стряслось и у вас,
да не будет
меж вами
шкурник.

Остальные пропуски метрических ударений «не чисты» (термин А. Белого), так как заполнены побочными ударениями сложных слов (*красноармейцы* и *золотозадый*). Однако на фоне энергичного ритма «Сказки» и эти пропуски метрических ударений создают явственно слышимые «ослабления» ритма.

III. «Ночь» и «Последняя ночь» Багрицкого. Совершенно иначе, чем в «Сказке о дезертире», звучит чередование четырехдольных и трехдольных стихов в «Ночи» и «Последней ночи» Багрицкого. Эти два стихотворения представляют собой редкий в поэзии XX в. пример н е р и ф м о в а н н о г о дольника. Оба стихотворения («Ночь» — 108 стихов, «Последняя ночь» — 226 стихов) бесперебойно[11] следуют схеме чередования правильного четырехдольника и трехдольника с мужскими окончаниями

$$0/2 — 1/2 — 1/2 — 1/2 \acute{}$$
$$0/2 — 1/2 — 1/2 \acute{}.$$

Постоянная клаузула, по-видимому, существенно облегчает восприятие членения речи на стихи, так как уже с первых строк в обоих произведениях часты переносы:

Уже окончился день, и ночь
Надвигается из-за крыш...
(«Ночь»)
Фазан взорвался, как фейерверк.
Дровь вырвала хвою. Он
Пернатой кометой рванулся вниз...
(«Последняя ночь»)

За исключением двух стихов, «Ночь» подчинена полностью более жесткой схеме

$$1/2 — 1/2 — 1/2 — 1/2 \acute{}$$
$$1/2 — 1/2 — 1/2 \acute{}$$

с односложной или двухсложной анакрузой (при пропуске первого ударения законным образом получается трехсложная или четырехсложная анакруза). Оба исключительных стиха принадлежат одной и той же двух-

[11] Если читать в «Ночи» не «перезваниванием проводов», а «перезваниваньем проводов».

ударной форме

$$6_0 \overset{\cdot}{-} 4 \overset{\cdot}{-}$$

и являются заключительными в четырехстишиях

Там яблок румяные кулаки
Вылазят вон из корзин;
Там ядра апельсинов полны
Взрывчатой кислотой.

И голод сжимает скулы мои,
И зудом поет в зубах,
И мыльною мышью по горлу вниз
Падает в пищевод...

Двухсложные анакрузы в «Ночи» часты (31 на 105 стихов без пропуска первого метрического ударения), но расположены в основном большими сгустками: это полное четырехстишие

Над столом вождя — телефон иссяк,
И зеленое сукно,
Как болото, всасывает в себя
Пресспапье и карандаши...

и 13 из 14 заключительных стихов

Это —
Мир страстей, Полыхай Огнем!
Это —
Музыка Сфер, Пари
Откровением новым!
Это — Мечта,
Сладострастье, Покой, Обман!
И на что́ мне язык, умевший слова
Ощущать, как плодовый сок?

и т. д. до конца, кроме стиха

Шагам и стихам моим?!

В остальном резко преобладают односложные анакрузы. Эта тенденция решительно победила в «Последней ночи», где на 214 стихов без пропуска первого метрического ударения лишь 20 — с анакрузой 0 и 7 с анакрузой 2. Редкие анакрузы заслуживают специального внимания. В «Последней ночи» к ним относятся — двухсложные (7 случаев), односложные с ударением на первом слоге (4 случая) и в меньшей мере пустые (20 случаев). Вот пример сочетания двухсложной анакрузы с ударной односложной:

Трамвайную станцию я прошел,
За ней невесом, как дым,
Асфальтовой дым улетел, клубясь,
На запад — к морским волнам.

И вдруг я услышал протяжный звук:
Над миром плыла труба,
Изнывая от страсти. И я сказал:
— *Вот* первые журавли!

Первые шесть стихов построены как чередование наиболее употребительных в «Последней ночи» форм четырехдольника

$$4_1 \quad \cup \overset{\cdot}{-} \cup \cup \overset{\cdot}{-} \cup \cup \overset{\cdot}{-} \cup \overset{\cdot}{-}$$

и формы трехдольника

$$2_1 \quad \cup \overset{\cdot}{-} \cup \cup \overset{\cdot}{-} \cup \overset{\cdot}{-}.$$

На этом фоне звучат ярко седьмой и особенно восьмой стихи[12]

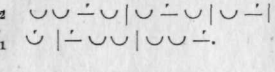


Таблица 4

Распределение четырехдольника по формам у Ахматовой, Маяковского и Багрицкого (в %)

№ № форм		Межуд. интервалы	Ахматова	Маяковский			Багрицкий		
				«Люблю»	«Про это»	всего	«Ночи»	«Трясина» и др.	«Февраль»
Формы без пропуска первого ударения									
A	1	222	2,2	26,8	32,2	30,2	1,2	1,1	0,7
	2	122	2,2	17,1	18,1	17,7	0,6	0,5	1,0
	3	212	13,9	18,8	16,5	17,5	9,0	6,4	6,7
	4	221	38,0	7,9	8,0	8,0	31,1	41,7	28,8
	5	112	2,6	5,5	7,2	6,6	2,4	0,9	1,8
	6	121	3,0	6,1	2,0	3,6	10,7	2,8	10,6
	7	211	9,1	5,5	3,4	4,1	1,8	1,4	—
	8	111	0,4	3,1	1,6	2,2	0,6	—	0,4
B	9	52	—	—	0,8	0,4	—	0,2	0,7
	10	42	—	0,6	1,2	1,0	1,2	1,6	5,0
	11	51	—	—	—	—	0,6	1,8	1,8
	12	32	—	0,6	—	0,3	3,0	0,2	2,5
	13	41	—	1,2	—	0,5	3,0	2,1	8,2
	14	31	—	1,2	—	0,5	0,6	—	0,4
C	15	25	0,4	—	0,4	0,2	0,6	1,6	0,4
	16	15	0,4	—	—	—	0,6	0,5	0,7
	17	24	3,9	0,6	—	0,2	15,6	18,3	11,7
	18	14	—	0,6	0,4	0,5	7,8	3,2	6,0
	19	23	3,0	—	—	—	4,2	2,1	1,0
	20	13	—	—	—	—	0,6	0,2	—
D	21	8	—	—	—	—	—	—	—
	22	7	—	—	—	—	—	0,2	0,4
	23	6	—	—	—	—	—	—	0,4
	24	5	—	—	—	—	—	—	—
Формы с пропуском первого ударения									
E	25	22	1,7	0,6	1,2	1,0	—	—	—
	26	12	5,6	—	0,4	0,2	1,2	0,9	1,0
	27	21	8,8	—	1,2	0,7	2,4	7,8	5,3
	28	11	0,9	—	—	—	—	0,2	—
F	29	5	0,9	—	—	—	—	—	0,4
	30	4	0,4	—	—	—	1,2	2,3	1,6
	31	3	0,4	—	—	—	—	0,2	0,4
Неправильные			2,2	3,8	5,4	4,6	—	2,1	2,1
Общее кол-во иссл. стихов			230	164	248	412	167	437	281

[12] Заключительная интонация пропуска второго ударения в трехдольнике уже иллюстрировалась выше.

Приведенные примеры требуют следующего замечания. Из-за отсутствия рифмы в «Ночи» и «Последней ночи» исчезает формальный критерий разбиения стихотворений на строфы. Однако естественными паузами оба произведения довольно четко разбиваются на четырехстишия схемы (по числу долей в стихе)

$$4-3-4-3$$

и шестистишия схемы

$$4-3-4-3-4-3.$$

Явственное деление на четырехстишия преобладает (в «Ночи» лишь два шестистишия).

В отношении статистики междударных промежутков «Ночь» и «Последняя ночь» близки друг к другу. Суммарная статистика по ним дана для четырехдольных стихов в соответствующем столбце табл. 4, для трехдольных стихов в табл. 5.

Таблица 5

«Ночи». Распределение трехдольника по формам

Форма	Шифр	Число стихов	Форма	Шифр	Число стихов	Форма	Шифр	Число стихов
A 1	22	—	*B* 5	5	1	*C* 8	2	4
2	12	19	6	4	37	9	1	3
3	21	95	7	3	7			
4	11	1						
Всего		115			45			7

Как видно, в трехдольнике резко преобладает форма 3 и происходящая из нее форма 6. Формы 1 и 4 решительно избегаются. Это естественно объяснить уже упоминавшейся «изолирующей тенденцией», которая, впрочем, слабее действует в применении к форме 7.

Пропуск первого метрического ударения редок как в трехдольнике (семь случаев), так и в четырехдольнике (восемь случаев). Приведем оба имеющихся в «Последней ночи» случая пропуска двух метрических ударений в четырехдольнике:

1. *Не досыпая, не долюбя,*
Молодость наша шла.
Я спутника своего искал:
Быть может, он скажет мне,
О чем мечтать и в кого стрелять,
Что думать и говорить?

Здесь несколько неожиданно двухударный стих открывает шестистишие.

2. Но мы — мы живы наверняка!
Осыпался, отболев,
Скарлатиновою шелухой
Мир, окружавший нас.

Выразительны некоторые пропуски первого метрического ударения в

трехдольнике, например, в заключительном стихе «Последней ночи»:

Пусть юноша (вузовец, иль поэт,
иль слесарь — мне все равно)
Придет и встанет на караул,
Не вытирая слезы.

IV. «У самого моря» Ахматовой. Поэма «У самого моря» занимает особое место в истории современного дольника. Все 278 стихов поэмы без единого исключения укладываются или в схему

$$0/2\text{–}\acute{}1/2\text{—}1/2\text{–}\acute{}1,$$

или в схему

$$0/2\text{—}1/2\text{–}\acute{}1/2\text{—}1/2\text{–}\acute{}1.$$

Иначе говоря, поэма написана правильным четырех- и трехдольником с женскими окончаниями и с той особенностью, что третье от конца метрическое ударение никогда не пропускается.

Поэма не рифмована (как и в «Ночах» Багрицкого, с этим связано постоянство клаузулы — в данном случае всегда женской; белый пятистопный ямб хорошо звучит при свободном чередовании мужских и женских окончаний, но нерифмованный дольник, по-видимому, плохо «держится» без более отчетливого сигнала окончания стиха). В начале поэмы наблюдается не вполне последовательно проведенная тенденция к расчленению поэмы паузами на четырехстишия или шестистишия. Поэма разделена пробелами на эпизоды. Первый эпизод имеет строение $4 + 4 + 4 + 4$ стиха, второй $4 + 4 + (1 + 5) + 6$, третий $(1 + 4) + (1 + 4)$ и т. д.

Вопрос о соотношении между четырехдольником и трехдольником в поэме не совсем тривиален. В поэме имеется 30 стихов, которые, если их взять изолированно, могут быть подведены под любую из двух приведенных выше схем.

В первом эпизоде из 16 стихов 14 принадлежат основным полноударным и лишенным дополнительных ударений формам четырехдольника и не допускают трехдольной интерпретации. Лишь в 11-м стихе, являющемся тоже несомненно четырехдольником, появляется пропуск первого метрического ударения:

И уплывала *далеко* в море.

Последний стих эпизода

Говорил: «Что ты бродишь ночью?»

может быть проинтерпретирован четырехдольно:

$$—\cup\text{–}\acute{}|\cup\cup\text{–}\acute{}\cup|\text{–}\acute{}\cup,$$

но изолированно скорее звучал бы как трехдольник с двухсложной анакрузой:

$$\cup\cup\text{–}\acute{}|\cup\cup\text{–}\acute{}\cup|\text{–}\acute{}\cup.$$

Можно прочесть его и с дополнительным ударением на *что*:

$$—\cup\text{–}\acute{}|\breve{\cup}|\cup\text{–}\acute{}\cup|\text{–}\acute{}\cup.$$

В эпизоде преобладает односложная анакруза (11 стихов из 16) и формы 4_0—4_2 (5 стихов из 16), но уже в первых восьми стихах

Бухты изрезали низкий берег,
Все паруса убежали в море,
А я сушила соленую косу
За версту от земли на плоском камне.
Ко мне приплывала зеленая рыба,
Ко мне прилетала белая чайка,
А я была дерзкой, злой и веселой
И вовсе не знала, что это — счастье

разнообразие форм достаточно велико:

$$4_0\ 4_0\ 2_1\ 7_2\ 1_1\ 3_1\ 3_1\ 4_1.$$

В такой записи следующие восемь стихов (конец эпизода) имеют вид

$$3_1\ 4_1\ 27_3\ 6_1\ 4_1\ 6_1\ 2_1\ 27_2.$$

Во втором эпизоде первое четырехстишие состоит из трех полноударных стихов четырехдольника, но заканчивается трехударным четырехдольным стихом с пропуском третьего ударения

И люди напрасно не трудились...

Во втором четырехстишии — трехударный четырехдольный стих с пропуском первого ударения

И приносила домой в подоле...

Метрическое разнообразие постепенно приучает читателя к различным формам правильного четырехдольника. В 1914 г. такая постепенность, видимо, была необходима. Во всей поэме имеются четыре стиха четырехдольника с двойным пропуском метрических ударений. Первый из них появляется только во второй главе, в эпизоде, вообще содержащем очень много пропусков метрических ударений:

Но от тревоги я разлюбила
Все мои бухты и пещеры;
Я в камыше гадюк не пугала,
Крабов на ужин не приносила,
А уходила по южной балке
За виноградники в каменоломню...

Четырехдольник со столь ослабленной ударностью был в 1914 г., кажется, полной новостью.

Вернемся ко второму эпизоду первой главы. Он оканчивается двумя шестистишиями:

И говорила сестре сердито:
«Когда я стану царицей,
Выстрою шесть броненосцев
И шесть канонерских лодок,
Чтобы бухты мои охраняли
До самого Фиолента».
А вечером перед кроватью
Молилась темной иконке,
Чтоб град не побил черешен,
Чтоб крупная рыба ловилась
И чтобы хитрый бродяга
Не заметил желтого платья.

После первого, несомненно четырехдольного, хотя и трехударного стиха (в полноударной форме правильного трехдольника не может быть трехсложной анакрузы), с началом прямой речи стих становится трехдольным: из 11 стихов лишь последний, взятый изолированно, мог бы трактоваться как четырехдольный.

Трехдольником написан также четвертый эпизод (37 стихов):

Сероглаз был высокий мальчик...

Для этих $11 + 37 = 48$ стихов трехдольника приводим отдельную статистику форм в табл. 6.

Таблица 6

«У самого моря». Распределение трехдольника по формам

№№	Междуударный промежуток	Анакрузы			
		0	1	2	Всего
1	22	1	3	2	6
2	12	—	6	11	17
3	1	—	8	14	
5	5	—	1	—	1
6	4	—	1	—	1
формы с внутр. дополн. удар.		—	—	1	1
	Всего	1	19	28	48

Все 28 стихов с двухсложной анакрузой, взятые изолированно, могли бы интерпретироваться как четырехдольные. Но один из этих стихов

Не заметил желтого платья...

в конце второго эпизода звучит трехдольно в силу инерции, приобретенной на предшествующих десяти трехдольных стихах. Остальные 26 стихов принадлежат эпизоду

Сероглаз был высокий мальчик...

Хотя в этом эпизоде всего 11 явно трехдольных строк, однако возможность весь отрывок бесперебойно интерпретировать как трехдольник и наличие среди обсуждаемых сомнительных 26 стихов лишь двух с реальным ударением на первом слоге делают трехдольное звучание всего отрывка несомненным.

В остальных эпизодах поэмы всего четыре безусловно трехдольных стиха и один заключительный, двухдольный:

Что новая доля минет...

И так друг на друга похожи,
Что маленьких нас различала...

«Христос воскресе из мертвых»...

Круглая церковь...

а также два стиха, которые, будучи взяты сами по себе, могли бы интерпретироваться и трехдольно, и четырехдольно:

В нижней церкви служили молебны...
Словно звезды, упавшие за ночь...

Мы считаем два последних стиха четырехдольными, а указанные четыре трехдольных стиха и двухдольный считаем перебоями четырехдольного метра. Таким образом, трехдольных стихов всего $11 + 37 + 4 = 52$, двухдольных — 1. Остальные 225 стихов — четырехдольные.

Распределение четырехдольных стихов по анакрузам сильно отличается от трехдольных стихов (см. табл. 7).

Таблица 7

«У самого моря». Распределение дольника по анакрузам

Виды дольника	Анакрузы					
	0	1	2	3	4	5
Трехдольные стихи	1	23	28	.....	.....	.....
Четырехдольные стихи без пропуска первого метрического ударения	142	37	3	.....	.....	.....
Четырехдольные стихи с пропущенным первым метрическим ударением	.....	.....	2	41	—	—

В соответствии с преобладанием анакрузы 0 в четырехдольных стихах без пропуска первого метрического ударения — анакруза в тех стихах, где это ударение пропущено, не более чем трехсложна (из ⏑⏑⏑... при пропуске первого ударения получается ⏑⏑⏑...). Таким образом, трехдольные и четырехдольные стихи не слишком значительно различаются по длине (четырехдольные в среднем 9,7 слогов, трехдольные — 8,7).

Статистика форм четырехдольных стихов дана в табл. 3.

V. Сравнительная статистика правильного четырехдольника Ахматовой, Маяковского и Багрицкого. В работах М. Л. Гаспарова подробно охарактеризовано различное понимание отдельными поэтами ритма трехдольника. Чтобы показать, что четырехдольник также представлен в русской поэзии в нескольких вполне сложившихся и отличных друг от друга разновидностях, рассматриваются следующие произведения и группы произведений:

1. «У самого моря» Ахматовой. Как уже говорилось, за вычетом двух отрывков из 11 + 37 стихов трехдольника, поэма написана четырехдольником. В нашу статистику включены все 230 стихов поэмы за исключением упомянутых 48. В 230 стихах всего 5, т. е. 2,2%, нарушений четырехдольного метра. Статистика форм по главам поэмы достаточно однородна, так что соответствующий столбец табл. 3 характеризует определенную концепцию звучания четырехдольника, свойственную всей поэме[13].

2. Поэма «Люблю» Маяковского (164 стиха).

3. Главки поэмы «Про это» Маяковского, написанные полностью четырехдольником: «Про что — про это?» (кроме первого четырехстишия), «Телефон бросается на всех», «Просветление мира», «Размедвеженье», «Что может сделаться с человеком», «Человек из-за семи лет», «Полусмерть», «Случайная станция», «Повторение пройденного», «Ничего не поделаешь», «Путешествие с мамой» — всего 248 стихов.

По статистике форм выбранные главки «Про это» очень близки к «Люблю» (см. табл. 3)[14]. Поэтому приводится и суммарная статистика по всем 164 + 248 = 412 стихам.

[13] Что, конечно, не противоречит наличию коротких отрывков с известным своеобразием ритма, подобных приведенному в разделе IV отрывку с пониженной ударностью. Менее однородна поэма в отношении употребления анакруз.

[14] Для сравнения статистики форм в «Люблю» и «Про это» было вычислено значение критерия χ^2. Все неполноударные формы ввиду их малочисленности были объединены вместе (5,4% в «Люблю» и 5,6% в «Про это»). Полученное значение $\chi^2 = 8{,}98$ при девяти степенях свободы соответствует вероятности $P(\chi^2 \geqslant 8{,}98) = P_{\chi^2} = 0{,}44$. Иначе говоря, наблюденные значения таковы, что равные им (или большие) могли бы возникнуть случайно в предположении полной тождественности ритмического образа метра в обоих случаях с вероятностью, близкой к половине.

4. 167 *четырехдольных стихов из* «Ночей» Багрицкого, бесперебойно следующих законам правильного четырехдольника.

5. Группа произведений Багрицкого, близких по ритму к «Трясине» (136 стихов). Кроме «Трясины» в группу включены «ТВС» (123 стиха) и «Человек предместья» (178 стихов) — всего 437 стихов.

6. Начальные стихи поэмы «Февраль» (281 стих)[15].

Табл. 3 показывает, что различия между тремя обследованными типами четырехдольника Багрицкого весьма значительны, выводить для них средние характеристики не имеет смысла[16].

Из перечня видно, что статистика всегда ведется по целым произведениям или по выделенным из произведений большим связным кускам; она отражает тенденции ритма в целых произведениях или их частях вместе с имеющимися в них «перебоями». В одну группу объединены лишь произведения, для которых статистика форм достаточно однородна. В предпоследней строке таблицы указан процент стихов, отклоняющихся от законов правильного дольника. Выше уже сказано, что у Ахматовой это трехдольные или двухдольные стихи. У Маяковского и Багрицкого отклонения разнообразнее. Это:

1. Стихи с трехсложными интервалами между смежными метрическими ударениями:

Поворач*ивает* голову — я вижу...
Кабель тонюс*енький* — *ну*, просто, нитка...

2. Стихи с шестисложными или семисложными интервалами (вместо разрешенных пяти) при пропуске одного метрического ударения:

Под стулья зака*тывались и под кро*вати...
Пла*вающую в эмали*рованной миске...
Пока*чивающее поло*сатым рапцем...

[15] См. «Эдуард Багрицкий. Альманах», [М.], 1936.

[16] Как и при сравнении ритмики «Люблю» и «Про это» (см. примеч. 14), здесь можно воспользоваться критерием χ^2. Подсчеты по этому методу показывают, что каждое из попарных различий

(1, 2) «Ночи» — «Трясина»,
(1, 3) «Ночи» — «Февраль»,
(2, 3) «Трясина» — «Февраль»

статистически значимо. Чтобы оценить силу этих систематических различий, разумно вычислить информационную меру различия по формуле

$$i(H', H'') = \Sigma \left(\frac{x'_k}{n'} - \frac{x''_k}{n''} \right) \log \frac{n'' x'_k}{n' x''_k}$$

(см. S. Kullback, Information theory and statistics, New York, 1959, стр. 130; здесь n' и n'' — численности двух выборок, x'_k и x''_k — численности k-го класса в них, логарифмы натуральные). Результаты таковы:

$$i(1, 2) = 0{,}273,\ i(1, 3) = 0{,}208,\ i(2,3) = 0{,}320.$$

Как видно, самое большое различие имеется между «Трясиной» и «Февралем».

Для желающих пользоваться информационной мерой различия заметим, что она позволяет произвести и оценку значимости различий, заменяя в этом отношении обычный метод χ^2. Именно, величина

$$I(H', H'') = \frac{n'n''}{n' + n''}\, i(H', H'')$$

при больших n' и n'' и не слишком малых x'_k и x''_k (по традиции считают возможным применять такие оценки при $x_k \geqslant 5$) имеет распределение χ^2 с числом степеней свободы, равным числу классов без единицы. В нашем случае все формы четырехдольника были сгруппированы в 8 классов следующим образом: (1, 2, 5, 7, 8), (3), (4), (6), (*B*), (*C*), (*E*), (*D*, *F*, неправильные стихи) (цифры и буквы соответствуют принятой классификации форм). Полученным значениям $I(H', H'') : I(1, 2) = 33{,}0$; $I(1,3) = 21{,}8$; $I(2,3) = 54{,}7$ соответствуют вероятности $P_{\chi^2}(1,2) < 0{,}001$, $P_{\chi^2}(1,3) = 0{,}005$, $P_{\chi^2}(2,3) < 0{,}001$. Мы видим, что случайное появление столь больших различий крайне маловероятно.

3. Столкновение ударений:

Пыль по ноздрям — лошади ржут...
Значит: озноб, духота, жар...
Солнце кипит в каждом кремне...
Мимо тебя! Мимо тебя!

4. Нарушение дольности (только у Маяковского):

Со дня на день...
На Иване я...

Нарушений, как видно из таблицы, немного. Первые два их вида звучат не очень заметно. Третий и тем более четвертый воспринимаются как явные перебои.

Таким образом, все выбранные образцы являются примерами в общем правильного дольника с единичными слишком длинными междударными интервалами и еще более редкими случаями столкновения ударений или стихов иной дольности.

Полная статистика употребительности форм четырехдольника трудно обозрима. Основные особенности четырехдольника отдельных авторов и различных групп произведений Багрицкого можно выяснить по статистике пропусков 1, 2 и 3-го метрического ударений и по статистике длины междударных промежутков между смежными ударениями.

Таблица 8

*Типы форм (в %)**

Формы четырехдольника	Ахматова	Маяковский	Багрицкий			Ямб Ломоносова (1739—1743)	Ямб Пушкина («Евгений Онегин»)	Ямб Багрицкого
			«Ночи»	«Трясина» и др.	«Февраль»			
A ´ _ ´ _ ´ _ ´ _	71,4	89,9	57,4	55,6	51,3	74,4	26,8	18,2
B ´ _ _ ´ _ ´ _	—	2,7	8,4	6,1	18,9	10,2	9,7	17,25
C ´ _ ´ _ _ ´ _	7,7	0,9	29,4	26,6	20,0	13,9	47,5	37,25
D ´ _ _ _ ´ _	—	—	—	0,2	0,7	0,3	0,4	6,4
E _ ´ _ ´ _ ´ _	17,1	1,9	3,6	9,1	6,6	1,2	6,6	5,5
F _ ´ _ _ ´ _	1,7	—	1,2	2,6	2,5	0,1	9,0	15,5

* Данные о ямбе Ломоносова и Пушкина взяты из кн.: К. Тарановски, Руски двоедолни ритмови, Београд, 1953; данные о ямбе Багрицкого приводятся по нашим подсчетам.

Из табл. 8 видно, что Маяковский вообще редко пропускает метри-

Таблица 9

Односложные интервалы (в процентах к общему числу стихов без пропуска соответствующих метрических ударений)

Поэт	Между 1 и 2-м ударением	Между 2 и 3-м ударением	Между 3 и 4-м ударением
Ахматова	11,0	36,9	68,0
Маяковский	33,7	33,3	20,8
Багрицкий			
1. «Ночи»	26,9	24,5	73,3
2. «Трясина»	10,0	15,5	82,8
3. «Февраль»	29,4	17,6	73,9

ческие ударения; чаще всего у него пропускается второе, реже — первое и совсем редко — третье. Ахматова особенно часто пропускает первое ударение, реже — третье и иногда оба эти ударения. Второе ударение у нее никогда не пропускается. У Багрицкого «Ночи» отличаются от группы произведений типа «Трясины» в целом лишь большей сдержанностью в пропуске первого ударения. В группе «Трясины» отдается явное предпочтение пропуску третьего ударения, как в классическом пушкинском ямбе. В «Феврале» второе и третье ударения пропускаются приблизительно одинаково часто.

Весьма различна у Ахматовой, Маяковского и в разных группах произведений Багрицкого и статистика односложных промежутков (см. табл. 9).

Чтобы понять строение полной таблицы, дающей статистику употребления форм четырехдольника, следует еще учесть, что все наши поэты избегают форм, звучащих как ямб или хорей; формы же, звучащие как классические трехсложные размеры, избегаются Ахматовой и Багрицким, но находят самое широкое употребление у Маяковского.

Заметим еще, что в «Феврале» Багрицкого намечается тенденция к преимущественной двухсложности второго промежутка между метрическими ударениями. Тенденция эта здесь связана с особенным пристрастием к форме

$$6 \qquad 121,$$

особенно в варианте

$$6_2 \qquad 2\ 121.$$

Особое пристрастие к форме 6 проявляется и в «Ночах» Багрицкого, где почти все односложные промежутки между первым и вторым ударением принадлежат форме 6 (10,7% стихов) и производной от нее форме 18 (7,8%). Формы же

$$\begin{array}{ll} 2 & 122 \\ 16 & 15 \\ 20 & 13 \end{array}$$

представлены каждая лишь одним стихом (0,6%).

Во всех исследованных произведениях существует зависимость между числом слогов в анакрузе и длиной первого безударного промежутка, выражающаяся в заметном избегании односложного интервала между первым и вторым метрическим ударением при пустой анакрузе (см. табл. 10).

Таблица 10

Зависимость между числом слогов в анакрузе и длиной первого безударного промежутка

Длина первого промежутка	Ахматова			Маяковский			Багрицкий			
	анакруза		Σ	анакруза		Σ	анакруза			Σ
	0	1		0	1		0	1	2	
2	140	19	159	34	187	221	214	214	27	455
1	2	18	20	4	112	116	6	25	25	93
Всего	142	37	179	38	299	337	220	276	52	548

Кратко остановимся на вопросе о дополнительных ударениях на первом слоге двухсложной анакрузы. В «Сказке о дезертире» такие ударения имеются в 41% стихов. Но во введении к «Про это» («Про что — про это?») из 37 стихов с двухсложной анакрузой нет ни одного сверхсхемного уда-

рения. В 52 стихах, имеющих двухсложную анакрузу, из рассмотренного 281 стиха «Февраля» Багрицкого сверхсхемное ударение на анакрузе имеют 11,5%. Но в отрывке из «Февраля»[17]

Кровью мужества наливается тело,
Ветер мужества обдувает рубашку.
Юность кончилась...
Начинается зрелость...
Грянь о камень прикладом! Сорви фуражку!

Облик мира меняется.
Нынче утром
Добродушно шумели платаны.
Море
Поселилось в заливе.
На тихих дачах
Пели девушки в хороводах.
В книге
Доктор Брэм отдыхал, прислонив централку
К валуну.
Мой родительский дом светился
Язычками свечей и библейской кухней...
Облик мира меняется...
Этой ночью
Гололедица покрывает деревья,
Сучья лезут в глаза, как живые.
Море
Опрокинулось над пустынным бульваром,
Пароходы хрипят, утопая.
Дачи
Заколочены.
На пустынных террасах
Пляшут крысы.
И Брэм, покидая книгу,
Подымает ружье на меня с угрозой...
Мой родительский дом разворован.
Кошка
На холодной плите подымает лапки...

Юность кончилась нынче... Покой далече...
Ноги шлепают по воде.
Проклятье!
[Подыми] воротник и закутай плечи!
Что же! Надо идти!
Не горюй, приятель!

52% всех стихов имеют ударение на первом слоге. В трехдольнике «Сказки о дезертире» 50% стихов имеют ударение на первом слоге, но в трехдольнике Ахматовой на 28 стихов с двухсложной анакрузой приходится лишь два ударения на первом слоге.

Таким образом, доля дополнительных ударений на анакрузе может быть весьма индивидуальна даже у одного автора. Как кажется (вопреки мнению М. Л. Гаспарова), сверхсхемные ударения на анакрузе являются весьма сильным средством художественной выразительности.

[17] Отрывок этот, в котором два рифмованных четырехстишия обрамляют 17 нерифмованных стихов, обладает известной законченностью. Он следует за рассмотренным ранее началом поэмы.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1964

Е. С. КУБРЯКОВА

ОБ ОТНОСИТЕЛЬНО СВЯЗАННЫХ (ОТНОСИТЕЛЬНО СВОБОДНЫХ) МОРФЕМАХ ЯЗЫКА

Деление морфем на свободные (несвязанные) и несвободные (связанные) и отнесение аффиксальных морфем к разряду последних [1] делает обязательным критерием аффиксальной, в частности деривационной, морфемы невозможность ее автономного употребления в языке. Другими словами, отличие корневой морфемы от морфемы аффиксальной усматривают в невозможности соотнесения последней с каким-либо однокорневым самостоятельным словом. Признак потенциальной изолируемости (свободы) приписывается корневым морфемам, нормой же функционирования словоизменительных и словообразовательных морфем считается их обязательное вхождение в состав более сложных конструкций, по крайней мере двуморфемных. Однако и в современных, и в древних языках часто встречаются явления, которые в общем противоречат указанной классификации. Прежде всего следует отметить, что деление морфем по признаку свободы — связанности оказывается во многом условным.

Говорить о свободе даже корневых морфем применительно к языкам флективного типа можно лишь с известной оговоркой; так, например, «самостоятельность» русской морфемы *стекл-* весьма относительна, поскольку эта морфема встречается только в составе более сложных конструкций типа *стекл-о*, *стекл-ом*, *за-стеклить*, *стекл-янный* и т. п. Еще более условна свобода уникальных морфем (ср. англ. *cran-berry*, нем. *Bräuti-gam* и др.), которые уже в силу своей связанности не могут быть причислены к морфемам корневого типа.

Как видно, дихотомическое деление морфем на корневые ~ несвязанные и аффиксальные ~ связанные в целом ряде случаев оказывается неоправданным. Условность подобной классификации подтверждается и существованием морфем с промежуточным статусом. Речь идет о морфемах, которые реализуются в конкретном языке то в виде связанных, то в виде несвязанных, т. е. функционируют то в качестве корневых, то в качестве словоизменительных или словообразовательных морфем.

В языках юго-восточной Азии, например вьетнамском или тайском, в качестве аффиксальных морфем выступают элементы, которые в звуковом и семантическом отношении совпадают с знаменательными словами. Морфемы промежуточного типа показательны и для многих индоевропейских языков. Ср., например, готское наречие *afar* «вслед, потом», предлог *afar* в конструкциях типа *afar imma* «за ним» и частицу *afar-* в конструкциях типа *afar-gaggan* «следовать за кем-либо»; ср. далее англ. *go out*! «выйди вон!», *he went out of the room* «он вышел из комнаты» и *outmoded* «вышедший из моды»; ср., наконец, немалое количество санскритских

[1] См.: L. Bloomfield, Language, New York, 1955, стр. 160, 208; Ch. F. Hockett, A course in modern linguistics, 2-nd printing, New York, [1959].

морфем, которые могли выступать в троякой роли — наречий, превербов и префиксов [2]. Могут ли подобные образования считаться одной морфемой?

Поставленный вопрос существен, ибо даже с точки зрения дескриптивной лингвистики морфологический анализ не может остановиться на первичной сегментации текста на уровне морф. Следующая ступень анализа — классификация морф, их группировка в более крупные единицы, так называемая идентификация морфем — составляет едва ли не самую существенную сторону лингвистического анализа. В зависимости от решения проблемы тождества слова должны решаться и вопросы чисто практического характера, например лексикографические. При этом следует учесть, что если рассматривать морфы, тождественные в звуковом отношении, но отличающиеся разной дистрибуцией на разных уровнях языка как варианты разных морфем, то тем самым нарушается исходное определение морфемы как минимальной языковой формы, лишенной хотя бы частичного фонетического и семантического сходства с другой языковой формой. *ab* и *ab-* не могут считаться омонимами не только потому, что *этому противоречит их генетическая общность, но и потому, что эти единицы*, находясь в отношениях дополнительного распределения, наделены сходным значением.

Итак, следует согласиться с тем, что морфы типа *ab* и *ab-* должны быть подведены под одну морфему. Следует теперь установить, к какому разряду морфем отнести эту морфему как в терминах связанных/несвязанных, так и resp. в терминах корневых/аффиксальных морфем. В классификации первого типа найти место этим морфемам не представляется возможным. Исходя, однако, из реального факта существования таких морфем, свобода одних вариантов которых так же несомненна, как и связанность других вариантов [3], можно предложить выделить особый тип морфем — относительно свободных, или относительно связанных (понимая под относительно свободной или относительно связанной морфемой такую, которая в разном лингвистическом окружении регулярно выступает то как свободная, то как связанная, оставаясь тождественной самой себе в звуковом и семантическом отношении). Возникает вопрос — с каким из типов функциональных морфем может быть соотнесен класс относительно связанных (относительно свободных) морфем.

Можно ли во всех случаях употребления относительно связанных морфем рассматривать их как морфемы корневые? В свободном их употреблении (например, в качестве предлога или наречия) — несомненно. Как, однако, расценить функционирование подобных морфем в устойчивых конструкциях? Решение этого вопроса не может быть дано априорно, ибо реальный статус относительно связанной морфемы в функциональном

---

[2] См.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Санскрит, М., 1960, стр. 121. Отмечая вскользь один из возможных случаев такого рода, Дж. Гринберг пишет: «Вместо того чтобы задаваться вопросом, является ли какая-либо минимальная форма связанной или несвязанной, как это обычно делается (разрядка моя.— *Е. К.*), в настоящем исследовании она определяется в терминах морф в конкретном окружении. Это позволяет, например, в латинском языке считать *ab* „от" свободной формой в функции предлога, но связанной формой в глагольном префиксе в *abduco* „я увожу"»(J. Greenberg, A quantitative approach to the morphological typology of language, «International journal of American linguistics», 26, pt. I, 3, 1960, стр. 192). Подобное решение вопроса, оправданное в целях вычисления общего количества связанных и несвязанных морф в тексте заданного объема, не может быть, однако, принято для описания языка, ибо неясным здесь остается главное, а именно: могут ли данные морфы быть объединены в одну морфему, или это — морфы разных морфем?

[3] Ср. еще русск. *сверх плана* и *сверхплановый*, *добежать* и *добежать до лесу*; англ. *a working man* [mæn] и *workman* [mən]; нем. *wertlos* и *los!* и т. п.

плане в различных языках различен. В частности, в системах словообразования германских языков складываются такие конструкции производных, первые или вторые компоненты которых представлены относительно связанными морфемами. Колебания этих производных между сложным словом и префиксальным или суффиксальным образованием делают весьма затруднительным выяснение их места в системе словообразования. Естественно, что интерпретация подобных конструкций зависит в первую очередь не от наличия или отсутствия у одного из компонентов этой конструкции самостоятельного коррелята (ибо в плане словообразования это почти ни о чем не говорит), но от того, насколько та или иная морфема в составе конструкции (т. е. попадая в новое лингвистическое окружение) меняет свою дистрибуцию и значение. Решающим фактором является здесь, по-видимому, функциональный — реальное назначение морфемы и ее близость к «чистым» деривационным морфемам. Вопрос этот можно сформулировать и по-иному: может ли корневая морфема испытать настолько существенные изменения при ее использовании в определенном окружении, что она перейдет в другой функциональный разряд морфем? На этот вопрос следует, видимо, ответить положительно.

Рассмотрим в качестве примера такие конструкции германских языков, где в качестве первого компонента, т. е. в препозиции по отношению к полнозначной основе, выступает частица, статус которой надлежит установить. Здесь возможны следующие три случая: 1) когда частица не соотносится ни с каким самостоятельным словом; 2) когда она соотносится с основой полнозначного (знаменательного) слова; 3) когда частица соотносится с неполнозначным (служебным) словом — предлогом или предлогообразным наречием.

В первом случае препозитивная частица по определению — чистый префикс, и причисление ее к префиксальным морфемам не может оспариваться [4]; во втором случае конструкция в целом является сложным словом, и принадлежность первого компонента к корневым морфемам также неоспорима. Таким образом, статус частицы спорен лишь в третьем случае. Отмечая возможность разной интерпретации случаев этого рода [5], разные исследователи склонялись либо к тому, чтобы признать рассматриваемую конструкцию особым сложным словом, либо к тому, чтобы приравнять ее первый компонент к префиксу или полупрефиксу.

Для решения вопроса существенно обратить внимание на следующее. Во-первых, препозитивные частицы рассматриваемого типа отличаются исключительно высокой частотностью, не уступая в этом чистым префиксам, но значительно отличаясь в этом отношении от первых компонентов подлинных сложных слов; конструкции с этими частицами образуют незамкнутые лексические цепочки, насчитывающие по нескольку десятков словарных единиц (ср. немецкие образования с частицами *auf-*, *durch-*, английские образования с частицами *out-* или *over-* и т. д.).

Во-вторых, препозитивные частицы характеризуются, подобно другим деривационным морфемам, особым обобщенным значением, что отличает их от более конкретизованных значений первых компонентов сложных слов; для конструкций с этими частицами показательна однотипность семантических связей между ними и последующей полнозначной осно-

[4] См., например, определение префикса у Г. Марчанда или К. А. Левковской (H. Marchand, Notes on English prefixation, «Neuphilologische Mitteilungen», LV, 7/8, 1954, стр. 295; К. А. Левковская, О специфике префиксации в системе словообразования, сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 299).

[5] См. об этом в указанной выше работе К. А. Левковской. Ср. также: М. М. Гухман, Готский язык, М., 1958, стр. 195—196; В. Н. Ярцева, Историческая морфология английского языка, М.— Л., 1960, стр. 7 и сл., стр. 38 и сл., и др.

вой. Как и конструкции с чистыми префиксами, эти конструкции строятся как бы по определенной семантической формуле (ср. нем. *ausnehmen*, *auswerfen*, *ausschliessen*, *ausschreiben*, англ. *to overdo*, *overrate*, *overload*, *overfeed*, *overcrowd*, русск. *добежать*, *долететь*, *доплыть*, *доделать*, *додумать* и т. д.). Сложным словам с одним и тем же компонентом такая однотипность связей в общем не свойственна (ср. англ. *water-anchor* «плавучий якорь», *water-bed* «резиновый матрац, наполненный водой», *water-bottle* «сосуд для воды», *water-carriage* «водный транспорт», *water-cure* «водолечение», *water-gruel* «каша, сваренная на воде» и т. д.).

В-третьих, в пределах рассматриваемых конструкций снятыми оказываются синтаксические признаки предлога или предлогообразного наречия (особенно в соединении с именными основами), на которых, собственно, и держатся их структурные отличия как особых слов (корневых морфем).

Приведенные данные позволяют, видимо, утверждать, что препозитивные частицы в рассматриваемых конструкциях не могут квалифицироваться как корневые морфемы, так как они не разделяют признаков этих морфем ни в общем плане, ни в смысле повторения тех индивидуальных черт, которые присущи их свободным коррелятам как особым самостоятельным словам. Как по своему назначению в языке, так и семантически эти морфемы на уровне словообразования тождественны чистым префиксам.

Справедливость такой точки зрения подтверждается материалом древних германских языков, позволяющим провести своеобразный тест коммутации. Так, один и тот же греческий глагол переводится в готском языке с помощью разных производных, из которых одно построено с участием чистого префикса, другое же — с участием частицы, имеющей коррелят в виде предлога или предлога и наречия одновременно, ср. греч. ἀνα-γινώσκειν = гот. *ga-kunnan* и *ana-kunnan*, ἀπο-βαίνειν = *ga-gaggan* и *af-gaggan*, ἀπο-στρέφειν = *ga-wandjan*, *af-wandjan* и *us-wandjan* и т. д. Ср. также переводы одного латинского глагола с помощью аналогичных дублетов в древневерхненемецком языке: лат. *ab-ire*=др.-в.-нем. *ar-faran* и *uuidar-faran*, *ar-gangan* и *uz-gangan*; *ad-ducere*=*gi-leiten* и *uz-leiten* и т. п.[6].

В этом смысле мы разделяем мнение тех языковедов, которые причисляют рассматриваемые конструкции к префиксальным образованиям[7]. Представляется, однако, что подобное решение вынуждает пересмотреть само определение префикса. Если под разряд префиксальных образований по функциональным соображениям подводятся такие структурно различные конструкции, как, например, др.-в.-нем. *gi-leiten* и *uz-leiten*, то определение префикса как деривационной морфемы, лишенной в языке самостоятельного статуса, становится недостаточным: оно не покрывает всех случаев реального функционирования деривационных препозитивных частиц. Другими словами, префиксом может быть и частица, коррелятивная однокорневому предлогу или предлогообразному наречию или и тому и другому одновременно[8].

[6] Данные почерпнуты из работ: L. Rice, Gothic prepositional compounds in their relation to their Greek originals, Philadelphia, 1932; H. Rosen, Old High German prepositional compounds in relation to their Latin originals, Philadelphia, 1934.

[7] См., например: В. М. Жирмунский, История немецкого языка, 3-е изд., М., 1948, стр. 280 и сл.; М. И. Стеблин-Каменский, Древнеисландский язык, М., 1955, стр. 171—172; В. Н. Ярцева, указ. соч., стр. 38—45.

[8] Такое (правда, имплицитное) решение вопроса предложено в работах В. В. Виноградова, где образования типа *сверхнизкий*, *послереволюционный* рассматриваются не как сложные слова, но как приставочные конструкции (см. «Современный русский язык. Морфология», М., 1955, стр. 209—211).

Было бы вполне возможно разграничивать два вида препозитивных деривационных частиц — префиксы как не имеющие самостоятельного коррелята в языке (связанные морфемы) и полупрефиксы как имеющие такие корреляты (относительно связанные морфемы). Именно такое деление проводит, хотя и не совсем последовательно, Г. Марчанд[9]. В нашей отечественной литературе последний термин использовался в несколько ином смысле[10], так что применение его в новом значении следовало бы особо оговаривать.

Итак, в качестве словообразовательных препозитивных элементов в отдельных языках могут выступать как связанные, так и относительно связанные морфемы[11]. Конструкциям с последними присуща известная противоречивость, однако она не в том, что подобным морфемам свойственна некая двойственность в функциональном (здесь словообразовательном) плане, но в том, что они специфичны в своем системном качестве. Сущность явления состоит, следовательно, в том, что манифестация относительно связанных морфем при выполнении ими вполне определенной (словообразовательной) функции имеет свои дистрибутивные особенности: например, возможность дистантного расположения подобной морфемы (ср. гот. *nimiþmatjan* «не есть вместе», но *miþ-ni-qam siponjam seinaim* «вместе не пришел с учениками своими») или даже ее инверсии по отношению к определяемой единице (ср. нем. *er gi-ng aus* «он вышел»).

Факторы позиционного расположения морфем не могут, однако, иметь решающего значения для квалификации морфем по функциональному признаку. Они существенны лишь для структурной характеристики морфем.

По-видимому, в конкретных языках в конкретных конструкциях отдельные корневые морфемы претерпевают настолько существенные изменения в функциональном, а часто и семантическом плане, что они используются наравне с морфемами аффиксального типа. Меняется назначение морфемы, и она в разном окружении выступает в разных своих вариантах (морфах) в разном качестве. В каждом из таких окружений ее интерпретация в функциональном плане вполне определенна, и каждый конкретный вариант морфемы может быть однозначно описан либо как корневой, либо как аффиксальный. Исходя из этого мы полагаем, что для выделения нового функционального разряда морфем (полуаффиксы), не являющихся ни корневыми, ни аффиксальными, или, наоборот, объединяющих черты и тех и других одновременно, нет достаточных оснований[12].

Из этого, однако, никак не следует, что и классификация морфем по другому — структурному — признаку также должна быть взаимоисключающей. Рассматриваемая с точки зрения положения в языке в целом морфе-

---

[9] H. Marchand, The categories and types of present-day English word-formation, Wiesbaden, 1960.

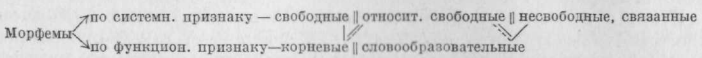
[10] Имеются в виду работы М. Д. Степановой, для которой полупрефиксами являются (по чисто семантическим признакам) такие разные единицы, как *Riese(n)-* и *ober-*. См.: М. Д. Степанова, Словообразование современного немецкого языка, М., 1953, стр. 152 и сл. Критику понятия полупрефиксов в данной работе см. в рецензии К. А. Левковской (ВЯ, 1955, 1, стр. 147 и сл.).

[11] Вопрос о том, могут ли быть представлены этими видами морфем другие деривационные разряды, требует специального рассмотрения; заметим лишь, что в принципе и здесь возможно использование единиц, коррелятивных самостоятельным словам в качестве суффиксов: ср. хотя бы герм. **-skaft*, **-had*, **-dom*, англ. *-man* и исл. *-maðr* и т. д.

[12] В этом смысле следует согласиться с К. А. Левковской, когда она указывает, что «таких... частей слова, которые не были бы ни основами, ни аффиксами, в языке вообще не существует». См.: К. А. Левковская, указ. рец., стр. 148.

ма является либо полностью свободной, либо относительно свободной, либо несвободной, связанной.

Прямого параллелизма между двумя указанными классификациями морфем не наблюдается. Да это и понятно. В противном случае наличие д в у х различных классификаций было бы нецелесообразным. Соотношение функциональных и структурных разрядов морфем можно вследствие вышесказанного представить в следующем виде:



Таким образом, среди деривационных элементов может быть выделен подкласс аффиксальных морфем, представленный особым структурным разрядом языковых единиц — относительно связанными морфемами.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1964

А. Н. БАСКАКОВ

ТИПЫ БЕССОЮЗНЫХ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Бессоюзные сложносочиненные предложения занимают значительное место в системе синтаксиса турецкого языка. Их изучение необходимо для выявления специфики бессоюзных форм сочинительной связи, а также для более точной дифференциации сложносочиненных и сложноподчиненных предложений в турецком языке вообще. В настоящей статье рассматриваются основные типы бессоюзных сложносочиненных предложений и их характерные черты, которые позволяют выделить эти предложения из общей группы бессоюзных сложных предложений.

Большинство тюркологов подразделяет бессоюзные сложные предложения на бессоюзные сложносочиненные и бессоюзные сложноподчиненные предложения[1]. Более того, в настоящее время существует также мнение о том, что в тюркских языках некоторые структурные типы бессоюзных сложных предложений возможно выделить в особую группу, отличную как от сложносочиненных, так и от сложноподчиненных предложений[2], между тем как в академической русской грамматике все бессоюзные сложные предложения объединяются в одну группу, без дифференциации их на сочиненные и подчиненные[3].

Надо отметить, что в большинстве исследований по синтаксису тюркских языков (в том числе и в настоящей статье) не разработан вопрос об интонации как средстве синтаксической связи. Это объясняется главным образом тем, что «интонационная сторона речи... в тюркских языках до сих пор еще не исследована единственно надежным в данном случае экспериментально-фонетическим методом»[4]. Исследование интонационных средств связи в турецком языке затруднено еще и тем, что объектом изучения в большинстве случаев служат письменные литературные образцы.

В определении типов сложных предложений, однако, интонация не является решающим фактором, так как с ее помощью может выражаться (да и то не всегда) только сам факт наличия сочинения или подчинения.

---

[1] См.: А. П. Поцелуевский, Основы синтаксиса туркменского литературного языка, Ашхабад, 1943; А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, М.— Л., 1956; его же, О сложноподчиненном бессоюзном предложении в турецком языке, «Краткие сообщения Ин-та востоковедения [АН СССР]», XXII, 1956; К. Сартбаев, Основные вопросы синтаксиса сложного предложения в современном киргизском языке. Автореф. докт. диссерт., М., 1953; К. З. Ахмеров, Исследования по синтаксису башкирского языка, Уфа, 1962; Г. Г. Саитбатталов, Синтаксис сложного предложения башкирского языка, Уфа, 1961 (на башк. яз.).

[2] Н. З. Гаджиева, Бессоюзные сложные предложения в современном азербайджанском языке, сб. «Исследования по синтаксису тюркских языков», М., 1962.

[3] «Грамматика русского языка», II, 2, М., Изд-во АН СССР, 1954.

[4] А. П. Поцелуевский, указ. соч., стр. 88.

Установить же, «насколько значение той или иной интонации тождественно со значением той или иной группы союзов»[5], часто бывает в таких случаях трудно, как, очевидно, трудно установить и характер связи простых предложений в составе сложного.

Таким образом, в отношении установления определенных критериев для дифференциации сложноподчиненных и сложносочиненных предложений в тюркских языках приходится констатировать известную неопределенность. Особенно это заметно в отношении бессоюзных сложных предложений. Вместе с тем критерии эти должны быть установлены на синтаксической основе. Для этого необходимо определить специфику синтаксических отношений компонентов сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

Если в бессоюзном сложноподчиненном предложении придаточное всегда служит распространением какого-либо одного члена главного предложения и поэтому может быть соотнесено только с ним, то отношения компонентов в сложносочиненном предложении носят иной характер: простые предложения, составляющие сложносочиненное предложение, относятся друг к другу как целое к целому (следование одного суждения за другим или соединение двух самостоятельных суждений о явлениях, происходящих одновременно). Эти специфические различия между синтаксическими отношениями внутри сложносочиненных и сложноподчиненных предложений и должны служить основным критерием для их различения.

Не менее показательным критерием для различения сложноподчиненного и сложносочиненного предложения может служить также возможность или невозможность синонимического замещения компонента бессоюзного предложения оборотом с неличными формами глагола: в то время как компонент сложносочиненного предложения не может быть замещен таким оборотом, придаточное сложноподчиненного предложения вполне допускает такую замену. Например, в сложноподчиненном условном предложении «Kardeşiniz yanımıza gelip affını rica ederse, biz de cezadan vazgeçeriz» (E. T. 406)[6] «Если ваш брат придет к нам и попросит прощения, то и мы воздержимся от (его) наказания» придаточное условное может быть выражено оборотом с неличной формой глагола на *-dik+takdir(de)*: «Kardeşiniz yanımıza gelip affını rica ettiği takdirde...».

Бессоюзное сложносочиненное предложение представляет собой, таким образом, структурное и смысловое единство двух или нескольких простых предложений, выражающих самостоятельные суждения, объединенные интонационной связью. Эти сложные предложения содержат новые смысловые оттенки, отличные от значений каждого из простых предложений, входящих в эти сложные предложения. Исходя именно из этих смысловых оттенков, можно классифицировать бессоюзные сложносочиненные предложения.

Компоненты, составляющие бессоюзные сложносочиненные предложения, представляют собой обычно простые, реже сложные предложе-

---

[5] См.: А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, М., 1938, стр. 419.

[6] Ahmet Cevat Emre, Türk dilbilgisi, İstanbul, 1945; ниже приняты также следующие сокращения: Ağr — Halide Edip Adıvar, Kalp ağrısı, İstanbul, 1935; Bay — Sadri Etem, Bay Virgül, İstanbul, 1935; F.— Kerime Nadir, Funda, İstanbul, 1955; B.— M. T. Berkand, O ve kızı, İstanbul, 1959; S. A.— Sabahattin Ali, Hikâyeler, Sofya, 1956; T. H.— «Türk hikâyeleri», Sofya, 1956; Gök.— Reşat Nuri Güntekin, Gökyüzü, İstanbul, 1935; As.— I. Engin, Asya gribi, İstanbul, 1957.

ния, соотнесенные друг с другом благодаря их тесной смысловой связи. Формально эти предложения равноправны, иначе они составляли бы не сложносочиненное, а сложноподчиненное предложение. Однако это не означает, что они находятся в простом соположении друг с другом. Уже одно то, что каждое из предложений в составе сложносочиненного предложения следует за другим, позволяет заключить об определенных смысловых и формальных особенностях их синтаксических отношений.

Эти особенности, которые рассматриваются ниже, отличают «свободные» простые предложения от подобных, но не адекватных им предложений в составе сложносочиненного и любого другого сложного предложения. Условно будем называть такие предложения компонентами бессоюзного сложносочиненного предложения.

1. Соединительные бессоюзные сложносочиненные предложения. Этот наиболее распространенный в турецком языке тип бессоюзных сложносочиненных предложений характерен тем, что составляющие эти предложения[7] компоненты обозначают действия, совершение которых или взаимообусловлено во времени, или протекает в определенной одной или двух временных плоскостях. Поэтому целесообразно подразделить этот тип бессоюзных сложносочиненных предложений на: а) соединительные предложения с одновременно протекающими действиями; б) соединительные предложения с последовательно протекающими действиями.

а) Соединительные предложения с одновременно протекающими действиями содержат в себе сообщения, тесно связанные между собой единством времени и содержания. Под единством содержания следует понимать смысловую связь отдельных компонентов сложного предложения, воссоздающих единую картину; например: «Kıvrıla kıvrıla uzanıp giden tozlu patika vadinin esmer eteklerinde kayboluyor; ufkun ince çizgisi üzerinde titriyen şeffaf bir sis tabakası bazan genişleyip, bazan daraliyordu» (F., 5) «Извивающаяся пыльная тропинка исчезала у бурых краев долины; прозрачная дымка, струившаяся на тонкой линии горизонта, то расширялась, то сужалась»; «Gece kandilinin zayıf ışığı yüzlerinde oynaşıyor; dışarda müthiş rüzgârla beraber iri yağmur taneleri düşüyordu» (F., 44) «Слабый свет ночника играл на их лицах, на дворе был сильный ветер, и падали крупные капли дождя».

В указанных примерах при смысловой самостоятельности компонентов сложных предложений их объединение закономерно, так как позволяет создать единую картину со взаимосвязанными частями. Предложения такого типа часто встречаются при описании природы или обстановки, на фоне которой развиваются описываемые автором действия. В приведенных примерах одновременность действий в составляющих эти предложения компонентах выражается посредством одинакового оформления их сказуемых формой определенного имперфекта.

Однако в ряде случаев сказуемые компонентов сложных предложений представляют собой различные формы одной и той же временной плоскости, например: «Yüzü daha sararmış, gözleri moden gibi soğuk bir hiddetle belki nefretle bana bakıyordu» (Ağr., 108) «Лицо ее еще больше побледнело, ее глаза с гневом, холодным, как металл, и, пожалуй, с отвращением смотрели на меня». Сказуемые компонентов этого сложного предложения оформлены по-разному: первое в форме прошедшего на *-mış*, а второе в форме определенного имперфекта; обе эти формы принадлежат к плоскости прошедшего времени.

[7] Для краткости будем называть бессоюзные сложносочиненные предложения — предложениями.

Связь компонентов соединительных сложных предложений осуществляется также посредством связи их подлежащих. В этом случае подлежащие могут выражать части единого целого или свойства одного и того же лица или предмета и обычно оформляются одинаковыми аффиксами принадлежности, что еще более подчеркивает их взаимосвязь; например: «Yüzünü sakal bürümüş, saçları uzamış ve dağılmış, gözleri çukura kaçmıştı» (F., 120) «Борода покрыла его лицо, волосы его отрасли и были растрепаны, глаза его ввалились»; «Iştahım yine yok, uykum yine kaçtı» (Ağr., 77) «У меня снова не было аппетита, (и) снова пропал сон».

Таким образом, помимо общей временной отнесенности сказуемых, в такого рода сложных предложениях можно отметить и общность их подлежащих, а также наличие в них одинаковых второстепенных членов (в последнем примере это *yine*). Одновременность действия может быть подчеркнута также наличием в первом компоненте сложного предложения обстоятельства времени, которое ограничивает во времени действия обоих компонентов; например: «Yirmi dört saat gözlerim ölü gibi kapalı, yanaklarımdan yaşlar durmadan akdı» (Ağr., 139) «На протяжении суток глаза у меня были закрыты, как у мертвеца, с моих щек не переставая текли слезы».

В некоторых случаях в сложных предложениях действие первого компонента является закончившимся, в то время как действие во втором компоненте еще продолжается, будучи выражено, например, определенным имперфектом: «Döndüm, dizini tutuyordu» (As., 8) «Я оглянулся: он держался за колено».

Действие в первом компоненте может быть не окончено к моменту начала действия во втором компоненте; например: «Çocuk sözünü tamamlamamıştı, bir yanık zurna sesi çeşmenin şırıltısına karıştı» (Bay, 14) «Ребенок не окончил своих слов, (как) к журчанию источника присоединился страстный звук зурны».

б) Соединительные предложения с последовательно протекающими действиями. В таких сложных предложениях может насчитываться два или более компонентов; те их сказуемые, которые передают действия, происходящие ранее, оформляются аффиксами прошедшего или настоящего времени, а сказуемые, выражающие последующие действия, получают соответственно показатели настоящего или будущего времени, например: «Doktorlara göre artık hastalık bitti; şimdi nekahet devresindeyiz» (Gök., 229) «По мнению докторов, болезнь уже прошла, теперь дело у нас идет на поправку»; «Bugünkü açığı kapatayım, yarın ne olacak, öbürgün kimbilir neler, ne ihtiyaçlar çıkacak» (Bay, 87) «Сегодняшний дефицит я пожалуй покрою, (но) что будет завтра, кто знает, какие потребности появятся послезавтра».

В большинстве же случаев сказуемые компонентов такого рода сложных предложений оформляются одними и теми же аффиксами времени — или только настоящего времени, или только прошедшего времени, а последовательность выражаемых ими действий устанавливается благодаря порядку следования компонентов сложных предложений этого типа и их общему смысловому значению; например: «Nihayet bir saat bir çeyrek saat sonra kapıda bir otomobil duruyor; içinden şişman bir adamın indiğini görerek geniş bir nefes alıyorum» (Gök, 166) «Наконец, через час или час с четвертью у дверей останавливается автомобиль, я глубоко вздыхаю, видя, как из него выходит толстый человек»; «Arabalar durdu, herkes inip üstünü başını düzeltti» (S. A., 128) «Экипажи остановились, все вышли из них и привели себя в порядок». Иногда сказуемые компонентов сложного предложения могут быть оформлены аффиксами различных временных форм, однако и в этом случае выраженные этими сказуемыми действия

будут происходить в одной временной плоскости, обычно в прошедшем времени; например: «Yavaş yavaş sokuluyordum, gayriihtiyari kollarım boynuna gitmiş, başım omuzuna düşmüşdü» (Ağr., 109) «Я потихоньку прижималась к нему, невольно мои руки обняли его за шею, голова моя упала на его плечо». Здесь сказуемые различаются только по своей видовой характеристике: несовершенный вид определенного имперфекта и совершенный вид прошедшего времени на *-miş*.

В ряде сложных предложений последовательность действий определяется благодаря семантике сказуемых составляющих их компонентов. Сказуемое первого компонента обычно выражается глаголом со значением действия, завершенного к моменту начала действия, о котором идет речь во втором компоненте. Сказуемое второго (или последующего) компонента выражается глаголом или со значением начинающегося действия, или со значением действия, завершившегося после окончания действия, о котором говорится в первом компоненте; например: «Mum bitmiş, hava aydınlanmaya başlamışdı» (Т. Н., 29) «Свеча догорела, стало светать»; «Hayır, elçilik vazifem bitti, şimdi de benim şikâyetlerimi dinleyin» (В., 105) «Нет, моя дипломатическая задача окончилась, теперь послушайте-ка мои жалобы»; «Seneler geçmiş, çocuk bir genç kız olmuştu» (Т. Н., 20) «Прошли годы, дитя превратилось в молодую девушку».

Последовательность действий в соединительных сложных предложениях может обозначаться посредством обстоятельств времени или в каждом компоненте такого сложного предложения, или только во втором (или последующих) его компонентах; например: «Bir gece, hiç beklenmiyen bir saatte, belki on ikide, belki birde, dışardan bir takım sesler gelmeğe başladı; az sonra da bir kadın çığlığı sokağı boydan boya kapladı, karanlığın içinde söndü» (Т. Н., 114) «Однажды ночью, в нежданное время, быть может, в двенадцать или в час с улицы стали доноситься какие-то голоса, спустя немного по всей улице пронесся и замер в темноте женский крик». При отсутствии обстоятельства времени в первом компоненте действие в этом компоненте носит завершенный характер и может служить исходным моментом для начала и продолжения действий, выраженных в последующих компонентах, в которых имеются обстоятельства времени; например: «Insancağız öldü, şimdi sağ kalanları, hele çocukları düşünmek lâzım» (Т. Н., 26) «Бедняга умер, теперь следует подумать об оставшихся живых, особенно о детях»; «Yanılmak ihtimaline karşı bütün kulakların yalvararak dinlediği ses nihayet yokuşa saptı, az sonra da araba sokağın ağzında durdu» (Т. Н., 115) «С пригорка, наконец, донесся звук, который все слушали во все уши, боясь ошибиться, (и) спустя немного в начале улицы остановился автомобиль».

Итак, соединительные бессоюзные сложносочиненные предложения характеризуются временными отношениями своих компонентов, в соответствии с чем можно различать два типа таких сложных предложений: а) с одновременным протеканием действия, б) с последовательно протекающими действиями. Как в тех, так и в других сложных предложениях одновременность или последовательность действий определяется временными и видовыми формами сказуемых их компонентов, причем согласование времен имеет второстепенное значение. В двух типах этих сложных предложений существенную роль играет семантика и связь главных и второстепенных (обстоятельство времени) членов компонентов, составляющих сложные предложения, что в конечном счете определяет единство их смыслового содержания.

2. Сопоставительные бессоюзные сложносочиненные предложения по своему значению и структурным особенностям можно подразделить на: а) предложения со значением про-

тивопоставления, б) предложения со значением сопоставления и разделительности.

а) Предложения со значением противопоставления состоят из двух компонентов, содержание которых противопоставлено друг другу; например: «Şaka edecek oldum, daima soğuk ve hareketsiz kaldı» (S. A., 29) «Я собирался пошутить, (но) она, как всегда, осталась холодной и неподвижной». Здесь действию, выраженному сказуемым первого компонента, противопоставляется реакция на это действие, выраженная во втором компоненте.

В такого рода сложных предложениях могут противопоставляться действия, выраженные одним и тем же глаголом — его положительной и отрицательной формами; например: «Ben bunu unutmuştum bile, arkadaş unutmamış ve beraber getirmiş» (S. A., 62) «Я даже позабыл об этом, (а) товарищ не забыл и принес с собой».

В некоторых случаях в таких сложных предложениях желанию или необходимости совершить действие в первом компоненте противопоставляется невозможность его совершения во втором компоненте; например: «Elimden gelen ancak kaçmaktı, onu da şimdi yapamazdım» (KMM, 66) «Все, что я мог сделать, — это только бежать, (но) и этого теперь уже я не смог сделать».

Наконец, противительные отношения в такого рода сложных предложениях могут проявляться благодаря антонимичным значениям сказуемых или других членов составляющих эти предложения компонентов; например: «Karlı bir kış gecesi padişah baştanbaşa samur kürklerle donanmış sıcak sarayında sabaha kadar eğleniyor; yarı çıplak fakir pencerenin altında soğuktan titriyor» (Gök., 181) «Снежной зимней ночью падишах, разодетый с головы до ног в собольи меха, веселится до утра, (а) полуодетый бедняк дрожит от холода под окном»; «Sonra da bütün paralar oğlanda idi koynumda tek bir kapik bile yoktu» (Bay, 97) «Да и потом все деньги были у парня, (а) у меня же за пазухой не было ни копейки»; «Sabahleyin hasta iyi olup ayağa kalktı; hastayı bekliyen öldü (Gök., 166) «Поутру больной, почувствовав себя хорошо, встал на ноги, (а) тот, кто ухаживал за больным, умер».

б) Предложения со значением сопоставления состоят из двух или более компонентов, сказуемые которых тесно связаны между собой семантически (сопоставимость компонентов подчеркивается наличием энклитики *da/de* при подлежащем второго компонента). Таким образом, основная разница между предложениями со значением противопоставления и предложениями со значением сопоставления заключается в том, что в последних действия в компонентах не носят противительного характера; например: «Ruşen Bey memnun, gülümsüyor, Türkân da onun neşesine iştirak ediyordu» (F., 59) «Довольный Рушенбей улыбался, Тюркан же разделял его радость»; «Beni asla anlamadığı muhakkaktı; ben de onu pek anlamış değildim» (S. A., 13) «Несомненно, он никогда меня не понимал, я тоже не очень его понимал»; «Kadınlar bir kenara çekilip kendi aralarında konuşuyorlar, erkekler de başka bir kenarda kahkahalı musahabeler yapıyorlardı» (S. A., 14) «Женщины, собравшись вместе, разговаривали в сторонке, мужчины же в другом месте с хохотом беседовали между собой».

В сложных предложениях этого типа обособленность действий, выраженных в их компонентах, может носить характер разделительности. Это определяется, с одной стороны, еще более тесной связью субъектов этих компонентов, которые могут быть однородны по своей форме (в наших примерах они выражены одинаковыми словами и оформлены одними и теми же аффиксами принадлежности), а с другой стороны, смысловой разобщенностью, разнородностью (но не противопоставленностью) действий,

выраженных в этих компонентах; например: «Kimi öldü kimi iş bulamadı, kimi dere kenarlarında, kimi ağaç altlarında hazin bir daüssılamın sızıntısı duydu» (T. H., 18) «Одни из них умерли, другие не могли найти работу, третьи, сидя на берегу ручья или под деревом, чувствовали тоску по родине»; «Bir kısmı kasketini alıp gidiyor, bir kısmı ihtiyar avukatla Meleğin etrafına toplanıyordu» (S. A., 79) «Одни из них, взяв кепки, уходили, другие же собирались вокруг старого адвоката и Мелек». Особое место среди предложений со значением разделительности занимают такие, в которых субъект второго компонента, выраженный субстантивированной формой причастия на *-an*, по своему значению противопоставлен содержанию первого компонента, хотя является частью субъекта первого компонента. В конечном счете содержание обоих компонентов сопоставляется; например: «Çok sürmeden şirketin işçileri teker kayboluverdiler, geri kalanlar da selâmeti kaçmakta buldular» (S. A., 34) «Спустя немного рабочие кампании вдруг быстро исчезли по-одному, те же, кто остался, нашли спасение в бегстве»; «Her kazaya bir kaç vatandaş kurban gidiyor, ölümden kurtulanların da birçoğu sakat kalıyor» (газ.) «В результате при каждом несчастном случае гибнет несколько человек, большинство же тех, кто спаслись от смерти, остается калеками».

Временные формы сказуемых компонентов сложных предложений с противительными и сопоставительными отношениями обычно одинаковы, как можно видеть из приведенных примеров.

Сопоставительные бессоюзные сложносочиненные предложения характеризуются следующими отношениями своих компонентов: противительными, сопоставительными (или сравнительными) и разделительными. Сведéние всех этих отношений, образующих сложные предложения со смысловым единством своих компонентов, в одну группу оправдано тем, что все эти сложные предложения имеют много общего как по форме, так и по содержанию. С формальной стороны эти сложные предложения сходны в том, что содержат не более двух компонентов (кроме предложений с разделительными отношениями); сказуемые их компонентов имеют одинаковые или принадлежащие к одной временной плоскости формы времен. В смысловом отношении эти сложные предложения сходны тем, что составляющие их компоненты в той или иной степени сравниваются, сопоставляются друг с другом.

3. Бессоюзные сложносочиненные предложения пояснительного типа состоят обычно из двух компонентов, из которых второй содержит данные, дополняющие и поясняющие содержание первого компонента, оставаясь грамматически и семантически независимым от него. По характеру значений второго компонента такие сложные предложения можно подразделить на следующие:

1) Сложные предложения, второй компонент которых выражает направленность, целевую установку действия первого компонента; например: «Ertesi gün gene doktor beyi ziyaret ettim röntgen muayenesi ve kan tahlili yapıldı» (Bay, 48) «На другой день я снова посетил доктора, был сделан рентген и анализ крови»; «Makinesi bıraktığı yok; daha kotraya girerken resim çekmiye başlamıştı, hala durmadı» (B., 124) «Он не расстается с фотоаппаратом, как только поднялся на борт яхты, так стал фотографировать и все еще не перестал».

2) Сложные предложения, второй компонент которых содержит результаты субъективного восприятия действия первого компонента; например: «Soyunduğumu bekledi, yorganımı çekdi, ışıkları söndürdü, bütün harekâtında bir ana, bir kardeş, muhayyel ve semavî bir sevgi yumuşaklığı vardı» (Ağr., 80) «Он подождал, пока я разделась, натянул на меня одеяло, потушил свет, во всех его действиях была мягкость материнской, брат-

ской, платонической, неземной любви»; «Kadın yerinden kalktı, o zaman çok sarhoş olduğunu anladım» (Т. Н., 61) «Женщина поднялась со своего места, тогда я понял, что она была очень пьяна».

3) Сложные предложения, во втором компоненте которых содержатся данные, поясняющие и дополняющие содержание первого компонента. По характеру пояснения такие предложения подразделяются на следующие подгруппы:

а) Второй дополняющий компонент передает дополнительные данные о подлежащем первого компонента; например: «Vedat gülümsemeğe çalışarak ona bakıyor, kurumuş dudakları hafifçe titriyordu» (F., 12) «Ведат, стараясь улыбнуться, смотрел на нее, его пересохшие губы слегка дрожали»; «Azize siyah bir kürke sarılmış, başında siyah bir tül vardı» (Ağr., 138) «Азизе куталась в черный мех, на голове у нее была тюлевая косынка»; «Nesiller büyür, iş güç sahibi olur, bunlar içinden yalnız çokça para kazanmağa başlıyanlar bizim sokaktan ayrılırlar» (Т. Н., 114) «Поколения растут, находят себе занятия, только некоторые из них, которые начинают зарабатывать много денег, покидают нашу улицу».

б) Второй компонент поясняет значение факта или явления, выраженного в первом компоненте; например: «Yarın cumartesi; öğleden sonra ben Bostancıya gideceğim» (В., 106) «Завтра (будет) суббота, после полудня я поеду в Бостанжи»; «Bak hava ne güzel; bu dekor altında nefîs bir film çekiyorum» (В., 124) «Смотри, какая чудесная погода, на таком фоне я делаю прекрасный снимок».

В сложных предложениях этого типа, как и в других бессоюзных сложносочиненных предложениях, сказуемые компонентов принадлежат к какой-либо одной временной плоскости.

*

Итак, синтаксический критерий, в соответствии с которым проводится отграничение сложносочиненных предложений в турецком языке от сложноподчиненных, состоит в том, что один компонент сложносочиненного предложения не может быть отнесен к подлежащему, сказуемому или еще к какому-либо члену другого компонента. Содержание одного компонента сложносочиненного предложения всегда целиком относится ко всему содержанию другого компонента, в отличие от сложноподчиненного предложения, в котором один его компонент — придаточное предложение — всегда относится к какому-либо члену другого его компонента — главного предложения.

При разграничении типов бессоюзных сложносочиненных предложений необходимо учитывать лексико-семантические и грамматические средства связи компонентов этих сложных предложений, причем отсутствие сочинительных союзов в этих предложениях заставляет делать упор на характер смысловых отношений компонентов сложного предложения.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1964

В. В. ВЕРТОГРАДОВА

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СРЕДНЕИНДИЙСКИХ ИНТЕРВОКАЛЬНЫХ ФРИКАТИВНЫХ

1. Для многих языков в различные периоды их истории был характерен фонетический процесс, состоявший в ослаблении артикуляции интервокальных смычных[1]. Этот процесс в той или иной мере затронул все романские языки, готский, новогреческий, древнееврейский и др. Проявление этого процесса наблюдается и в среднеиндийских языках[2]. Однако в разных языках, равно как и в различные периоды истории одного и того же языка, ослабление артикуляции смычных приводит к различным фонологическим результатам, если интерпретировать его последствия внутри каждой конкретной фонологической системы.

В данной заметке сделана попытка дать интерпретацию интервокальных согласных, явившихся результатом ослабления смычных, внутри некоторых среднеиндийских фонологических систем.

2. В большинстве пракритов противопоставление смычных по глухости — звонкости осуществляется в начальной позиции слова (*cala* «движущийся», *jala* «вода») и в двух позициях в середине слова — после носового (*manta* «мантра», *manda* «нежный») и при геминации (*mutta* «драгоценный камень», *mudda* «знак, печать»). В остальных случаях интервокальной позиции в литературных пракритах, где возможны единичные интервокальные, допустимы только звонкие сегменты[3], представленные графически как *g*, *j*, *d*, *v*. В связи с общей тенденцией среднеиндийских диалектов к ослаблению артикуляции интервокальных смычных сегменты *g*, *j*, *d*, *v* на фонетическом уровне следует рассматривать как звонкие фрикативные. Исследователи приводят много доказательств спирантного произношения интервокальных смычных. Отметим здесь только два из них.

1) В диалектах шаурасени, магадхи[4] и во многих эпиграфических памятниках в интервокальной позиции графически наряду со смычными *g*, *j*, *d* представлен не смычный *b*, как следовало ожидать, а фрикативный *v*.

---

[1] См. об этом: A. Martinet, Celtic lenition and Western Romance consonants, «Language», XXVIII, 2 (pt. 1), 1952, стр. 196; его же, Occlusives and affricates with reference to some problemes of Romance phonology, «Word», V, 2, 1949, стр. 116—122; R. L. Politzer, On *b* and *v* in Latin and Romance, «Word», VIII, 3, 1952; его же, A note on the North Italian voicing of intervocalic stops, «Word», XI, 3, 1955.

[2] См.: J. Bloch, L'Indo-Aryen. Du Veda aux temps modernes, Paris, 1934, стр. 62—63; 78; S. K. Chatterji, The origin and development of the Bengali language, pt. I, Calcutta, 1926, стр. 83—85.

[3] Исключение в этом отношении представляют пайшачи и чулика-пайшачи. На диалектах пайшачи и чулика-пайшачи до нашего времени не сохранилось никаких текстов, фонетические факты, относящиеся к этим диалектам, основаны на свидетельствах древних пракритских грамматик Вараручи и Хемачандры.

[4] Шаурасени и магадхи — пракриты, на которых создана большая часть прозаических текстов древнеиндийской драмы.

Это объясняется, по-видимому, тем, что в среднеиндийской графике существовал знак для губного фрикативного и им поспешили воспользоваться при изменении произношения интервокальных согласных; особых же знаков для фрикативных гуттуральных и дентальных не было, и для передачи их продолжали пользоваться старыми знаками звонких смычных[5].

2) В среднеиндийских текстах, написанных письмом kharoṣṭhi, некоторые интервокальные смычные имеют дополнительный диакритический знак, который напоминает *r*, хотя в данном случае он не может иметь такого значения; см., например, запись *bhaga* как *bhagra*. Возможно, диакритический знак *r* и был указателем фрикативного произношения[6].

3. Но особенно наглядную картину изменения интервокальных представляют данные среднеиндийской эпиграфики. По-видимому, процессу ослабления артикуляции предшествовал процесс озвончения интервокальных смычных. Из таблиц, показывающих графическое отображение среднеиндийских интервокальных в различных эпиграфических памятниках, которые приводит в своей грамматике М. А. Махендале[7], можно видеть, что для надписей наиболее раннего периода (около III в. до н. э.) характерным являлось написание в интервокальной позиции глухих смычных наряду с редко встречающимися звонкими. По-видимому, на фонетическом уровне это соответствует процессу озвончения интервокальных смычных (см. табл. 1).

Таблица 1

Графическая репрезентация среднеиндийского интервокального ***k*** *по надписям III в. до н. э. — III в. н. э.* *

Период	Зап.	Сев.-зап.	Южн.	Центр.	Вост.	Сев.
III в. до н. э. (Ашока)	*-k-*	*-k-*	*-k-*	*-k-*	*-k-*	*-k-*
				-g-	*-g-*	
III в. до н. э.	*-k-*		*-g-*		*-y-*	
II в. до н. э.	*-k-*				*-g-*	
I в. до н. э.	*-y-*					
I в. н. э.	*-g-*		*-g-*	*-g-*		
	-y-	утрачено				
	утрачено					
II в. н. э.	*-g-*		*-g-*			
III в. н. э.	*-y-*		*-y-*			

* Табл. 1 и 2 приводятся по книге: M. A. Mahendale, Historical grammar of inscriptional Prakrits.

Для следующего периода (II в. до н. э. — I в. н. э.) характерно написание в интервокальной позиции звонких смычных, иногда параллельно с ними встречается *y*, из губных только *v*; придыхательные допускают варианты с утратой затворного элемента. Фонетически это, по-видимому, соответствует процессу ослабления интервокальных смычных.

Для поздних надписей (II—IV в. н. э.) характерно написание в интервокальной позиции *y* или полное выпадение согласного наряду с про-

[5] См.: S. K. Chatterji, указ. соч., стр. 85.

[6] См.: J. Bloch, указ. соч., стр. 62—63, 78; о возможности использования знаков алфавита в качестве диакритических см.: G. A. Grierson, The pronunciation of Prakrit palatals, JRAS, 1913, april, стр. 391—392.

[7] См.: M. A. Mahendale, Historical grammar of inscriptional Prakrits, Poona, 1948, стр. 212.

должающими иногда писаться звонкими смычными. Фонетически это, по-видимому, означает дальнейшее ослабление интервокальных вплоть до выпадения некоторых ослабленных фрикативных.

Подобное же ослабление произошло с интервокальными аспирированными, что графически отразилось в появлении таких вариантов аспирированных, где затворный элемент оказался утраченным. Следовательно, интервокальные аспирированные смычные [gh], [jh], [dh], [bh] ослабились до фрикативных [γh], [žh], [ðh], [βh]; например, шаур. *kadhida* =[kəðhiðə].

4. Судя по данным надписей и литературных пракритов, можно заметить определенную иерархию выпадения интервокальных согласных. Обычно раньше всех выпадают ослабленные гуттуральные и палатальные, дольше удерживаются зубные и губные.

Особое место среди интервокальных согласных занимают церебральные *ḍ*, *ḍh*. В пракритах они совсем не были подвержены ослаблению и выпадению. Процесс изменения здесь остановился на стадии озвончения интервокальных церебральных. Особенно наглядно это видно из надписей (см. табл. 2).

Таблица 2

Репрезентация интервокального церебрального ṭ

Период	Зап.	Сев.-зап.	Южн.	Центр.	Вост.	Сев.
III в. до н. э. (Ашока)	-ṭ-	-ṭ-		-ḍ-	-ṭ-	-ṭ- -ḍ-
II в. до н. э.	-ḍ-		-ḍ-	-ḍ-		
I в. до н. э.	-ḍ-			-ḍ-		
I в. до н. э. — I в. н. э.	-ḍ-					
I в. н. э.	-ḍ-		-ḍ-			
II в. н. э.	-ḍ-		-ḍ-			
III в. н. э.			-ḍ-			
IV в. н. э.				-ḍ-		

Такую же иерархию можно наблюдать и у аспирированных интервокальных: гуттуральные и палатальные раньше других теряют затворный элемент и превращаются в *h*; зубные и губные склонны дольше удерживать его. Церебральные никогда не теряют затворного элемента.

5. Таким образом, звонкие смычные *g*, *j*, *ḍ*, *b* и аспирированные γ, ž, ð, β, которые встречаются в интервокальной позиции в различных среднеиндийских диалектах, фонетически следует считать не смычными, а фрикативными [γ], [ž], [ð], [β], [γh], [žh], [ðh], [βh]. Эта общая для многих среднеиндийских языков закономерность по-разному проявилась в различных диалектах и привела к различным фонологическим последствиям.

Наиболее полно фрикативные представлены в эпиграфических памятниках II в. до н. э. — I в. н. э., а из литературных диалектов — в шаурасени и магадхи; в ардхамагадхи фрикативные подверглись дальнейшему ослаблению, а в махараштри наблюдается полное падение фрикативных.

6. Как же фонологически интерпретировать интервокальные фрикативные в тех среднеиндийских диалектах, где они удержались?

Во многих языках ослабление артикуляции интервокальных смычных на фонологическом уровне сопровождается появлением ряда аллофонов. Различительные возможности в этом случае не изменяются, так как про-

тивопоставление по глухости — звонкости в интервокальной позиции сохраняется. Такая интерпретация дается интервокальным спирантам испанского, древнееврейского и других языков. В шаурасени противопоставление дифференциальных признаков глухость — звонкость, осуществляющееся в указанных выше позициях, в интервокальной позиции нейтрализуется [8].

Принимая во внимание вышеизложенные фонетические факты, в большинстве пракритов мы имеем два вида нейтрализации (синкретизма — по Ельмслеву [9]):

1) Когда в результате смешения двух фонем не манифестируется ни один из функтивов, вступающих в синкретизм. Это один из случаев коалесценции. К этому виду синкретизма следует отнести интервокальные звонкие фрикативные [γ], [ž], [ð], [β], аспирированные фрикативные [γh], [žh], [ðh], [βh] надписей и фрикативные [ð], [ðh] диалектов магадхи и шаурасени, не совпадающие ни с одним из функтивов, вступающих в синкретизм.

2) Когда в результате смешения двух фонем манифестируется один из функтивов, вступающих в синкретизм. Это один из случаев импликации. К этому виду синкретизма следует отнести интервокальные ретрофлексные [ḍ], [ḍh], совпадающие с одним из функтивов, вступающих в синкретизм, и в надписях, и во всех литературных диалектах, кроме пайшачи и чулика-пайшачи.

7. Переходя к рассмотрению этих видов нейтрализации, необходимо напомнить замечание С. Сапорты, что нейтрализация есть не разрешение некоторых проблем, возникающих вследствие неопределенности какого-либо отдельного звукового типа, а только «этикетка для описания» этих проблем [10]. Одной из таких проблем, на которой следует остановиться в связи с интерпретацией средненндийских интервокальных, является истолкование сегментов, выступающих в позиции нейтрализации, с точки зрения дифференциальных признаков (Якобсона).

Если обратиться к исследуемым интервокальным сегментам, то можно заметить, что различие по глухости — звонкости, свойственное смычным в сильной позиции, в интервокальной позиции не представлено. Так как признак глухости отсутствует в связи с отсутствием глухой фонемы, то признак звонкости в этой позиции является избыточным. Таким образом, всякая нейтрализация представляет собой случай избыточности [11].

Но при отождествлении сегментов Якобсон считает возможным не делать различия между отсутствием признака в противоположность его присутствию и отсутствием признака вследствие отсутствия фонемы, со-

---

[8] См. об этом: N. S. Troubetzkoy, Die Aufhebung der phonologischen Gegensätze, TCLP, VI, 1936, стр. 29; Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960, стр. 256—272; A. Martinet, Neutralisation et archiphonème, TCLP, VI, стр. 46—57; его же, Phonology as functional phonetics, London, 1950; B. Trnka, On the combinatory variants and neutralisation of phonemes, «Proceedings of the III International congress of phonetic science», Ghent, 1939, стр. 29; A. W. de Groot, Neutralisation d'oppositions, «Neophilologus», 25. Jg., 1940.

[9] См.: L. Hjelmslev, Note sur les oppositions supprimables, TCLP, VIII, 1939, стр. 55; Л. Ельмслев, Пролегомены к теории языка, сб. «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 343—348.

[10] S. Saporta, [рец. на кн.:] J. Mattoso Câmara, Princípos de linguistica geral, «Language», XXXVI, 1 (pt. 1), 1960, стр. 91—92.

[11] См.: R. Jakobson, C. G. M. Fant, M. Halle, Preliminaries to speech analysis, «Technical report», 13 [of the Acoustics laboratory of the Mass. inst. of technology], May, 1952, 2-nd printing [Cambridge], 1955, стр. 4—8, 45; C. E. Shannon, W. Weaver, The mathematical theory of communication, Urbana, 1949, стр. 25—26; C. E. Bazell, Three conceptions of phonological neutralisation, сб. «For Roman Jakobson», The Hague, 1956.

держащей этот признак (т. е. в случае нейтрализации)[12]. (Под отсутствием признака в последнем случае следует понимать и отсутствие негативного признака.) Такое толкование М. Халле обращает в правило, согласно которому, если в минимальном наборе коммутированных элементов данное различие не представлено, но оно функционирует в другом контексте, то им нельзя пренебречь[13]. Согласно этому утверждению можно применить вопрос: глухость или звонкость? к исследуемым интервокальным сегментам. Но тут возникает и другой вопрос — как отвечать на вопрос: глухость — звонкость?, т. е. с какой из фонем в сильной позиции отождествлять данные сегменты? Халле считает в данном случае критерием физическое сходство[14]. Но такой критерий удобен только в случае импликации.

Выдвигают также критерий простоты морфофонемического описания[15]. Во всяком случае попытка отождествить сегмент в позиции нейтрализации с одной из фонем в сильной позиции делает неизбежным произвольный выбор фонемы. С точки зрения дифференциальных признаков возможен еще один способ интерпретации сегментов в позиции нейтрализации: придать этим сегментам самостоятельную фонемную значимость[16]. Но этот способ удобен только для интерпретации коалесценций.

8. Таким образом, для ослабленных интервокальных сегментов в надписях и в тех литературных диалектах, где они удержались, можно предложить две следующие интерпретации:

1) И в случае импликации, и в случае коалесценции идентифицировать интервокальные сегменты с одной из фонем в сильной позиции, а именно: спиранты с плюсовой избыточностью [γ], [ž], [ð], [β], [γh], [jh], [ðh], [βh] и ретрофлексные [ḍ], [ḍh] отождествить со звонкими смычными фонемами, противопоставленными глухим в сильной позиции, т. е. считать эти спиранты и ретрофлексные смычные имеющими тот же состав дифференциальных признаков, что и звонкие смычные фонемы.

2) Дать различную интерпретацию импликации и коалесценции. Импликацию ретрофлексных [ḍ], [ḍh] отождествить со звонкими ретрофлексными фонемами [ḍ], [ḍh] в сильной позиции. В случае коалесценции придать интервокальным фрикативным самостоятельную фонемную значимость и рассматривать их как фонемы [γ] [ž] и т. д., встречающиеся только в интервокальной позиции и противопоставленные в этой позиции смычным фонемам [ḍ], [ḍh] как непрерывные фонемы прерывным. Признак звонкости, которым фонетически обладают фрикативные, считать в данном случае нерелевантным. Однако такая интерпретация является довольно громоздкой, так как значительно увеличивает фонемный инвентарь.

9. Оптимально фрикативные представлены в эпиграфических памятниках II в. до н. э. — I в. н. э. Литературные среднеиндийские диалекты представляют собой различные стадии процесса постепенного падения интервокальных фрикативных.

10. В диалектах шаурасени и магадхи представлены и коалесценция (интервокальные зубные спиранты [ð], [ðh][17], которые, согласно нашим

---

[12] R. Jakobson, C. G. M. Fant, M. Halle, указ. соч., стр. 45; C. L. Ebeling, Linguistic units, 's-Gravenhage, 1960, стр. 32.

[13] M. Halle, Strategy of phonemics, «Word», X, 2, 1954, стр. 204.

[14] M. Halle, указ. соч., стр. 205.

[15] C. E. Bazell, указ. соч., стр. 28; S. Saporta, указ. соч., стр. 92.

[16] См.: C. E. Bazell, указ. соч., стр. 29.

[17] В магадхи графически представлен интервокальный гуттуральный *g* только в одном слове *hage* «я», которое встречается наряду с формой *hagge*. Поскольку гуттуральный *g* ни в каких других словах не засвидетельствован, то можно предположить,

утверждениям, можно идентифицировать или как самостоятельные фрикативные фонемы: [kaðhiða] или как звонкие смычные: [kadhida]) и импликация ретрофлексных [ḍ], [ḍh].

11. В пракрите ардхамагадхи ослабленные интервокальные смычные в большинстве случаев графически представлены *y*. Встречаются в этой позиции также знаки *g* и *d*, но они крайне редки и являются, по-видимому, свободными вариантами *y*, поскольку в таких парах, как *karaya—karaga* «налог, подать», *oyaṇa—odaṇa* «вареный рис», противопоставления *y—g* и *y—d* не являются смыслоразличительными. Интервокальный *j* совсем не встречается, и слова типа *rāya* «царь», *nīya* «низкий» совсем не имеют свободных вариантов с *j*.

Однако интервокальный ретрофлексный *ḍ* никогда свободно не варьирует с *y*, и в такой минимальной паре, как *kukkuḍa — kukkuya*, различие между *ḍ* и *y* является смыслоразличительным: *kukkuḍa* «петух», *kukkuya* «плохо сделанный».

По-видимому, в интервокальной позиции ардхамагадхи *y* представляет собой спирант, подвергшийся дальнейшему ослаблению. Но поскольку в фонологической системе ардхамагадхи есть исконный *y*, который всегда входит в сочетание *ya*, являющееся аллофоном гласной фонемы [a] в позиции после гласного (ср.: *vaya* «возраст», но instr. sg. *vaena*; *kaya* «тело», но instr. pl. *kaehi*), этот новый слабый спирант *y* также фонологически следует рассматривать в последовательности *ya*, являющейся аллофоном [a]. Таким образом, написание в интервокальной позиции *g* и *d* наряду с *y* является, видимо, не до конца искорененным архаизмом джайнской графики.

Сегмент *ḍ* имеет в ардхамагадхи довольно четкую дистрибуцию. Противопоставление по глухости — звонкости *ṭ — ḍ* осуществляется в сильных позициях, в интервокальной позиции встречается только звонкий *ḍ*. Это обычный случай импликации.

Аналогичную картину мы наблюдаем в манифестации аспирированных. В интервокальной позиции все аспирированные, кроме церебрального, представлены *h*, который имеет очень редко встречающиеся свободные варианты *gh* и *bh*. Следовательно, в интервокальной позиции ардхамагадхи ослабленные аспирированные [γh], [žh], [ðh], [βh] подверглись дальнейшему ослаблению и, утратив свой затворный элемент, совпали с фонемой [h].

Ретрофлексный аспирированный *ḍh* в интервокальной позиции никогда не допускает варианта *h* (*leḍha*, *daḍha*) и является в этой позиции результатом нейтрализации по глухости — звонкости оппозиции [ṭh] — [ḍh]. Интервокальные ретрофлексные ардхамагадхи на фонологическом уровне следует рассматривать как звонкие ретрофлексные фонемы [ḍ], [ḍh].

12. В пракрите махараштри мы наблюдаем полное падение интервокальных фрикативных. В качестве нейтрализации там сохранилась только одна импликация ретрофлексных.

13. Особый интерес представляют интервокальные сегменты пракрита пайшачи[18]. Этот пракрит является свидетельством иного фонетического

что в форме личного местоимения *hage* интервокальный *g* является пережитком более ранней стадии, засвидетельствованной надписями, когда интервокальные гуттуральные озвончались и встречались в интервокальной позиции.

[18] Мы здесь рассматриваем пайшачи, как его описывает грамматика Вараручи, см.: E. B. Cowell, The Prākṛtaprākaśa or the Prakrit grammar of Vararuci, with the commentary of Bhamaha, 2-nd ed., London, 1868.

процесса, происходящего в некоторых среднеиндийских диалектах, процесса оглушения интервокальных смычных.

пайш.	*gakanam*	санскр.	*gaganam*	«небо»
пайш.	*mekho*	санскр.	*meghaḥ*	«облако»
пайш.	*rācā*	санскр.	*rājā*	«царь»

Таким образом, в пайшачи также наблюдается случай нейтрализации. Но интервокальные оглушенные сегменты с точки зрения дифференциальных признаков удобнее отождествлять с глухими согласными в сильной позиции, т. е. считать их фонемами [k], [kh], [c], [ch], [ṭ], [ṭh], [th], [t̪h]. Поскольку никаких свидетельств спирантизации нет, то все нейтрализации, в том числе и ретрофлексные, представляют случай импликации.

14. Таким образом, шаурасени и магадхи, с одной стороны, и ардхамагадхи и махараштри, с другой, представляют собой два последовательных этапа с точки зрения интерпретации интервокальных фрикативных.

В шаурасени и магадхи в результате нейтрализации оппозиции глухость — звонкость в интервокальной позиции различительные возможности становятся более ограниченными по сравнению с некоторыми древне- и среднеиндийскими фонологическими системами (например, классическим санскритом, пали и «ранним пайшачи»). Так, шаурасени *vada* могут соответствовать санскр. *vrata*, *vada*, *pada*, но *vaḍa* соответствуют только *vaṭa*, *vaḍa*.

В ардхамагадхи различительные возможности в интервокальной позиции еще более ограниченны. В качестве нейтрализации там сохраняется только одна импликация церебральных. В случае коалесценции сильно ослабленные фрикативные совпали с *y*, который вместе с последующим *a* после гласных фонем является аллофоном гласной фонемы [a]. Так, ардхамагадхи *vaya* могут соответствовать санскр. *vada*, *pada*, *vrata*, *vraja*, *vacas*, *vayas*, но *vaḍa* соответствуют только *vaṭa*, *vaḍa*. Следовательно, в отношении репрезентации интервокальных смычных ардхамагадхи стоит очень близко к системе «стандартного» пракрита махараштри, где произошло полное падение интервокальных фрикативных и сохраняется только импликация церебральных.

15. Следовательно, пракриты шаурасени и магадхи, ардхамагадхи и махараштри в отношении интервокальных представляют собой две последовательные стадии в истории среднеиндийских языков. Дать более точную датировку этих стадий пока еще затруднительно. При решении этого вопроса большую помощь может оказать фонологическое исследование датированных эпиграфических документов и сравнение их с фонологическими системами литературных пракритов.

№ 1 1964

С. Я. ЛУРЬЕ

К ВОПРОСУ О ГРЕЧЕСКОМ УДАРЕНИИ

I. В вопросе о греческом ударении решающее значение имеет оценка дошедших до нас источников и свидетельств. Это — ударения в дошедших до нас от античности текстах авторов и в словарях (прежде всего у Гесихия [1]), затем дошедшие до нас сочинения и отрывки из сочинений древних грамматиков, из которых наиболее авторитетен Геродиан [2].

По правилам греческой просодии согласный, стоящий в начале слога перед гласным, произносится очень кратко и на долготу слога не влияет; наоборот, согласный, стоящий в конце слога, после гласного (т. е. в закрытом слоге), требует большего времени для своего произнесения и превращает закрытый слог в долгий даже в том случае, если его гласный краток. Если последний слог слова краток и если ударение стоит на предпоследнем долгом слоге, то оно должно быть обязательно облеченным (properispomenon), но ударение может в этом случае стоять и на третьем слоге с конца (properoxytonon); если последний слог долгий, то ударение не может стоять дальше, чем на втором слоге от конца, и в этом случае оно обязательно будет острым (paroxytonon). Если принять долгий слог за две единицы времени (две моры), а краткий — за одну мору, то оба эти правила можно объединить в одно: ударение не может стоять дальше, чем на третьей море от конца.

Однако это правило имеет ряд «исключений». Во-первых, долгота предпоследнего слога во внимание не принимается: в этом случае ударение может стоять на третьем слоге от конца — стало быть, на четвертой море. Это непонятное исключение до сих пор удовлетворительно не объяснено. Во-вторых, стоящий в конце слова закрытый слог, в котором согласный стоит после гласного, а гласный — краткий, обычно в смысле постановки ударения рассматривается не как долгий, а как краткий. Пишут ἄνθρωπος, ἄνθρωπον с ударением на третьем слоге от конца, хотя слоги -πος, -πον — закрытые. В-третьих, даже дифтонг с кратким гласным и призвуком ι в смысле постановки ударения часто рассматривается как краткий: γέφυραι, λύεται, οἶκοι (nom. plur.), но οἴκοι (loc. sing.), λύοι. И, наконец, даже последние слоги слова, кончающиеся двумя согласными — -νς (или тремя, если считать ξ и ψ за два звука — γξ), часто в смысле ударения трактуются как краткие: например, Τίρυνς, μῆνιγξ.

А. Мейе дал этим случаям такое объяснение: «Часто формулируется правило, по которому свобода постановки ударения ограничена долготой, и в самом деле долгота гласных играет при этом некоторую роль. Но долгота слогов (здесь и далее разрядка наша. — *С. Л.*) не имеет к этому никакого отношения. Долгий

[1] Многочисленные эпиграфические и папирусные находки показали неосновательность скептицизма в отношении текста древних авторов и словарей, особенно словаря Гесихия: от большей части предложенных в XIX в. исправлений и «улучшений» античных текстов пришлось отказаться. Сказанное относится в равной мере и к ударениям. В александрийскую эпоху разница между острым и облеченным ударением еще ясно ощущалась в языке, и она была выражена в текстах, изданных Аристархом; позднейшие переписчики этой разницы не ощущали, но высшим авторитетом для них были Аристарх и его современники. (См. K. Lehrs, De Aristarchi studiis Homericis, Königsberg, 1933, стр. 258.) Поэтому нет основания сомневаться в правильности сохраненной ими акцентуации. Моя аргументация этого положения, к сожалению, оказалась слишком подробной для журнальной статьи.

[2] Справедливую оценку этих источников с точки зрения их достоверности дал И. М. Тронский в своей книге «Древнегреческое ударение» (М.— Л., 1962, стр. 18—23); можно только сожалеть, что он забывает об этой оценке, когда переходит к конкретным фактам, сплошь и рядом отвергая по априорным соображениям ударения, переданные античной традицией. Пользуюсь случаем выразить сердечную благодарность проф. И. М. Тронскому за присылку его книги и рукописи еще ненапечатанной статьи, оказавших мне большую помощь в написании настоящей работы.

по положению слог рассматривается как краткий слог. И даже дифтонг... как, например, -οι им. падежа мн. числа, рассматривается как краткий гласный; им. падеж мн. числа οἶκοι противопоставляется древнему местн. падежу οἴκοι... конечный слог, гласный которого либо долог по природе, либо является дифтонгом, ...считается с точки зрения постановки ударения за два слога; этот принцип недействителен для предпоследнего слога» [3]. Эта теория Мейе усвоена и И. М. Тронским в указанной книге.

Э. Герман, считаясь с возможностью такого объяснения, отверг его как не объясняющее всех фактов [4]. И действительно, в целом ряде случаев последний слог, оканчивающийся на -ξ, -ψ и имеющий краткий гласный, рассматривается не как краткий, а как долгий слог,— иными словами, слово получает не облеченное, а острое ударение на предпоследнем слоге; см., например, у Гесихия: ἀμφώτιξ, ἀμφώνυξ, ἀφήλιξ, βῶλαξ, διώρυξ, θύλαξ, καταίφλεξ, κολοίφρυξ, λυροφοίνιξ, μήριξ, μόσταξ, μώλυξ, νωρωψ, ροίαξ, σκόλωψ, φώτιγξ (где, однако, еще большее число слов этого типа снабжено облеченным ударением!); πῆλυξ (Hes. и Phot.), πήλαξ (Et. M.). Швицер справедливо замечает по этому поводу: «... судя по βούκλεψ, -ξ и -ψ требуют парокситонирования даже при кратком гласном, хотя этому противоречат написания αὔλαξ λαῖλαψ» [5].

Далее, как отметили уже Ф. Хансен в 1883 г. и Б. Уилер в 1885 г. [6], несмотря на краткость гласного в последнем слоге, ни одно из слов, оканчивающихся на -ξ или -ψ, не бывает пропарокситонным, хотя в других случаях все составные слова, у которых первая часть δι-(= διά), δι-(= δίς «дважды»), κατ-, ἐπ-, ἐρι-, φιλ-, ταυ-, εὐ-, ἀνα-, ξι-, πολυ-, а последний слог краткий, как правило, являются пропарокситонными; слова же этого типа, кончающиеся на -ψ, -ξ, никогда не бывают пропарокситонными (εὐάμπυξ, εὐόνυξ, εὐσκάνδιξ, εὐφόρμιγξ, ἀναξιφόρμιγξ, πολυάνθραξ, πολυσκόλαξ, πολυπίδαξ, πολυαῖξ, διώρυξ, ἔπῆλυξ, ἐπίτεξ, ἐριβῶλαξ, καταῖτυξ, κατῆλιψ, φιλάρπαξ, ταυοπτέρυξ), т. е. ведут себя так, как если бы принималась во внимание долгота последнего слога, а не его гласного.

И. М. Тронский согласен с тем, что «в действительности пропарокситонных слов на -ξ нет», но, заявляет он, «принцип языковой системы никогда не исключает „пустых клеток" в языке». Однако мы вправе строить объяснение, оставляющее ряд случаев без внимания, только при отсутствии лучшего объяснения, под которое могут быть подведены все случаи. В данном случае такое объяснение существует.

Еще один факт. Ряд слов пишется то с острым, то с облеченным ударением — следовательно, в этих словах последний слог считается то долгим, то кратким: δῖξ и δίξ (πολυαῖξ), αὖλαξ и αὔλαξ, βῶμαξ и βώμαξ, βοῦκλεψ и βούκλεψ, δοῖδυξ и δοίδυξ [7], εἶλιξ и εἴλιξ, καταῖτυξ (Hes. и Ph. X. 258) и καταίτυξ (Phot.), κῆϋξ и κῆυξ, κλῖμαξ и κλίμαξ [8], κῆρυξ и κήρυξ [9], μῶδυξ и μώδυξ, οἶνοψ и οἴνωψ, σῆραγξ и σήραγξ, φῦσιγξ и φύσιγξ, φοῖνιξ и φοίνιξ [10], χαῦναξ и χαύναξ, Τῖρυνς и Τίρυνς, σῦριγξ и σῦριγξ и т. д.

Конечно, можно то или иное из этих свидетельств признать неубедительным; возможно, придется некоторые слова исключить из этого списка. Но не это существенно: несомненно, имелись два способа написания таких слов — с облеченным и с острым ударением. Неприемлемо заключение И. М. Тронского, будто византийские грамматики, уже не различавшие в произношении циркумфлексной интонации от акутной, сами расставляли ударения, руководясь теми или иными выдуманными или неправильно понятыми ими правилами. При этом И. М. Тронский противоречит собственному утверждению о «прочной», «древней и непрерывной традиции» и о «доброкачественности данных, сообщаемых грамматиками» [11]. Как доказал Лерс, Аристарх (для которого циркумфлекс и акут еще были фактами живого языка) дал текст Гомера с непрерывной полной акцентуацией. Там несомненно содержались и слова типа βούκλεψ; то же явление имело место и в изданиях текста, сделанных его современниками. Имеющийся разнобой в акцентуации этих слов грамматики-эпигоны позднеримского и византийского времени пытались так или иначе объяснить, но самые факты они брали, как

---

[3] A. Meillet, La place de l'accent en latin, «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», XX, 4, 1918, стр. 169.

[4] E. Hermann, Silbenbildung im Griechischen und in den anderen indogermanischen Sprachen, KZ, Ergänzungsheft 2, 1923, стр. 87.

[5] Ed. Schwyzer, Griechische Grammatik, 1, München, 1934, стр. 391.

[6] F. Hanssen. Über den griechischen Wortictus, «Rheinisches Museum für Philologie», 37, 1882, стр. 253, 259; B. I. Wheeler, Der griechische Nominalaccent, Strassburg, 1885, стр. 128 (в качестве примера он приводит слово Καππάδοξ).

[7] Примеры заимствованы из различных рукописей Aristoph. Eq. 984.

[8] Κλῖμαξ с острым ударением читается у Шантрена (P. Chantraine, La formation des noms en grec ancien, Paris, 1933, стр. 379); источник при этом не указан.

[9] Примеры приводятся по различным рукописям Софокла, O. R. 753 и Herodot. IV. 128.

[10] См. Sophocl. Philoctet. 562 и 565.

[11] И. М. Тронский, указ. соч., стр. 22.

указывает, впрочем, и сам И. М. Тронский, в огромном большинстве случаев из хороших источников. Поэтому противоречащими кажутся и замечания о том, что «это все, конечно, измышления византийских грамматиков», что писцы при постановке ударений «вероятно, руководствовались какими-то «общими правилами» [12].

Есть еще один факт, противоречащий теории Мейе. Уже Геродиан [13] отметил особенность слов properispomena, кончающихся на -ξ, -ψ: по общему правилу, если после слова properispomenon следует энклитика, то такое слово, кроме облеченного, получает еще острое ударение на последнем слоге: οἶκός ἐστι, μῶροί εἰσιν. Но слова на -ξ, -ψ properispomena второго, острого ударения иметь не могут: φοῖνιξ ἐστί, κῆρυξ ἐστί. Таким образом, ударение не переходит с энклитики, а ведет себя так, как если бы имела значение не долгота гласного, а долгота последнего слога [14], т. е. как если бы на первом слоге стояло не облеченное, а острое ударение.

Итак, Хансен и Герман были правы: правило, по которому при постановке ударения принималась бы во внимание долгота последнего гласного, а не последнего слога, не только a priori невероятно и противоречит всем принципам античной просодии, основанной на долготе слогов,— противоречит оно также значительной части засвидетельствованных примеров: ведь Дионисий Галикарнасский (Περὶ συνθέσεως ὀνομάτ., 15) подчеркивал, что одни и те же правила просодии относятся и к прозе (ψιλοὶ λόγοι), *и к поэзии*, где, *как это всем известно, учитывается только долгота последнего слога*, а не гласного. Но, разумеется, недостаточно просто констатировать этот факт: необходимо попытаться его объяснить.

II. Уже Э. Герман объяснил все эти факты тем, что *-s* в конце слова произносилось очень слабо; по мнению этого ученого, оно требовало для произнесения столько времени, сколько *s-* в начале слога (например, κεῖ-σο, где слог -σο̃ остается кратким, так как *s-* занимает здесь для произнесения не столько времени, сколько требовало *-s* в конце слога; ср., например, ὅστις, где слог ὅσ- становится долгим) [15]. Он замечает, что *-n* и тем более *-s* в конце слова требовали значительно меньше моры времени для произнесения (untermorig). То же относится и к «звуку -ι дифтонга, стоящего в конце слова,— краткого» [16], а тем более долгого. Такое же наблюдение делает и Лежен[17].

Действительно, *в микенских надписях -s* в конце слова никогда не пишется. Это можно было бы считать простой орфографической условностью силлабического письма, если бы эта особенность написания не подтверждалась кипрскими надписями, начертанными на диалекте, близком к микенскому, также силлабическим письмом. Но для нас важно здесь то, что по правилам кипрской орфографии *-s* в конце слова всегда пишется, будучи обозначено знаком «se» (𐠷) [18]; поэтому опущение на письме *-s*, особенно частое в найденных в самое последнее время надписях наиболее

[12] И. М. Тронский, указ. ркп., стр. 177, примеч. 2.

[13] «Herodiani Technici reliqiae», ed. A. Lenz, I, Lipsiae, 1867, стр. 553.

[14] [Herodianus], в том же месте: δεῖ *προσθεῖναι*, εἰ μὴ ἔχοι τὴν τελευταίαν συλλαβὴν ὁ τροχαῖος θέσει μακράν, ὡς ἔχει τὸ φοῖνιξ ἐστί, κῆρυξ ἐστί. Уилер (B. I. Wheeler, указ. соч., стр. 128) называет этот факт «mysteriöse Erscheinung». Ср. Ed. Schwyzer, указ. соч., стр. 391. И. М. Тронский, чтобы привести эти факты в согласие со своей теорией, во-первых, предполагает, не приводя надлежащей аргументации, что перед группой конечных согласных краткий гласный был сверхкратким и что такой сверхкраткий мог не принимать на себя ударения от энклитики. Во-вторых, И. М. Тронский допускает, что в словах на ξ между *k* и *s* слышался беглый, анаптиктический звук, а такой звук почему-то не мог принять на себя ударения от энклитики. Не говоря уже о произвольности этого предположения, оно отпадает уже потому, что, как будет показано ниже (стр. 122 и сл.), ξ и ψ не были здесь простым соединением κ + σ и π + σ, а были особыми монофтоническими сибилянтами, которые нельзя было механически разбить на два звука. В своей статье в «Glotta» (40, 1962, стр. 161) я показываю невозможность предложенного Тронским толкования микенского слова *wanaka*, привлекаемого им в подтверждение своей теории.

[15] В этом случае звук ς становится настолько долгим, что сплошь и рядом пишется не как -σ-, а как -σσ-. Так, в кн. K. Meisterhans, Grammatik der attischen Inschriften, 3. vermehrte und verbesserte Aufl., besorgt von Ed. Schwyzer, Berlin, 1900, стр. 89—91 приводится 41 случай такого написания в Афинах; в кн. G. Meyer, Griechische Grammatik, Leipzig, 1896, стр. 304—305, § 227 приводятся такие же написания по источникам, происходящим из других областей: из Беотии — 14, из Фессалии — 19, из малоазийской Ионии — 12, из Лаконии — 6, из Аркадии — 5, из других областей —12. См. также: B. Snell, Griechische Metrik, 2. Aufl., Göttingen, 1962, стр. 56.

[16] E. Hermann, указ. соч., стр. 84, § 115: «Ebenso war auslautendes *-i* eines... Kurzdiphthongs kurz... untermorig».

[17] M. Lejeune, Traité de phonétique grecque, Paris, 1947, стр. 242.

[18] См. об этом, например, A. Thumb, Handbuch der griechischen Dialekte, 2. Tl., 2. erweiterte Aufl. von A. Scherer, Heidelberg, 1959, стр. 163.

древнего письма из Пафоса на Кипре, можно объяснить только живым произношением, в котором *-s* в этом случае отсутствовало.

Чаще всего *-s* не пишется перед начальным гласным следующего слова, но нередко он опускается и перед согласным и в абсолютном исходе [19]. Ниже приводятся случаи опущения *-s*:

1. Перед гласным следующего слова: 420[20] Ἐχέδαμο(ς) ὁ; 217 (идалийская бронза) κά(ς) ἀντί, τᾶ(ς) ὑχέρων (но τὰς εὐχόλᾶς, κάς ἀ πτόλις — с с); 84 ὁ λᾱο(ς) ὄδε; 10 (= S. L. K.) ὁ χά(λ)κευ(ς) Fo (=ὁ) τᾶς Fανά(σσας) (переходный вставной звук F перед ὁ показывает, что *s* почти не произносилось), Ὀνασίωρο(ς); A... 86 Ἀριστόφα(ν)το(ς) ὁ...; 177 Διευ(ς) ἄ...; (и ряд случаев κά(ς) и τᾶ[ς] перед гласным в еще неопубликованных надписях); 15a [Ἐσ]λότιμο(ς) ὁ..., 15b Ὀνάσα(ν)το(ς) ἔμι, 15c Θεμιστόνα(κ)το(ς) νις; 11c Ὀνασίφα(ν)(το)(ς) ὁ...; M. Ts. 40, № 1 с исправлением в кн. Thumb—Scherer (указ. соч., стр. 144, примеч. 1) κά(ς) οἰκο...; M. Stud. 28 Στεσία(ς) Ἀ...; M. Stud. 17—18, № 8: Εὐάλφιρο(ς) ὁ...; M. Stud. 35, № с 20 Ὀνάσα(ν)το (ς) ἀ..., M. Stud. 13, № 6 ὁ μορFοργό (ς) Ἐ.; M. Stud. 28 [Με]γάνοFο(ς) ὁ...: M. K. 101 τᾶ (ς) ἐπὶ..., κά(ς) αἶλα.

2. Перед согласным следующего слова: 264,1 κά(ς) πῶθι, Fέπο(ς) μέγα; 261 κά(ς) μὲν; τᾶ(ς) Fανάσ(σ)ας; 266, 1 Διαίθεμι(ς) τῶι...; 30,2 [Τι]μυκρέτεο(ς) τῶ..., 88,1—2, Τιμοκρέτεο(ς) γυνά. Ср. Thumb — Scherer, указ. соч., 149: ὁμᾶ(ς), δέμονε(ς), τῆ (ς) ῥησιχθένης (поздняя эпоха).

3. В абсолютном исходе: 30,2 ΠιχρεFο(ς); M. Stud. 13 Ἐ(μ)φόλότιμο(ς)(?); 15d ΣτασιFάνα(κ)το(ς), ΚυπροθέμιFο(ς), Ὀνασικρέτεο(ς); M. Stud. 20, № 13 Ἀλέγο(ν)το(ς).

В этот далеко не полный список вошли 33 случая опущения конечного *-s*: в 20 случаях перед гласным, в 7 — перед согласным и в 6 — в абсолютном исходе. Учитывая, что вообще до нас дошло всего около 300 кипрских силлабических надписей, можно думать, что после того, как будут обнаружены новые надписи, число случаев ненаписания конечного *-s* окажется немногим меньше числа случаев, когда *-s* пишется [21]. Поэтому Митфорд приходит к справедливому выводу: «Утраченная сигма была, несомненно, представлена в произношении придыхательным звуком. На идалийской бронзе... сигма сохранена. Но так как это официальный документ, то он более считается с этимологией, чем с произношением... (другие же надписи представляют. — *С. Л.*) живой диалект в его почти не испорченном (almost incorrupted) виде»... (MK 101).

В городах позднейшей материковой Греции с установившейся фонетической и орфографической школьной традицией такие написания, разумеется, встречаются реже, но число их, тем не менее, весьма значительно. Чаще всего опущение *-s* наблюдается в надписях неофициального характера, например в так называемых граффити на сосудах [22]. Я довольствуюсь здесь только наиболее достоверным материалом, приведенным в выборке у Мейера:

1. Опущение *-s* в надписях, начертанных на ионийско-аттическом диалекте: а) на Фасосе: Πολάδη(ς), ἀστυνομοῦ(ν)το(ς); б) на Кикладах: Ἀνδρογένευ(ς), Ἀριστοκλεῦ(ς), Ἀριστοτέλευ(ς), Δαμοτέλευ(ς), Διοκλεῦ(ς), Εὐκράτευ(ς), Μενεκράτευ(ς), Ξενοκλεῦ(ς), Τιμοξένευ(ς) (наряду с полными написаниями на *-εος*!), Ὀνητορίδη(ς), Ὀρθαγόρα(ς), Τιμαγόρα(ς), Στησαγόρα(ς), Ὀλυτ(τ)εύ(ς).

2. Опущение *-s* в источниках, происходящих из Беотии. Перед гласным следующего слова: Βουκάττει(ς), Μνασίλλει(ς), Ξέννει(ς), Ἀθανάκκει(ς). Перед согласными

---

[19] См. O. Hoffmann, Die griechischen Dialekte, I, Göttingen, 1891, стр. 204.

[20] Цифры без названия собрания надписей указывают на номера нового полного собрания: O. Masson, Les inscriptions chypriotes syllabiques, Paris, 1961. Далее используются следующие сокращения: S. L. K. — S. Luria, Kypro-mykenisches kakeu, «Kadmos», II, 1963, стр. 68—71; H — O. Hoffmann, указ. соч.; Del. [3]—Ed. Schwyzer, Dialectorum graecarum exempla epigraphica potiora, Lipsiae, 1923; M. Stud. — T. B. Mitford, Studies in the signaries of south-western Cyprus, «Bull. of Inst. of Class. studies of the London university», Suppl. № 10, 1961; M. K. — его же, Kafizin and the Cypriot syllabary, «Classical Quarterly», 44, 5, 1958, стр. 58 и сл. Буквы, взятые в круглые скобки, в надписях отсутствуют и никогда не читались.

[21] См. об этом: T. B. Mitford, Cypriot syllabic studies and their bearing on the decipherment of the linear B script, «Atti del III Congresso internazionale di epigrafia greca e latina (Roma 4—8 settembre 1957)», Roma, 1959, стр. 93.

[22] См., например, эти надписи в книгах: P. Kretschmer, Die griechischen Vaseninschriften, ihre Sprache nach untersucht, Gütersloh, 1894; G. Meyer, указ. соч., стр. 396—397. Уже Велькер («Rheinisches Museum für Philologie», 1833, стр. 319) замечал по этому поводу: «litterae *s* in fine nominum omissae exempla sunt innumera».

следующего слова: Φίλλει(ς), Γαστιόλλει(ς), Εἰρωίλλει(ς), Ἀκόλλει(ς), Πτωΐλλει(ς), Μέννει(ς) (ει в беотийском написании соответствует аттическому η).

В надписях южноахейского диалекта опущение конечного -ς засвидетельствовано для Аркадии (Мантинея, Del.[3] 661): τοῖς Φοικιάται(ς) τὰς... и κά(ς) Φοικίας (наряду с написанием κάς в той же надписи); для Памфилии (надпись 56,4 у Ланцкоронского): εἰαρό(ς) ἔγενμα(ν) = аттич. ἱερὸς ἐγενόμην.

В надписях дорийского и западногреческого диалектов опущение конечного -*s* можно наблюдать только в бывших центрах микенской культуры, где в языке сохранились следы микенского субстрата (так, в Спарте бог Посейдон называется не Ποτειδάν, как в других дорийских диалектах, а Ποhοιδάν, где $h < s$; в свою очередь, $s < t$ характерно не для дорийских, а для микенского и других южноахейских диалектов). В надписи Del.[3] 1 читается Διὸ(ς) hικέτα Διὸ(ς) λευθερίῑ[23] с пропущенным *s*. В Элее (Del.[3] 414) читается κατ το(ῖς)[24] Μεταπίο(ι)ς.

В тех дорийских и западногреческих диалектах, в которых отсутствует ахейский субстрат, опущение -*s* не наблюдается, и это понятно. Слабое произношение -*s* было характерно для негреческого населения Малой Азии и, по-видимому, для догреческого населения материка; это отразилось на говоре первых групп греческих поселенцев[25]. Дорийцы же не подверглись влиянию догреческого населения и сохранили четкое произношение -*s*. Вот почему носители ионийского диалекта в областях, не подвергшихся нашествию дорийцев, сохранили слабое произношение -*s*.

Как раз так же обстоит дело и со слогами -αι, -οι в конце слова. Конечно, -ι было очень слабым и в долгих дифтонгах ᾱι, ωι, но это не могло привести к краткости слога, так как ᾱ или ω были сами по себе долгими. Но от прибавления сверхкраткого ι (untermorig) к краткому *a* или *o* получался слог, средний между долгим и кратким. В самом деле, в микенских надписях -*i* как вторая часть дифтонга αι или οι обычно опускается, но в ряде случаев все же пишется, так что здесь речь не может идти об орфографическом правиле. Пишут *anata* и *anaita*, *kotona* и *kotoina*, *apiqota* и *apiqoita*, *kutato* и *kutaito*, *kono* и *koino*[26].

В кипрских надписях опущение *i* в дифтонгах *-ai* и *-oi* весьма обычно, хотя, как правило, *i* в этих случаях пишется. К сожалению, неизвестно, идет ли речь о долгом или о кратком дифтонге, так как в кипрском письме нет особых знаков для долгих гласных, и поэтому мы не знаем, имеем ли мы дело с окончаниями локатива -οι, -αι (как в аркадском) или с окончаниями датива -ωι, -ᾱι. Здесь мы читаем (№№ приводятся по собранию Гофмана): το Ἀπολδνι (128.134.149.150$_3$.163$_{2.9}$), τα Ἀθάνα (68$_3$), αὐ τύχα (=σὺν τύχαι, 128$_4$), ὐ τύχα (=σὺν или ὐ, т. е. ἐπὶ, τύχαι, 149), εὐχόλα ι τύχαι (=εὐχωλᾶι ἰν τύχαι, 142), το Ἀμφιδεξιοι (=τοι Ἀμφιδεξιοι, 137,2), το Ὀνασι Foικο (=τοι Ὀνασι Foικω, 106,2), το Γλάτα (=τοι Γλάται 94, 25), το θιό (=τοι θιοι, 143,2), το Μαγιρίῑ (=τοι Μαγίριοι, 128$_3$, 129), τα ματρί (=ταῖ ματρί, M. Stud. № 4).

То же явление наблюдается в аркадской надписи Del.[3] 725: χοὺς τῆ(ι) ἱερῆι, в элейских надписях на территории бывшего Пилосского государства микенского времени: ἀ Fράτρα τοῖ(ς) χαλαδρίο(ι)ρ (Del.[3] 415), ἀ Fράτρα το(ῖ)ς Ἀναίτο(ι)[ς] κάι τὸ(ις) Μεταπίο(ι)ς (Del.[3] 414); в малоазийском ионийском Кизике VI в. до н. э.: πόλις Μανῆ(ι) ἔδωκεν[27], в эолийском Кебрене: Σθενείαι ἔμμι τὸ(ι) Νικιάῑοι[28], в ионийском Навкратисе VI в. до н. э. τῆ(ι) Ἀφροδίτηι[29], в ионийской надписи V в. до н. э. αὐτῆ(ι) ἐπέστησεν[30]. Вряд ли можно объяснить простой случайностью тот факт, что ни одного такого примера в сфере дорийского и западногреческого диалектов не найдено.

И в этом случае, следовательно, слоги -αι, -οι не потому считались краткими, что принимался во внимание только первый гласный дифтонга, а потому что -ι

---

[23] Это как раз древнейшая форма слова ἐλευθέριος, и предполагать здесь кразис нет нужды. См. *reutera* в микенской надписи PNa 425; ср. лат. *liber*, русск. *люд* (ἐ- в ἐλεύθερος — протетический гласный). Любопытно, что цаконский диалект нашего времени, сохранивший ряд архаических черт (в отличие от других диалектов, далеко отошедших от античной идиомы), утратил конечный -*s*; здесь, например, θεό вместо θεός (см. R. Gauthiot, La fin de mot en indoeuropéen, Paris, 1913, стр. 215).

[24] У Швицера ошибочно τό[ς] вместо τό(ς). Как видно из изображения в кн.: H. Roehl, Imagines inscriptionum graecarum antiquissimarum, Berlin, 1907, стр. 116, примеч. 29, № 14 — для -ς в надписи нет места.

[25] См. С. Я. Лурье, Язык и культура микенской Греции, М.—Л., 1957, стр. 106—181.

[26] См., например, W. Merlingen, Konzept einiger Linear B Indices, II — Index alphabeticus, Wien, 1959.

[27] H. Roehl, указ. соч., стр. 20, № 6.

[28] Там же, стр. 35, № 4.

[29] Там же, стр. 31, № 51.

[30] Ed. Schwyzer, указ. соч., I, стр. 201.

было сверхкратким. Правда, слог -οι в оптативе и в слове οἶκοι считался долгим, но, как, по-видимому, правильно предположил Хансен [31], здесь перед нами рудимент: οἶκοι было прежде трехсложным οἴκοϊ, а на третьем слоге с конца могло быть только острое ударение. С этим можно сопоставить тот факт, что в микенских надписях в им. падеже мн. числа -οι пишется как -*o*, а в дат. падеже мн. числа как -*oi*: в последнем случае -*oi* произошло из -οισι и поэтому читалось -οϊ. Может быть, так же обстояло дело и с -οι в оптативе.

III. Таково же положение вещей для звуков группы ἡμίφωνα («полугласных», по античной терминологии), которые одни только и могут стоять в конце слов. Дионисий Галикарнасский относит к этой категории 8 звуков: λ, μ, ν, ρ, σ, ζ, ξ, ψ (сюда надо было бы еще причислить ι, которое также является в неслоговой функции сонантом).

Сонант ν сплошь и рядом (в микенском, кипрском, памфилийском и аттическом диалектах) не писался в конце слова [32]; в одном случае он перед гласным следующего слова в одном и том же слове то пишется, то не пишется (в микенских надписях PY An 18 — 2 раза и один раз в PY An 852: *tekotonape* — τέκτων ἀπῆς; не пишется в PY An 5, где употреблено 5 раз *tekoto ape*), — следовательно, последний слог слова τέκτων толкуется то как закрытый, то как открытый; не случайно, что с такой же трактовкой мы встречаемся у Дионисия Галикарнасского.

В сочинении «Περὶ συνθέσεως ὀνομάτων» Дионисий Галикарнасский указывает, что краткие слоги в действительности имеют различную длительность [33]. Все приводимые им примеры удлинения кратких слогов относятся к случаям, когда несколько согласных стоит в н а ч а л е слога; такая συλλαβὴ «μακρότερα γενήσεται τῆς βραχυτάτης», но, тем не менее, остается краткой; но лишь долгий слог всегда считается за 2 моры, а краткий — за одну. Дионисий Галикарнасский подчеркивает, что нельзя противопоставлять стиховую просодию просодии прозаической речи. При этом он ничего не говорил о согласном, стоящем после гласного в конце слога; наоборот, он утверждал, что слог, кончающийся на ἡμίφωνον или на согласный,— долог. Однако из приводимых им конкретных примеров [34] явствует, что это утверждение не носит категорического характера: в словах τόν, καλόν, εὔνοιαν, σφίσιν, и τοῦτον [35], где ν стоит п е р е д г л а с н ы м, он считает закрытые слоги д о л г и м и, но прибавляет, что их можно, е с л и у г о д н о, считать и краткими [36]. Как можно видеть, по мнению Дионисия или, вернее, его источника, все дело в том, будем ли мы считать ν закрывающим слог, т. е. будем ли мы считать слог с ἡμίφωνον в конце долгим или кратким; очевидно, и то и другое допустимо, так как этот слог был средним между долгим и кратким [37].

На то, что свистящий близок к сонантам, ученые (не привлекавшие к изучению свидетельства Дионисия) уже давно обратили внимание. В этом убеждали такие факты, как: 1) свистящий, как и сонанты, может стать слогообразующим (например, лат. *st!*, нем. *pst!*); 2) и *s* и *r* в санскрите в конце слова переходят в слабый звук *h* и т. д. Очевидно, ἡμίφωνα, которыми только и может кончаться греческое слово, произносились в этом положении слабо, что в сущности и выражено словами εἰ δὲ βούλεταί τις у Дионисия. Отсюда и два типа ударений — κῆρυξ и κῆρυξ, отсюда κῆρυξ ἐστί вместо κῆρύξ ἐστι и εὐάμπυξ вместо εὐάμπυξ. О том, что постановка ударения зависела не от долготы слога, а от долготы конечного гласного, ни в одном источнике нет речи; речь идет только о долготе слога (φύσει или θέσει) [38].

IV. Если рассматривать ξ как простое соединение κ + σ, ψ — как π + σ, ζ — как σ + δ, то, действительно, будет непонятно, как слоги -αξ, -ιξ и т. д. можно считать краткими, и придется удовольствоваться теорией Мейе о зависимости ударения только от гласного последнего слога. Во времена Дионисия ξ, ψ и ζ, может быть,

---

[31] F. Hanssen, указ. соч., стр. 257.

[32] G. Meyer, указ. соч., стр. 398; С. Я. Лурье, Основы исторической фонетики греческого языка с учетом языка микенских надписей, Львов, 1961, стр. 49—50; S. Luria, «Klio», 1958, 1, стр. 13—14.

[33] XV, p. 57, ed. Usener — Radermacher.

[34] XVIII, p. 78, ed. Usener—Radermacher; ср. И. М. Тронский, указ. соч., стр. 119.

[35] Здесь читается τουτονί, но, как правильно замечает Тронский, Дионисий, очевидно, рассматривает ί как отдельное слово.

[36] Так же, как разбираемый им здесь краткий гласный перед muta cum liquida.

[37] См. в словаре Liddel.—Scott.—Jones, s. v. συλλαβή· «κοινὴ συλλαβή — common syllable capable of being long or short. Dion. Thrax, 633,17. Hephaest. 14». Ср. также: B. Snell, указ. соч., стр. 55.

[38] Замечание Георгия Херобоска, которому придает такое значение Тронский, не может быть противопоставляемо свидетельству Геродиана, так как оно в последнем счете служит лишь комментарием (схолией) к его сочинению.

и произносились как κ + σ, π + σ, δ + σ, но иначе дело обстояло, когда писались те грамматические труды, которые Дионисий эксцерпировал. У Аристотеля (Metaph. 993a 4) читаем о звуке ζ: οἱ δέ τινες ἕτερον φθόγγον φασὶν εἶναι καὶ οὐθένα τῶν γνωρίμων, «другие говорят, что ζ — иной звук (т. е. не σ + δ), не совпадающий ни с одним из известных нам звуков»; очевидно, автор, на которого ссылается Аристотель, видел в этом ἡμίφωνον («полугласном») один простой звук, а не соединение двух звуков. Тот же взгляд заимствовал Дионисий Галикарнасский из своего источника — быть может, Аристоксена: ἡμίφωνα δι᾽ ἓπλᾶ (т. е. ζ, ξ, ψ) происходят каждый из двух звуков, которые, однако, уничтожили друг друга и стали [одним] своеобразным звуком (συνεφθαρμένων ἀλλήλοις καὶ ἰδίαν φωνὴν λαμβανόντων) (указ. соч., XV, стр. 57 U.-R.). Можно принимать или не принимать мою реконструкцию характера этих звуков[39], — для нашей проблемы это не имеет никакого значения. Во всяком случае, это сибилянты-монофтонги, каких было много в древних индоевропейских языках. К этому же выводу относительно интересующего нас конечного ξ пришли в настоящее время крупнейшие французские лингвисты — Лежен[40] и Массон[41]. Они обратили внимание на то, что в кипрских силлабических надписях ξ в начале и середине слова обозначается при помощи $k + s$, а в конце слова — при помощи особого знака, который они считают глухим свистящим монофтонгом и транскрибируют как s_2. Поэтому попытка И. М. Тронского допустить существование сверхкраткого гласного (ъ, ь, ə) между этими звуками неприемлема[42]. Неубедительно и то, что говорит И. М. Тронский о «конечном щелевом» и «предшествующем ему смычном», о «нахлаге» и т. д.; в действительности, здесь с древнейших времен до примерно IV в. до н. э. слышался о д и н свистящий звук. Свистящие же в греческом языке, как и в других индоевропейских языках, могли подвергнуться ослаблению, а поэтому длительность последнего слога претерпела сильное сокращение. Однако же известную (небольшую) долготу эти краткие звуки имели, и конечный слог становился чем-то средним между долгим и коротким. Поэтому-то трактовка слов, кончающихся на -ξ, -ψ с предыдущим кратким гласным, колеблется: в одних случаях последний слог рассматривается как долгий, в других — как краткий.

Еще более значительному ослаблению подвергся, как мы видели *n* в конце слова; поэтому и окончания -γξ было сплошь и рядом недостаточно для того, чтобы слог стал долгим.

Решающую роль в длительности этого последнего слога могли сыграть окружение, интонация и индивидуальные особенности говорящего.

---

[39] См. С. Я. Лурье, О некоторых слитных согласных в старославянском и древнегреческом языках, «Питання слов'янського мовознавства», кн. 5, Львов, 1958.

[40] Ср. M. Lejeune, Observations sur le cypriote, BSLP, L, 1, 1954, стр. 68 и сл.

[41] Ср. O. Masson, указ. соч., стр. 56.

[42] И. М. Тронский, указ. ркп.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1964

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В. М. КАЛИНИН

О СТАТИСТИКЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА

Исследование статистических закономерностей, которым подчиняется лексика письменной и устной речи, является одним из основных путей, по которым в языкознание проникают точные методы. В настоящее время применение теории вероятностей в этой области основывается на двух допущениях:

1. Каждое слово имеет априорную вероятность употребления, не зависящую от места слова в тексте и от соседних слов. Под словом можно понимать словарную единицу или словоформу. Слова можно расположить по порядку убывания априорных вероятностей p_i. Номер слова i в этом ряду будем называть его рангом.

Это допущение позволяет рассматривать текст как реализацию стационарного дискретного случайного процесса, как последовательность независимых испытаний, причем результатом каждого очередного испытания является слово текста. Пусть $P(i, m, N)$ — вероятность того, что i-слово будет повторено m раз в тексте, состоящем из N слов. Тогда справедливо биноминальное распределение

$$P(i, m, N) = C_N^m p_i^m (1 - p_i)^{N-m}.$$

Вероятности p_i малы, поэтому с хорошей степенью точности можно заменить биноминальное распределение распределением Пуассона

$$P(i, m, N) = \frac{(Np_i)^m}{m!} e^{-Np_i}.$$

2. Второе основное предположение рассматривает речь как канал связи: слова — это символы кода, переносящие информацию. Предполагается, что речевой канал работает в определенном смысле оптимально, а именно: его пропускная способность полностью используется. Математическая формулировка этой гипотезы приводит к закону Мандельброта [1], которому должны подчиняться априорные вероятности:

$$p_i = \frac{K}{(B + i)^\gamma},$$

где K, B и γ — константы. До Мандельброта Ципфом [2] был установлен эмпирический закон

$$p_i = \frac{K}{i},$$

являющийся частным случаем закона Мандельброта. Однако из рассуждений Мандельброта не следует, что $\gamma \approx 1$. Таким образом, закон Ципфа полностью в закон Мандельброта не включается. Обычно считается, что $\gamma \geqslant 1$. Данные Е. А. Чернядьевой, работающей над русским частотным словарем электроники, показали, что γ может быть заметно меньше единицы, если единицей счета взять словоформу.

Смысл второго допущения сводится к тому простому факту, что чем чаще слово употребляется, тем более короткую кодовую запись выгодно ему дать. Точный вывод показывает, что длина кодового обозначения слова должна быть пропорциональна логарифму его вероятности, т. е. линейно зависеть от логарифма его ранга. Эта зависимость в среднем хорошо выполняется даже для письменных записей слова, отличаю-

[1] Л. Бриллюэн, Наука и теория информации, М., 1960.

[2] G. K. Zipf, Human behavior and the principle of least effort, Cambridge (Mass.), 1949.

щихся консервативностью и верностью традициям, которые наряду с сохранением положительных сторон письменной системы часто удерживают и отжившие правила. Можно предположить, что «длина» слова в человеческом мозгу, измеряемая временем узнавания слова, осознания его смысла, точнее связана с его употребительностью, чем его длина, измеряемая числом букв.

Оба допущения хороши тем, что позволяют применить математические методы в языкознании, но их недостаток в том, что они заведомо являются приближенными. Текст, составленный в строгом соответствии с первым предположением, не нес бы смыслового содержания. Смысловые и грамматические связи между словами текста, придающие ему осмысленность и одновременно избыточность, превращают текст в сложную марковскую цепь, в которой одни слова меняют вероятность появления соседних слов. Особенность речи как марковского процесса состоит в том, что не только предыдущие слова изменяют вероятность появления последующих, но и наоборот. Например, естественно считать, что не артикль определяет следующее за ним существительное, а существительное с необходимостью требует во многих языках постановки артикля. Здесь принцип причинности, разумеется, не нарушается, так как речи предшествует нормальная мысль, реализацией которой является все предложение.

Кроме того, в соответствии с изменением темы текста происходит перераспределение вероятности между словами, т. е. p_i зависят от темы. Следует ожидать, что тематические слова, пока удерживается тема, в среднем употребляются чаще, чем это допускается законом Пуассона для небольших выборок.

Делались попытки [3] проверить распределение Пуассона для слов с помощью критерия χ^2. Однако в данном случае критерий χ^2 едва ли может быть рекомендован. Дело в том, что этот критерий при достаточно большом числе наблюдений безжалостно отметает любую приближенную гипотезу о распределении, как бы мало ни отличалось гипотетическое распределение от действительного. А в данном случае без опыта очевидно, что распределение Пуассона выполняется лишь приближенно. Точно так же проверка закона Ципфа с помощью критерия χ^2 дала бы отрицательный результат, хотя мы знаем, что целый ряд задач можно решать на основе закона Ципфа с вполне удовлетворительной точностью. При малом числе выборок критерий χ^2 неприменим, так как в его выводе предполагается нормальное распределение составляющих его слагаемых, чего при небольшом числе наблюдений в нашем случае нет. В опыте же Р. М. Фрумкиной число выборок в некоторых группах явно недостаточно. Наконец, произвол в делении на группы и произвол в выборе наибольшего допустимого значения χ^2 еще более осложняет дело. Все это требует особого анализа при применении критерия, без которого нельзя быть уверенным в правильности выводов. Неудивительно поэтому, что был получен странный результат: слова *без* и *другой* подчиняются закону Пуассона, а *при* и *новый*, например, не подчиняются.

Представляется более правильным проверять закон Пуассона непосредственно и по его следствиям, и такая проверка производилась [4]. Приведем здесь новые следствия закона Пуассона для речи. Пусть $n(m, N)$ — число слов, каждое из которых употреблено в тексте из N слов ровно m раз, и $n(N)$ — число различных слов. Тогда можно показать, что по распределению слов текста длины No можно вычислить распределение текста длины N [5], если справедливо распределение Пуассона:

$$n(m, N) = \left(\frac{N}{No}\right)^m \sum_{j \geqslant m} C_j^m \left(1 - \frac{N}{No}\right)^{j-m} n(i, No),$$

$$n(N) = n(No) - \sum_{j \geqslant 1} \left(1 - \frac{N}{No}\right)^j n(j, No).$$

Это следствие распределения Пуассона хорошо выполняется. (Ошибка, разумеется, зависит от соотношения N и No.)

Приближенность закона Ципфа и Мандельброта следует из такого рассуждения: наш мозг может хорошо кодировать лишь те слова, которые нам достаточно часто встречались, так как это единственный способ его обучения. Редкие же слова именно из-за их редкости плохо дифференцируются мозгом, тем более нельзя предполагать, что они будут кодироваться оптимально. И действительно, закон Ципфа удовлетворительно выполняется для нескольких тысяч самых частых слов, т. е. для активной части словаря.

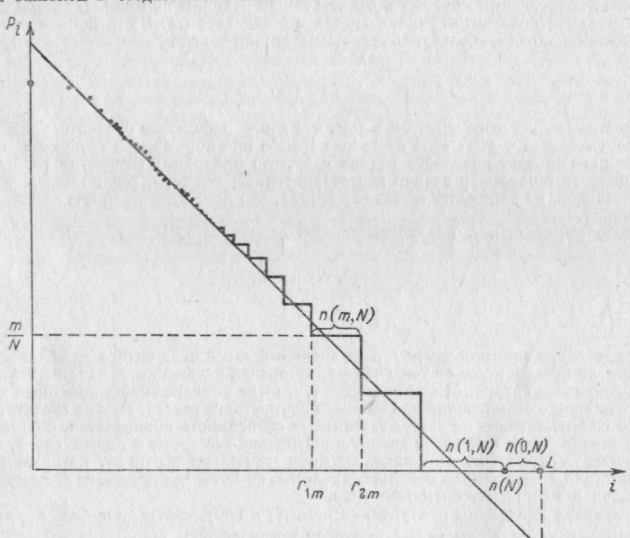
---

[3] Р. М. Фрумкина, О законах распределения слов и классов слов, сб. «Структурно-типологические исследования», М., 1962.

[4] См.: G. U. Yule, The statistical study of literary vocabulary, London, 1944; H. H. Josselson, The Russian word count and frequency analysis of grammatical categories of standard literary Russian, Detroit, 1953.

[5] В. М. Калинин, Некоторые статистические законы математической лингвистики, «Проблемы кибернетики», вып. 11.

Выше закон Ципфа был сформулирован следующим образом: априорные вероятности употребления слов убывают по гармоническому закону. Непосредственно нам априорные вероятности не даны. Мы имеем обычно дело с относительными частотами слов в конкретном тексте или выборке из текстов. Можно расположить слова по порядку убывания их частот и назвать номер слова в этом ряду эмпирическим рангом. Чем больше длина текста, тем ближе ранг слова к его действительному рангу в ряду вероятностей. Для данного текста ошибка в определении ранга растет с рангом. Два слова могут иметь одинаковый ранг, лишь если их вероятности одинаковы, что будет довольно редко. Эмпирический же ранг одинаков для всех $n(m, N)$ слов одинаковой частоты m. Мы вынуждены считать равночастотные слова также и равновероятными, и у нас нет основания внутри этих групп, численность которых растет с ростом длины текста N, ставить одно слово впереди другого. Если мы построим график зависимости частот слов от ранга, то получим характерную «лесенку» на больших рангах. Принято строить этот график в логарифмическом масштабе по обеим осям. При этом закон Ципфа изображается прямой линией. Можно показать, что если закон Ципфа выполняется строго, то прямая линия, которая его изображает на графике, в среднем проходит через левые концы «ступенек», а не через их середины, как можно было ожидать. Иногда, желая точнее определить константу закона, вычисляют ее методом наименьших квадратов по частотам всех слов. Ясно, что такое вычисление связано с систематической ошибкой и создает лишь иллюзию точности.



Часто закон Ципфа формулируют не для вероятностей, а для частот слов. В этом случае приходится рассматривать «ступеньки» на эмпирическом графике как нарушение закона Ципфа[6]. Приведенная выше формулировка предпочтительнее, так как исходя из нее можно не только объяснить существование «лесенки», но и предсказать длину «ступенек» и координаты их концов, а также найти зависимость словника текста от его длины, дисперсию в эмпирических распределениях и т. д. Существование групп равночастотных слов определяется дискретным характером задачи: слово может быть употреблено лишь целое число раз, поэтому все слова, математическое ожидание частоты которых дробно, рассортировываются по числам натурального ряда, образуя многочисленные группы. Пронумеруем «ступеньки» снизу вверх, приписав нижней номер 1. Обозначим координаты левого конца m-ступеньки r_{1m} и правого ее конца r_{2m}. Первая ступенька составлена из однократно употребленных слов. Если

[6] Р. М. Фрумкина, К вопросу о так называемом «законе Ципфа», ВЯ, 1961, 2.

справедлив закон Ципфа и распределение Пуассона, то ее длина $n\,(1,\,N)$ выражается через интегральную показательную функцию [7]

$$n\,(1,\,N) = -\,NK\cdot Ei\left(-\frac{NK}{L}\right).$$

Координата правого конца правой ступеньки дает число различных слов $n(N)$ в тексте из N слов и выражается через показательную и интегральную показательную функцию:

$$n\,(N) = r_{21} = L\left(1 - e^{-\frac{NK}{L}}\right) - NK\cdot Ei\left(-\frac{NK}{L}\right).$$

Длина m-ступеньки, равная числу слов, употребленных по m раз каждое, и координата левого конца m-ступеньки выражаются через неполную гамма-функцию [8]:

$$n\,(m,\,N) = \frac{NK}{m\,(m-1)} - \frac{NK}{m!}\,\Gamma\left(m-1,\,\frac{NK}{L}\right),$$

$$r_{1m} = \frac{NK}{m} + \frac{L}{m!}\left[m\,\Gamma\left(m,\,\frac{NK}{L}\right) - \frac{NK}{L}\,(m-1)\,\Gamma\left(m-1,\,\frac{NK}{L}\right)\right].$$

В эти формулы входит константа L — общее количество слов, априорные вероятности употребления которых в данном тексте отличны от нуля. L нужно считать самостоятельной константой закона Ципфа и Мандельброта. Были попытки свести L к другим константам, пользуясь условием нормировки [9]:

$$\sum_{i=1}^{L} p_i = 1.$$

Причина неудач этих попыток в том, что даже небольшие относительные отклонения вероятностей частых слов от закона Ципфа при нормировке требуют для своей компенсации больших количеств редких слов, что приводит к широкому разбросу L, лишающему этот параметр всякой достоверности. Кроме того, редкие слова, как это уже отмечалось, не подчиняются закону Ципфа, что дает существенную дополнительную ошибку.

Можно определить L по распределению слов текста. В частности

$$L = \frac{2n\,(2,\,N)}{\frac{3n\,(3,\,N)}{n\,(2,\,N)} - 1}\,e^{\frac{3n\,(3,\,N)}{n(2,N)} - 1}.$$

Определяемое таким образом L дает активный запас слов автора для данного текста и зависит прежде всего от темы текста, авторской установки, богатства активного словарного запаса автора, от жанра и стиля. L — не универсальная константа языка, она требует своего определения для каждого конкретного текста. Нужно сказать, что L довольно сильно зависит от длины текста. Эта зависимость объясняется, с одной стороны, изменением темы, которое вводит в обращение все новые и новые слова, с другой стороны — отклонением от закона Ципфа на больших рангах, которым можно пренебречь для сравнительно небольших текстов, но которое становится существенным для текстов в сотни тысяч и более слов.

В формулах для длины m-ступеньки $n(m,\,N)$ и координаты ее конца r_{1m} вторым слагаемым для не слишком малых m можно пренебречь:

$$n\,(m,\,N) \approx \frac{NK}{m\,(m-1)},$$

$$r_{1m} \approx \frac{NK}{m}.$$

Другими словами: при условии справедливости закона Ципфа число слов, употребленных ровно по m раз каждое, равно частоте слова, имеющего ранг $i = m\,(m-1)$; координата левого конца ступеньки равна частоте слова, имеющего ранг $i = m$.

Если справедлив закон Мандельброта, то число слов, употребленных по m раз, выражается через гамма-функцию и неполную гамма-функцию:

---

[7] См. «Таблицы интегральной показательной функции», М., 1954.

[8] См.: Е. Е. Слуцкий, Таблицы для вычисления неполной Г-функции и функции вероятности χ^2, М.— Л., 1950.

[9] A. Koutsoudas, Mechanical translation and Zipf's law, «Language», XXXIII, 4 (pt. 1), 1957.

$$n(m, N) = \frac{(NK)^{\frac{1}{\gamma}}}{\gamma \cdot m!}\left[\Gamma\left(m - \frac{1}{\gamma}\right) - \Gamma\left(m - \frac{1}{\gamma}, \frac{NK}{L^{\gamma}}\right)\right].$$

При не слишком малом m

$$n(m, N) \approx \frac{(NK)^{\frac{1}{\gamma}}}{\gamma \cdot m!}\ \Gamma\left(m - \frac{1}{\gamma}\right).$$

Закон Ципфа или Мандельброта в сочетании с распределением Пуассона полностью описывает статистику лексики, но из-за своей приближенности не всегда адекватно. В действительности параметры K и γ зависят от ранга. Функциональную зависимость параметра закона Ципфа K и параметра закона Мандельброта γ от ранга можно обнаружить из следующих равенств:

$$K \approx \frac{m \cdot r_{1m}}{N},$$

$$\gamma \approx \frac{r_{2m}}{m \cdot n(m, N)},$$

связывающих эти параметры с координатами концов m-ступеньки. Вычисляемые по этим формулам K и γ следует относить к области рангов $r_{1m} < i < r_{2m}$. Необходимое условие выполнимости закона Ципфа и Мандельброта — независимость K и γ от m. Данные соотношения позволяют выделить область выполнения законов и их точность. Методика проверки закона Ципфа может быть дополнена проверкой утверждения: абсолютные частоты слов, координаты концов ступенек и общее количество слов текста, приходящееся на слова, каждое из которых употреблено ровно m раз, составляют гармонические последовательности с одной и той же константой. Отклонение от этой закономерности в первых членах последовательности не противоречит закону Ципфа.

Дальнейшего уточнения статистических закономерностей, которым подчиняется лексика литературного текста, следует ожидать от более детального развития основных допущений, сформулированных в начале статьи, либо от замены их более точными.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1964

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ПАМИРСКИХ ЯЗЫКОВ

Под названием «памирские», или «припамирские», языки в современной лингвистической литературе принято объединять ряд иранских языков юго-восточной ветви, на которых говорит население Западного и Южного Памира. Объединение этих языков в одну группу является в значительной мере территориальным и охватывает довольно разные по своей специфике и по своей истории языки. Взаимопонимание людей, говорящих на каких-либо двух из этих языков, невозможно, и средством общения служит таджикский язык.

Памирские языки *можно условно* разбить на две следующие подгруппы: 1) *северная подгруппа* состоит из наиболее близких друг другу языков, сравнительно легко сводимых к общему историческому знаменателю: из язгулямского языка и шугнано-рушанской диалектной общности, состоящей из диалектов — шугнанского, рушанского, бартангского, хуфского (Западный Памир) и сарыкольского (Синьцзян). По-видимому, в *северную* подгруппу входил и вымерший ныне ванджский язык (долина р. Ванч); 2) *южная подгруппа* значительно разнородней: в нее могут быть включены языки ишкашимский (ишкашимский, санглечский и зебакский диалекты) и ваханский, резко обособленный не только от других памирских языков, но и от юго-восточноиранских языков в целом, приближающийся по ряду признаков к индийским языкам и сохранивший в отдельных случаях интересные архаизмы. К южной группе памирских языков можно условно отнести и мунджанский язык (диалекты йидга и мунджанский), являющийся в ряде отношений промежуточным между памирскими языками и пашто. Сюда же относится, по-видимому, и саргулямский язык (о нем известно из записей И. И. Зарубина).

На ранних этапах изучения памирских языков в их число включался и ягнобский язык (см., например, работу В. Томашка и ряд других трудов конца XIX в.), однако примерно с начала XX в. этот язык как по географическому положению (долина р. Зеравшан), так и по лингвистическому (принадлежность к северо-восточной ветви иранских языков) стал рассматриваться отдельно [1].

Начало изучению памирских языков было положено в 70—80-х годах XIX в., когда вслед за разрозненными сведениями, главным образом лексического характера, приводимыми в работах некоторых этнографов и путешественников, стали появляться первые лингвистические труды, посвященные этим языкам. Первое лингвистическое описание сарыкольского и шугнанского диалектов и ваханского языка, иллюстрированное текстами и словарями с приведением сравнительного лексического материала по другим памирским языкам, составил Р. Шоу [2]. Впервые в истории изучения памирских языков Р. Шоу отметил большую близость — как материальную, так и типологическую — памирских языков к языкам дардской группы; он пришел к выводу, что современная географическая близость этих двух групп языков не могла быть результа-

---

[1] Ср., например, позицию В. Гайгера («Grundriss der iranischen Philologie», hrsg. von W. Geiger, E. Kuhn, I, 2. Abt., Strassburg, 1895—1901), Г. Гирсона (G. A. Grierson, Linguistic survey of India, X, Calcutta, 1921), Р. Готьо (R. Gauthiot, Notes sur le Yazgoulami, JA, XI. série, VII, 2, 1916) и авторов последующих трудов по этим языкам.

[2] R. B. Shaw, On the Ghalchah languages (Wakhi and Sarikoli), «Journ. of the Asiatic society of Bengal», XLV, pt. 1, 2, 1876; его же, On the Shighni (Ghalchah) language, там же, XLVI, pt. 1, 2, 1877.

том движения их из разных (opposite) мест обитания и случайной встречи их в современном ареале. Предполагая, что предки памирцев и дардов жили одно время вместе и говорили на одном языке, Р. Шоу заключает: предками этих языков не могли быть ни иранский, ни индийский языки, а некий ранний индоиранский диалект-предшественник, который мог дать жизнь таким потомкам [3].

Мысль о существовании переходной группы в составе индо-иранской семьи, о переходности кафирских и дардских и близости к ним памирских языков прослеживается и развивается затем в трудах лингвистов, занимавшихся языками данного ареала (см., например, многочисленные работы Г. Грирсона, Г. Моргенстьерне по современным иранским, кафирским и дардским языкам, а также ряд работ других исследователей[4]). В качестве иллюстрации, например, можно привести выявление такой интересной типологической параллели, как вигезимальный счет: В. Томашек проследил этот счет в ряде кафирских и индийских языков, Р. Готьо — в памирских языках (язгулямском, ваханском и йидга), сопоставив свои данные с материалом осетинского языка; наблюдения эти были обобщены затем в работе Ф. А. Розенберга и дополнены Ш. Бадахши материалами сангличского и ишкашимского диалектов ишкашимского языка [5].

С выходом в свет работ Р. Шоу практически начинается лингвистическое изучение памирских языков, протекавшее примерно до начала 20-х годов XX в. целиком в русле методики сравнительно-исторического языкознания. К таким трудам следует прежде всего отнести работу В. Томашка, явившуюся сравнительно-историческим обобщением всех имевшихся к тому времени материалов по мунджанскому, ишкашимскому и ваханскому языкам и диалектам шугнано-рушанской группы (с привлечением материала других иранских языков)[6], а также труды В. Гайгера, К. Г. Залемана, Р. Готьо, П. Ван ден Гейна, К. Юара и др. Из наиболее интересных работ этого периода можно назвать две работы крупнейших специалистов того времени — В. Гайгера и К. Г. Залемана, представляющие собой интересную попытку посредством сравнительно-исторической методики установить подлинное звучание шугнанских слов [7], записанных (нередко в искаженном виде) Д. Л. Ивановым [8]. Следует отметить, что К. Г. Залеман, располагавший бо́льшим, чем его предшественник В. Гайгер, материалом (он имел в своем распоряжении и неопубликованную часть записей Д. Л. Иванова), на основании сравнения материалов Д. Л. Иванова и Р. Шоу сумел построить свое описание грамматической системы шугнанского диалекта.

Обобщение всего накопленного к концу XIX в. материала по ряду памирских языков (исключая язгулямский язык, который в то время еще не упоминался в лингвистических исследованиях) было осуществлено в сравнительно-историческом аспекте В. Гайгером в разделе «Die Pamir-Dialekte» его фундаментальной работы «Kleiner Dialekte und Dialektgruppen» [9]. Для всех этих работ характерным является то, что они построены на сравнительно небольшом и не всегда достоверно записанном фактическом материале, из которого авторы, используя методику сравнительно-исторического исследования, стремятся извлечь максимум сведений о данном языке, главным образом в отношении его места среди других иранских языков, исторической фонетики и морфологии, а также этимологии слов и форм; естественно, что сведений по современной фонетике, морфологии и тем более синтаксису извлекалось чрезвычайно мало. Небольшие по объему работы с характеристиками отдельных памирских языков в сравнительно-историческом аспекте продолжали выходить в свет до конца 20-х годов [10]. От работ конца XIX в. их выгодно отличает то, что они напи-

[3] См.: R. Shaw, On the Ghalchah languages, стр. 145—147.

[4] Например: S. Konow, Notes on the classification of Bashgali, JRAS, 1911, january, а также отдельные работы Д. Лоримера.

[5] См.: W. Tomaschek, Centralasiatische Studien, II — Die Pamir-Dialekte, SWAW, Phil.-hist. Klasse, 96, I—III, 1880, стр. 822—827; R. Gauthiot, указ. соч., стр. 249 и сл.; Ф. Розенберг, Материалы по двадцатному счету, сб. «Языковедные проблемы по числительным», I, Л., 1927, стр. 165 и сл.; Shah Abdullah Badakhshi, A dictionary of some languages and dialects of Afghanistan, Kabul, 1960 (на афг. и перс. языках).

[6] W. Tomaschek, Centralasiatische Studien, II.

[7] См.: W. Geiger, Zur Kenntnis der Pamir-Dialekte, KZ, XXVIII (Neue Folge, VIII), 1887; К. Г. Залеман, Шугнанский словарь Д. Л. Иванова, СПб., 1895.

[8] См.: Д. Л. Иванов, Путешествие на Памир, «Изв. имп. Русск. географ. об-ва», XX (1884), 3, 1885, стр. 247—248.

[9] «Grundriss der iranischen Philologie», I, 2. Abt.

[10] Сюда следует отнести прежде всего следующие работы: R. Gauthiot,

саны на основании значительно большего материала, собранного самими авторами и записанного на несравненно более высоком уровне. Вместе с тем задачи исследования остаются в основном теми же: определение места данного языка среди других иранских языков, историческая фонетика, сравнение с другими языками (главным образом, в части лексики и фонетики).

Однако в целом начало XX в. в изучении памирских языков является переломным этапом, характеризующимся двумя моментами. Во-первых, в этот период начинается сбор большого лингвистического материала текстового характера (в отличие от записей XIX в., где преобладали лексические данные). Заслуга первых обширных записей принадлежит русским ученым: М. С. Андрееву, начавшему еще в первое десятилетие XX в. сборы большого материала по язгулямскому языку и хуфскому диалекту, И. И. Зарубину, который в 1915—1917 гг. и затем в 20-е годы собрал огромное количество текстов по целому ряду памирских языков (в том числе по ряду диалектов шугнано-рушанской группы, по языкам ваханскому, мунджанскому, ишкашимскому и язгулямскому), и С. И. Климчицкому, собиравшему в 30-е годы материал по язгулямскому, ваханскому и шугнанскому диалекту (материалы С. И. Климчицкого, к сожалению, были утеряны во время Отечественной войны).

Во-вторых, с накоплением материала уже в начале XX в. появляется интерес к синхронному изучению и описанию памирских языков [11]. Утверждение методики синхронного описания всей системы данного языка в изучении памирских языков, как и в других частных отраслях языкознания, происходило постепенно. Прежде всего в пределах синхронного описания исследователи отказались от экскурсов в историческую фонологию, однако такое описание продолжало еще оставаться сравнительным, охватывая сразу ряд языков и диалектов [12]. Лишь позднее в исследования прочно входит методика синхронного описания каждого языка или диалекта отдельно как определенной системы с вынесением за пределы синхронного описания языка всего, что касается сравнительного и исторического аспектов материала.

Здесь следует особо отметить раздел, посвященный памирским языкам в работе Г. Грирсона «Лингвистический обзор Индии», где автор приводит грамматические таблицы (за исключением ишкашимского языка, которому посвящен подробный синхронный грамматический очерк), четко показывающие современную морфологическую систему каждого из описываемых языков, а также дает основные сведения по фонетике данного языка и иллюстрирует все это материалами (в виде текстов и списков числительных) [13].

Неоценимый вклад в изучение памирских языков разработкой строгой методики синхронного описания языков и диалектов внес выдающийся советский иранист И. И. Зарубин, который впервые выдвинул требование адекватного описания языка в характерных для его грамматической системы категориях без подмены их категориями другого языка или другого исторического уровня.

И. И. Зарубин впервые осуществил фонологический подход (на основе фонологической концепции Л. В. Щербы) к фактам изучаемых иранских (в том числе памирских) языков и установил фонологические ряды некоторых памирских языков. Окончательная разработка фонологического состава всех памирских (кроме мунджанского) и ряда других иранских языков на базе скрупулезно проведенного экспериментального фонетического анализа принадлежит ученице И. И. Зарубина В. С. Соколовой [14].

На основе разработанной И. И. Зарубиным и дополненной В. С. Соколовой фонологической транскрипции (в ряде случаев с указанием на отдельные нефонологические чередования) изданы и продолжают издаваться тексты и словари по различным памирским языкам и диалектам [15]. Помимо разработки новой

Quelques observations sur le Minjani, «Mémoires de la Société linguistique de Paris», XIX, 3, 1915; его же, Notes sur le Yazgoulami; Ив. Зарубин, К характеристике мунджанского языка, сб. «Иран», I, Л., 1927; G. Morgenstierne, Notes on Shughni, NTS, I, 1928.

[11] Здесь можно назвать работу: М. С. Андреев, Язгулемский язык. Таблицы глаголов (1904 г.), Л., 1930.

[12] См., например: G. A. Grierson, Ishkashmi, Zebaki and Yazghulami, London, 1920.

[13] G. A. Grierson, Linguistic survey of India, X.

[14] См.: В. С. Соколова, Очерки по фонетике иранских языков, ч. I—II, М.— Л., 1953.

[15] См., например, работы: И. И. Зарубин, Образец припамирской народной поэзии, «Докл. Российск. АН». [Серия] В, апрель — июнь, 1924; его же, Два образца припамирской народной поэзии, там же, октябрь — декабрь, 1924; его же, Сказание о первом кузнеце в Шугнане, ИАН СССР. VI серия, 1926, 12; его же, К характеристике мунджанского языка; его же, Одна орошорская сказка, «Восточные записки», I, Л., 1927; его же, Орошорские тексты и словарь, «Памирская экспедиция 1928 г.», VI — Лингвистика

методики (к сожалению, специально не опубликованной, а лишь демонстрируемой в лекциях, семинарах и консультациях), И. И. Зарубину принадлежит решение целого ряда конкретных вопросов, связанных с изучением памирских языков. Одной из многочисленных заслуг И. И. Зарубина в этом отношении является то, что он расширил круг известных до него памирских языков, прибавив к ним ванджский и саргулямский [16] (определить место последнего среди других памирских языков, а именно близость его к мунджанскому, И. И. Зарубину удалось на основании всего лишь трех достоверных слов, записанных им на саргулямском языке) [17].

Засвидетельствованные И. И. Зарубиным материалы по ванджскому языку, бытовавшему ранее в долине р. Ванч и вытесненному таджикским языком, дали толчок к изучению остатков этого вымершего языка. Впоследствии А. З. Розенфельд были изданы дополнительные записи по ванджскому языку [18]; большой материал, собранный по лексике ванджского языка М. С. Андреевым и пополненный затем В. А. Лившицем, еще ждет публикации. Судя по некоторым признакам, ванджский язык, входя в северную подгруппу памирских языков, наиболее тесно примыкал к язгулямскому языку (ср. отмеченное И. И. Зарубиным соответствие ванджского и язгулямского *č* шугнано-рушанскому *c*) и, по некоторым предварительным данным, имел, как и язгулямский язык, ряд огубленных согласных.

Помимо упомянутых работ И. И. Зарубина, в 20—30-е годы продолжает издаваться ряд трудов, ценных сейчас в основном текстовыми и лексическими материалами [19], а также работы, связанные с практическими задачами языкового строительства.

Совершенно особую роль сыграли в 30-е годы труды выдающегося специалиста по иранским, кафирским и дардским языкам Г. Моргенстьерне. В частности, его фундаментальный труд, посвященный памирским языкам [20], является неоценимым вкладом в исследование памирских языков как в сравнительно-историческом, так и в описательном плане. В работе Г. Моргенстьерне исследованы диалекты йидга и сангличский, а также ваханский язык. Описание каждого из них состоит из двух основных частей: в первой части дается детальный анализ исторической фонологии (и вместе с этим вообще истории) данного языка или диалекта, с любопытными реконструкциями и остроумными догадками автора там, где нет зафиксированных исторических соответствий, во второй — подробное описание современной его системы с историческими пояснениями. Обилие иллюстративного материала, словари, отражающие расхождения в каждом слове по диалектам и говорам, подробный индекс к словарям и большая вводная глава, обобщающая весь материал в сравнительно-историческом плане, придают труду Моргенстьерне еще бóльшую ценность.

Из работ 30-х годов следует отметить работу С. И. Климчицкого по ваханскому языку [21]; его замечания по фонетике и фонологии, а также сведения по морфологии, составленные в виде дополнений к «Grundriss», отличаются высоким теоретическим уровнем.

В период после Отечественной войны изучение памирских языков продолжается в основном по следующим направлениям:

1. Постепенно расширяясь, продолжается публикация текстов и словарей;

Л., 1930; I. I. Zarubin, Two Yazġhulami texts, «Bull. of the school of Oriental studies», VIII, 2—3, 1936; его же, Бартангские и рушанские тексты и словарь, М.—Л., 1937; его же, Шугнанские тексты и словарь, М.— Л., 1960, а также подготовленные И. И. Зарубиным и пока еще не опубликованные тексты и словари язгулямского и ваханского языка; см. также: В. С. Соколова, Рушанские и хуфские тексты и словарь, М.— Л., 1959; ее же, Бартангские тексты и словарь, М.—Л., 1960; Т. Н. Пахалина, Ишкашимские разговорные тексты, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», VI, 1956; ее же, Ишкашимский язык, М., 1959.

[16] См.: И. И. Зарубин, К списку памирских языков, «Докл. Российск. АН». [Серия] В, апрель — июнь, 1924.

[17] Подробнее о роли И. И. Зарубина в изучении памирских языков см.: В. С. Соколова, А. Л. Грюнберг, История изучения бесписьменных иранских языков, в кн.: «Очерки по истории изучения иранских языков», М., 1962, стр. 124—126.

[18] А. З. Розенфельд, К вопросу о памиро-таджикских языковых отношениях (На материале ванджских говоров), «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», VI.

[19] См., например: W. Lentz, Pamir-Dialekte, I — Materialien zur Kenntnis der Schugni-Gruppe, Göttingen, 1933; H. Sköld, Materialien zu den iranischen Pamirsprachen, Lund, 1936; С. И. Климчицкий, Секретный язык у ягнобцев и язгулямцев, «Труды Таджикистанской базы [АН СССР]», IX. — История — язык — литература, М.—Л., 1940.

[20] См.: G. Morgenstierne, Indo-Iranian frontier languages, II, Oslo, 1938.

[21] См.: С. И. Климчицкий, Ваханские тексты, «Труды Таджикистанской базы [АН СССР]», III.— Лингвистика, М.— Л., 1936.

за небольшим исключением[22], все они издаются в фонологической транскрипции. Изданы тексты и словари по ряду диалектов шугнано-рушанской группы и ишкашимскому языку[23]. Подготовлены тексты и словари по другим языкам и диалектам.

2. Подготавливаются работы по сравнительному изучению лексики памирских языков. Первой большой работой в этом плане можно назвать уже упоминавшийся труд покойного афганского ученого Шах-Абдулла Бадахши, представляющий собой сравнительный словарь (примерно 2500 словарных статей) афганского, персидского, ваханского, ишкашимского и мунджанского языков и *сангличского и шугнанского диалектов.*

3. Создаются синхронные описательные грамматики памирских языков. Можно считать, что в настоящее время синхронно-описательный метод стал основным в изучении памирских языков, особенно в работах отечественных языковедов. Благодаря этому в научный обиход постоянно вводится большой материал по неизученным или малоизученным языкам. Так, изучены в целом звуковой и фонемный состав памирских языков, изданы описания ваханского и ишкашимского языков с приложением текстов и словарей[24], подготовлены описания язгулямского языка и ряда диалектов шугнано-рушанской группы.

4. Расширяется разработка исторической фонетики памирских языков, начавшаяся практически одновременно с изучением памирских языков, но поднявшаяся на качественно новую ступень с выходом в свет книги Г. Моргенстьерне «Indo-Iranian frontier languages» и получившая еще более широкие возможности теперь с вводом в научный обиход большого нового материала по современным языкам. Некоторые обобщения уже делаются[25], но это только капля в море того материала, который имеется уже на сегодняшний день.

5. Большой опыт в изучении памирских языков может быть использован теперь и при осмыслении предыдущих этапов в развитии иранских языков. Опыт, который еще в 1940 г. помог Г. Моргенстьерне в его интересной попытке установления фонологической модели языка Авесты (в процессе которого автор неоднократно обращается к материалам живых, в частности памирских, языков)[26], может быть с бо́льшим основанием применен теперь при дальнейшем изучении языка Авесты и его диалектологии, *при рассмотрении вопроса* об историческом взаимоотношении сакского *языка с памирскими и в целом* ряде других вопросов, касающихся истории иранских языков в целом.

6. Все больше внимания уделяется определению места памирских языков среди других языков индо-иранской группы. Вопросы родства памирских языков с дардскими, «пограничности» памирских и дардских (включая кафирские) языков получают дальнейшее развитие как в послевоенных трудах Г. Моргенстьерне и других исследователей по отдельным языкам[27], так и в ряде работ Г. Моргенстьерне обобщающего характера[28], где все более наглядно прослеживается целый ряд изоглосс материального и типологического характера, открывающих новые перспективы как для изучения истории этих языков, так и для применения методики современной ареальной лингвистики.

---

[22] См., например: А. К. Писарчик, Рушанские тексты, Душанбе — Ленинград, 1954, и упомянутый выше словарь Ш. Бадахши.

[23] См. перечисленные выше работы А. К. Писарчика, Ш. Бадахши, И. И. Зарубина, В. С. Соколовой и Т. Н. Пахалиной.

[24] См.: В. С. Соколова, Очерки по фонетике...; D. L. R. Lorimer, The Wakhi language, I—II, London, 1958; Т. Н. Пахалина, Ишкашимский язык.

[25] См., например: G. Morgenstierne, The development of *R* + sibilant in some Eastern Iranian languages (отд. оттиск из «Transactions of the Philological society», Hertford, 1948); его же, Additional notes on «The development of *R* + sibilant...» (отд. оттиск, б. м. и г.); Р. Х. Додыхудоев, Материалы по исторической *фонетике шугнанского языка*, Душанбе, 1962; его же, Отражение древнеиранской группы *-rt-* в шугнанском языке, «Научн. конференция по иранской филологии [ЛГУ] (Тезисы докладов)», Л., 1962; Д. И. Эдельман, Проблема церебральных в восточноиранских языках, ВЯ, 1963, 5, и др.

[26] G. Morgenstierne, Orthography and sound-system of the Avesta, NTS, XII, 1942.

[27] См., например, труды Г. Моргенстьерне 40—50-х *годов по кафирским* и дардским языкам [например, «Indo-Iranian frontier languages», III, Oslo, 1956 и ряд работ, помещенных в NTS и «Acta orientalia» (Lugduni Batavorum), см. и его отдельные труды], а также: G. Buddruss, Die Sprache von Woṭapūr und Katārqalā, Bonn, 1960; его же, Kanyawali, München, 1959; его же, Beiträge zur Kenntnis der Pašai-Dialekte, Wiesbaden, 1959, и др.

[28] См. G. Morgenstierne, Indo-European *k'* in Kafiri, NTS, XIII, 1945; его же, Distribution of Indo-European features surviving in modern languages, сб. «For Roman Jakobson», The Hague, 1956.

7. Продолжается разработка отдельных вопросов этимологии памирских языков [29].

8. Одним из отстающих участков памироведения следует считать, по-видимому, изучение топонимики Памира: здесь можно пока еще назвать только отдельные работы Г. Моргенстьерне и А. З. Розенфельд по топонимике некоторых районов [30]. Положение это никак не может быть признано удовлетворительным, тем более, что топонимика Памира в силу своей древности (большая часть топонимов не объясняется из современных памирских языков) содержит интересный материал для истории иранских языков. Следует отметить также, что в связи с все возрастающим влиянием таджикского языка на памирские возможна постепенная утрата некоторых старых топонимов, поэтому было бы целесообразно поставить вопрос о сплошном топонимическом обследовании Памира в ближайшие годы.

Таковы, в основном, те вопросы, над которыми ведется лингвистическая работа по Памиру. В добавление к этому целесообразно указать также несколько работ обобщающего характера, содержащих интересные данные по памирским языкам [31].

Д. И. Эдельман

---

[29] См.: М. Н. Боголюбов, К этимологии ваханского вспомогательного глагола *тэй-* : *ту-* «быть», ИАН ОЛЯ, 1947, 4.

[30] См., например: G. Morgenstierne, The name *Munjān* and some other names of places and peoples in the Hindu Kush, «Bull. of the School of Oriental studies», VI, pt. 2, 1931; А. З. Розенфельд, Название «лянгар» в топонимике Таджикистана, «Изв. Всесоюзного географ. об-ва», LXXII, 6, 1940; ее же, Материалы по этнографии и топонимике Ванча, там же, 85, 4, 1953; ее же, Топонимика Ванджа, в кн.: «Топонимика Востока», М., 1962; ее же, Гидронимика юго-восточного Таджикистана, «Друга Республіканська ономастична нарада», Київ, 1962.

[31] G. Morgenstierne, Report on a linguistic mission to Afghanistan, Oslo, 1926; его же, Report on a linguistic mission to North-Western India, Oslo, 1932; его же, Neu-iranische Sprachen, в кн.: «Handbuch der Orientalistik», IV, I. Abt., Abschnitt 1, Leiden — Köln, 1958; И. М. Оранский, Введение в иранскую филологию, М., 1960; его же, Иранские языки, М., 1963, и др.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1964

РЕЦЕНЗИИ

О СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ОКРАИНАХ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

(По поводу книги В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева о гидронимике верхнего Поднепровья)

Этно-лингвистические вопросы, связанные с изучением северо-восточных окраин праславянской территории, не были до сих пор систематически исследованы. По существующим к настоящему времени, преимущественно случайным, наблюдениям, основанным главным образом на данных гидронимики и в меньшей степени лексики, делался лишь вывод о том, что около середины первого тысячелетия до нашей эры восточный край праславянского комплекса граничил с севера и северо-востока с балтийскими племенами, а с юго-востока — с иранскими. Кто были тогда соседи праславян с востока и каково было взаимное территориальное расположение балтийских и иранских соседей праславян — эти вопросы оставались без ответа. Тем не менее почти исключительно господствовало мнение, что после распада балто-славянской общности балтийские и иранские племена друг с другом не соприкасались; поэтому их взаимные языковые связи не дооценивались и не изучались в полной мере, как они того заслуживали. Превосходная работа советских лингвистов В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева [1], весьма способствуя выяснению этно-лингвистических проблем северного Поднепровья, приблизила ответ на этот вопрос.

Работа «Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья», основанная главным образом на материалах известного труда П. Л. Маштакова [2], дает систематический словообразовательный и этимологический анализ названий рек бассейна верхнего Днепра и по их расположению старается выяснить этно-языковые отношения, господствовавшие на этих территориях в древности.

Книга состоит из трех основных частей. Первая из них посвящена словообразовательному анализу славянского гидронимического материала северного Поднепровья. Исходя из наличия основных и производных суффиксов, для него устанавливается одиннадцать главных типов: 1) *-ка*, 2) *-ок*, 3) *-ля*, 4) *-ня/-на*, 5) *-ь*, 6) *-ея*, 7) *-ита*, *-ета*, 8) *-иха*, *-уха*, 9) *-ый/-ий*, *-ая/-яя*, 10) *-ье/-ья*, 11) *-ва/-ава*. Раздел дополняют многочисленные замечания о следах балтийских словообразовательных типов в гидронимике этой территории. Следующая часть состоит из трех разделов, содержащих этимологический анализ балтийских, славянских и прочих названий, главное место среди которых занимают названия иранские и финские. Книгу замыкает раздел, посвященный вопросам этнического и диалектного членения верхнего Поднепровья; раздел сопровождается выводами историко-социального порядка. Последний раздел имеет большое значение не только для этно-лингвистических проблем восточных славян; он важен и для решения вопроса этногенеза славян. Мы не будем входить здесь в разбор собранного авторами гидронимического материала, равно как и их этимологических выводов,— произведенные с известным остроумием и одновременно весьма сдержанно, они лишь в редких случаях могут вызвать критические замечания,— а попробуем рассмотреть эти выводы и оценить их значение для решения общеславянских проблем.

Предметом исследования авторов является территория верховьев Днепра, на востоке охватывающая полностью бассейн Десны со Сновой и Сеймом с притоками, а на западе — бассейн Березины и Припяти вместе с бассейнами рек Стырь, Горынь, Уборть и других более мелких притоков. На этом пространстве в ее юго-восточной части довольно густо размещаются названия явно иранского происхождения. На некоторые из них еще раньше указывал в своих исследованиях М. Фасмер: *Апака*,

---

[1] В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья, М., 1962, 270 стр.+ 13 карт.

[2] П. Л. Маштаков, Список рек Днепровского бассейна, СПб., 1913.

Хан, *Ропша*, *Осмонь*, *Навля* и *Сава*. Теперь их число можно удвоить: *Свапа*, *Сев*, *Сейм*, *Тускорь*, *Нетжарь*, *Хоропутъ*, *Хартислова*, *Овсорок*, *Эсмань*, *Апажа*, *Омонь*. В этом же районе имеется, кроме того, много названий, для которых невозможно отыскать славянские или балтийские этимологии,— следовательно, позволительно предполагать их иранское происхождение, хотя доказать его трудно. Таким образом, нет никаких сомнений, что этническая основа была здесь первоначально иранская,— и это известно со времени более ранних работ Фасмера; восточные славяне на этой основе явились вторым слоем. Непосредственные контакты славян с иранскими племенами на этих землях доказываются не только поверхностно ославянизированными названиями иранского происхождения, но также наличием четких славяно-иранских калек типа: *Хан — Добрый Колодезь*, *Осмонька — Каменная*, *Свапа — Доброводка*. Это факт давно известный, зато новостью являются представленные в книге Топорова и Трубачева результаты непосредственных контактов иранских племен с балтами. Доказательством этому служат не только пусть немногочисленные, но бесспорно иранские элементы, встречающиеся вплоть до бассейна верхней Оки и верхнего Днепра, но прежде всего опять-таки ирано-балтийские лексические кальки в названиях; ср., например, *Ропша* (иран. «лисица»), которая существует не только в славянской скалькированной форме *Лисичка*, но и в форме балтийской — *Лопанка* (от балт. *lapin-*«лиса»), или *Серцысловка* — балтийская полукалька со славянской *Хартислова*, а это калька-гибрид иран. *har-* («течь»)+ + *слова* (от слав. *slov-* «плыть, течь»). До сих пор вопрос о балто-иранских контактах решался отрицательно; предполагалось, что с самых древних времен балтов от иранцев отделяли славяне, а это давало некоторым исследователям основание считать, что славяне продвигались с востока на запад по свободным территориям между иранскими и балтийскими поселениями. В результате исследований, проведенных нашими авторами, подобные заключения стали невозможны. Согласно их выводам, балтийское расселение проникало, видимо, вплоть до правобережья реки Сейм, где встречается значительное скопление названий явно балтийского происхождения, как, например: *Обеста*, *Клевень*, *Куберь*, *Вапля*, *Вопка*, *Турейка*, *Ратень*, *Рать* и т. п. Весьма интересно, что доказанный таким путем факт ирано-балтийских контактов одновременно выясняет наличие ряда сходных элементов в балтийской и иранской лексике; за последнее время на них неоднократно обращали внимание исследователи (соответствующую литературу авторы приводят в примеч. на стр. 231). Ср., например, иран. *maiz-* «сеять», литов. *miẽžys*, латыш. *miezis* «ячмень»; иран. *dānā* «зерно», литов. *duona* «хлеб»; авест. *yava-* «зерно», литов. *javaĩ* «хлеб в зерне»; авест. *xšvid-* «молоко», литов. *sviestas* «масло»; осет. *bælon*//*bælæw* «голубь», литов. *balandis*, латыш. *balodis* то же и т. п.

Это доказывает, что ирано-балтийские контакты были здесь не мимолетными, а продолжительными, основывающимися на старых языковых связях и исконном соседстве. Таким образом подтверждается важное заключение авторов о том, что основным этническим компонентом на территории верхнего Поднепровья были балты, которые населяли эти земли со времен самой глубокой древности, доступной лингвистическому исследованию. Балты доходили — как указывают гидронимические данные, которых мы не будем здесь приводить — по левобережью верхнего Днепра от реки Сейм к северо-востоку вплоть до пределов бассейна верхней Оки; славянские элементы распространились здесь с юго-запада и вытеснили или по большей части ославянили балтов много веков позднее, не ранее конца последнего тысячелетия до н. э. или в первых веках н. э. Следовательно, эти территории несомненно не принадлежали к первоначальному ядру славянской прародины.

Не менее важным для проблемы локализации и определения территориальных судеб славянской прародины представляется в исследовании Топорова и Трубачева следующий пункт, касающийся правобережья верхнего Днепра, особенно бассейна Припяти. Изучение балтийских следов в гидронимике ныне славянских территорий, проводившееся, правда, довольно поверхностно, до сих пор приводило к заключению, что Припять была южной границей балтийских поселений, а на юг от нее, по ее правому берегу тянулись области славянские, где очень редко — и то к западу — случались названия с балтийской основой, обычно приписываемые ятвягам. После обстоятельного и систематического этимологического анализа гидронимики обоих берегов Припяти, проведенного авторами, установлено, что гидронимические элементы балтийского происхождения выступают не только по северной стороне Припяти; они почти столь же часты и по ее южной стороне. К ним принадлежат, например, названия многочисленных правых притоков Припяти: *Мытва*, *Верпа*, *Череса*, *Желонь* (с притоками *Прижолонок*, *Желонька*), *Полчь*, *Сколодинка* и т. п. Далее авторы устанавливают, что существует немало названий рек, которые повторяются на левом и правом берегах Припяти; к ним принадлежит, например, *Случь*. Нередко те же самые названия выступают и в других районах верхнего бассейна Днепра.

Отсюда авторы делают несомненно правильный вывод, что Припять, вопреки существующим мнениям, отнюдь не представляла собою южной границы территории балтийских поселений, отделяющей их от славян, но эти поселения проходили значительно дальше к югу, пересекая территорию, по обеим сторонам заселенную в свое время балтами. Славяне были на ней более поздними пришельцами, время появления которых, правда, точно установить нельзя; можно рискнуть, однако, определить его опосредованным путем, чему также могут способствовать результаты исследований Топорова и Трубачева. Они указывают на наличие определенного числа угро-финских заимствований в праславянском — ср. *polъ*, *ščuka*, *dǫbъ*, *ščurъ*, *somъ* и т. д. (часть этих слов вызывает некоторые сомнения этимологического порядка, в подробности которых здесь можно не входить) — и, наоборот, на наличие праславянских заимствований на угро-финской почве, которые, как нам кажется, дают возможность предположить, что праславянская экспансия еще перед распадом праславянской языковой общности, а следовательно не позднее первой половины первого тысячелетия н. э., через территории балтийских поселений в северном Поднепровье дошла до финских земель.

Итак, выводы рассматриваемой работы, которые здесь не стоит подвергать более подробному анализу, имеют большое значение не только для выяснения собственно этнических отношений верхнего Поднепровья в последние века до н. э. и в начале н. э., но и освещают проблему древней локализации прародины славян и изменений ее ареала на северо-восточных, приднепровских окраинах. Тот факт, что авторы показали в своей книге решительный перевес балтийских этно-лингвистических элементов не только на землях северной части бассейна верхнего Днепра, но и на правобережье Припяти, т. е. на землях, охватывающих северную Волынь и западную часть Киевщины, а также обнаружили тесную территориальную связь в бассейне Днепра балтийской и иранской стихий, по существу кладет конец предположениям, что первоначальная прародина славян могла лежать на Днепре или на Волыни. Это полностью согласуется с теми взглядами на эту проблему, которые я неоднократно излагал, а недавно представил их на базе не только лингвистических, но также и археологических и антропологических данных, сходных между собой по результатам [3]. Я рассматриваю генезис праславян как результат отсечения западного, меньшего ареала от восточной части давнего протобалтийского (балто-славянского) комплекса. Это отсечение произошло в результате вторжения из юго-центральной Европы этно-культурного комплекса, который со временем развернулся в так называемую лужицкую культуру. Вторжение охватило территории в бассейне Одры, Вислы с Бугом и верхнего Днестра, привнеся с собой ряд новых — южноиндоевропейских — языковых элементов, которые, будучи в целом ассимилированы исконным протобалтийским языковым базисом, способствовали формированию на этих землях нового языкового комплекса. Этот комплекс, сохраняя основные черты, связывающие его с первоначальным протобалтийским массивом, вышел на путь самостоятельного развития как праславянский язык. Колыбель его лежала на западе, в бассейне Одры и Вислы, между устьями этих рек и простиралась вплоть до побережья Балтийского моря. По мере кристаллизации и в связи со все более активными экспансивными тенденциями этот комплекс стал расширяться отсюда на восток на территорию за Бугом, проникая на Волынь и в Приднепровскую Украину и ассимилируя себе в языковом и культурном отношениях осевшие там ранее племена — дако-мезийские и иранские в южном поясе и балтийские в северном поясе вдоль Припяти и в бассейне верхнего Днепра. Такая картина хорошо согласуется с теми процессами, на которые указывают результаты образцового исследования Топорова и Трубачева по гидронимике верхнего Поднепровья.

Т. Лер-Сплавинский

Перевела с польского *Т. С. Тихомирова*

---

[3] T. Lehr-Spławiński, Roznięsczczenie geograficzne prasłowiańskich nazw wodnych, «Rocznik slawistyczny», XXI, 1, 1960; его же, Z zagadnień językowych północno-indoeuropejskich, там же, XXIII, 1, 1963.

***I. Mahnken.* Die Struktur der Zeitgestalt des Redegebildes, dargestellt an Beispielen aus den slawischen Sprachen.** — Vandenhoeck und Ruprecht, Göttingen, 1962. X + 602 стр.+4 табл. («Opera slavica», II — Göttinger Untersuchungen zur Prosodie der Rede, 1).

Автор этого обширного и обстоятельного исследования ставит себе задачей изучение временного строя непринужденной связной речи и выяснение «принципов и структурных элементов», являющихся основой «целостной временной структуры речи». Исследование основано на экспериментально-фонетическом анализе богатого и разнообразного материала магнитофонных записей различных

славянских текстов (русского, чешского, сербскохорватского — штокавского и чакавского, словенского, болгарского и македонского) с учетом «соотношения просодических явлений в их различных формах с формами языковой структуры и языкового высказывания, соответствующими смысловому содержанию речи в каждом отдельном случае». Автор исходит из того, что «просодическая структура речи представляет собой нечто принципиально отличное от звуковой формы речи», в связи с чем анализ просодической структуры требует применения особых понятий и методов, адекватных ее специфическим особенностям.

В центре концепции автора лежит новое понятие «речевой формации» (Redegebilde), определяемое как «конкретная целостная формация», являющаяся «индивидуальным, единичным для каждого данного случая результатом каждого отдельного речевого акта» и одновременно «исходной точкой и содержанием восприятия слушателем». В сфере parole речевая формация как «единичная, конкретная реализация», таким образом, представляется как результат речевого акта и отграничивается от этого акта как такового. В то же время самые принципы ее структуры и оформления оказываются фундаментальными формами построения речи, которые могут быть абстрагированы от отдельных формаций.

Речевая формация «по необходимости реализуется в одномерном движении во времени»; из этого следует, что целостно-структурные соотношения единиц времени, реализованных в отдельных звеньях и единицах речи, могут быть выражены только соответствующей релятивацией этих единиц времени. Отрезки времени, соответствующие отдельным звеньям речевой формации, образуют между собой и по отношению к речевой единице высшего порядка систему воспринимаемых отношений. Таким образом, временная структура речи получает целостный характер, соответствующий целостному характеру речевой формации; а этим дается возможность преодолеть линеарную одномерность движения во времени путем образования временных единиц, расчлененных соответственно частичным структурным единицам речи и объединенных системой взаимной относительности.

В первой части своего исследования автор теоретически обосновывает свою главную концепцию, выработанную на базе весьма обширного материала различных языков[1], а во второй части систематически развивает и поясняет ее на конкретных примерах из проанализированного материала. Автор сначала описывает основные простейшие формальные элементы и принципы оформления, а затем на примерах (свыше 1000) из различных славянских языков показывает, что и сложные временные структуры речи представляют собой структуру (иногда и многоплановую), объединяющую в себе отдельные взаимно соотнесенные отрезки времени и соответствующую данному актуальному членению высказывания. Ограничиваясь в предлагаемой книге материалом славянских языков, автор тем не менее приводит доказательства, что принципиально те же явления наблюдаются в текстах и других индоевропейских и неиндоевропейских языков.

Наличие определенной соотносительности между временным размером отдельных звеньев и единиц речи выявляется и доказывается не путем вычислений, а геометрически-чертежным методом. Преимущество такого метода заключается не только в том, что временные отношения, осуществленные в данном отрезке речи, могут быть показаны непосредственно, в зрительно ясной форме; метод этот, кроме того, позволяет показать усложненные, в большинстве случаев многоплановые отношения между подчиненными и высшими звеньями и единицами речи в процессе их развития и наслаивания во времени, а тем самым раскрыть отношения и зависимости, не доступные вычислительно-аналитическим методам.

Возможность применения геометрического метода основана на принципиально важном наблюдении автора. Оказывается, что между временной протяженностью речевых единиц, связанных системой взаимоотношений в качестве звеньев или единиц высшего порядка, существуют те же отношения, что и между крайними членами геометрического ряда и его суммой. Этим обеспечивается возможность крайне многообразного, эластичного и в то же время целостно интегрированного построения временной структуры, адекватного данному в отдельном случае языковому и смысловому членению речи. При этом сознанием говорящего и слушающего воспринимаются не отдельные временные отношения между единицами речи, а весь комплекс расчлененного в своей целостной формации высказывания.

Этим объясняются некоторые общеизвестные факты, до сих пор не поддававшиеся еще точному объяснению. Сюда от-

[1] Автор пользовалась анализами магнитофонных записей посредством «мелографа» (Tonhöhenschreiber) Грюнмахера—Лоттермозера — Калленбаха (аппарат Федерального физико-технического института в Брауншвейге). Эти анализы дают возможность с уверенностью определить границы отдельных звеньев и единиц речи (здесь важно не столько определение границ всех звуков, сколько главным образом границ мелких и крупных отрезков речи в связи с синтаксическим членением) в очень обширных записях непринужденной связной речи.

носятся, например, слышимые паузы там, где фонационный процесс в действительности не прерывается; возможность узнавать непроизвольные паузы («заминки») по запозданию ожидаемого слушающим продолжения речи; непроизвольное включение излишних звуков (для соблюдения временной или ритмической структуры); одновременные реплики нескольких лиц в оживленном разговоре; часто наблюдаемое ускорение при выговаривании многосложных речевых единиц (по сравнению с соседними единицами с меньшим количеством слогов) и т. п. В этой связи заслуживают интереса и параллельные снимки одного и того же текста в реализации разных лиц с характерными совпадениями и различиями, обусловленными смысловой интерпретацией текста.

Автору удалось обнаружить на примере славянских языков принципы, определяющие временную структуру речи, выявить новый, существенно важный фактор варьирования продолжительности звуковых элементов и указать прочную основу для дальнейшего изучения временных отношений в речи.

М. Браун

***A. Juilland*. Outline of a general theory of structural relations** («Janua linguarum»). — 's-Gravenhage, 1961. 58 стр.

А. Жуильян, ныне профессор университета в Стэнфорде (США), в течение ряда лет работал в Пенсильванском университете совместно с З. Харрисом, где читал курс теории структурной лингвистики. На основе этого курса А. Жуильян задумал создать серию монографий под общим названием «Структура грамматики». Согласно замыслу автора это заглавие должно объединить три тома: 1) «Понятия грамматики», 2) «Описательная грамматика и лингвистическая типология», 3) «Сравнительная и историческая грамматика». Все три книги выйдут в большой серии «Janua linguarum» голландского издательства Mouton. Одновременно в малой серии «Janua linguarum» это издательство публикует в виде отдельных выпусков три больших очерка, посвященных: 1) общей теории структурных отношений, 2) теории слова и 3) категориям грамматики. Эти три очерка в совокупности должны составить основу первого тома упомянутой выше серии. Рецензируемая работа является, таким образом, опытом вводных глав монографического цикла «Структура грамматики».

Недавно издательство Mouton объявило о предстоящем выпуске другой серии исследований, предпринятых под руководством А. Жуильяна в Пенсильванском университете в 1956 г. и продолженных с 1961 г. в Стэнфорде. Речь идет о 50-томном цикле под названием «Романские языки и их структура», в который войдут частотные словари слов, морфем и слогов латинского, французского, итальянского, португальского, румынского, испанского языков, выполненные в сравнительном и историческом плане. Наряду со словарями проект предполагает описание фонологической, грамматической и лексической структур перечисленных языков, а также их сравнительно-историческое исследование. «Романский цикл» А. Жуильяна намечен к выпуску в 1963—1969 гг. Все исследования этого цикла выполнялись в Пенсильванском вычислительном центре и направлены на разработку методики использования электронных машин в описательном, сравнительном и историческом исследовании языков.

Одновременно А. Жуильян в соавторстве с Р. Эдвардсом подготовил «Систему румынского глагола», по-видимому, связанную с его работой над «Романским циклом». В 1962 г. он опубликовал небольшую монографию о системе английского глагола, написанную им совместно с Дж. Макрисом[1].

Поле научной деятельности А. Жуильяна, как мы видели, весьма обширно, еще более широки его планы и замыслы. В них входит изучение наиболее важных вопросов общей теории языковой структуры, методики лингвистических исследований, проблем типологии и сравнительно-исторического языкознания. Поэтому представляется, что первая теоретическая работа этого автора заслуживает внимания.

Как хорошо известно, проблема отношений имеет в структурной лингвистике особо важное значение. В основу современной теории отношений легла идея Ф. де Соссюра о синтагматических и парадигматических связях между единицами языка. Эта теория, ставшая одним из краеугольных камней современного структурализма, мало разрабатывалась, однако, в обобщающем монографическом плане. Поэтому исследование А. Жуильяна, являющееся попыткой обоснования общей теории структурных отношений, представляет несомненный интерес. Цель автора — создать единую систему, «включающую наиболее важные типы отношений, которые существуют внутри текста, внутри системы, а также между текстом и системой» (стр. 21—22). Книга А. Жуильяна состоит из следующих глав: 1) «Лингвистический анализ и грамматические модели», 2) «Общая теория

[1] A. Juilland, J. Macris, The English verb system, 's-Gravenhage, 1962.

структурных отношений», 3) «Лингвистический анализ и разделы лингвистики».

В первой главе автор излагает свой взгляд на современное состояние лингвистического моделирования. Все языковые модели делятся на аналитически-индуктивные и синтетически-дедуктивные. Первые строятся путем экстраполяции системы инвариантов из последовательностей вариантов, составляющих текст. Лингвист в этом случае идет от текста к системе. Анализ текста в соответствии с определенными аксиомами или постулатами исследования обеспечивает правильность индукции. Модели второго типа создаются эмпирически. Они не содержат постулатов. Подобный путь исследования ведет от системы к тексту. В основе разделения моделей языка на два указанных типа лежит разное решение проблемы отношений между текстом и системой. Европейские лингвисты всегда отдавали приоритет системе, американцы, наоборот, считали первичным текст. Этим и объясняется их склонность к аналитически-индуктивным моделям. По мнению А. Жуильяна, проблема отношений между текстом и системой столь же неразрешима онтологически, как вопрос о курице и яйце. Эта и подобные ей проблемы могут быть поставлены только в эпистемологическом плане.

Модели первого типа проверяются по их соответствию постулатам, модели второго типа — по их способности порождать текст данного языка. По мнению А. Жуильяна, эмпирическая верификация модели более надежна. Соответствие постулатам еще не дает гарантии адекватности модели, поскольку сами постулаты или аксиомы в лингвистике имеют чисто эмпирический характер. Они постоянно меняются. Это скорее «побочные продукты накопленного опыта» (empirical by-products of accumulated experience), чем логически неопровержимые истины (стр. 11). Поэтому те способы проверки эффективности модели, которые заключаются в эмпирическом тесте, оказываются в современном языкознании единственно надежными.

Модели указанных двух типов существуют в разных вариантах, различающихся способом констатации фактов (статическим или динамическим), ролью в них семантического критерия, фокусировкой внимания либо на самих лингвистических единицах, либо на отношениях между ними. Однако наиболее фундаментальным для лингвистического моделирования является различие в указанном подходе к соотношению между текстом и системой. В последнее десятилетие предпочтение отдавалось аналитическому моделированию. В настоящее время общая ориентация изменилась и вновь возникает интерес к дедуктивным моделям, что проявляется, в частности, в создании порождающей трансформационной грамматики. Перемещение центра тяжести произошло под влиянием программирования лингвистических данных для электронно-счетных машин.

Во второй главе излагаются основы общей теории структурных отношений. Аналитическая техника, с помощью которой система экстраполируется из текста, сводится к процедурам сегментации, отождествления и классификации. Процедуры сегментации носят синтагматический характер, процедуры отождествления и классификации заключаются в систематизации материала. Вся методика анализа строится на критериях, которые вытекают из структурных отношений, существующих внутри текста. Основными, наиболее важными для лингвистического анализа А. Жуильян считает отношения встречаемости (функциональные и дистрибутивные), конституентные отношения (аналитические и синтетические), отношения обусловленности (синтагматические и парадигматические), физические отношения (длины и выделенности) и статистические отношения (частоты и дисперсии)[2].

Наиболее фундаментальными в концепции автора являются отношения встречаемости (occurrence). Всякая линейная единица, состоящая из дискретных частей, характеризуется двумя главными типами отношений: функциональными отношениями части к целому и дистрибутивными отношениями между частями[3]. Функциональным, следовательно, автор считает отношение части к целому (начальная, срединная, конечная позиции). Дистрибутивными называются отношения между частями одного целого. Для них релевантными признаются позиции предшествования и следования. В современной лингвистике большое внимание уделяется этому последнему типу отношений, выявляющему специфичность каждого конкретного языка, и, напротив, оставляются в тени более общие и емкие отношения части к целому. Этим, по мнению автора, и объясняется медленное развитие сравнительного языкознания и в особенности типологических исследований, требующих более общих критериев. Подлинно научная модель, отражающая общее и специфическое, должна учитывать оба типа отношений: анализ функциональных отношений выявляет общее в языках, а изучение дистрибуции элементов — специфическое для каждого языка.

[2] Необходимость разграничения различных типов отношений между лингвистическими единицами в последнее время подчеркивал английский лингвист М. Холлидей (см.: M. Halliday, The categories of the theory of grammar, «Word», XVII, 3, 1961).

[3] Ср. концепцию этих отношений, развиваемую У. Хаасом (W. Haas, On defining linguistic units, «Transactions of the philological society», Oxford, 1954).

Не менее важными являются конституентные отношения между единицами разных уровней. Они могут рассматриваться в двух планах: как аналитические отношения единиц низшего уровня к единицам более высокого уровня и как синтетические отношения более крупных единиц к их частям (например, отношение морфемы к входящим в ее состав фонемам).

Эти межуровневые отношения не следует смешивать с функциональными отношениями, связывающими разные по величине единицы одного яруса (например, слог и фонему).

Отношения обусловленности (presupposition) связывают между собой варианты разных инвариантов в речевой цепи (синтагматические отношения) и разные инварианты в системе (парадигматические или систематические отношения). Синтагматические отношения, выражающиеся пограничными сигналами, очень важны при сегментации высказывания, но они имеют значение и при классификации элементов предложения. Систематические отношения, существующие между вариантами одного инварианта (*я говорю, ты говоришь*) и среди соотносимых инвариантов (*говорить, пилить*), особо важны для процедур классификации, а также для характеристики субкатегорий (например, аффиксов, различающих инварианты, и флексий, различающих варианты).

Все перечисленные типы отношений так или иначе учитывались в общепринятых концепциях языковой структуры, от которых автор, однако, отступает, включая в свою систему, наряду с упомянутыми, отношения, основанные на физических и статистических свойствах лингвистических единиц. Эти отношения обычно привлекались к исследованию уже после завершения структурного анализа. А. Жуильян полагает, что физические и статистические отношения необходимо учитывать в самих процедурах анализа. Вовлечение этих отношений в лингвистическое исследование способствовало бы, по мнению автора, укреплению связей между структурным языкознанием и той развивающейся дисциплиной, которую неточно называют математической лингвистикой. Под физическими отношениями автор подразумевает отношения длины и выделенности (prominence). Первые определяются количеством частей на целое (*фонем на морфему, морфем на логему* и пр.), причем длина фонемы измеряется числом дифференциальных признаков. Поэтому маркированная фонема всегда длиннее немаркированной. Отношения длины полезно использовать при классификации языковых единиц. Выделенность выражается в языке в первую очередь ударением, затем тоном, интонацией, паузой. Отношения выделенности должны учитываться при сегментации речевой цепи, но они полезны и в систематике (например, ударные морфемы чаще бывают корнями, чем граммемами).

Статистические отношения также бывают двух типов: с одной стороны, важны сведения о средней частотности единиц в тексте (relations of rank), с другой — не менее показательны данные об их дисперсии (relations of range). Статистические сведения очень полезны для систематизации материала. Высокая частота встречаемости при ровной дисперсии обычно характерна для граммем, неровная дисперсия является показателем лексем, и в первую очередь терминов. Комбинируя данные о частоте встречаемости и дисперсии, мы получим коэффициент базисности единиц языка.

В главу о разных типах отношений А. Жуильян включил специальный раздел, посвященный грамматическим и лексическим значениям. Автор отмечает, что исключение значения из лингвистических исследований имеет мало общего с научными методами, особенно с теми, которые направлены на проверку грамматических моделей. Не представляются А. Жуильяну обоснованными и возражения против разграничения лексических и грамматических значений. Пока еще нет ни одной грамматики, в которой бы не проводилось это разграничение. Без него, полагает А. Жуильян, немыслимы не только грамматические, но и сравнительно-типологические исследования.

Третья глава отведена проблемам лингвистического анализа и разделам лингвистики. Общая сетка отношений, намеченная в предшествующей главе, обусловливает не только основные принципы лингвистического анализа, но и систему дисциплин или разделов, входящих в дескриптивную лингвистику.

Определив основные типы лингвистических отношений, А. Жуильян делает попытку свести их в единую связную систему. Каждый тип отношений дает в руки лингвиста определенный операционный критерий. Все критерии, вытекающие из системы отношений, должны быть, по мнению автора, использованы в анализе. Случаи двусмысленности и неясности качественных характеристик следует преодолевать увеличением, а не сокращением числа привлекаемых критериев. Естественно, что лингвист постоянно сталкивается с альтернативным выбором (*корень или аффикс, словообразование или словоизменение, сложное слово или словосочетание*). Дихотомический принцип Р. Якобсона, принимающий в фонологии бинарную форму, в грамматике должен иметь форму, которую А. Жуильян называет полярной. Это означает, что вместо альтернативы «или/или» в грамматике определения должны даваться по принципу «более/менее»[4]. Вме-

[4] Утверждение принципа «более/менее»

сто чисто квалитативного подхода в фонологии, в грамматике преобладающим является квантитативный подход, в большей мере отвечающий сложности высоких уровней языковой структуры. Грамматические определения менее категоричны, чем фонологические. В грамматике, пользующейся многими критериями, возможна шкала градаций, в которой допустимо столько ступеней, сколько критериев было использовано в анализе. Полюсами каждой шкалы постепенных переходов служат вполне определенные категории (лексема и граммема, корень и аффикс и др.). Реальные же речевые единицы могут занимать промежуточные положения на оси, соединяющей эти два полюса. Полярный принцип, по суждению автора, должен распространяться не только на систематику, но и на синтагматику. Так, нет необходимости определять морфему либо как свободную, либо как связанную. Полезнее точно выяснить степень ее связанности. Полярный принцип в грамматике позволяет дать определение пограничных, промежуточных случаев в соответствии с их реальными свойствами, не искажая фактов, что неизбежно при бинарном подходе к грамматическим явлениям. Полярный подход более гибок, он дает возможность описывать самые различные структуры, не вдавливая их в прокрустово ложе схемы строго бинарных категорий.

Полярный принцип должен, по мнению А. Жуильяна, проводиться не только на грамматическом, но и вообще на всех уровнях анализа языка. При этом выбор критериев зависит от трех факторов: 1) характера самой операции (сегментация, идентификация, классификация), 2) уровня анализа (фонология, морфология, синтаксис) и 3) типа языка (изолирующий, инкорпорирующий, флективный). Общая теория лингвистического анализа должна определить выбор критериев и порядок их применения в зависимости от операции, уровня анализа и типа языка. Комбинация этих переменных величин дает 27 дисциплин или разделов лингвистики: сегментация, идентификация и классификация, производимые на трех уровнях анализа (фонологическом, морфологическом и синтаксическом) применительно к трем основным типам языковой структуры (изолирующим, флективным и инкорпорирующим языкам). Некоторые из этих 27 разделов лишены реального содержания. Так, например, фонологический анализ одинаков для языков разных типов; не имеет практического применения раздел морфологии для изолирующих языков, равно как и раздел синтаксиса для языков инкорпорирующих.

Перечисленные выше разделы и составляют содержание общей теории лингвистического анализа, в котором могут выдвигаться на первый план либо сами процедуры анализа, либо форма последнего на разных уровнях структуры, либо особенности анализа применительно к языкам разных типов. Подобное распределение акцентов обусловливает три основных подхода к общей теории лингвистического анализа.

Таковы в основных чертах идеи А. Жуильяна о лингвистическом моделировании, языковых отношениях, а также о характере и содержании лингвистического анализа. Ниже мы остановимся лишь на некоторых сторонах концепции А. Жуильяна, излагаемых в данной работе.

Нам представляется весьма своевременной попытка дать единую теорию лингвистических отношений, подытожить те мысли и наблюдения, которые были накоплены в последние десятилетия. В то же время предлагаемая читателю теория не основывается, как кажется, на едином принципе и подходе к материалу. Более того, в ней не только не определено, но и не имплицировано само понимание отношения. Как же иначе объяснить тот факт, что в одном ряду с отношениями, связывающими языковые единицы в системе или в тексте (речевой цепи), стоят и так называемые статистические и физические отношения? В этом случае под отношением подразумевается уже не наличие синтагматической или парадигматической (системной) связи, а соотнесенность элементов языка по одному общему для всех них признаку. Нам кажется, однако, что соотносимость не есть отношение. Мы можем сравнивать слова по длине, частоте их появления в тексте и многим другим признакам, релевантным в данной процедуре анализа. Подобные сравнения основаны на реальных свойствах слова и обеспечивают лингвистический анализ необходимыми критериями. Но они не могут быть отождествлены с отношениями, связывающими эти элементы в системе языка. Различение соотносимости по определенному признаку (оно возможно и среди предметов, не входящих в одну систему) и системных отношений представляется нам необходимым.

Как нам кажется, автор недостаточно отдает себе отчет в том, что его программа анализа оказывается в порочном круге. А. Жуильян видит во всех типах выделенных им отношений критерии для сегментации и систематизации языкового материала. При этом, отмечая, например, полезность в систематике отношений между вариантами одного инварианта и корреляций соотносимых по какому-нибудь признаку инвариантов, автор упускает

в оценке языковых категорий характерно и для некоторых других современных лингвистов; см.: M. Halliday, Categories of the theory of grammar, «Word», XVII, 3, 1961, стр. 259; R. Dixon, Linguistic science and logic, 's-Gravenhage, 1963, стр. 82.

из виду, что указанные отношения между единицами языка могут быть установлены после того, как произведена их классификация, причем основанием для нее являются те или другие свойства языковой единицы. Лишь когда с помощью указанных критериев произведена систематизация материала (т. е. установлена определенная с и с т е м а), можно говорить об отношениях внутри этой системы. Иными словами, критерии анализа, ведущего к установлению системы, не должны отождествляться с отношениями внутри этой системы.

Нам представляется необходимым разграничение критериев анализа, с одной стороны, и структурных отношений, связывающих между собой элементы уже построенной системы (парадигматические отношения) или элементы речевой цепи (*синтагматические отношения*) — с другой. Неразличение этих категорий, как нам кажется, неблагоприятно сказывается на ряде лингвистических работ, в которых такие термины, как «принцип», «критерий», «метод», «прием анализа», «отношение между лингвистическими единицами», «функция», «отношение в системе» и др., употребляются свободно и неточно. Так, нередко можно встретить параллельное употребление таких выражений, как «дистрибутивный принцип анализа», «дистрибутивный критерий», «дистрибутивный метод», «дистрибутивные отношения» и пр. Нестрогое и неразборчивое употребление в некоторых работах таких терминов, как «принцип», «свойство», «метод», «критерий», заводит анализ в порочный круг. Необходимость в строгом разграничении и определении этих понятий (и в первую очередь понятий отношений в языке) представляется вполне назревшей.

Следует признать, что сама по себе мысль автора о том, что при анализе конкретного языкового материала не всегда нужно подводить те или другие элементы под определенные рубрики, а необходимо учитывать и описывать их сложную и противоречивую природу, представляется нам здравой и своевременной. В этом нас убеждают долгие и часто бесплодные споры, которые годами ведутся о качестве того или другого образования (следует ли его отнести к сложным словам или словосочетаниям, корням, аффиксам или полуаффиксам и пр.). Строгие определения необходимы лишь для «идеальных» или «полярных» единиц, но природа языкового развития такова, что не позволяет отождествить с этими «идеальными» единицами все реально употребляющиеся в речи элементы.

С другой стороны, объединение в один класс единиц с различающимися формальными характеристиками (в том числе промежуточных, переходных элементов) не позволяло дать этому классу удовлетворительного определения. Вспомним долгие дискуссии, которые до сих пор ведутся по поводу определения слова, предложения, морфемы, сложного, производного, простого слова и пр. Возражения, которые выдвигаются против тех или других определений, часто сводятся к указанию на конкретные примеры, которые либо не учтены, либо противоречат данному определению. На самом деле такие возражения никак не проясняют проблему, поскольку определение той или другой грамматической категории должно отражать лишь «классические» случаи, т. е. именно те, которые, по теории А. Жуильяна, занимают полярные позиции на оси. Таким образом, полярный принцип А. Жуильяна, как кажется, вызван к жизни действительными недостатками лингвистической практики, нередко требующей категорического решения всех вопросов, в том числе тех, которые не могут быть решены в категорической форме. Однако в этих недостатках отнюдь не повинен бинарный принцип Р. Якобсона. Напротив, вытекающее из дихотомической теории Р. Якобсона понимание единиц языка как пучков дифференциальных признаков позволяет в случае необходимости ввести вместо обычных непересекающихся классификационных схем (в которых каждое слово может быть отнесено к одному и только к одному классу, характеризующемуся определенной суммой признаков) «скользящие» классификации, дающие перекрещивающееся разбиение материала с учетом одного дифференциального признака каждый раз.

Нельзя не заметить вместе с тем, что бинарный принцип не следует отождествлять и с решением вопросов по принципу «или/или», как это делает А. Жуильян. Так, можно говорить, например, о категорическом (или/или) или некатегорическом подходе к сегментации, которая, вообще говоря, прямого отношения к бинарной теории не имеет.

Мы коснулись лишь немногих вопросов, поднятых А. Жуильяном в его интересной книге. Все проблемы, освещенные в этой небольшой монографии, отличаются новизной и здравым смыслом, современностью и полемической заостренностью в их постановке. В заключение нам остается лишь пожелать, чтобы обширные замыслы А. Жуильяна были им с успехом осуществлены[5].

[5] Приношу искреннюю благодарность Г. С. Щуру, познакомившему меня с работами и проспектами А. Жуильяна.

Н. Д. Арутюнова

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЛИНГВИСТИКИ В РАБОТАХ Д. БОЛИНДЖЕРА

Д. Болинджер — автор нескольких фундаментальных исследований[1]. Однако наиболее интересны для обзора многие его статьи — отклик на работы коллег, причем на те работы, которые в данный момент пользуются наибольшей популярностью и наибольшим признанием. Почти все эти отзывы полемичны. Болинджер умеет подобрать убедительные аргументы, показывающие слабые места уже признанных концепций или расплывчатость формулировок, считающихся точными. Именно эта полемичность и острый скептицизм многих статей Болинджера могут служить основанием для того, чтобы кратко рассмотреть творчество этого лингвиста, концептуально в известной степени стоящего особняком.

Сфера интересов Болинджера — испанистика[2], английский язык, в частности вопросы изучения английской интонации, и некоторые лингвистические области, как будет изложено далее, весьма специфические. В недавнее время вышла книга Болинджера, по существу представляющая собой теоретическое обобщение многих предшествующих его статей[3].

*

В 1957 г. Мартин Джуз определял сущность лингвистики, сопоставляя ее с *дискретной математикой или с квантовой механикой*[4]. Язык, по его определению, есть система дискретных элементов; в каждом отдельном случае носитель языка делает выбор. В языке, как он описывается лингвистами, нет места непрерывности (континууму), «лингвистические категории есть абсолюты, не знающие компромиссов». К каждому языковому факту мы обязаны приклеить определенный грамматический ярлык. Так, например, в русском языке существительное может быть или во множественном, или в единственном числе, глагол может быть или в настоящем, или в прошедшем, или в будущем времени и т. д. Эта жесткая обязательность в отнесении каждого языкового явления к определенному дискретному факту языковой модели названа Джузом «тиранией лингвистических категорий». Отношения, существующие между дискретными категориями языка и непрерывными феноменами реальной действительности, весьма сложны и, как полагает Джуз, не могут быть описаны точным образом. Те явления речи, которые трудно изобразить через набор дискретных единиц (например, различного рода эмоциональные интонации), объявляются нелингвистическими.

Книга Болинджера «Generality, gradience and the all-or-none» направлена против такой точки зрения. Автор ее берется показать, что недискретная непрерывность свойственна языку в той же степени, что и явлениям непрерывной действительности. Эта недискретность, как предполагается, несет коммуникативную функцию. Непрерывный характер языковых фактов показывается Болинджером на трех явлениях: 1) так называемой «генерализации», 2) длительности произнесения языковых отрезков, 3) интонации.

Генерализация в языке есть явление, которое, как подчеркивает Болинджер, нельзя смешивать с омонимией. Так, генерализация имеет место в слове *friend* (означает друга любого пола), а омонимия — в слове *light* («легкий» или «светлый»?). Вслед за Ю. Р. Чжао Болинджер считает генерализованным тот символ, который применяется к ряду вещей или явлений, разница между которыми вообще существует, но для данной ситуации является нерелевантной. Болинджер приводит английскую фразу: *See them yet?* Потенциально эта неполная фраза может восходить к трем полным: 1) *Do you see them?*; 2) *Did you see them?*; 3) *Have you seen them?*, из которых две первых близки друг к другу по формальному строению, но различаются по смыслу; между двумя последними существует обратное соотношение. В этом случае, по мнению Болинджера, имеет место генерализация: различие между тремя предполагаемыми фразами-источниками стирается и перестает быть существенным.

Столь же неопределенен бывает источник ошибок при случайных оговорках. (Болинджер придает большое значение изучению аномалий языкового употребления, видя в них один из источников для исследований языка в целом.) Так, например, неясно, к какому слову — *sap* или *milksop* — восходит оговорка *milksap*; к какой фразе: *you have available* или *you have at your command* восходит оговорка *you have at your avail*. Пример *генерализации в синтаксисе: I don't like him going so fast.*

Особым явлением, также способным не быть дискретным, Болинджер считает время произнесения языкового отрезка. Общая функция этой длительности, по его мнению, аналогична функции ударения.

---

[1] См., например: D. L. Bolinger, Interrogative structures of American English, University of Alabama press, 1957.

[2] Так, например, ему принадлежит учебник: D. Bolinger, Spanish review grammar, New York, 1956.

[3] D. L. Bolinger, Generality, gradience and the all-or-none, 's-Gravenhage, 1961.

[4] M. Joos, Description of language design, в кн.: M. Joos, Readings in linguistics, 1957.

Обычно длительность произнесения не считают фонематичной; в большинстве исследований она включается, наряду с другими показателями, в общее понятие интонационного рисунка. Болинджер считает длительность самостоятельно функционирующей областью языковых различий. Функцию увеличения этой длительности он видит в привлечении внимания слушателя. При этом Болинджер высказывает гипотезу о зависимости времени произнесения отрезка от степени привычности текста. Для проверки этой гипотезы им был произведен опыт [5]. Были подобраны пары слов, привычных по сочетанию, и пары слов, менее привычных по сочетанию (с одним словом, совпадающим с соответствующей первой парой). Например:

Привычные пары	Непривычные пары
lie detector	*lye detector*
wall paper	*wall flower*
hair-raising	*hare raising*
wine glass	*wine press*

Во всех случаях вторая пара слов произносилась дольше. Различие в длительности Болинджер считает увеличивающимся постепенно, переход от одного состояния к другому при этом непрерывен. Столь же непрерывен переход в сложных конструкциях от сочетаний, где определенное слово является самостоятельным, к сочетаниям, где это же слово служит формативом. Например, таковы конструкции с *man*: *free man* → *leg man* → *trashman* → *mailman* → *postman* [6].

Последняя группа недискретных языковых явлений — интонационные модели. Возражая Э. Фишер-Йоргенсен, считающей, что небольшое расхождение в произнесении звука редко соответствует расхождению в смысле, Болинджер утверждает, что различия такого типа имеют место, а именно — в интонации. Альтернативный выбор (all-none) есть и в интонации между повышением тона и его отсутствием, однако переходы от одного уровня высоты тона к другому, по мнению Болинджера, непрерывны и неопределимы.

*

Причину недискретности языковых уровней Болинджер видит в сложности взаимоотношений между элементами языка и тем смыслом, который передается этими элементами. Именно интерес к передаваемому значению, интерес к семантике определяет все работы Болинджера. В связи с этим его больше интересует различное, но не общее в элементах одного и того же формального класса. Естественно, что при таком подходе возникает критическое отношение к так называемым формальным классификациям языковых единиц. Одна из ранних работ Болинджера посвящена критике принятых определений морфемы [7]. В ней Болинджер говорит о непрерывности перехода от морфемы к неморфеме через так называемые субморфемы. Приводятся случаи, когда, пользуясь предложенными критериями, трудно выделить морфемы, которые были бы бесспорны. Так, например, можно ли говорить о морфеме *-cept* в словах *concept*, *recept* или о морфеме *re-* в словах *religion*, *recipe*? [8]. Именно этой зыбкости тезиса о том, что морфема есть минимальная единица языка, имеющая значение, посвящена следующая работа Болинджера на ту же тему [9]. Сфера языковой семантики, по его мнению, есть своеобразная и весьма сложная область отношений, которая по-разному соотносится с языковыми единицами. Для иллюстрации этого тезиса Болинджер обращается к необычной для классической структурной лингвистики сфере исследования — изучению звукосочетаний, вызывающих некоторые определенные ассоциации у носителей языка. Так, например, он приводит ряды слов, объединенных сходством звучания конечных групп звуков: *owl*, *frowl*, *joul*, *scowl*, *howl*, *rowel*, *bowel*, *jowl*.

В семантике большинства этих слов есть оттенок чего-то мрачного (*sinister*). Болинджер проверяет это на следующем опыте. Пятнадцати участникам эксперимента предлагаются три слова (приблизительно одной семантической сферы): *wimple*, *togue*, *cowl*. Задача испытуемых — указать слово с «мрачным» значением. Такое слово совпало у всех участников: *cowl*. Для созвучий такого рода Болинджер вводит термин «фонестема». Таким образом, в языке оказывается возможным выделить ряды форм, связанных между собой семантико-ассоциативным сходством. На сходстве такого рода для конечных звуков, как известно, с давних пор строится совпадение рифм. Болинджер, однако, приводит цепочки созвучий в начале слова (*glace* — *glacial* — *glamor* —

[5] Эксперимент, проводимый для подтверждения той или иной гипотезы, для работ Болинджера — явление очень частое.

[6] См.: R. B. Lees, The grammar of English nominalizations, [Bloomington], 1960, где случаи такого типа не дифференцируются, а считаются сложными словами (compounds).

[7] D. Bolinger, On defining the morpheme, «Word», IV, 1, 1948.

[8] См., например, выделение псевдоаффиксов типа *радио-*, *юзать* в ряде работ по машинному переводу.

[9] D. Bolinger, Rhyme, assonance and morpheme analysis, «Word», VI, 2, 1950.

glance — glass — gleam — glim — glean... spraddle — spray — sprlay — splatter...), в конце слова (*shutter — stutter — sputter — splatter — spatter...*) и т. д. Он конструирует целую сеть звуковых ассоциативных рядов, выделяемых для одного слова[10]. Болинджер считает такие ассоциативные ряды результатом не застывшего, а, напротив, весьма продуктивного процесса с возможными инновациями. Так же сложно, по его мнению, переплетаются единицы смысла и единицы языка во фразовой интонации, а также при изучении места и силы ударения в слове и во фразе[11].

Именно разница в передаваемом смысле вызывает к жизни, по мнению Болинджера, такое явление, как логическое ударение (contrastive accent). В этом случае имеет место противопоставление члена предложения некоторому феномену, ассоциирующемуся с ним парадигматически и непосредственно в предложении не выраженному. Напротив, во фразе *Это его* ***красивая*** *дочь* выражается противопоставление по отношению к какой-то явно существующей другой дочери, некрасивой. Во фразе *Это его красивая* ***дочь*** противопоставляемым членом служит красивый сын, во фразе *Это* ***его*** *красивая дочь* красивая дочь одного человека противопоставляется красивой дочери какого-то другого человека и т. д.[12].

Ударению такого типа (контрастному акценту) Болинджер противопоставляет контрастное ударение (contrastive stress). Контрастное ударение — это перемещение нормативного ударения в слове для сознательного противопоставления его обычному узусу или благодаря ассоциации с другими словами, семантически с ним связанными. Пример Болинджера: есть слово *hotēl* и слово *mōtel*, *hotēl* → →*hōtel*. Аналогичные процессы происходят в так называемом терминологическом ударении (*компáс*, *афазúя*, *рапóрт* и т. д.) или при ассоциативном ударении типа *дéбет — крéдит*.

Зависимость ударения от выражаемого смысла Болинджер соотносит со структурой синтаксиса данного предложения, считая, что потенциальная возможность принимать на себя логическое ударение различна у разных частей речи[13]. При этом он приходит к выводу, что синтаксическая избыточность в предложении необходимым образом приводит к деэмфазации.

Разного типа эмфатическое употребление членов предложения (в случаях, разбираемых Болинджером, речь идет об использовании различных интонационных средств) связывается им с тем явлением, которое К. Пайк называет «гипостазисом». Имеются в виду случаи, когда языковые средства становятся инструментом для *расслоения* элементов того же языка, т. е. случаи, когда семиотически релевантным становится специфическое, а не обычное функционирование единиц языковой модели. Внутри интонационных моделей, всегда сопоставляемых им с общим смыслом данного высказывания, Болинджер пытается найти некоторые модели, которые, по его мнению, являются универсальными и независимыми от языковой специфики[14]. Так, например, он видит общие черты в интонации ряда языков североамериканских индейцев и языков Западной Европы.

С общим интересом Болинджера к проблеме передачи смысла высказывания связывается его статья, посвященная следующей задаче: определить, как располагаются в зависимости от выражаемого смысла элементы предложения, причем предложение рассматривается как цепочка, развертывающаяся слева направо. Все элементы предложения, по его концепции, располагаются таким образом, что последующие члены ограничивают по смыслу ранее появившиеся элементы того же предложения[15]. В связи с этим структура предложения представляется в виде воронки: → >

Таким образом, слова, располагаемые ближе к широкому концу этой воронки, должны быть по значению шире, чем слова, располагаемые далее. Итак, доминирующим фактором является расположение слова, а не его лексическая или морфологическая принадлежность. Например,

[10] Именно это явление вторичной смысловой связи в своем предельном варианте находит выражение в так называемой заумной поэзии. См. об этом статью Е. Д. Поливанова «Общий фонетический принцип всякой поэтической техники», ВЯ, 1963, 1.

[11] Семантика интонации трактуется Болинджером в ряде работ, специально посвященных изучению интонации: «Intonation and analysis», «Word», V, 1949; «Intonation: levels versus configuration», там же, VII, 3, 1951; «Intersections of stress and information», там же, XI, 2, 1955; «Stress and information», «American speech», XXXIII, 1958; «Contrastive accent and contrastive stress», «Language», XXXVII, 1961; «Binomials and pitch accent», «Lingua», II, 1962; «Interrogative structures of American English».

[12] D. Bolinger, Contrastive accent and contrastive stress.

[13] D. Bolinger, Stress and information.

[14] D. Bolinger, Intonation as a universal, «Preprints of papers for the IX International Congress of linguists. August 27—31 1962», Cambridge (Mass.), 1962.

[15] D. Bolinger, Linear modification, «Publications of the modern language association of America», LXVII, 1952.

предложение *Canta Juan* есть как бы ответ на вопрос *Kto poet*?, а предложение *Juan canta* есть ответ на вопрос *Что делает Хуан*? В соответствии с этим английское предложение *Why did you abruptly back away*? не равно предложению *Why did you back away abruptly*? Однако в ряде языков этой закономерности между позицией слова во фразе и содержанием, выражаемым этим словом, препятствует фиксированное место элементов, например фиксированное место прилагательного по отношению к существительному. В этих случаях, по мнению Болинджера, функцию смыслоопределяющего члена принимает на себя фразовое ударение. Таким образом, в статье Болинджера, хотя и не в прямой форме, поднимается весьма интересная проблема передачи одного и того же содержания разными языковыми средствами, т. е. проблема языковой синонимии на разных уровнях. Эта же работа Болинджера, опубликованная более десяти лет назад, поднимает вопрос, который в последние годы стал предметом серьезного обсуждения. Это проблема восприятия линейного текста и различение в связи с этим грамматики воспринимающего и грамматики воспроизводящего текста [16]. Эта проблема построения линейного текста, развертывающегося во времени и в пространстве, приобрела особенное значение в связи с более широкой проблемой объема человеческой памяти[17].

Работа Болинджера некоторым образом (сопоставление важности сообщаемого и выбранной при этом грамматической конструкции) предвосхищает гипотезу Ингве. Сходные проблемы трактуются в более поздней работе Болинджера[18]. Болинджер разбирает зависимость между позицией и функционированием элементов для разных уровней языковой структуры. В некоторых случаях различие позиции обусловлено нелингвистическими отношениями, в других — это внутренне языковые факторы. Более подробно Болинджер разбирает случаи, когда одни языковые элементы заменяют другие, при каких условиях это происходит (заменяется вспомогательный элемент, заменяется субъект, заменяются вопросительные слова и т. д.).

Как очевидно, анализ многих грамматических явлений Болинджер проводит с точки зрения того, какое значение при этом передается. Структура предложения, интонационный рисунок фразы, эмфаза и др. наблюдаются им сквозь призму семантики. Однако именно это значение, которое в работах Болинджера играет основную роль, им не дифференцируется.

В последнее время все более отчетливо видна необходимость разграничивать грамматическое значение, т. е. значение, выраженное в данном языке обязательно, и значение неграмматическое[19]. В этом смысле интонация вопроса не стоит в одном ряду с интонацией гнева. Значения же, о которых говорит Болинджер, неиерархизованы и неопределены. То же явление эмфазы, о котором говорится в ряде его статей, находит более определенное место в языковой системе, согласно концепции другого автора[20]. Ворт считает эмфазу грамматической категорией с определенной функцией и соотносит ее с отрицанием и вопросом, объединяя все три явления под общим названием *суперсинтактики*, сфера приложения которой распространяется как на ядерные, так и на производные структуры.

Именно это недифференцированное понимание столь широкой области, как значение, часто ведет Болинджера к универсализации грамматического в языковой модели, когда лингвистическое и экстралингвистическое смешиваются. Так, Болинджер в схему интонации включает, например, и жест. Сложность и неясность в привлечении семантических критериев отмечает в рецензии на книгу Болинджера Р. Лиз, значительное место уделяя разбору этих критериев[21]. При различении грамматических и неграмматических значений, выражаемых словом, морфема и фонестема (см. выше) не станут в один ряд, даже если второе объявить подъединицей первого. Действительно, для ряда *блеклый*, *бледный*, *блондин* или ряда *грубый*, *грязный*, *грех* можно говорить о некотором общем впечатлении от сочетания *бл-* или *гр-*. Однако такое «значение» не соотносимо с грамматическим значением, передаваемым морфом *-ый* в тех же словах.

---

[16] См., например: Ch. Hockett, Grammar for the hearer, сб. «Structure of language and its mathematical aspects», Providence (Rhode Island), 1961.

[17] См.: V. H. Yngve, A model and an hypothesis for language structure, Cambridge (Mass.), 1960; G. A. Miller, The magical number seven: plus or minus two: some limits of our capacity for processing information, PR, 63, 1956.

[18] D. L. Bolinger, Locus versus class, в сб. «Miscelánea homenaje a André Martinet», La Laguna, 1957.

[19] См.: И. А. Мельчук, О некоторых типах языковых значений, в кн.: О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева, Р. М. Фрумкина, О точных методах исследования языка, М., 1961.

[20] D. S. Worth, Suprasyntactics, «Preprints of papers for the IX International Congress of linguists...».

[21] R. Lees, [рец. на кн.:] D. Bolinger, Interrogative structures of American English, «Word», XVI, 1, 1960.

*

Особенностью Болинджера как лингвиста можно считать также интерес к специфике употребления речи. В аномалии узуса, многими лингвистами считающейся явлением периферийным, а иногда и экстралингвистическим, Болинджер видит источник более глубокого изучения всей языковой структуры в целом. Выше уже говорилось о выводах, сделанных им из наблюдения длины отрезков речи при звучании или из наблюдения над перемещением ударения по отношению к норме. Специфической проблеме посвящена одна из последних работ Болинджера [22]. Статья эта трактует своеобразную проблему, именно по каким путям идет воспоминание забытого слова, забытого имени. Болинджер классифицирует типы воспоминания по лингвистическим уровням ассоциаций. Например, пусть забыта фамилия *Пекарский* (у Болинджера приводятся английские примеры). При ее ошибочном восстановлении может возникнуть фамилия *Бекарский* (ассоциируются сходные в артикулярном отношении фонемы), фамилия *Пекарников* (ассоциируются морфемы со сходной функцией) и, наконец, фамилия *Булочников* (ассоциируются семантические связи слова, его внутренний смысловой образ). Более широкий вопрос, возникающий в связи с этим,— как закрепляются языковые единицы в человеческом сознании и каковы ассоциативные связи этих единиц? Решение этого вопроса, как показывает Болинджер, может быть индивидуальным. Так, один человек ассоциирует на фонемном, другой — на морфемном, третий — на лексико-семантическом уровне.

Изучая разные виды морфем, Болинджер один из первых (в 1946 г.) обращается именно к письменной, а не к звучащей речи [23]. Письменный текст он определяет как цепочку морфем, существующих на своем собственном, независимо от устной речи, уровне. Часть этих морфем абсолютно автономна по отношению к устной речи, другие же некоторым образом соотносятся к ней [24]. Болинджер обращает внимание на специфические черты именно письменной речи. Он описывает случаи так называемых зрительных диалектов (eye-dialect), когда пишут *wimmin* вместо *women*, случаи сознательных описок — *sinema* вместо обычного *cinema*. В качестве особых знаков, присущих только письменным текстам, Болинджер выделяет заглавные буквы — знаки, не имеющие звукового эквивалента. Подробно разбирая такие особенности письменного текста, как цитирование, зрительные каламбуры и т. д., Болинджер призывает пересмотреть тезис о том, что язык может быть изучен без обращения к его графической субстанции. Многие из положений этой работы получили широкое распространение в дальнейшем, особенно после начала работ по машинному переводу.

*

Как уже говорилось выше, Болинджера больше интересует «реальная» недискретность языковых фактов, чем самая точная, но дискретная и потому негибкая модель, создающая «тиранию лингвистических категорий», заставляющая делать выбор. В этом смысле для Болинджера важнее неучтенные, но не простые классификационно факты употребления речи, чем попытки организовать в виде конструктивного описания количественно преобладающие, но простые факты. При таком подходе, ясном и из прежних работ Болинджера, можно было предположить заранее, что его отношение к возникшей школе трансформационного метода не будет во всяком случае явно положительным. И, действительно, через несколько лет после опубликования первых работ по трансформационной грамматике появилась статья Болинджера с весьма характерным названием [25]. Существуют, по его мнению, два пути исследования, в известной степени дополняющих друг друга, однако весьма различных по существу. Первый путь связан с непосредственными языковыми фактами, второй — с построением модели описания. В чем опасность первого пути? При таком подходе, как признает сам Болинджер, слишком много выпадает на долю интуиции исследователя; кроме того, неизбежно возникающая при этом неединообразность описания крайне затрудняет научный обмен полученными результатами. Однако опасность второго подхода (который и является, как можно предположить, «лингвистическим инженерством») — в гипнозе моделей, взятых из формальной логики и математики, в результате чего факты, не укладывающиеся

[22] D. Bolinger, Verbal evocation, «Lingua», X, 2, 1961.

[23] D. Bolinger, Visual morphemes, «Language», XXII, 4, 1946.

[24] Необходимо оговорить, что под морфемой Болинджер понимает то, что в настоящее время многие называют морфом. О разграничении этих понятий см. статью: Ch. F. Hockett, Linguistic elements and their relations, «Language», XXXVII, 1, 1961, а также статью З. М. Волоцкой и Т. Н. Молошной «О некоторых понятиях морфологии» (сб. «Исследования по структурной типологии», М., 1963).

[25] D. Bolinger, Linguistic science and linguistic engineering, «Word», XVI, 2, 1960.

в рамки данной модели, попросту отбрасываются.

Трансформационный метод может, по мнению Болинджера, стать по-настоящему полным и заслуживающим внимания при лингвистическом описании лишь в том случае, когда он будет применим ко всей массе лингвистических фактов. Трансформационная модель в существующем варианте пригодна лишь тогда, когда она *прилагается к фактам, полностью* грамматикализованным, т. е. разлагающимся на дискретные и внутренне организованные элементы *без тирании привнесенных* извне категорий. При классификации же подобным образом явлений, грамматикализованных не полностью или совсем не грамматикализованных, лингвистический анализ становится лингвистическим инженерством[26]. Именно трансформационный анализ приводится Болинджером в его последней книге («Generality, gradience...») как пример столкновения модели и *реальных языковых фактов, когда* становится весьма зыбким и часто затруднительным даже для коренного носителя языка определить, возможна или невозможна для данного языка та или иная полученная трансформа.

Во многих работах Болинджера в явном или неявном виде можно усмотреть презумпцию существования какого-то подлинного адекватного описания языка, противостоящего описанию неадекватному. В ряде случаев Болинджер прямо апеллирует к этому «настоящему» описанию. Таким образом, речь идет (если развить эту мысль далее) о существовании единственного полного описания языка.

В последние годы стала привычной мысль о допустимости множественного описания одних и тех же фактов одного и того же языка, при котором принимается существование нескольких, вполне справедливых в отдельности моделей этого языка. Классической в этом смысле стала известная статья Ю. Р. Чжао[27]. От языковых фактов требовалась лишь непротиворечивость заданным условиям. Однако даже в некоторых самых давних работах по структурной лингвистике уже говорилось о возможной единственности каждой языковой структуры. В частности, еще Ч. Хокетт писал о том, что «язык есть то, что он есть, и у него именно та структура, которую он имеет»[28]. Разделяя описание языка на описание эмической и этической его структуры, К. Пайк считает описание эмической структуры единственным по своей природе — т. е. единственным описанием тех отношений, которые существуют между элементами плана содержания данного языка. В этом смысле Пайк предлагает несколько переосмыслить статью Ю. Чжао, приняв тезис о неединственности описания приемлемым лишь для этического уровня[29].

Во многих описаниях языка, носящих конкретный и часто прикладной характер, приводились различные классификации одних и тех же языковых фактов. В ряде случаев собственная интуиция исследователя подсказывала ему, что существует некоторое несоответствие между предложенной моделью и его собственным интуитивным представлением о фактах этого языка. В таких случаях обычно вводились оговорки «условно», «в целях удобства описания» и т. п. Интуиции носителя языка значительное место уделил Н. Хомский в докладе на IX Международном конгрессе лингвистов. Настаивая на правомерности ориентации на человеческую интуицию, Хомский говорил о необходимости формализовать эту интуицию, о том, что лингвистическая теория должна быть объясняющей моделью по отношению к интуитивному представлению[30]. В этом смысле трансформационный анализ (предполагается, что *различается трансформационный* анализ и трансформационный синтез) представляет собой именно такую попытку введения точных критериев для разграничения конструкций, совпадающих на уровне непосредственно составляющих. Расслоение таких конструкций по различию в возможных трансформах представляет собой именно некоторую интерпретацию этого различия. И в этом смысле трансформационная модель, предложенная Хомским, которую сам он возводит к традиционной грамматике, а не *классической структурной лингвистике*, является не только описывающей, но и объясняющей моделью.

*

Изложенные в данном обзоре работы Болинджера (автору не удалось ознакомиться с рядом его статей, оставшихся, таким образом, вне рассмотрения) гово-

[26] Серьезной критике эти положения *Болинджера подвергаются* в статье: E. C. B a z e l l, Meaning and the morpheme, «Word», XVIII, 1—2, 1962. Бэзелл показывает, что разница между ограничениями, накладываемыми грамматикой, и так называемым «свободным распределением» неопределенна. Так, во фразе *Он пришел вчера* выбор времени глагола определен наречием *вчера*.

[27] Y. R. C h a o, The non-uniqueness of phonemic solutions of phonetic systems, в кн.: M. J o o s, Readings in linguistics.

[28] Ch. F. H o c k e t t, A note on «structure», в кн.: M. J o o s, Readings in linguistics.

[29] K. L. P i k e, Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior, pt. I, Glendale, 1954.

[30] N. C h o m s k y, The logical basis of linguistic theory, «Preprints of papers for the IX International congress of linguists...».

рят об оригинальности лингвистического подхода этого языковеда. В заключение, однако, хотелось бы в нескольких словах резюмировать все сказанное.

Сильной стороной работ Болинджера прежде всего является критика догматического подхода к описанию языковых фактов. Болинджер умеет найти неописанные и в каком-то смысле новые для модели явления. Многие статьи Болинджера, хотя он сам об этом нигде не говорит, могут рассматриваться как демонстрация того, что большинство так называемых точных и строгих терминов и формулировок на самом деле носят не абсолютный характер, а годятся лишь для количественно преобладающего числа фактов.

Несомненно важен интерес Болинджера к человеку как носителю языка, и к тому, по какой причине человек выбирает именно те или другие элементы языка, употребляя их в своей речи.

Таким образом, Болинджера больше всего интересует не текст (основная данность для традиционной структурной лингвистики), а процесс выбора, процесс организации текста. Человек представляется при таком подходе некоторым сознательно действующим устройством, внутренняя организация которого неизвестна (ситуация «черного ящика»); и многие статьи Болинджера есть попытка разобраться во внутреннем устройстве этого «черного ящика». Выдвижение проблемы реального описания, несмотря на первоначально кажущуюся утопичность этой идеи, тоже принадлежит к одной из заслуг Болинджера. О злободневности этой проблемы можно судить хотя бы по резкой заостренности против этого (в широком смысле) подхода в статье А. В. Исаченко [31]. Исаченко возражает против «оракула», знающего реальную языковую картину, справедливо возражая, что этой картины никто воочию не видел. Однако пафос статьи Исаченко — в доказательстве того, что бинарный принцип идентификации грамматических категорий не противоречит интуитивному пониманию реальной языковой картины.

Тем не менее позитивные взгляды Болинджера в основном неконструктивны. Некоторая схематичность критикуемых им концепций часто бывает вынужденной. В самом деле, при решении задач, например, чисто прикладного характера жесткость налагаемых фактов модели неизбежна. В частности, характеризуя слово в словаре, его всегда относят к одной из выделенных частей речи. Если его объявить не относящимся ни к одной из известных частей речи, то оно образует новый класс, «промежуточный» или «негативный». Исходя из концепции непрерывного языкового континуума, невозможно заниматься автоматическим распознаванием или автоматическим синтезом упорядоченных отрезков текста. И в этом смысле «лингвистическое инженерство» не только оправдано, но и необходимо.

Недискретность языковых фактов, непрерывность перехода от одного языкового состояния к другому, как представляется, наиболее интересно может быть показана на каком-либо фрагменте языковой действительности, ограниченном заданными пределами. Так, например, интересно показать непрерывность перехода в осознавании формы глагола как формы настоящего или как формы будущего времени, непрерывность перехода от нейтральной интонации до интонации, эмоционально окрашенной. Однако трудно представить себе, как можно таким образом описывать целый язык.

Возражая против дискретности в языковом описании, Болинджер сам задает эту дискретность, правда, не всегда явным образом. Например, располагая привычные и непривычные сочетания слов по времени их произнесения, Болинджер оперирует лишь критерием «больше — меньше», создавая, таким образом, два класса из элементов, которые, вероятно, можно было бы выстроить в один непрерывный ряд. Однако это решение вполне совпадает с поставленной им самим задачей.

Острота критики и частая убедительность приводимых фактов делают, несмотря на это, работы Болинджера весьма интересными и для многих лингвистов, которые и не соглашаются с его концепциями, предпочитая конкретные и удобные для различных целей языковые описания картинам «подлинной» языковой реальности.

Т. М. Николаева

[31] А. В. Исаченко, Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения, ВЯ, 1963, 2.

***M. Cohen.* Nouveaux regards sur la langue française.**—Paris, Éditions sociales, 1963. 315 стр.

Вопросы культуры речи и пропаганды лингвистических знаний среди широких кругов населения становятся одной из первостепенных задач советских языковедов. Повседневная языковая практика ставит целый ряд теоретических проблем, активно обсуждающихся в советской лингвистической литературе: пути расширения социальной базы литературного языка, методы изучения народной речевой жизни, соотношение между фиксированными нормами, узусом и индивидуальным говорением, проблема колеблющихся норм, дифференциация языковых средств, вы-

явление типичных для всех языков отклонений от нормы и др.[1]. Особую важность приобретает принципиальный вопрос о том, какую позицию должен занимать лингвист по отношению к отклонениям от языковой нормы, зафиксированной в словарях, грамматиках и других руководствах по языку. Несомненный интерес представляет ознакомление с опытом, накопленным в этой области за рубежом.

Рецензируемая книга, принадлежащая перу выдающегося французского языковеда-марксиста Марселя Коэна, не представляет собой систематического изложения актуальных вопросов французского языка. Она объединяет 52 научно-популярных очерка, которые регулярно, раз в две недели, автор печатал в газете «l'Humanité» в период с октября 1960 по сентябрь 1962 г.

Крайне разнообразные по своей тематике, эти очерки касаются и фонетики, и орфографии, и грамматики, и лексики, и стиля. Автор черпал материал в повседневном чтении литературы, особенно в прессе, в разговорах окружающих, радиопередачах. Многие темы были навеяны письмами читателей.

В предисловии М. Коэн с предельной ясностью характеризует цели, которые он ставил себе, выступая в газете с регулярными заметками о французском языке. Перед автором стояли две основные задачи — популяризация знаний о родном языке и наблюдение фактов современного французского языка. Раскрывая в популярной форме широкому читателю механизм французского языка, автор использует материалы наблюдения для опровержения некоторых догм традиционной грамматики, пустивших глубокие корни в преподавании и в лингвистических трудах. Здесь прежде всего встает вопрос об отношении к норме языка, ее нарушениям и изменениям. Эта проблема особенно важна для такого языка, как французский, где норма установилась в основном уже триста лет тому назад и регламентирована до мелочей в многочисленных грамматиках и словарях. Но чем жестче языковая норма, тем чаще она нарушается, ибо язык находится в постоянном развитии. В нынешнем веке отступления от нормы стали настолько значительны, изменения в языке настолько заметны, что каждое новое поколение лингвистов подымает вопрос либо о «кризисе французского языка», либо о качественных изменениях в языке, приводящих к образованию так называемого le français avancé («продвинутый французский язык») или le néo-français («новофранцузский язык»)[2].

М. Коэн отмечает, что наблюдается различное отношение к отступлениям от нормы. Большинство людей, не специалистов-языковедов, не замечает этих отклонений, не реагирует на них. Другие, к которым относятся многие филологи и преподаватели, перед лицом таких отклонений от нормы, бьют тревогу, стремятся запретить и изгнать из языка многие новшества.

Что же должен делать языковед-материалист, как ему следует относиться к нарушениям нормы, по мнению М. Коэна? Прежде всего, как и всякий другой исследователь, лингвист должен внимательно наблюдать, собирать факты, тщательно регистрировать новые явления. Далее он должен, по мере возможности, объяснять эти отклонения и изменения нормы, используя с этой целью как данные истории языка, так и положения общей лингвистики. Он должен показать широкой публике, что многие из «нарушений», «языковых чудовищ», не являются порождением случайной фантазии, а закономерны, связаны с какими-то глубинными явлениями в языке.

Что касается таких «нарушений», то лингвист должен не осуждать их, а освещать и объяснять. Однако роль лингвиста не сводится к роли регистратора, «коллекционера языковых чудовищ». Он должен быть и моралистом. Изучая и объясняя новшества и отклонения от нормы, он создает базу для решений, которые должны быть направлены не на мелочные ограничения и запрещения, а на то, чтобы поставить язык на службу все более широких слоев населения, сблизить письменную форму речи с устной — проблема чрезвычайно острая и первостепенная для Франции, где между устной речью и книжно-письменной формой языка существуют значительные расхождения[3]. Но позиция языковеда не должна быть бесстрастной. Постоянно держа руку на пульсе языка, он обязан показывать, как лучше пользоваться тем

[1] См., например: С. И. Ожегов, Очередные вопросы культуры речи, сб. «Вопросы культуры речи», I, М., 1955; В. В. Виноградов, Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры, ВЯ, 1961, 4; М. В. Панов, О развитии русского языка в советском обществе, там же, 1962, 3; А. К. Соловьева, Проблемы индивидуального говорения, там же; а также применительно к французскому языку: Р. А. Будагов, «Словарь трудностей французского языка» и его значение для культуры речи, там же, 1959, 2.

[2] См. по этому вопросу интересную статью J. Dubois, Le «néo-français». Réalité ou illusion? «La Pensée», № 96, 1961.

[3] Ж. Вандриес писал: «У французов язык письменный и язык устный так далеки друг от друга, что можно сказать: по-французски никогда не говорят так, как пишут, и редко пишут так, как говорят» («Язык», М., 1937, стр. 141).

орудием, каким является французский язык в середине XX в. Вместе с тем он должен бороться против педантичного пуризма. Следует отойти от канонизации грамматических правил из учебников и словарных значений слов, если они систематически нарушаются многими говорящими на данном языке. Освобождение от надуманных языковых догм, унаследованных *от прошлого*, является, по мнению М. Коэна, одной из сторон общей эмансипации. Язык представляет сложное явление, все элементы которого взаимосвязаны. Поэтому, вынося суждение по вопросам языковой нормы, следует проявлять осторожность и благоразумие. «Здесь должным образом нюансированный рационализм предпочтительнее безрассудных запретов, которые поборники нового должны оставить сектантским защитникам *отжившего*» (стр. 14). Итак, наблюдение фактов → установление их места в общей системе языка → их объяснение → объективные рекомендации — такова основная линия автора. Посмотрим теперь, как она реализуется в освещении отдельных вопросов французского языка.

Добиться повышения культуры речи невозможно без популяризации лингвистических знаний. Необходимо, чтобы *широкие слои населения понимали* механизм родного языка. И многие заметки М. Коэна представляют собой небольшие популярные лекции, в которых разъясняются те или иные вопросы французского языка. Они содержат иллюстрации из живой речи, часто даже устных выступлений, причем многие явления дифференцируются стилистически. Так, например, объясняются пути развития значения слова (3) [4], роль латинско-греческих элементов в развитии французского словаря (19, 51), возникновение неологизмов (29), образование фразеологических речений (49), излагается история французского отрицания (20), разъясняется, что такое склонение, пережитки которого обнаруживаются в системе местоимений (30), объясняется структура относительного предложения (48), принципы порядка слов в связи с выражением прямого дополнения (36) и т. п.

Значительно больший интерес, однако, представляют те очерки, где не только дается разъяснение каких-то лингвистических явлений, но и сообщаются новые наблюдения над фактами французского языка. Эти наблюдения можно свести к трем группам.

1. В ряде случаев автор приводит новые факты и дополнительные данные, касающиеся колеблющихся норм французского языка. Так, большое внимание уделяется фонетическому связыванию слов (liaison) (22—24). Отмечаются многие случаи этого явления в разных стилях. В конце автор приходит к выводу о необходимости *проведения специальной* анкеты по этому поводу. В очерке 28 приводятся факты об элизии перед *h*. Представляют практический интерес свежие данные *о конкуренции soi* и *lui* в возвратных конструкциях, о месте личного местоимения в инфинитивных оборотах (34), об опущении *ne* (17, 20), об употреблении артикля в заголовках (25), о сочетании двух существительных с предлогом *de* и *à* (26) и другие.

2. В некоторых случаях, отмечая распространенность того или иного явления, автор выдвигает новую теоретическую трактовку его. Например, разбирая употребительность предложных оборотов в функции определения (*de pierre*), он предлагает ввести понятие locutions adjectives («*прилагательные речения*»), подобно тому, как существуют locutions adverbiales («адвербиальные речения») (20, 45). Интересны наблюдения над так называемым дополнением к предложению (50). Анализируя функционирование обстоятельств, автор справедливо указывает, что в то время, как некоторые из них являются собственно дополнением к глаголу, иные соотносятся с предложением в целом.

3. И, наконец, оригинальные наблюдения *касаются ряда вопросов*, не получивших до сего времени достаточного освещения в работах по французскому языку. Иногда такие наблюдения касаются развития значения отдельного слова (например, глагол *œuvrer* в очерке 9). Но нередко речь идет о характерных явлениях языка, на которые не обратили внимания французские грамматисты.

М. Коэн говорит о новых явлениях в синтаксисе французского предложения. Прежде всего — это безглагольные, номинальные предложения типа *nulle voile sur la mer* «ни одного паруса в море» [5]. Другое любопытное явление — подчинение без подчинительного союза, встречающееся особенно часто в style indirect libre: *Il pense au lendemain. Son père allait venir...* «Он подумал о завтрашнем дне. Придет отец...» вместо *il pensa que son père allait venir* «он подумал, что придет отец...» (6). Эти все более распространяющиеся факты игнорируются в традиционной грамматике, и именно потому, что они не укладываются в привычную схему грамматического анализа, в крайнем случае их объясняют эллипсисом.

Интересен затронутый М. Коэном и совершенно не освещенный в грамматиках вопрос об отрицательных отглагольных прилагательных и причастиях, не

[4] Здесь и далее цифры указывают на номера очерков.

[5] Любопытно, что этот тип предложений, слабо изученный в трудах французских ученых, догматизировавших глагольность предложения, не раз привлекал внимание романистов за пределами Франции, в том числе в СССР.

имеющих соответствующей позитивной формы (14). Обычно эти определения обозначают меру проявления признака, интенсивность, ср. *intraduisible* «непереводимый», *irrésistible* «непреодолимый», *inlassable* «неустанный» и т. п. Если положительные формы их и употребляются, то с наречиями «мало», «трудно» и т. п., обозначая таким образом опять-таки меру (ср. *difficilement traduisible* «трудно переводимый», *rivière difficilement franchissable* «трудно преодолимая река»). Отсюда следует, что в этих парах исходной формой является отрицательная («непреодолимый», «непереводимый»), а положительная выведена из отрицательной. В некоторых случаях отрицательные причастия не имеют соответствующих глаголов (*inédit*) [6].

Интенсивность вообще является очень интересной, с точки зрения лингвистики, смысловой категорией, ибо в сфере выражения интенсивности стирание языковых форм происходит особенно быстро и создаются все новые средства [7]. Поэтому изучение способов выражения интенсивности дает наглядное представление о живых, продуктивных явлениях в языке. В очерке 38 М. Коэн дает небольшой, но интересный обзор лексических средств выражения (главным образом в области префиксации) отсутствия признака, его недостаточности или избыточности. В другом очерке (40) Коэн подробно останавливается на явлении, которому он дает название «нулевой информации». Имеются в виду паузы в речи, а также различные междометия и словечки, служащие для заполнения пауз (франц. *n'est-ce pas, heu, dis donc* = русск. «значит», «вот», «слушай» и т. п.). С точки зрения психологии речи автор сопоставляет это явление с эхолалией. С точки зрения теории информации — с избыточностью (redondance), которая является в известной мере необходимой для предупреждения нарушения связи при коммуникации (постоянное привлечение к себе внимания собеседника) [8].

Вскрывая новые явления в языке, обращая внимание на малоисследованные факты, М. Коэн опровергает некоторые догмы, показывает неточность и неправильность некоторых привычных представлений традиционной грамматики. Так, уже в одном из первых очерков (2) он опровергает утверждение о нежизненности сослагательного наклонения в современном французском языке.

Во французском языке имеются два сходных по значению прошедших времени: passé simple и passé composé. Существует давняя догма в педагогике, согласно которой запрещается употреблять эти времена в одном и том же повествовании. И все же даже у лучших авторов нередко эти формы фигурируют в одном предложении. Наблюдая эти факты, Коэн приходит к выводу, опрокидывающему существующие представления: обе глагольные формы могут выступать в ряде случаев как полные грамматические синонимы и употребляются для варьирования, ибо тенденция французского языка к варьированию средств выражения распространяется не только на лексику, но и на грамматику. Поэтому употребление в одном тексте этих двух форм не только допустимо, но порой желательно для придания речи большего изящества (5) [9].

Аналогичным образом М. Коэн освещает и вопрос о двух формах указательного местоимения *cela* — *ça* «это» (7). Традиционная грамматика считает, что *cela* свойственно книжной речи, в то время как *ça* — разговорной форме речи. Под влиянием подобных определений многие люди, побуждаемые своего рода гиперкоррекцией, употребляют *cela* без особой нужды. М. Коэн убедительно показывает, что обе формы — синонимы и могут одинаково употребляться в разных стилях речи для варьирования средств выражения. В очерке 8 Коэн выступает против 12 «бук» традиционных пуристов. Он показывает, что многие преследуемые ими обороты речи и словосочетания на деле употребляются даже видными авторами и широкими кругами лиц, говорящих по-французски. Следовательно, во многих случаях надо подгонять нормы к узусу, а не навязывать говорящим устаревающие нормы. Во многих других случаях Коэн выступает против догм в области грамматической терминологии и классификации грамматических явлений [10].

Но выступая против бессмысленного пуризма, М. Коэн вместе с тем обращает внимание читателей на многие действительные неправильности речи. Его книга

[6] См. подробнее заметку М. Коэна по этому поводу в «Le français moderne», janvier, 1960, стр. 2—12.

[7] Ср.: Ш. Балли, Стилистика французского языка, М., 1961, стр. 202.

[8] См.: M. Cohen, Problèmes de la surabondance dans le langage, «Le courrier rationaliste», Suppl. mensuel aux «Cahiers rationalistes», 1963, 4, стр. 60—66.

[9] Тенденция французского языка к варьированию средств выражения распространяется даже на такую область, как терминология. Характерно, что составление резюме с помощью машин, вполне достижимое для английского языка, оказывается невозможным для французского именно в силу того, что одно и то же понятие обозначается различными языковыми элементами. См. «Cahiers de lexicologie», № 3, Paris, 1962, стр. 158.

[10] Более систематично взгляды автора на категории французского языка изложены в «Grammaire française en quelques pages», Paris, 1963.

является, таким образом, не только сборником тонких наблюдений над языком, но и в значительной степени пособием по правильности французской речи. Против каких же ошибок речи выступает автор? Это прежде всего неоправданные повторы, плеоназмы (11, 13). Другой частой ошибкой является контаминация словосочетаний: *gagner la victoire* «выиграть победу» (по образцу *gagner une bataille* «выиграть битву»), а также смешение паронимов (*sommes respectueuses* вместо *respectables*). Особое внимание уделяется неологизмам, их правильному употреблению, в частности их правильному написанию. Во французской лингвистической литературе не раз поднимался вопрос об отношении к англицизмам. М. Коэн, не возражая против необходимых заимствований из английского языка, настаивает на их «офранцуживании» в правописании и произношении (3). Большой интерес представляют замечания автора о выборе между параллельными средствами выражения. Например, вслед за другими учеными, он осуждает распространившуюся в последние годы во французской журналистике и художественной литературе «болезнь» «адъективит», т. е. употребление относительных прилагательных вместо конструкций «предлог + существительное» в функции определения: *l'arrivée présidentielle* буквально «президентский приезд» вместо *l'arrivée du président* «приезд президента».

Итак, рецензируемая книга М. Коэна имеет двоякий интерес. С точки зрения общего языкознания она представляет собой достойный внимания опыт научно-популярного труда в области культуры речи. Для специалистов по французскому языку она исключительно полезна как своеобразная энциклопедия по самым различным актуальным вопросам французского языка (пользование книгой облегчают тщательно составленные указатели). В этой книге, написанной тонким и внимательным наблюдателем, читатель найдет много нового: новые факты, новые наблюдения, новые оценки и трактовки. Во многих случаях она действительно дает новый взгляд на явления французского языка. Можно сказать с уверенностью, что этой книге предстоит долгая жизнь: для будущих исследователей французского языка она останется ярким свидетельством речевой жизни французского общества в середине XX в.

В. Г. Гак

№ 1 1964

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О ТОПОНИМИЧЕСКОЙ РАБОТЕ В УРАЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ им. А. М. ГОРЬКОГО

Топонимические исследования, организованные по плану научной работы кафедры русского языка и общего языкознания Уральского госуниверситета в 1959 г., начаты были со сбора и интерпретации топонимики Урала. В 1960 г. была проведена топонимическая экспедиция в Шалинском районе Свердловской области. Кроме того, на материале, извлеченном из географических карт и других письменных источников, был написан ряд дипломных работ по топонимике Урала («Тюркские названия Башкирии» Г. Корнилова, «Названия „камней“ реки Чусовой» Л. Галушко, «Мансийская оронимика Северного Урала» Г. Олесовой, «Финно-угорская этнонимика Урала» Л. Майдановой, и др.). Извлечения из этих работ опубликованы в сб. «Вопросы топономастики» (№ 1, Свердловск, 1962). Ряд статей по топонимике Урала был опубликован также автором заметки.

Изучение уральского материала (особенно субстратного) показало, что Урал в топонимическом отношении не является чем-то изолированным и что топонимика этой территории имеет много общего с топонимикой русского Севера (ср., например, название *Вишера*, отмеченное в Новгородской и Пермской областях, а также в Коми АССР, или *Юг*, зафиксированное в Архангельской, Вологодской и Пермской областях). Наряду с этим было установлено, что русская топонимика Урала вообще не отличается особым богатством словообразовательных и семантических типов, а субстратные названия исключительно плохо поддаются классификации и интерпретации в силу многообразия типов при малочисленности относящихся к ним топонимов (так, например, названий на *-ертъ* отмечено только три — *Бисерть*, *Кишерть*, *Сысерть*).

Сопоставление уральского материала с севернорусским показало, что Север намного благоприятнее для топонимического изучения, чем Урал. Дело в том, что для субстратной топонимики Севера характерны четко выделяемые типы (например, на *-еньга*, *-юга*, *-ега*, *-ой*, *-оя* и др.), нередко представленные сотнями названий. Иными словами, на Севере субстратная топонимика гораздо более системна, чем на Урале. При существующей до сих пор неразработанности методики топонимических исследований оказалось целесообразным в первую очередь изучить севернорусский материал, который лучше поддается классификации и интерпретации. На этом материале было легче разрешать и вопросы методики лингвистического анализа топонимов. Разумеется, севернорусская топонимика привлекала также и своей субъективной ценностью и постоянным интересом, проявляемым к ней (вспомним хотя бы дискуссию о ее происхождении между А. Соважо и Б. А. Серебренниковым на страницах журнала «Ural-altaische Jahrbücher», XXX, 1—7, XXXI, 406—416). Значительно богаче представлена на Севере и самобытная русская топонимика, в которой сохранилось немало древних лексических элементов (озеро *Смердье*, деревня *Дор* и т. д.), а также специфическое словообразование (ср. названия лугов на *-оватик* — *Кустоватик*, *Ольховатик*). Все эти обстоятельства привели к переориентации работы топонимического кружка кафедры: пытаясь в севернорусской топонимике найти корни уральской, в дальнейшем сосредоточили на ней основное внимание, продолжая, однако, по возможности и сбор уральской топонимики (так, недавно Г. Козлова составила «Топонимический словарь Североуральского района Свердловской области»).

Таким образом, основной задачей стало изучение севернорусской топонимики. Термин «севернорусская топонимика», который употребляется в том же значении, что и «топонимика русского Севера», требует объяснения. Введение этого термина обусловлено распространением на определенной территории русского Севера целого ряда характерных топонимических типов субстратного происхождения (на *-еньга*, *-юга*, *-ега*, *-ома*, *-ема* и т. д.). В основном топонимы такого рода засвидетельствованы на территории Архангельской и Вологодской областей, хотя они встречаются и в прилегающих районах Карельской и Коми

АССР, Ленинградской, Костромской и Кировской областей. Некоторые севернорусские субстратные названия (например, на *-екша*, *-окша*, *-ехта*, *-охта* и т. д.) имеют многочисленные соответствия и далее на юг — на волго-окской территории. Однако наиболее четко специфическая севернорусская субстратная топонимика представлена именно на территории Архангельской и Вологодской областей, хотя, разумеется, и здесь одни типы распространены шире (например, названия на *-еньга*, *-юга*, *-ас*), а другие локализуются на очень ограниченной территории (например, названия на *-щелье* — *Каращелье*, *Палощелье* — встречаются только в бассейне Мезени). Что касается русских по происхождению топонимов, то они, разумеется, как в семантическом, так и в словообразовательном плане увязываются с русской топонимикой других территорий.

Изучение географических названий русского Севера представляет интерес с различных сторон, но особенно важна субстратная топонимика, имеющая большое значение для выявления следов древнейших языковых общностей на территории русского Севера и их отношений как друг к другу, так и к современным языковым коллективам. Прежде всего изучение севернорусской субстратной топонимики важно для истории финно-угорских и самодийских языков и народов, как живых, так и вымерших. Но не исключено, что в ходе исследований будут получены сведения и о нефинно-угорских (дофинноугорских?) элементах в топонимике русского Севера. Как уже сейчас видно, собранные материалы представляют особую ценность для истории прибалтийско-финских и пермских языков, а также саамского языка. С течением времени на основе изучения этих материалов, по-видимому, удастся воссоздать с известной степенью точности как языковую, так и этническую карту Севера в период, непосредственно предшествующий русской колонизации, что в свою очередь поможет внести уточнения в существующую схему членения финно-угорских (уральских) языков и их локализации в древности, а также в сложную проблему этногенеза финно-угорских (уральских) народов. Но и этим не исчерпывается значение изучения севернорусской субстратной топонимики. По количеству субстратных названий на той или иной территории, особенно по их наличию или отсутствию в микротопонимике, можно судить также об относительной хронологии заселения территории русскими. Так, оказывается, что на средней и верхней Пинеге в микротопонимике прослеживается мощный субстратный слой, который почти совершенно отсутствует на самой Северной Двине. Это дает возможность предположить, что средняя и верхняя Пинега, как это и естественно по географическим условиям, была заселена русскими позже, чем берега Северной Двины.

Успешное решение задач, связанных с изучением субстратной топонимики, зависит от полноты собранного материала. Вот почему усилия топонимического коллектива кафедры направлены прежде всего на сбор материала, в то время как его интерпретации пока уделяется значительно меньше внимания. Дело в том, что при быстром исчезновении многих местных названий (а в связи с укрупнением сельскохозяйственных угодий сейчас забываются целые разряды микротопонимики, например прежние названия полей) первоочередную задачу следует видеть не в интерпретации, а в сборе материала.

Именно поэтому, признавая большую ценность письменных источников (летописи, грамоты, списки населенных пунктов, карты, атласы и т. п.) для изучения топонимики и широко их используя, топонимисты тем не менее основное внимание обращают на полевую работу. Так как некоторые исследователи географических названий сомневаются в необходимости специальных топонимических экспедиций, целесообразно подчеркнуть преимущества полевых записей перед письменными источниками. А именно: в письменных источниках отсутствует значительная часть микротопонимики (названия полей, лугов и т. д.), очень интересной и к тому же особенно быстро исчезающей в настоящее время; обычно не зафиксированы старые названия, которые еще помнит население; отсутствует ударение; встречаются ошибки в передаче топонимов (например, одна и та же река называется *Кентус* и *Кендус*). Приведенные в письменных источниках официальные названия часто отличаются от фактически употребляемых, а дублетные наименования отмечаются редко. Разумеется, в письменных источниках не зафиксировано все богатство словообразовательных (*Пыела*, *Пыелка*) и фонетических (*Юрас*, *Юрос*) вариантов. По письменным источникам очень трудно связать топонимику и диалектную лексику, в них весьма редко приводятся топонимические легенды, скудно характеризуются топонимические реалии. Основываясь только на письменных источниках, очень трудно раскрыть взаимосвязь топонимов.

Поэтому и в основу топонимической картотеки кафедры в первую очередь были положены полевые материалы. С течением времени в картотеку должен быть включен весь материал, который может быть извлечен из письменных источников.

Учитывая, что имеется много общего в методах собирания диалектологического и топонимического материала, топонимисты кафедры стремились проводить

комплексные экспедиции, в которых фиксировался не только топонимический, но и диалектологический материал (особенно относящийся к области фонетики, словообразования и терминологической лексики). Кроме того, тщательно собирались сведения по истории края и антропонимике. Как показывает опыт, комплексный характер экспедиций, безусловно, оправдан.

В течение 1961—1963 гг. на территории русского Севера было проведено семь экспедиций, в которых приняло участие большое число студентов (например, летом 1962 г.— 30 человек, летом 1963 г.— 20); при этом сплошному фронтальному обследованию были подвергнуты некоторые участки верхней Пинеги (бассейны рек Сура и Выя), а также верхнее течение р. Устья. Кроме того, отряды экспедиции работали в населенных пунктах по Северной Двине, Онеге, Мезени, Сухоне и Ваге. Особое внимание уделялось сбору микротопонимики. Непременным условием собирания являлось требование относительно точной географической привязки и многократной проверки фактов. Экспедиции проводились не только летом, но и зимой, так как в зимнее время собирать материал удобнее, чем в страдную пору лета.

Первое время, чтобы составить общее представление о топонимике Севера, проводились маршрутные экспедиции по большим рекам (Северная Двина, Мезень, Онега, Вага) с пребыванием в отдельных населенных пунктах в течение двух-трех дней. В настоящее время топонимисты перешли к сплошному фронтальному обследованию, когда топонимика собирается во всех населенных пунктах данного участка. При этом в каждой деревне группа из двух-трех человек работает не менее пяти-семи дней.

Собранные в экспедициях материалы вводятся в картотеку севернорусской субстратной топонимики. С течением времени в картотеке предполагается выделить отделы: 1) алфавитный, 2) обратный, 3) территориальный (по условным районам, например бассейнам небольших рек). Кроме того, при топонимической картотеке имеется вспомогательная лексическая картотека, преимущественно терминологическая. В настоящее время в этой картотеке 15 000 карточек. В самой топонимической картотеке около 160 000 карточек, из них 10 000 приходятся на топонимику Урала, а 150 000— на топонимику Севера. Треть всех карточек севернорусской картотеки (50 000) содержит субстратные топонимы, остальные — русские. Это не означает, конечно, что на каждой карточке засвидетельствован новый топоним. Наоборот, как уже сказано выше, топонимический кружок стремился к тому, чтобы любое название было засвидетельствовано многократно (в разных населенных пунктах и у различных лиц). Поэтому в картотеке на настоящий момент засвидетельствовано не более 20 000 субстратных и 45000—50 000 русских топонимов. Примерно половина (т. е. 75 000) всех карточек составлена на основе полевых записей, остальные содержат данные письменных источников.

Картотека пока находится в состоянии обработки. Карточки расположены по-разному: русская топонимика по алфавиту, а субстратная — по формантам. Особо выделены картотеки бассейна р. Устья и р. Выя, внутри которых русская топонимика также расположена по алфавиту, а субстратная — по формантам. Предполагается, что впоследствии все первичные карточки будут находиться в региональных картотеках, а для алфавитной и обратной картотек будут составлены сводные карточки. Для удобства пользования картотекой составляется, а частично уже и используется индекс сокращений территориальных делений и список сокращений источников. При обработке карточек тщательно проверяется точность фонетической фиксации и локализации топонимов, что необходимо в связи с широким внедрением в изучение топонимики методов фонетического анализа и лингвистической географии.

Сознавая, что ограниченность изученной территории часто приводит топонимиста к ошибкам, кафедра, по возможности, стремилась фиксировать и топонимику территорий, смежных с Уралом и Севером, особенно нерусскую топонимику, которая может в значительной мере пролить свет на происхождение субстратных названий. Исследования такого рода производились, как правило, студентами, которые знали соответствующий язык. Так, Г. Корнилов изучал тюркскую топонимику Башкирии, Е. Попова написала большую работу об основных типах коми-зырянской топонимики, а А. Битанова составила словарь казахских географических названий Кустанайской области.

В настоящее время больше внимания начинает уделяться и интерпретации севернорусской топонимики. Автор заметки работает над монографией «Севернорусская субстратная топонимика»: составлено большое число карт, произведен фонетический и типологический анализ значительного числа топонимов; в виде предварительных сообщений опубликован и сдан в печать ряд статей.

Над изучением отдельных вопросов севернорусской топонимики работают Е. Рудных («Русская топонимика бассейна реки Устья»), В. Самойлиди («Структурно-семантические типы озерной гидронимики русского происхождения на территории Архангельской области»), Р. Лесникова («Структурно-

семантические типы русских речных названий на территории Архангельской области)», Э. Косова («О некоторых словообразовательных типах в севернорусской топонимике»). Изучаются также лексические факты, связанные с топонимикой. Так, В. Колодеева и А. Пантелеева составили карты распространения некоторых севернорусских географических терминов (названий болот и лугов); В. Житников собирает материал для работы о древнерусских лексических элементах в севернорусской топонимике; Н. Янчевская и А. Пантелеева установили на территории Архангельской области ареалы этнонимов *карел*, *самоед* и *чудь*. Запланирован также ряд работ по русскому топонимическому словообразованию (на севернорусском материале).

Учитывая значительный интерес студентов к теоретическим вопросам топонимики, для студентов-лингвистов III курса был введен специальный курс «Основы топономастики» (32 часа), однако свою теоретическую подготовку студенты повышают и непосредственно на заседаниях кружка, слушая доклады и рефераты своих товарищей. Кружком установлен постоянный контакт с топонимической комиссией МФГО.

Несколько слов о дальнейших планах наших топонимистов. Намечено регулярно проводить топонимические экспедиции на территории Архангельской и Вологодской областей (1—2 раза в год) в целях собирания материала для первых трех томов «Словаря субстратных топонимов русского Севера» (регионы бассейнов рек Пинеги, Устьи и Юга). Разумеется, будет продолжаться и сбор русской топонимики. В период с 1963 по 1967 г. предполагается завершить полный фронтальный сбор топонимики этих трех регионов. Кроме того, должна быть произведена большая работа по изучению и описанию письменных источников, содержащих топонимику исследуемой территории.

В настоящее время готовится второй выпуск сб. «Вопросы топономастики», посвященный главным образом вопросам изучения севернорусской топонимики. Запланировано также издание I тома «Трудов Севернорусской топонимической экспедиции». В отдаленном будущем планируется составление серии словарей субстратных топонимов русского Севера и гидронимического атласа этой территории.

А. К. Матвеев

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВ НАРОДНОСТЕЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ТОМСКОМ ПЕДИНСТИТУТЕ

Кафедра общего языкознания Томского пединститута еще с 1945 г. участвует в разработке проблемы происхождения аборигенов Западной Сибири, т. е. тюрков (томских и чулымских татар), угров (хантов и манси), самодийцев (селькупов) и кетов путем комплексного исследования — лингвистического, этнографического, исторического, антропологического и археологического. В разработке этой проблемы принимают участие соответствующие специалисты Томского пединститута, Томского госуниверситета и Томского краеведческого музея.

Выбор именно этого района для исследования определялся тем, что он, являясь местом стыка четырех групп народностей — тюрков, селькупов, угров и кетов, представляет особенно большой интерес для изучения былых взаимосвязей или взаимоотношений этих народностей в течение длительного времени.

В области археологии ставилась задача: установить преемственную связь между живым аборигенным населением Западной Сибири и археологическими памятниками XVI—XVII вв. и более раннего времени. Эту задачу можно считать теперь решенной. Не менее важное значение имеет также решение вопроса о былом территориальном расселении этих народов в Западной Сибири до XVI в. Путем комплексного изучения с широким использованием данных топонимики было установлено, в частности, что кеты в указанный период занимали всю территорию Кемеровской области, часть Хакасии, большую часть Томской области и бассейн Нижнего Иртыша.

Благодаря археологическим исследованиям стало вероятным, что чулымские и нижнетомские тюрки сложились на основе субстратов селькупского и кетского; в связи с этим было предпринято лингвистическое и этнографическое изучение селькупов, тюрков и кетов. Это исследование показало, что в результате длительного процесса ассимиляции древнее самодийское (селькупское) и кетское (енисейско-остяцкое) население Чулыма сменило свой язык на тюркский. Процесс тюркизации дотюркского населения Чулыма шел с верховьев Чулыма, и поэтому чулымско-тюркский язык ближайшим образом сходится с кызылским наречием хакасского языка. На основе длительного взаимодействия языков возник чулымско-тюркский язык, отличающийся известным своеобразием по сравнению с остальными тюркскими языками; в чулымско-тюркский язык были внесены некоторые изменения фонетического характера под влиянием прежних речевых привычек населения, подвергшегося языковой ассимиляции.

Большая работа организована по изучению кетского языка, чрезвычайно интересного и сложного по своему строю: с 1954 г. проводятся ежегодные экспедиции для сбора материалов по словарю и по изучению фонетического и грамматического строя, исследованием охвачены все диалекты и говоры этого языка. По этому языку уже написан целый ряд работ, а в 1960 г. закончена и сдана в печать монография проф. А. П. Дульзона «Очерки по грамматике кетского языка». Готовятся две кандидатские диссертации «Категория числа в кетском языке» и «Очерк фонетики сымского наречия кетского языка» (Г. К. Вернер). Автор данной статьи работает над монографией «Категория рода в кетском языке».

По селькупскому языку раньше был описан только тазовский диалект, а селькупский язык Томской области после А. Кастрена никто не описывал. В настоящее время ведется изучение языка и топонимики селькупов. Э. Г. Беккер заканчивает кандидатскую диссертацию на тему «Селькупские топонимы Западной Сибири».

С 1960 г. аспирант кафедры Г. П. Вуоно занимается изучением мансийского языка и подготавливает диссертацию на тему: «Мансийские топонимы». На территории Томской области кафедрой языкознания собирались материалы также по хантыйскому языку; аспирантом кафедры Л. И. Калининой написана и защищена диссертация: «Хантыйские топонимы Западной Сибири».

Проф. А. П. Дульзоном описаны диалекты татар-аборигенов Томи (диалекты эуштинцев, чатов, обских татар и калмаков), проживавших на Томи до Кузнецка и в прилегающих к ее устью прибрежных районах Оби в самом начале XVII в. (т. е. к моменту присоединения Западной Сибири к России). Эту работу продолжает канд. филол. наук М. А. Абдрахманов, подробно описавший один из этих диалектов (эуштинский) и в настоящее время работающий над сводным описанием всей группы нижнетомско-тюркских диалектов. В дальнейшем будут описаны диалекты барабинских и среднечулымских тюрков.

Аспирантка Л. Н. Попова занимается изучением топонимики Северного Казахстана, т. е. смежного с Западной Сибирью района. Она объехала все северные районы Казахстана, занимаясь сбором топонимов, употребляемых в устной речи. В начале этого учебного года преподавателем института Ким-Чер-Леном начата работа по теме: «Тунгусские топонимы». Кроме того, по тюркским языкам кафедрой утверждены темы: «Топонимы татар-аборигенов Оби» (О. Т. Молчанова) и «Якутские топонимы» (К. Ф. Гриценко).

Для установления взаимосвязи древнего населения Сибири необходимо выяснить, есть ли в изучаемых языках общая лексика, и если есть, то какая. В ходе исследований было установлено, что существует масса схождений между селькупским и тюркским языками, между селькупским и кетским, между кетским и тюркским и другими группами языков. Интересно, например, что ряд заимствований сымского наречия кетского языка, жители которого в настоящее время живут на Енисее, совпадает со словами языка селькупов на Оби. Надо сказать, однако, что в отношении отыскания общности лексики пока еще сделано мало.

Осуществлению этой задачи мешало отсутствие словарей. Поэтому были предприняты меры по сбору материалов для различных словарей. Были подготовлены к печати: 1) чулымско-тюркский словарь (А. П. Дульзоном) и 2) нижнетомско-тюркский словарь (М. А. Абдрахмановым). Теперь закончена также работа по сбору материалов для русско-кетского словаря (около 120 печ. л.) и кетско-русского словаря несколько большего объема. В кетский словарь включены не только материалы ежегодных научно-исследовательских экспедиций, но и данные советской и зарубежной печати, а также все рукописные данные XVIII в., хранящиеся в архивах. По селькупскому языку составлен словарь в объеме около 60 печ. л. При составлении этого словаря, кроме полевых записей, использованы различные рукописи XVIII в. и более позднего времени. Словарные материалы и предложения собирались также и по языку хантов Васюгана и Югана (Л. И. Калининой).

Ближайшая задача теперь состоит в том, чтобы выявить лексические связи между изучаемыми языками. Лексика, особенно кетская, селькупская, чулымско-тюркская содержит исключительно ценный материал для установления древних контактов между различными малыми народами Севера. Так как на изучаемой территории Западной Сибири во многих случаях происходили процессы диалектно-языкового смешения, то эта проблема была выделена как самостоятельная. Кафедрой конкретно разрабатывались проблема образования смешанных тюркских диалектов и образования смешанных немецких диалектов на территории Западной Сибири.

Кроме проф. А. П. Дульзона, который изучал эти проблемы на материале немецких, тюркских, кетских и селькупских диалектов, этими вопросами занимались и некоторые другие члены кафедры. В 1959 г. М. А. Абдрахмановым была защищена кандидатская диссертация: «К вопросу о диалектно-языковом смешении» (на материале татарского диалекта дер. Эушта) и в 1962 г. автором была защищена диссертация: «Говор деревни Камыши и особенности процесса

его сложения и развития» (на материале немецких диалектов Алтайского края). Над этими же вопросами работают также Г. Г. Едиг и И. Е. Авдеев.

Важным подсобным материалом для изучения проблемы происхождения аборигенных народов Западной Сибири являются данные Картотеки топонимов Западной Сибири, о работе которой было сообщено в журнале «Вопросы языкознания» (1962, 4).

А. И. Кузьмина

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ УЧЕНЫЕ

Многие годы я посвятил созданию двух книг, недавно вышедших в свет: «Les inscriptions chypriotes syllabiques, recueil critique et commenté» (Paris, 1961) и «Les fragments du poète Hipponax, édition critique et commentée» (Paris, 1962).

Кроме этих двух работ, остается опубликовать некоторое количество статей, цель которых будет состоять в том, чтобы дополнить или уточнить проблемы, которые я не смог прежде трактовать детально. С одной стороны, мне нужно заново изучить некоторые документы, имеющие отношение к кипрским надписям, сделанным слоговым письмом: результатом такого изучения явилась статья «A propos d'un usage orthographique rare dans le syllabaire chypriote» («Kadmos», 1963) и серия проводимых мной изысканий под общим названием «Kypriaka». С другой стороны, я продолжаю свои исследования творчества Гиппонакта, особенно в области словаря поэта и используемых им негреческих слов. Я начал публиковать «Remarques sur le vocabulaire d'Hipponax» со статьи первой «I. Un mot d'origine égyptienne: ΕΡΠΙΣ» («Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes», 1962).

В области наиболее древнего кипрского письма еще остается многое сделать, прежде чем можно будет опубликовать и изучить кипрско-минойские надписи, открытые в последние годы, особенно в Энкоми (раскопки Шэффера и Дикайоса); я продолжаю исследование этих документов. Надпись на кипрско-минойской табличке из Рас Шамра (раскопки Шэффера) вскоре будет опубликована в V томе «Ugaritica» (в печати).

Я интересуюсь также древнегреческой диалектологией и греческой антропонимией, чему посвящены несколько подготавливаемых мной статей. Обе эти области затронуты в недавно опубликованной статье «Notes d'anthroponymie grecque et asianique.— IV. Les noms en Ἐσθλ(ο)- et Ἐσλ(ο)- dans les dialectes grecs» («Beiträge zur Namenforschung», 1962), а также в статье «Anthroponymie grecque et dialectologie.— I. Ἀήτωλρ, ἀλήτωρ, λήτωρ, etc; II. μορτός et les noms en -μορτος» («Revue de philologie...», 1963).

О. Массон (Нанси)

Моя работа, охватывая область германской филологии, включает некоторые аспекты лингвистики, но не касается тех вопросов, которые относятся к «чистой» лингвистике. В печати находятся две мои статьи — одна посвящена фонетическому значению готской буквы *x*, в другой разбирается готское слово *AiBR*.

Ведется работа над небольшой книгой, которая будет содержать новое издание «Баллады о Гильдебранде» с полной библиографией работ, посвященных «Балладе», а также критические замечания об этих работах. В этой связи я в настоящее время подготавливаю статью об *h* перед согласным в «Балладе о Гильдебранде» и — что также связано с этим — о больших германских эпических строфах, которые считались неполными (в связи с недостаточным количеством иктусов). Можно видеть, что подобные работы опираются на лингвистику, хотя лингвистика здесь лишь средство объяснения или интерпретации литературного памятника.

Кроме того, в свое время я подготовлю новые издания кратких готской и древневерхненемецкой грамматик В. Брауне, краткой средневерхненемецкой грамматики Хельма и древневерхненемецкой «Хрестоматии» Брауне. Я планирую также составить конкорданцию к Беовульфу, но я не уверен, что у меня для этого будет время в ближайшем будущем: я только что принял предложение занять должность профессора в Пенсильванском университете, и у меня появились новые обязанности, выполнение которых требует много времени.

Э. А. Эббингхаус (Филадельфия)

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 7 по 10 мая 1963 г. в Бухаресте состоялось очередное совещание Международной комиссии общеславянского лингвистического атласа при Международном комитете славистов. Оно было созвано согласно решению Будапештского совещания (апрель 1962 г.) Комиссии ОЛА[1] после рабочей конференции по обще-

[1] См. ВЯ, 1962, 5, стр. 162—163.

славянскому лингвистическому атласу, состоявшейся в Душниках (Польша) с 11 марта по 7 апреля 1963 г.[2].

В работе совещания, которое было организовано Академией наук Румынской Народной Республики по инициативе акад. Э. Петровича, председателя Ассоциации славистов РНР и члена Международной комиссии ОЛА, приняли участие члены комиссии: от Австрии — проф. Й. Хамм, от Болгарии — проф. Ст. Стойков, от Венгрии — д-р П. Кирай, от ГДР — д-р *Ф. Михалк*, от *Италии* — проф. Б. Мериджи, от Польши — акад. Зд. Штибер, от Румынии — акад. Э. Петрович, от Чехословакии — проф. Я. Белич, от Югославии — проф. И. Вукович, проф. Р. Колярич, проф. Б. Конески; делегаты: от ГДР — д-р Р. Лётч, от Чехословакии — д-р Сл. Утешены. На заседании присутствовали также члены Ассоциации славистов РНР — преподаватели вузов и сотрудники научных институтов Академии наук РНР.

Совещание открыл акад. Э. Петрович, предоставивший слово вице-президенту Академии наук РНР акад. Иоргу Иордану, который приветствовал участников совещания от имени Академии наук РНР. Затем акад. Э. Петрович кратко проинформировал гостей о работе членов Ассоциации славистов РНР, особенно в области славяно-румынской диалектологии. Результатом этой деятельности явилась научная сессия, организованная в 1961 г. в Бухаресте, целиком посвященная вопросам славяно-румынской диалектологии. (Материалы этой сессии опубликованы в «Romanoslavica», VII, 1963.)

От имени зарубежных делегатов выступил проф. Я. Белич, который подчеркнул, что часть заседаний данного совещания будет посвящена вопросам использования в ОЛА языкового материала из неславянских стран. Как известно, этими вопросами занимается подкомиссия неславянских стран, участвующих в подготовке ОЛА, председателем которой является акад. Э. Петрович.

После сообщения о конференции общеславянского атласа (Душники — Польша), сделанного акад. Зд. Штибером[3], участники совещания прослушали сообщение проф. Р. Колярича о сети пунктов для ОЛА, в котором он комментировал положения, содержащиеся в докладе председателя Комиссии ОЛА проф. Р. И. Аванесова в Душниках и вошедшие в решение конференции[4]. По предложению проф. Ст. Стойкова было решено, чтобы каждая национальная комиссия послала проф. Р. И. Аванесову карты в размере 1 : 2 000 000 с указанием пунктов частой и разреженной сетки, установленной каждой национальной комиссией. Этот вопрос будет окончательно решен на Белградском совещании в 1964 г.

Д-р Сл. Утешены сделал сообщение о результатах проведения анкет с пробным вопросником ОЛА[5]. В результате обсуждения было предложено чехословацкой комиссии провести дальнейшую обработку пробных анкет в целях решения ряда теоретических и конкретных практических вопросов, связанных с составлением атласа.

Совещание обсудило также перспективный план работы над ОЛА, представленный акад. Зд. Штибером, по тексту, принятому в Душниках. После дискуссии группа членов комиссии (акад. Зд. Штибер, проф. Й. Хамм, проф. Ст. Стойков, акад. Э. Петрович) внесла ряд дополнений и уточнений, которые и вошли в окончательный текст плана. Среди решений, принятых по этому докладу по предложению проф. Й. Вуковича, следует упомянуть: 1) редколлегии вопросника (утвержденной на конференции в Душниках) отредактировать окончательный русский текст, который станет основным, официальным. Переводы этого текста сделать каждой национальной комиссии на свой счет и по своим потребностям; 2) целесообразно первую обработку материала сделать в каждой стране отдельно, с тем чтобы потом нанести его на общие карты; 3) подготовить до Белградского совещания (1964 г.) проект инструкции по обработке материала (польская комиссия).

Проф. Я. Белич представил совещанию проект информационного доклада, содержащего систематическое изложение работ над ОЛА, начиная с проектов 1929 г. до настоящего времени, а также полную библиографию работ, касающихся этого атласа, которая будет собрана всеми национальными комиссиями.

Как было отмечено, на совещании обсуждался также вопрос об использовании в ОЛА языкового материала из неславянских стран. Этому были посвящены заседания подкомиссии по обследованию неславянских территорий, на которых присутствовали все участники совещания. Основной доклад на эту тему представил акад. Э. Петрович, который подчеркнул существование различных мнений по этому вопросу: ряд ученых считает, что материал, собранный в неславянских территориях, не должен привлекаться в ОЛА; другие считают, что материал может быть использован как дополнительный материал, в приложениях к атласу, возможно даже на специальных картах (Р. И. Аванесов, Б. Гавранек); наконец, третьи считают, что подобный материал можно нанести

[2] См. ВЯ, 1963, 4, стр. 157—159.

[3] См. об этом ВЯ, 1963, 4, стр. 157—159.

[4] См. там же, стр. 41—44, 159.

[5] См. ВЯ, 1963, 1, стр. 67—74.

на общие карты особым шрифтом или особыми знаками, чтобы выделить неславянские территории от славянских.

По мнению акад. Э. Петровича, данные румынского языка и других неславянских языков можно использовать в ОЛА лишь как вспомогательный материал, в комментариях к картам. Дело в том, что изоглоссы, определяющие, например, распространение элементов славянского происхождения на территории румынского языка, не являются *славянскими* изоглоссами, а *румынскими*, образованными после включения этих слов в систему румынского языка. Об этом можно судить хотя бы по существующим картам «Румынского лингвистического атласа». Если же при картах будут даны комментарии, разъясняющие определенные явления, то, конечно, привлечение в этих комментариях данных румынского и других *неславянских языков*, заимствовавших славянские слова, представит несомненный интерес как в области фонетики, так и в области лексики, и отчасти словообразования, и даже морфологии. Безусловно, вопросник для неславянских пунктов должен основываться на общем вопроснике с сохранением тех вопросов, на которые можно получить необходимый с славянской точки зрения ответ.

Определенное представление о распространении в прошлом славянских диалектов на территории Румынии можно получить лишь на основе топонимических названий славянского происхождения [6]. Но все слависты согласны с тем, что в ОЛА не следует включать топонимический материал, который явится предметом специального атласа.

Обсуждение доклада показало, что не все еще ясно в этом вопросе и что все зависит от целей, которые будут поставлены перед атласом. Так, например, акад. Зд. Штибер и проф. Я. Белич высказались за включение неславянского материала в общие карты с использованием особых знаков или специального шрифта, *в то время как* д-р П. Кирай, проф. Ст. Стойков и другие выразили мнение, что это материал иного качества. *Но все участники согласились* с тем, что в соседних неславянских странах следует собирать материал по сокращенному вопроснику и предоставлять его в распоряжение редакционного коллектива.

Конкретное представление об исследовании одного неславянского пункта дал доклад д-ра П. Кирая «Результаты исследования славянских элементов в одном венгерском селе с пробным вопросником ОЛА». Близким по теме был и доклад д-ра Э. Эйхлера «О включении бывших славянских языковых территорий в ОЛА» (прочитанный д-ром Р. Лётчем). В прениях по докладам участники подчеркнули значение лингвистических данных *неславянских языков для истории* языков славянских, но вместе с тем пришли к мнению, что нецелесообразно включать в карты ОЛА материалы топонимики (Ст. Стойков, П. Кирай и др.), а также заимствования в неславянских языках, которые являются столь же диахроничными, как и топонимические данные (Р. Лётч). Тем более, нельзя включать материалы, представляемые письменными источниками, как предлагал в своем докладе Э. Эйхлер.

Вопросы адаптации общего вопросника к изучению неславянских территорий были затронуты в докладе Э. Врабие «О вопроснике для неславянских анкет ОЛА». Автор доклада показал, что по словообразованию и особенно лексике и семантике на румынской территории можно собрать интересный материал. Так, из 267 вопросов проекта вопросника «От слова к значению» 97 применимы и к румынской территории.

В итоге дискуссии проф. Я. Белич указал, что *каждая национальная комиссия* неславянских стран должна изучать общий вопросник и возможности его применения в данной стране и подготовить адекватный вопросник в кратчайший срок.

Последний пункт обсуждения касался вопроса об использовании в ОЛА данных славянских говоров неславянских стран. Краткое сообщение на эту тему (в применении к славянским говорам, встречающимся в Румынии) представил акад. Э. Петрович. Эти говоры уже изучаются монографически, в то время как их привлечение в общие карты ОЛА менее оправдано, поскольку это переселенческие говоры. Зато данные наиболее архаичных из них могли бы быть использованы в комментариях. Об изучении славянских архаических говоров Венгрии говорил д-р П. Кирай. В результате *было принято решение*, чтобы национальные комиссии славянских стран непосредственно сотрудничали с членами комиссий *неславянских стран*, в которых представлены те или иные говоры. В подкомиссию ОЛА по изучению неславянских территорий, членами которой являются акад. Э. Петрович, проф. Г. Бильфельдт, д-р П. Кирай, акад. Зд. Штибер, проф. Й. Хамм, проф. Б. Мериджи, следует *также пригласить* представителя СССР для изучения вопросов, связанных с изучением западных неславянских территорий СССР.

Бухарестское совещание Комиссии ОЛА не только помогло продвижению вперед ряда общих вопросов ОЛА, но поставило также и ряд проблем, связанных с привлечением материала из не-

[6] См. доклад акад. Э. Петровича на V Международном съезде славистов («Romanoslavica», IX, 1963).

славянских языков. В частности, выяснились некоторые теоретические трудности картографирования разнородного материала. Тем не менее участники совещания пришли к единодушному мнению, что определенное количество пунктов неславянских стран, граничащих с славянскими, следует анкетировать на основе общего вопросника. Безусловно, в ходе работы над атласом составители смогут с пользой привлекать этот материал для решения общих вопросов славянской лингвистической географии.

Г. Михаилэ (Бухарест)

20—22 мая 1963 г. в МГПИ им. В. И. Ленина была проведена III межвузовская научно-методическая конференция кафедр русского языка Московской зоны.

На первом пленарном заседании после вступительного слова председателя объединения проф. И. Г. Голанова проф. И. А. Василенко прочитал доклад на тему «Современные задачи советского языкознания».

Докладчик остановился на неотложности задачи полной ликвидации последствий культа личности в языкознании и на необходимости развивать неиспользованные возможности сравнительно-исторического языкознания с одновременным внедрением новых методов, связанных со структурным изучением языка и языков. На конференцию был приглашен акад. В. В. Виноградов, который выступил с докладом «Основные проблемы стилистики русского языка», где освещались три круга явлений: 1) стилистика языка как системы систем (или подсистем), 2) стилистика общественно-бытовой речи и 3) стилистика художественной литературы.

Поскольку основной тематикой конференции являлись проблемы развития самостоятельной работы студентов на всех видах занятий (общие и специальные курсы, семинарские и курсовые темы и пр.), на конференции были организованы две секции: 1) современного русского языка и методики его преподавания в средней и высшей школе (9 докладов); руководитель секции проф. И. Г. Голанов и 2) общего языкознания, стилистики, истории русского языка с диалектологией (13 докладов); руководитель секции — проф. И. А. Василенко. Докладчиками и в прениях, помимо работников московских вузов, выступили специалисты и из других педагогических институтов (Владимирского, Муромского, Ореховозуевского, Рязанского, Смоленского, Тульского).

И. Г. Голанов, И. А. Василенко (Москва)

С 24 по 27 мая 1963 г. в Саратове проходила VII научная конференция кафедр русского языка вузов Поволжья. В работе конференции принимали участие научные работники 17 вузов и учителя г. Саратова и Саратовской области. На пленарных и секционных заседаниях было заслушано и обсуждено 60 докладов.

На пленарных заседаниях были прочитаны и обсуждены доклады И. А. Василенко (Москва) «О преодолении культа личности в языкознании», Б. Н. Головина (Горький) «О роли различения „язык — речь“ в исследовании и вузовском преподавании русского языка», А. Ф. Ефремова (Саратов) «Стилистика глагола», С. В. Фроловой (Куйбышев) «Значение и роль историко-лингвистических дисциплин в подготовке учителей русского языка».

На секции современного русского языка в большинстве докладов рассматривались вопросы синтаксиса. Большой интерес вызвал доклад Г. Г. Полищук (Саратов) «Распространенное несогласованное определение в разных стилях речи», в котором на основе анализа осциллограмм изолированных фраз и фраз, извлеченных из потока речи, устанавливались различия в интонационном оформлении дополнения и несогласованного определения. Специфике позиции сильного и слабого управления в современном русском языке был посвящен доклад В. М. Никитина (Рязань).

Новую классификацию сложного предложения на основе структурно-строевого назначения и характера связи главного и придаточного предложений выдвинул И. П. Распопов (Уфа) в докладе «Коммуникативно-синтаксический аспект структуры сложноподчиненных предложений». В докладе М. Е. Шафиро (Оренбург) «К вопросу о квалификационных критериях присоединения» были подвергнуты анализу критерии присоединения; синонимике сложноподчиненных предложений изъяснительного типа был посвящен доклад О. А. Громаковской (Куйбышев); многочленные сложные предложения рассматривались в докладах В. А. Шитова (Вологда) «Сложные предложения с однородным соподчинением четырех придаточных в современном русском литературном языке» и В. А. Федосова (Волгоград) «Переход трехчленных грамматических конструкций в двучленные»; особые виды причинно-следственных придаточных предложений освещались в докладе А. Ф. Михеева (Рязань). Анализ употребления обособленных оборотов со значением добавочного сообщения в разных стилях современного русского языка был дан Н. И. Ильминской (Саратов). В докладе Н. С. Дмитриевой (Уфа) сделана интересная попытка установить лексические ограничения в сочетаемости

глаголов направленного движения и в связи с этим дать классификацию таких глаголов. Специфическим особенностям грамматической синонимии по сравнению с синонимией лексической был посвящен доклад Л. М. Васильева (Уфа).

В докладах А. Н. Кожина (Москва) «О лингвистическом аспекте пословично-поговорочных выражений», Е. М. Кубарева (Куйбышев) «О некоторых особенностях устойчивых лексико-грамматических оборотов или синтаксических фразеологизмах» и О. В. Шавкуновой (Ульяновск) «Особенности функционирования предикативных фразеологических единиц в составе сложного предложения» рассматривались вопросы, связанные с классификацией и особенностями функционирования разных типов фразеологизмов; в докладе Д. И. Алексеева (Смоленск) исследовались аббревиатуры как новый тип слов и их место в словарном составе языка.

В секции истории русского языка и диалектологии обсуждались главы из учебника по истории русского языка для заочников, подготовленного проф. А. А. Дементьевым (Куйбышев), и учебника по введению в историю славянских языков, который готовит проф. С. В. Фролова (Куйбышев). В докладе Л. А. Туркиной (Орск) рассматривались приставочные образования прилагательных, синонимичных элятиву; страдательным оборотам в языке памятников XVIII в. был посвящен доклад Н. Э. Беркович (Рязань).

Вопросы функционально-стилевых различий в диалектной речи рассматривались на материале народно-поэтической речи в докладе Л. И. Баранниковой (Саратов). Вокализму предударных слогов в положении после шипящих был посвящен доклад Г. С. Оксман (Саратов) «Произношение гласных неверхнего подъема 1-го предударного слога после шипящих в икающих говорах». В докладах Б. А. Моисеева (Оренбург) «Тюркские слова в оренбургских говорах» и А. Ф. Ивановой (Москва) «Диалектные названия одежды и обуви» рассматривались вопросы лексики. Два доклада В. Д. Бондалетова были посвящены исследованию условных языков и лексике молодежных жаргонов.

В секции изучения языка писателей были заслушаны и обсуждены доклады: «Пушкин о русской фразеологии» В. П. Воробьева (Саратов), «К вопросу о роли Пушкина в становлении современных норм порядка слов» О. Б. Сиротининой (Саратов), «Особенности словоупотребления в драматургии М. Горького» М. Б. Борисовой (Саратов), «Сравнение в системе художественной речи А. Толстого» М. В. Глушковой (Саратов), «О некоторых структурно-стилевых особенностях современной публицистики» М. Д. Мишаевой (Ульяновск), «Архаическое словообразование как средство создания сатиры в языке Н. С. Лескова» Н. С. Кононовой (Саратов). Глагольной синонимике у Гоголя и Салтыкова-Щедрина были посвящены доклады В. И. Андрусенко и А. М. Дряхлушина (Саратов). В докладе В. А. Никонова (Москва) на материале драматургии А. Н. Островского было удачно показано применение статистического метода к изучению речевой характеристики персонажей.

На заседаниях секции методики русского языка слушались доклады, обобщающие опыт работы лучших учителей, знакомящие с достижениями русских методистов прошлого, показывающие новые приемы в изучении грамматического материала. На секции выступали учителя Л. В. Далечина (Саратов), М. Ф. Зайнетдинов (Саратов) с докладами о преподавании русского языка в старших классах русской и татарской школ. Секция обсудила и одобрила подготовленные методические пособия, особенно был отмечен созданный А. Н. Назаровым (Пенза) учебный грамматический фильм.

Следующую конференцию намечено провести в мае 1964 г. в г. Пензе, посвятив ее проблемам синтаксиса и стилистики.

Л. И. Баранникова (Саратов)

С 24 по 28 мая 1963 г. в древнем македонском городе Охрид состоялся IV съезд Союза славистических обществ СФРЮ. Этот съезд проходил под знаком знаменательной даты — 1100-летия славянской деятельности Кирилла и Мефодия. Поэтому пленарные заседания первого дня съезда были посвящены кирилло-мефодиевской проблематике. С докладом о значении деятельности Кирилла и Мефодия выступил проф. В. Ильоский (Скопле). О начале славянской письменности и литературы говорил проф. Д. С. Радоичич (Нови-Сад). Той же тематике были посвящены доклады Д. Трифуновича (Белград) «Отголоски жития Кирилла в сербской средневековой литературе», Й. Погачника (Любляна) «Второй фрейзингенский отрывок с историко-литературоведческой точки зрения» и проф. Ф. Томшича (Любляна) «Лингвистическая проблематика фрезингенских отрывков».

Помимо пленарных заседаний, работа съезда проходила также в двух секциях — в лингвистической и литературоведческой. Доклады, зачитанные в лингвистической секции, касались разных областей как южнославянской, так и общей лингвистики. Вопросы сербскохорватского ударения рассматривались в докладе д-ра Б. Николича (Белград) «Энклиза

я проклиза в сербскохорватском языке с точки зрения ударения», с особым учетом диалектных данных. Вопросам фонетики современного сербскохорватского языка был посвящен доклад И. Шкарича (Загреб) «Звуки хорватскосербского языка в акустическом анализе», а одному частному вопросу истории сербскохорватского правописания — доклад д-ра А. Младеновича (Нови-Сад) «Знак *ј* в свете кирилловского правописания до Вука Караджича». Актуальные проблемы современного сербскохорватского правописания были затронуты в докладе Д. Рашовича (Титоград) «О неодинаковом истолковании и применении решений, принятых в Новом Саде».

Вопросы синтаксиса рассматривались в докладах проф. М. Стевяновича (Белград) «Синтаксическая синонимика, ее характер, роль в развитии языка и значение для изучения стиля писателей», М. Миновича «О проблемах синонимии в современном сербскохорватском литературном языке», проф. Й. Буковича (Сараево) «Система сербскохорватских временных глагольных форм во временных функциональных взаимоотношениях (корреляциях)» и проф. М. Ивич (Нови-Сад) «Основные типологические особенности сербскохорватского безличного предложения».

Вопросам лексики и лексикографии были посвящены доклады проф. М. Храсте (Загреб) «Славянская антропонимия и топонимия на берегах Гаргана в Италии», С. Сухадолника (Любляна) «Проблемы словенской лексикографии», д-ра Ж. Мулячича (Задар) «Структурализм и проблемы нашей диахронической антропонимии», д-ра О. Яшар-Настевой (Скопле) «О тавтологических гибридных словообразованиях в македонском языке», проф. С. Марковича (Сараево) «Сербскохорватская лексикография и нормы литературного языка», М. Шимундича (Сплит) «Кельтские топонимы на Адриатике». Лексико-морфологические вопросы современного сербскохорватского языка были затронуты в докладе Д. Игнятович (Белград) «Новшества в морфологии, занесенные новейшими именами существительными иностранного происхождения».

Одному частному вопросу истории сербскохорватского литературного языка в связи с русскоцерковнославянским языком у сербов был посвящен доклад Б. Терзича (Белград) «Характеристика языка рукописного сборника Йована Раича 1749 года». О некоторых вопросах современного македонского литературного языка говорил Б. Ристовский (Скопле).

Самый большой интерес вызвали доклады, посвященные вопросам диалектологии. Это доклады проф. П. Ивича (Нови-Сад) «О классификации сербскохорватских диалектов», проф. Д. Брозовича (Задар) «Об актуальных научных и учебных вопросах сербскохорватской диалектологии в связи с классификацией диалектов», д-ра А. Пецо (Белград) «Место центрального герцеговинского говора среди других говоров современной Герцеговины», д-ра Б. Финки (Загреб) «Стилистика в диалектологии» и С. Поповић (Белград) «Характерные черты говора чешского нацменьшинства в селе Крушчица (Банат)». Доклад проф. П. Ивича, в котором он предлагает новую классификацию сербскохорватских диалектов, вводя в качестве четвертого диалектного типа так называемый торлачский или призренско-тимочский диалект, встречен возражениями со стороны некоторых югославских диалектологов (профессоров М. Стеванович а, М. Храсте, Р. Алексича и других), считающих, что нет основания для выделения четвертой диалектной группы наряду с штокавской, кайкавской и чакавской, ввиду отсутствия убедительных языковых фактов. В дискуссии по этому и другим докладам были затронуты некоторые принципиальные вопросы диалектологии: о критериях при классификации диалектов, о соотношении синхронии и диахронии при изучении диалектов, об используемых терминах при классификации диалектов и многие другие.

С докладом о построении курса сербскохорватского языка для иностранцев по глобально-структуральному и зрительно-слуховому методу проф. П. Губерины (Загреб) выступила Э. Лесковар (Загреб).

Дискуссия по докладам отличалась участием большого числа югославских, а также некоторых иностранных славистов.

Остальные доклады, обсуждавшиеся в последний день съезда в лингвистической секции, касались вопросов методики преподавания сербскохорватского, словенского и македонского языков в югославских школах.

На съезде присутствовали в качестве иностранных гостей профессора-лингвисты Л. Андрейчин (София), А. Достал (Прага) и Й. Хамм (Вена), которые выступили с приветственными речами. Профессор Л. Андрейчин выступил также в лингвистической секции с докладом о некоторых вопросах развития современного болгарского литературного языка.

Следующий, V съезд югославских славистов состоится в 1965 г. в г. Сараево — столице социалистической республики Боснии и Герцеговины, где в течение следующих двух лет будет находиться президиум Союза славистических обществ СФРЮ, в то время как президиум Югославского комитета славистов находится в Белграде.

Б. Терзич (Белград)

С 24 по 29 июня 1963 г. в Ленинграде происходил II съезд Всесоюзного общества психологов.

Работа съезда была организована следующим образом. В первый день на пленарных заседаниях были заслушаны проблемные доклады ведущих психологов СССР по наиболее важным теоретическим и прикладным проблемам*. Вопросы языка и речи затрагивались только в одном из них — в совместном докладе П. Я. Гальперина, А. В. Запорожца и Д. Б. Эльконина (Москва) «Проблемы формирования знаний и умений у школьников и новые методы обучения в школе» [7]. Во второй день проводились симпозиумы, на которых доклады не оглашались, а дискуссия проходила по опубликованным тезисам [8]. В последующие дни работали секции, где, как обычно, прочитывались доклады, после чего следовало обсуждение. Последний день работы съезда был посвящен организационным вопросам.

Симпозиумов было пять: 1) «Изучение свойств нервной системы и проблемы индивидуально-психологических различий», 2) «Прием и переработка информации человеком», 3) «Психологические проблемы повышения эффективности обучения в школе», 4) «Формирование личности ребенка и вопросы воспитания», 5) «Проблемы общественной психологии».

Л. А. Чистович (Ленинград) представила доклад «О стратегии распознавания речи человеком» (второй симпозиум). Используя методику задержек при текущем повторении речи, Л. А. Чистович показала, что человек способен текущим образом распознавать элементы речи длительностью порядка звука и превращать их в комплекс команд органам артикуляции. В дальнейшем оказалось, что именно такое первичное распознавание дает ту необходимую информацию, которая запоминается и обрабатывается на следующих этапах распознавания речи. «Первичные решения» состоят в выборе не фонем, а отдельных артикуляционно-акустических признаков звукового сигнала. Фонема же, по Л. А. Чистович, есть достигнутое в результате первичных решений состояние артикуляционного образа. Как можно видеть, данный доклад в известном смысле подводит итоги исследованиям Л. А. Чистович и ее сотрудников по механизмам распознавания речи, опубликованным в различных периодических изданиях за последние два года [9].

Вопросы языка затрагивались также на третьем симпозиуме в докладе Л. И. Айдаровой (Москва) «Формирование лингвистического отношения к слову у учащихся начальной школы». В этом докладе излагались теоретические предпосылки экспериментальной программы по морфологии русского языка для 2-го класса, основанной на психологической концепции поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина [10]. Описывалась система действий, которую необходимо сформировать у ребенка для того, чтобы у него возникло «лингвистическое отношение к слову», т. е. понимание его объективно-языковой (прежде всего морфемной) структуры и связи между грамматической формой слова и системой передаваемых ею сообщений. Это: 1) изменение исходного слова и получение его вариантных форм или родственных слов; 2) сравнение полученных слов с данным по форме и расчленение его на морфологические части; 3) сравнение по значению и выяснение функций выделенных морфем; 4) выяснение характера связи изменений грамматического значения слова с изменением формы слова [11]. Аналогичные принципы положены в основу курса синтаксиса (В. Н. Протопопов, А. К. Маркова).

Описание теоретических принципов и опытов практического применения новых программ по математике, обучению грамоте и русскому языку было дано в кол-

---

* В этой заметке мы остановимся на докладах, в которых затронуты вопросы языка и речи.

[7] Доклад опубликован в журнале «Вопросы психологии», 1963, 5.

[8] «Тезисы докладов на II съезде Общества психологов», 1—5, М., 1963. [Название этого издания не вполне соответствует его содержанию, так как в нем напечатаны сокращенные тексты (иногда даже полные) докладов и лишь в отдельных случаях тезисы.— *А. Л.*].

[9] См., например: Л. А. Чистович, Текущее распознавание речи человеком, сб. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1961, 6 и 1962, 7; Л. А. Чистович и Л. В. Бондарко, Об управлении артикуляционными органами в процессе речи. Сообщение 1, сб. «Исследования по структурной типологии», М., 1963, а также цикл статей в журнале «Вопросы психологии».

[10] См.: П. Я. Гальперин, Развитие исследований по формированию умственных действий, сб. «Психологическая наука в СССР», I, М., 1959. На тех же теоретических предпосылках построены экспериментальные программы по обучению чтению и письму для 1-го класса (Д. Б. Эльконин) и по математике (В. В. Давыдов). См. статьи этих авторов в сб. «Вопросы психологии учебной деятельности младших школьников», М., 1962.

[11] См. также: Т. Г. Пильщикова, О формировании первых грамматических понятий у учащихся II класса, сб. «Наш опыт учебно-воспитательной работы в школе», М., 1962.

лективном докладе П. Я. Гальперина и др. (см. выше).

В подсекции психологии обучения были прочитаны доклады В. В. Репкина (Харьков) «Опыт применения психологической теории усвоения в условиях школьного обучения» и Н. С. Пантиной (Москва) «К характеристике проблем логического и психологического анализа деятельности чтения». На эту подсекцию был представлен ряд докладов, посвященных обучению второму языку[12]. Это доклады: М. М. Гохлернер и Г. В. Ейгер (Харьков) «Психологические вопросы учебной информации при программированном обучении иностранному языку», Г. А. Харлов (Уфа) «К вопросу об усвоении значения слов иностранного языка», В. Г. Шатух (Одесса) «Роль ассоциативных связей в запоминании иностранной лексики», А. И. Яцикявичус (Шауляй) «О продуктивности вербальной памяти в системе двух языков», Н. В. Имедадзе (Тбилиси) «Об осознании орфоэпической и орфографической форм русских слов школьниками-грузинами».

В секции детской психологии вопросам, связанным с языком, было посвящено четыре доклада. Г. Л. Розенгарт-Пупко (Москва) в докладе «О подготовительном этапе в развитии речи детей первого года жизни, воспитывающихся в детских учреждениях» выделила четыре последовательных этапа в характере общения между взрослым и ребенком первого года жизни. Р. В. Тонкова-Ямпольская (Львов) в докладе «Интонационная характеристика крика новорожденных и речевых звуков детей первого года жизни» установила, что первые коммуникативные интонации появляются на третьем месяце жизни ребенка. Однако ее тезис, что возникновение интонационных структур идет в этом возрасте «в плане приближения к интонационным... структурам русского языка» и речевое развитие ребенка уже в этот период «подчиняется системе структурных форм его языка», представляется нам крайне спорным. В докладе Н. В. Чрелашвили (Тбилиси) «Эгоцентрическая речь и вопросы социальности» отстаивается коммуникативный характер эгоцентрической речи. Л. Е. Журова (Москва) в докладе «Развитие звукового анализа слов у детей дошкольного возраста» экспериментально показала, что для возможности такого звукового анализа требуется, чтобы у ребенка был сформирован соответствующий способ деятельности, т. е. умение выделить из слова отдельные звуки.

В секции общей психологии докладов с интересующей нас тематикой было особенно много (в этой секции функционировала специальная подсекция «Речь и язык»). Доклад Ф. М. Шемякина (Москва) «Пути разработки психологических теорий мышления и речи» носил общий характер. В нем особенно подчеркивалась необходимость при рассмотрении вопроса о мышлении и языке учитывать их отношение к чувственному познанию. Л. В. Шеншев (Москва) в докладе «К психологическому аспекту семиотики» пытался обнаружить некоторые общие признаки в процессе овладения алгеброй или геометрией и процессе усвоения иностранного языка. Доклады А. Н. Соколова (Москва) «Некоторые результаты и проблемы электрофизиологического исследования внутренней речи как механизма речевого мышления» и В. А. Артемова (Москва) «Коммуникативная природа устной речи», как и доклад Ф. Н. Шемякина, были посвящены подведению итогов и постановке некоторых задач в тех областях психологии речи, которыми занимаются докладчики и которые отражены в их уже опубликованных работах.

М. Г. Каспарова (Москва) в докладе «К вопросу о восприятии речевой паузы» установила, что временной перерыв в тональном неречевом сигнале в зависимости от длительности квалифицируется испытуемым как щелчок на фоне звука (2—10 м/сек), как нарушение непрерывности звука без осознаваемой паузы (20—100 м/сек) и лишь при длительности перерыва в 100—150 м/сек — как пауза. Между тем в качестве ясно осознаваемой речевой паузы встречается и перерыв в 25 м/сек, что говорит о том, что в восприятии речевой паузы известную роль играют нефизические факторы, в частности, семантического характера. Е. К. Воронина (Москва) в докладе «О слуховом контроле речи» исследовала типы такого контроля и установила, что оптимальным с этой точки зрения является чтение по слогам. Доклад З. И. Клычниковой (Москва) «Информация о мысли в речевой интонации» развивал мысли В. А. Артемова по этому вопросу.

К сожалению, в докладе Г. Н. Мчедлишвили (Тбилиси) «К вопросу о генезисе ошибок речи и о значении их изучения» первому, основному вопросу было уделено недостаточное внимание. Надо сказать, что этой проблеме в советской психологической литературе вообще не повезло; единственная из существующих монографий по этому вопросу (кандидатская диссертация Д. Г. Померанцевой) никак не может удовлетворить читателя. Тем более жаль, что посвященный этой же проблеме доклад З. К. Габашвили (Тбилиси) «Психологические особенности замены

[12] Некоторые из перечисленных ниже докладов не были прочитаны в ходе заседаний, что специально здесь не оговаривается.

и смешения звуков», несмотря на свой экспериментальный характер, свелся к объяснению соответствующих явлений феноменом установки.

Ф. А. Ибрагимбеков (Баку) сделал доклад «Чувство языка, его возникновение, развитие и методика исследования». В нем были выделены условия, при наличии которых обнаруживается «чувство языка», и описана методика его исследования, основанная на обследовании восприятия речи при градуированных словесных и шумовых помехах. З. А. Кочкина (Москва) в докладе «Некоторые особенности деятельности синхронного переводчика» показала, что понимание чужой мысли и формирование собственной не может происходить одновременно. Таким образом, «синхронность» здесь относительна и достигается путем сокращения сообщения и более быстрого темпа речи в сравнении с речью оратора. М. С. Магин (Кишинев) в докладе «Психологические черты практического бытового двуязычия» дал интересную и многостороннюю характеристику речевой деятельности двуязычных *жителей Молдавской ССР*.

Б. В. Беляев (Москва) в докладе «Психологический анализ языкового перевода» дал характеристику психологических процессов, связанных с различными видами перевода. Доклад А. В. Ярмоленко (Ленинград) «*О соотношении* письменной формы родного и иностранного языка при многоязычии» был посвящен формированию у полиглота графической системы иностранного языка.

Большой интерес для лингвистов представляли доклады, представленные на секцию патопсихологии и секцию дефектологии.

В. К. Орфинская (Ленинград) в докладе «Лингвистический принцип классификации речевых нарушений при разных формах афазии» предложила новую лингвистическую классификацию форм афазии на основании учета не отдельных симптомов ее проявления, а *общих закономерностей нарушения* у афатиков языковых подсистем как целостных структур и их компонентов. Ж. И. Шиф (Москва), продолжая цикл своих прежних работ, показала в докладе «О начальных типах овладения некоторыми лексико-грамматическими компонентами языка у глухих дошкольников», что чувственные образы слов, *формирующихся у глухих детей на основе* зрительного и кинестетического восприятия, позволяют на их основе дать детям понятие о некоторых сторонах грамматического строя языка. Е. И. Марциновская (Москва) в докладе «О соотношении устной и дактильной формы речи у глухих дошкольников» исследовала положительное и отрицательное влияние дактильной речи на формирование устной речи. Л. Ф. Спирова (Москва) в докладе «Нарушения чтения у детей» установила, что недостатки чтения, как правило, связаны с недостаточным развитием звукового анализа слова, а не с дефектами зрительного восприятия. Этот доклад, объективно идущий в русле упомянутых выше исследований Д. Б. Эльконина и Л. Е. Журовой, представляет, с нашей точки зрения, чрезвычайно большой интерес для лингвиста.

Из докладов, представленных на секцию сравнительной психологии, отметим доклад М. Грюнер и М. Б. Казоровицкого (Москва) «Голосовые условные рефлексы у высших обезьян», где показано, что звуковые сигналы орангутанга можно превратить в условнорефлекторные и что такого рода временные связи образуются и функционируют по тем же закономерностям, как и любые другие условнорефлекторные реакции.

К сожалению, в отличие от первого съезда, проходившего в Москве в июне — июле 1959 г., в работе второго съезда участие лингвистов было незначительным, если не считать фонетистов *из группы В. А. Артемова при 1 МГПИИЯ*.

А. А. Леонтьев (Москва)

В связи с исполнившимся 27 июня 1963 года 90-летием действительного члена Академии наук Эстонской ССР профессора Иоганнеса-Вольдемара Густавовича Вески АН ЭССР Тартуский государственный университет и Общество родного языка организовали в здании университета лингвистическую конференцию, посвященную лексике — основной области работы юбиляра.

Доц. канд. филол. наук П. Пальмеос остановилась на обширной деятельности юбиляра в области развития и обогащения лексики эстонского языка, которому И.-В. Вески посвятил более 60 лет своей жизни. Необработанный эстонский национальный язык окраины царской России стал более развитым литературным языком с богатым словарем и выразительными средствами речи. И в этом развитии современного эстонского языка немалую роль сыграли труды акад. И.-В. Г. Вески. Почти во всех областях имеются слова, образованные И.-В. Вески или введенные им в литературное употребление из диалектов. Особенно много новых слов И.-В. Вески внес в областях естествознания, медицины, юриспруденции и химии. Сейчас И.-В. Вески вместе с сотрудниками составляет капитальный «Русско-эстонский словарь», причем 2/3 рукописи уже подготовлено.

Проф. А. Каск выступил на конференции с докладом на тему «Роль „Эстонского орфографического словаря“ в формировании эстонского литературного

языка». Упомянутый словарь, первый в своем роде, был составлен И.-В. Вески и закрепил орфографические правила эстонского литературного языка.

Канд. филол. наук А. Кийндок говорила о принципах, на которые опирается И.-В. Вески при фиксации терминов; научный сотрудник Р. Куллль — о трех основных способах словосложения имен существительных; научный сотрудник Э. Райет — о заимствованиях французского происхождения в эстонском языке; доц. канд. филол. наук Х. Рятсеп — об источниках обогащения словаря; аспирант И. Пээбо — о лексике эпоса «Калевипоэг»; доц. канд. филол. наук Э. Вяари — о преподавании лексики и стиля в средних школах с производственным обучением.

Учитывая исключительные заслуги академика И.-В. Вески в развитии эстонского языка и воспитании молодого поколения языковедов, Президиум Верховного Совета СССР наградил юбиляра орденом Трудового Красного Знамени.

Э. Э. Вяари (Тарту)

Третий семинар по исторической фонологии германских языков, состоявшийся 23—25 сентября 1963 г. в Ленинградском университете, показал, что исследования в этой области настойчиво ведутся в разных концах страны. Были обсуждены следующие доклады: А. П. Евдошенко (Кишинев) «О некоторых принципах исторической фонологии», Т. С. Глушак (Оренбург) «К вопросу о возможностях диахронической интерпретации дифтонгов», А. Н. Мороховский (Самарканд) «О возможностях применения некоторых положений теории информации к проблемам исторической фонологии», В. А. Квятковский (Ленинград) «Фонологическая интерпретация передвижений долгих гласных в английском языке», С. Ю. Комиссарчик (Харьков) «К системе кратких фонем древнеанглийского», В. В. Кошкин (Петрозаводск) «О рефлексе сверхдолготы слога в исландском языке», Я. Б. Крупаткин (Севастополь) «Англо-фризские назализованные гласные», А. С. Либерман (Ленинград) «К вопросу о релевантности долготы в среднеанглийском», Н. Х. Мифтахова (Казань) «О проблеме количества в истории языка», Г. В. Воронкова (Ленинград) «История сибилянтов в норвежском языке», М. В. Раевский (Воронеж) «Германское и верхненемецкое передвижения согласных: их соотношение и последствия», А. Ю. Степонавичюс (Вильнюс) «Сужение æ в древнекентском», И. П. Иванова (Ленинград) «О „смежном" функционировании гласных в древнеанглийском», М. И. Стеблин-Каменский (Ленинград) «Скандинавский ротацизм и законы изменения различительных признаков».

Несмотря на разнообразие тематики, много внимания было уделено общим вопросам исторической фонологии: системному характеру языка и языковых изменений, роли отдельных факторов и т. п.

Исследовательская практика показывает, что язык не укладывается в систему, что система — это лишь конечный пункт, к которому язык стремится и которого он никогда не достигает. Прежде всего бывают случаи, когда невозможно с уверенностью определить, имеем ли мы дело с фонемой, аллофоном, факультативным вариантом или даже с сочетанием фонем. М. И. Стеблин-Каменский демонстрировал это на истории скандинавских альвеолярных и какуминальных. М. В. Раевский, сравнивая древние противопоставления $s : \beta$ и $z : \delta$, показал, что второе из них не столь полноценно как первое, так как встречается лишь в определенной позиции в слове; тем не менее оно существует и должно учитываться. Автор этих строк обнаружил, что англо-фризское краткое назализованное *a* не столь автономно, как долгое, и все же оно было, по-видимому, самостоятельной единицей. В докладе Т. С. Глушак отмечались трудности определения того, являются ли дифтонги моно- или би-фонемами. Опыт говорит, что каждый раз решение должно учитывать конкретные условия. А. С. Либерман пришел к выводу о невозможности дать однозначный ответ на вопрос о том, релевантна ли была долгота гласных в английском языке XIII в.: по его мнению, для одних слов долгота была релевантной, для других — нет. Также и в проблеме дифтонгов, по мысли М. И. Стеблина-Каменского, надо применить принцип неединственности фонологических критериев. В одном языке, с данной структурой, годится такой принцип, в другом — иной. Очень важно бывает учитывать дальнейшее развитие интересующих нас комплексов.

Как отмечал М. И. Стеблин-Каменский, уже само описание звуковых изменений в фонологических терминах является важным шагом вперед. Однако историческая фонология идет дальше и последовательно ищет внутренние, структурные факторы изменений. Важно помнить при этом, что структурный фактор не единственный. То, что происходит в данном языке или в данную эпоху, не обязательно для иного языка или иной эпохи. Иначе говоря, структурная связь не является ни необходимой, ни обратимой, ни обязательной. Вот почему признание асимметрии системы согласных в качестве «толчка» (в докладе М. В. Раевского), так же как предположение, будто изолированность фонемы в системе непременно ведет к ее исчезновению (в докладе Я. Б. Крупаткина),— требуют менее категоричных формулировок. Но-

воанглийская дифтонгизация могла быть связана с влиянием среднеанглийских дифтонгов (В. А. Квятковский), но надо еще ответить, почему невозможно было обратное влияние.

Несколько необычно решались проблемы причинности в докладах А. П. Евдошенко и А. Н. Мороховского. Попытка в первом из них представить историю фонологической системы языка как ее неуклонное «улучшение» — со все возрастающими цифрами процента то «экономии», то «стабильности» — встретила возражения участников семинара. Рассматривая древнеанглийские гласные как совокупность символов избыточного кода, А. Н. Мороховский устанавливает правила его функционирования на основе статистики текста — сообщения, порожденного сложным марковским процессом. Затем выделяются группы символов с разным уровнем информации, и развитие трактуется как результат взаимодействия тенденций к оптимальности и к избыточности, причем количество преобразований единицы кода оказывается обратно пропорциональным количеству ее дифференциальных признаков. В прениях отмечалось, что вряд ли когда-либо можно будет найти общий принцип, управляющий звуковым развитием. Как заметил М. И. Стеблин-Каменский, оба доклада дали по сути лишь новые интересные способы описания фонологических систем, но не причинные решения.

Хотя рамки небольшой заметки не позволяют изложить содержание докладов, все же укажем на некоторые результаты, которых мы еще не касались. Так, Г. В. Воронкова показала, что возникновению шипящей фонемы в норвежском способствовало сначала появление глухого среднеязычного щелевого, затем нейтрализация противопоставления этого глухого звонкому. В конечном счете произошло слияние фонетически разных звуков в аллофоны одной фонемы. И. П. Иванова высказала предположение, что взаимозамена древнеанглийских неогубленных переднеязычных гласных объясняется отсутствием устойчивых границ у немаркированного ряда.

С. Ю. Комиссарчик привела новые доводы в пользу того, что древнеанглийские краткие дифтонги являлись самостоятельными фонемами и входили в подсистему кратких гласных, противопоставляясь монофтонгам *æ*, *e*, *i*. Н. Х. Мифтахова охарактеризовала наиболее сложные стороны проблемы количества и показала, что в случае удлинения гласных важнейшая задача — определить условия, при которых удлинившийся аллофон краткой фонемы приобретает статус долгой фонемы.

Отметив, что в исландском одновременно со вступлением в силу закона слогового равновесия долгие глухие смычные развиваются в группы из преаспирации и глухого смычного, В. В. Кошкин высказал мнение, что преаспирация есть рефлекс долготы сократившегося гласного, ибо сверхдолгий слог сокращался за счет гласного. По А. Ю. Степонавичюсу, до сужения *ǣ* наиболее открытые кентские гласные противопоставлялись только по положению языка, тогда как все другие участвовали еще и в оппозиции по огубленности. Сужение означало устранение разнородности фонологических противопоставлений и установление систем более регулярного типа.

М. В. Раевский показал, что в результате первого передвижения согласных устанавливаются корреляции звонкости и смычности, причем возникает асимметрия между подсистемами смычных и щелевых. В результате второго передвижения устанавливаются: корреляция аффрицирования, сменившая корреляцию звонкости в положении релевантности, и корреляция геминации, а возникшая асимметрия смычных и щелевых по-разному устраняется в различных диалектах. Если прибавить еще, что появилось различие между консонантизмом начала и исхода морфемы, то оказывается, что оба передвижения вернее рассматривать как самостоятельные процессы.

При определении различительных признаков фонемы, обозначавшейся руной *R*, М. И. Стеблин-Каменский основывается как на уже известных языковых фактах, так и на общих соображениях о том, что: 1) звуковое изменение не может коснуться одновременно больше чем одного различительного признака отдельной фонемы и 2) число различительных признаков в системе фонем не может увеличиться, если одновременно не увеличивается число фонем в данной системе. Фонема *R* должна была обладать различительными признаками раскатистости и сибилянтности, и этим опровергается предположение, будто она была палатализованным раскатистым. Факты, на которых обычно основывают это общепринятое предположение, истолковываются как результат появления нового различительного признака в гласных.

В заключение отметим, что на семинаре были представлены разные виды исследований, и это способствовало полезному столкновению мнений.

Я. Б. Крупаткин (Севастополь)

С 7 по 9 октября 1963 г. в Институте народов Азии АН СССР состоялось Всесоюзное совещание по типологии восточных языков.

Г. П. Сердюченко (Москва) в докладе «Проблемы типологии и задачи совещания» развивал мысль о том, что полноценное общее учение о языке возможно лишь на основе изучения возможно большего числа языков мира, а сле-

довательно, и языков Азии и Африки. Докладчик остановился на роли Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова в развитии вопросов типологии в советском языкознании. В качестве основных задач совещания докладчик назвал: 1) обзор различных направлений в методике типологических исследований; 2) освещение их современного состояния; 3) выяснение некоторых основных понятий вопроса, как, например, «типология», «структурная типология», «типологическая единица»; 4) уточнение содержания, объема и методики типологических исследований; 5) сообщения о конкретных исследованиях по типологии языков, в первую очередь восточных; 6) установление теоретической и практической важности типологических исследований разноструктурных языков; 7) определение тематики дальнейших работ по типологии восточных языков.

Г. Д. Санжеев (Москва) прочитал доклад «Сравнительно-исторические и типологические исследования в алтаистике». По мнению докладчика, гипотеза об исконном родстве так называемых алтайских языков еще не обоснована и не исключено, что и не сможет быть обоснована. Если эти языки не имеют общего предка, то сравнительный метод применяется здесь ограничено по отношению к общим явлениям этих языков, явлениям, возникшим в ходе их развития в условиях реальных исторических связей в течение длительного периода. Необходимо дополнить сравнительно-исторические исследования типологическими. При этом структурно сходные явления могут быть следствием различных причин, откуда невозможно установление общей последовательности для перехода одного типа в другой.

В докладе Вяч. Вс. Иванова и Ю. К. Лекомцева «Проблемы структурной типологии» указывалось на важность выбора признаков, по которым ведется сравнение,— наиболее существенных и влекущих за собой наибольшее число других. Классическая типология выбирала признаки разнородные и случайные, не учитывающие язык как целое, как сложную иерархию кодов. Она смешивала синхронию и диахронию. Структурная типология ставит перед собой задачи создания мета-языка лингвистики, построения классификационного пространства и разработки алгоритма выведения языкового типа. В связи с этим необходима разработка и других областей лингвистики, особенно семантики. Докладчики подчеркивали значение типологии для практики: преподавание чужого языка, устный, литературный и машинный переводы, вообще всякое перекодирование информации. Языки народов Востока дают образцы приемов кодирования как с избыточной информацией, важной для помехоустойчивости (например, согласование показателей именных классов в языках банту), так и экономного кодирования (например, возможность использования немногих аффиксов для различения многих различных категорий в малайско-полинезийских языках).

Г. П. Щедровицкий (Москва) в докладе «Методологические замечания к проблеме типологической классификации языков» отметил, что расхождение в характеристике типологических исследований между структуралистами и сторонниками Н. Я. Марра объясняется тем, что они работали в разных слоях многослойной структуры языкознания, соответствующей многослойной структуре самого языка. Структуралисты занимаются знаковыми формами и эталонами, а сторонники Марра занимались исходными группировками объектов: какие языки и как надо расположить, чтобы представить историческое развитие.

Доклад Ю. В. Рождественского (Москва) «Различающие признаки слова в некоторых восточных языках» предлагает вернуться к типологии языков на основе соотношений различных уровней языка в пределах лингвистической единицы: отношение слова к предложению, отношение слова к фонемному составу, отношение слова к слову (словообразование). По мнению докладчика, связь различных уровней языка в пределах слова определяет многие другие признаки описываемого языка и обладает свойством периодичности, позволяющим предсказать некоторые неизвестные признаки по известным, характеризуя типологичность слова.

В докладе Г. С. Клычкова (Москва) «Типологические изменения в развитии индоевропейских языков», прочитанном Ю. В. Рождественским, предлагалась реконструкция индоевропейского праязыка как корнеизолирующего с единственным гласным, не имеющим фонологического значения и оканчивающим открытый слог, который был одновременно словом и силлабофонемой[13].

В своем докладе Н. Н. Коротков (Москва) выдвинул гипотезу о двух этапах выделения частей речи. На первом части речи выделяются как функциональные лексико-грамматические классы слов, характеризующихся своей синтаксической валентностью, частично способностью принимать грамматические формы (сопутствующие категории), иногда словообразовательной структурой. На втором части речи выделяются как грамматические классы с частными грамматическими категориями обязательного характера с устойчивыми парадигмами. Только в последнем случае слово высту-

[13] См. также: Г. С. Клычков, Типологическая гипотеза реконструкции индоевропейского праязыка, ВЯ, 1963, 5.

пает как единство (инвариант) своих словоформ (вариантов).

В прениях выступили Т. П. Ломтев, В. М. Жирмунский, А. В. Десницкая и М. М. Гухман. Все выступающие отметили своевременность совещания. В. М. Жирмунский (Ленинград) в своей речи указал, что понятие точной науки и науки, привлекающей математические методы, не одно и то же. В истории, в литературоведении пользуются такими точными терминами типологического порядка, как «феодализм», «классицизм», «романтизм», «критический реализм». Они означают понятия, равно применимые к ряду подобных явлений, независимо от того, к какой стране (соответственно к какой национальной литературе) они относятся. Такого же рода, например, и термин сравнительно-исторической типологии И. И. Мещанинова: «субъектно-объектная система предложения». Есть области языка, где уместен математический подход: таково, например, стихосложение, к которому применил математику А. Н. Колмогоров, тонкий знаток поэзии. А. В. Десницкая (Ленинград) указала, что совещание знаменует воскрешение типологических традиций советского языкознания, вспомнила Н. Я. Марра и схему «аморфность — агглютинация — флексия». Теперь снова пытаются реконструировать протоиндоевропейский язык как аморфный и обращаются к современным изолирующим восточным языкам. Заслуга И. И. Мещанинова в том, что он ввел в общее языкознание разноструктурные языки СССР.

На утреннем заседании 8 октября *Г. П. Сердюченко огласил письмо* И. И. Мещанинова, высказывающего удовлетворение по поводу созыва совещания и передающего привет его участникам. Затем с докладом «Установление подобия языков как метод типологического исследования» выступил В. М. Солнцев (Москва). Считая типологически существенным сопоставление в исследуемых языках отношений между единицами различных уровней и подуровней, он предложил следующий порядок установления подобия в *соответствующих языковых структурах*. На первом этапе выделяются однотипные уровни, которые разбиваются на подуровни, для каждого из которых выбирается единица. На втором этапе в каждом из сопоставляемых языков устанавливаются отношения единиц разных уровней друг к другу. Например, звука (a_1) к слогу (e_1), слога к морфеме (c_1), морфемы к слову (d_1). На третьем этапе сличаются эти отношения в исследуемых языках, т. е. собственно и устанавливается подобие или его отсутствие. Например, в китайском и вьетнамском языках отношения звука к слогу одинаковое, а в русском языке — иное; равным образом в китайском и вьетнамском отношение слога к морфеме характеризуется их совпадением, чего нет в русском. Это может быть записано так:

в кит. яз.		во вьетн. яз		в русск. яз.
$a_1 : b_1$	=	$a_1 : a_1$	=	$b_1 : b_1$
$b_1 : c_1$	=	$b_1 : c_1$	=	$b_1 : c_1$

Языки, проявляющие последовательное подобие, относятся к одному структурному типу, как китайский и вьетнамский. Для таких языков на четвертом этапе устанавливается степень подобия на основании: а) учета различия в отношениях между разными уровнями, б) прямого сопоставления единиц разных уровней сравниваемых языков.

В докладе М. С. Андронова (Москва) «О типологическом сходстве новоиндийских и дравидийских языков», констатируется, что обычный способ трактовки фактов сильной фонетической, лексической, морфологической, синтаксической близости дравидийских языков с индоарийскими (как результат суперстратно-субстратного взаимовлияния) при учете структурной разобщенности каждой из этих групп со своими предками односторонен. Речь идет здесь о постепенно складывающемся родстве, которое, если тенденции развития не изменятся, приведет к созданию новой языковой семьи.

Доклад Г. Ш. Шарбатова (Москва) «К вопросу о типологии современного арабского языка» обращает внимание на то, что литературный арабский язык и живые диалекты объединяются обычно внутри одного морфологического типа: *флективно-агглютинативного*. Между тем вторые отличаются от первого значительным аналитизмом и для них следует еще добавить характеристику — «аналитический».

Ю. А. Горгониев (Москва) в сообщении «Становление грамматических категорий в языках изолирующего типа» сопоставил оформление глагола в китайском и кхмерском языках. Д. И. Еловков (Москва) в сообщении «О сходстве и различиях бирманского, тамильского и кхмерского языков» произвел сопоставление этих языков на уровне слога, слова и предложения. Выступление С. Д. Кацнельсона (Ленинград) было посвящено основной задаче типологических исследований. Такой задачей является не столько создание типологической классификации и создание языка-эталона, хотя это и нужные вещи, сколько выявление основных закономерностей в отношениях между отдельными фрагментами структуры языка. А. Рона-Таш (Будапешт) остановился на качественном и количественном анализе, которые не могут быть разобщены и из которых второй является средством для первого. Характеризуя шестисотлетний контакт монгорского и тибетского

языков, А. Роно-таш отметил, что он отразился очень заметно на фонетическом облике монгорского языка, менее на его морфологии, и снова значительно на синтаксисе. Если таковы влияния контактов на протяжении шестисот лет, то тем больше они могут быть между различными группами алтайских языков, контакты которых были гораздо продолжительнее. Отсюда А. Роно-таш все больше проникался убеждением в недоказуемости генетической общности алтайских языков. Тем не менее,— и в этом прав Г. Д. Санжеев,— к этой группе должен применяться сравнительно-исторический метод. Далее А. Роно-таш рассказал о применении им математических методов к этимологии посредством диаграмм дистрибуции фонем в заимствованных словах: в языке заимствовавшем и в языке-источнике.

В. Д. Аракин (Москва) поставил вопрос о том, какие единицы должны быть выработаны как решающие для определения типологии языка? Предпочтение, по его мнению, следует отдать слову и предложению, которые гораздо более стабильны, чем фонема, и в которых воплощена связь языка с мышлением, поскольку слово воплощает понятие, а предложение — суждение. Далее он остановился на структуре слова в германских, тюркских и других языках.

Утреннее заседание 8 октября началось выступлением В. В. Згусты (Прага), который проиллюстрировал важность изучения микросистем для определения типологии языка на примере склонения имен и местоимений в осетинском языке. Склонение имен последовательно агглютинативное с едиными окончаниями в ед. и мн. числе; напротив, склонение местоимений имеет остатки флексий и супплетивности основ и корней. Язык является системой, состоящей из субсистем. Объяснить распространение аналогии на другие субсистемы должен исторический метод.

Н. В. Охотина (Москва) прочла доклад «К типологической характеристике языка суахили», в котором была дана характеристика морфемной структуры слов, связанных согласованием по именным классам. В докладе А. Н. Жуковой (Ленинград) «К типологической характеристике языков чукотско-камчатской группы» ставился вопрос об анализе структуры инкорпоративного комплекса как лексической, синтаксической и морфолого-синтаксической единице.

В докладе М. А. Кумахова (Москва) «Проблема типологии слова в полисинтетических языках западного Кавказа» рассматривались различные построения полисинтетического слова этих языков: агглютинативное, агглютинативно-инкорпоративное, агглютинативно-флективное. Докладчик подчеркнул, что сочетаемость конститутивных элементов полисинтетического слова строго ограничена, что и создает соответствующую структуру. Это делает необходимым перед всесторонним типологическим исследованием полисинтетических языков провести в них дистрибутивный анализ структуры слова.

А. Б. Долгопольский (Москва) сделал доклад на тему «Сохраняемость лексики, универсалии и ареальная типология», в котором сообщил о результатах статистического обследования 150 языков Евразии с качественной проверкой в языках остальных частей света[14].

Л. З. Сова (Ленинград) и В. С. Храковский (Ленинград) в сообщении «Каузативное преобразование как одно из средств типологической классификации языков» рассказали об операциях по развертыванию заданных базисных структур простого предложения и дали характеристику значения этих операций для универсального синтаксиса.

Последний день совещания — 9 октября — открылся сообщением М. В. Софронова (Москва): «Некоторые черты лингвистического исчисления», в котором была предложена система построения грамматики языка в виде исчисления, как нескольких связанных самостоятельных исчислений иерархических уровней: слога, морфемы слова, простого предложения, сложного предложения. Каждый уровень имеет алфавит, который содержит все единицы фредшествующего уровня (алфавит для исчисления на уровне слога содержит понемы данного языка исчисления).

С замечаниями по методике типологических исследований Гринберга выступил В. Винтер (США). Лингвистика, по мнению В. Винтера, является преимущественно эмпирической наукой, а не теоретической. Для типологии не столь важен фонологический уровень. Иначе пришлось бы отнести к разным типологическим группам стандартный немецкий язык с его семью краткими гласными и немецкие диалекты, в которых только пять кратких гласных. Наши сведения по синтаксической типологии еще недостаточны. Самым удобным для типологических штудий является морфологический уровень. Но и здесь много невыясненного. Например, что важнее в английском глаголе — его агглютинативность или его флективность? Идея Гринберга применять статистику хороша, но надо знать, что именно исчислять. Проблема определения слова и морфемы для различных языков сложна и не разрешена в ряде аспектов.

[14] См. в связи с этим статью А. Б. Долгопольского «Гипотеза древнейшего родства языковых семей северной Евразии с вероятностной точки зрения» (ВЯ, 1964, 2).

Семинар, работавший под руководством В. Винтера, проводил эксперименты по методике Гринберга. Несмотря на принадлежность студентов к одной и той же школе, при подсчете морфем в одном и том же английском тексте разница была ± 10%. Среднее число морфем на слово для английского языка было установлено в 1,6, для русского приблизительно 1,5, для эскимосского, кажется, 2,75. Но для общественно-политического языка оказалось, что в русском число морфем уже 2,25. Итак, в одном случае русский язык близок к английскому, в другом — к эскимосскому. Следовательно, дело не так просто, как думал Гринберг. Кажется, что и при подсчете текстов одного стиля может быть большая разница. Как малы тексты в 100 слов для подсчетов морфем, так малы и тексты в 1000 слов (80—100 фраз) для синтаксических подсчетов. Недостаточно и 30 языков (не более 1,5% существующих) для выделения синтаксических универсалий.

Б. А. Успенский (Москва) в докладе «Сосуществование грамматических структур в языке» исходил из того, что многие языки характеризуются несколькими структурными моделями столь же различными, как различны языки, принадлежащие к разным структурным типам. Например, в немецком языке сосуществуют структуры флективного и инкорпорирующего типов; в чукотском — агглютинативная и инкорпорирующая. Доклад дает метод расчленения языка на элементарные структуры и предлагает метод их типологической характеристики с тем, чтобы на основе этой характеристики представить язык как сложение этих структур.

Доклад Ю. Я. Глазова (Москва) «Применение количественного метода к типологическому сопоставлению морфологических систем тамильского и уйгурского языков» сообщает о результатах, полученных на основе применения методики Гринберга, приложенной к двум текстам — по сто слов каждый — на каждом языке. Получено 8 индексов по каждому из языков.

А. А. Леонтьев (Москва) в докладе «Лексемный и морфемный синтаксис и вопросы типологии» отметил, что в языках разного строя преобладают разные синтаксисы. Для изолирующих характерен лексемный синтаксис (порядок слов — главный грамматический способ, члены предложения выделяются как классы лексем, встречающихся в определенной синтаксической позиции). Для языков «флективных», в частности русского, характерен морфемный синтаксис (система грамматических форм, независимая или мало зависимая от порядка слов и их лексического значения, система членов предложения, производная от частей речи, как классов морфемных слов). Примером языка, где оба «синтаксиса» равноправны, является, по мнению А. А. Леонтьева, суахили.

После докладов развернулись оживленные прения, в которых приняли участие Б. А. Успенский (Москва), И. Ф. Вардуль (Москва), Б. А. Бертагаев (Москва), Н. Ф. Алиева (Москва), С. Н. Муратов (Ленинград), Н. М. Османов (Москва), Т. Я. Елизаренкова (Москва), Л. Н. Старостов (Москва), Ю. Н. Завадовский (Москва), Ю. В. Рождественский (Москва), Г. Д. Санжеев (Москва).

Г. П. Сердюченко подвел итоги совещания и высказал удовлетворение его ходом. Совещание не ставило своей задачей принимать какие-либо решения, его целью было сделать обзор прошлого и ознакомиться с современными проблемами типологии. Г. П. Сердюченко подчеркнул значение типологических исследований И. И. Мещанинова и отметил, что Марр впервые выдвинул проблему равноправного отношения ко всем объектам языкознания. Марр настаивал на том, что общее языкознание может строиться только на учете всех языков, а не отдельной группы языков. Наша задача вновь разобраться в наследии Марра. Далее Г. П. Сердюченко остановился на характеристике этапов творческого пути И. И. Мещанинова и некоторых его коллег — Д. В. Бубриха, Н. Ф. Яковлева, Л. И. Жиркова, Н. К. Дмитриева, и указал на различные направления советской структурной лингвистики.

В 1964 г. Институт должен провести совещания по восточным языкам: китаистов, индологов, совещание по языкам Юго-Восточной Азии и, наконец, совещание по семитским языкам. Эти совещания будут касаться и фонологии, и грамматики, и лексики, и языковой ситуации в соответствующих странах.

Не внутренним делом Института является и совещание по серии «Языки зарубежного Востока» и по трехтомнику «Языки зарубежного Востока и Африки». К участию в последней работе будут привлечены все ученые, могущие содействовать осуществлению этого издания.

В. П. Старинин (Москва)

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ И БРОШЮРЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Материалы к частотному словарю языка Пушкина. (Проспект).— М. 1963. 52 стр. (Сектор структурной и прикладной лингвистики Ин-та языкознания АН СССР).

Памятники древнетюркской письменности Тувы. I.— Кызыл, 1963. 68 стр.

Синхроническое изучение различных ярусов структуры языка (Материалы расширенного заседания лингвистического семинара).— Алма-Ата, 1963. 105 стр.

Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи.— М., 1963. 95 стр. (Ин-т русского языка АН СССР).

Эпиграфика Киргизии. I.— Фрунзе, 1963. 78 стр.

А. М. Бордович, Н. И. Гурский, Е. С. Хмелевская, Э. К. Бирилло. Русский язык. I.— Лексика. Фонетика. Морфология.— Минск, 1962. 388 стр.

Ф. А. Ганиев. Видовая характеристика глаголов татарского языка.— Казань, 1963. 180 стр.

А. П. Дульзон. Аффиксация как метод передачи грамматических значений. Лекция по общему языкознанию.— Томск. 1962. 24 стр.

А. Курбанов. Фразеология современного азербайджанского языка.— Баку, 1963. 40 стр. (на азерб. яз.).

Б. А. Старостин. Транскрипция собственных имен. Практическое пособие.— М., 1963. 84 стр. (Отдел изданий ВГБИЛ). [ротапринт].

Д. И. Эдельман. О единой научной транскрипции для иранских языков. М.— Л., 1963. 60 стр. (Ин-т языкознания АН СССР).

Československá rusistika. VIII, 3—4. 1963. Стр. 113—228.

Dictionnaire de la langue oubykh avec introduction phonologique, index français-oubykh, textes oubykhs par H. Vogt.— Oslo, 1963. 266 стр.

Język polski. XLIII, 1963, 1—2. Стр. 1—112.

Revue de linguistique. VIII, 1963, 1. Стр. 1—171.

Revista de psihologie. VIII, 3—4, 1962. Стр. 345—574.

Slavia orientalis. XII, 2; XIII, 3.— Warszawa, 1963. Стр. 131—472.

Slavia pragensia. V.— Philologica, 1.— Praha, 1963. 359 стр.

Slovo a slovesnost. XXIV, 3.— Praha, 1963. Стр. 161—221.

Studia et acta orientalia. IV.— Bucarest, 1962. 364 стр.

Studia slavica. IX, 1—4.— Budapest, 1963. Стр. 1—420.

Zpravodaj Místopisné komise ČSAV. IV, 2—4, 1963. Стр. 117—300.

Baleczky É. Szöveggyüjtemény az orosz nyelv történetének tanulmányozásához.— Budapest, 1963. 128 стр.

M. Bierwisch. Studia Grammatica, II.— Grammatik des deutschen Verbs.— Berlin, 1963. 188 стр.

L. P. Elwell-Sutton. Elementary Persian grammar.— Cambridge, 1963. 223 стр.

P. Hartmann, Theorie der Grammatik.— The Hague, 1963. 540 стр.

I. Mahnken. Die Struktur der Zeitgestalt des Redegebildes.— Göttingen, 1962. 603 стр.

P. S. Ray. Language standardization.— The Hague, 1963. 160 стр.

G. Y. Shevelov. The syntax of modern literary Ukrainian.— The Hague, 1963. 319 стр.

F. de Tollenaere. Nieuwe wegen in de lexicologie.— Amsterdam, 1963. 150 стр.+ 15. (на гол. яз.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ И ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ИЗДАНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

БЕ — «Български език»
ВЯ — «Вопросы языкознания»
ВИ — «Вопросы истории»
ВСЯ — «Вопросы славянского языкознания»
ВФ — «Вопросы философии»
ВДИ — «Вестник древней истории»
ИАН ОЛЯ — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка»
ИАН ОТН — «Известия АН СССР. Отделение технических наук»
«Р. яз. в шк.» — «Русский язык в школе»
«Ин. яз. в шк.» — «Иностранные языки в школе»
РФВ — «Русский филологический вестник»
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»
ЗВО РАО — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества»
ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук (Росс. АН) АН СССР»
СбНУ — «Сборник за народни умотворения»
ФН — «Доклады высшей школы. Филологические науки»
ADAW — «Abhandl. der Deutschen (Berliner) Akad. der Wissenschaften», Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
AfslPh — «Archiv für slavische Philologie»
AKGW — «Abhandl. der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen»
AL — «*Acta linguistica*»
AO — «Archiv orientalni»
APAW — «Abhandl. der Preussischen Akad. der Wissenschaften», Philosoph.-hist. Klasse
BPTJ — «Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego»
BSLP — «Bullétin de la Société de linguistique de Paris»
BSOS — Bulletin of the School of Oriental studies
BCLC — «Bullétin du Cercle Linguistique de Copenhague»
BzNf — «Beiträge zur Namenforschung»
CFS — «Cahiers F. de Saussure»
IF — «Indogermanische Forschungen»
IIJ — «Indo-Iranian journal»
IJAL — «International journal of American linguistics»
JA — «Journ. asiatique»
JASA — «Journ. of the Acoustical society of America»
JEGPh — «*Journ. of English and Germanic philology*»
ЈФ — «Јужнословенски филолог»
JP — «Język polski»
JRAS — «Journ. of the Royal asiatic society»
JRSS — «Journ. of the Royal statistical society»
JSFOu — «Journ. de la Société finno-ougrienne»
KZ — «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», hrsg. von A. Kuhn
MSLP — «Mémoires de la Société de linguistique de Paris»
MSOS — «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin»
NTS — «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap»
PBB — «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», hrsg. von H. Paul und B. Brugmann
PMLA — «Publications of the modern language assotiation of America»
REG — «Revue des études grecques»
RESl — «Revue des études slaves»
RF — «Romanische Forschungen»
RKJL — «Rozprawy Komisji językowej Łodźk. t-wa naukowego»
RKJW — «Rozprawy Komisji językowej Wrocławsk. t-wa naukowego»
RLR — «Revue de linguistique romane»
RO — «Rocznik orientalistyczny»
SaS — «Slovo a slovesnost»
SMS — «Sborník matice slovenskej pre jazykozpyt, národopis a literárnu historiu»
SDAW — «Sitzungsberichte der Deutschen Akad. der Wissenschaften», Phil.-hist. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
SPAW — «Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften»
Stud. or. — «Studia orientalia»
SWAW — «Sitzungsberichte der Wiener Akad. der Wissenschaften»
TCLC — «Travaux du Cercle linguistique de Copenhague»
TCLP — «Travaux du Cercle Linguistique de Prague»
UAJb — «Ural-Altaische Jahrbücher»
UJB — «Ungarische Jahrbücher»
ZfceltPh — «Zeitschrift für celtische Philologie»
ZfPh — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft»
ZfS — «Zeitschrift für Slavistik»
ZfslPh — «Zeitschrift für slavische Philologie»
ZfromPh — «Zeitschrift für romanische Philologie»
ZDMG — «*Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft*

CONTENTS

Articles: E. A. Makajev (Moscow). Comparative, descriptive and typological grammar; **Discussions**: A. A. Zaliznjak (Moscow). The «conditional accent» in Russian morphology; P. S. Kuznetzov (Moscow). On the problem of Russian «akanje»; A. N. Tikhonov (Samarkand). The purely perfectivizing prefixes in the system of Russian aspect word-formation; O. S. Sirokov (Minsk). On the relation of the phonological system and the frequency of «phonemes»; **Discussion of problems of Russian orthography**: M. Yanakiev (Sofia). Theoretical orthography and speech; **Materials and notes**: A. N. Kolmogorow, A. V. Prokhorov (Moscow). On the «dol'nik» of Russian poetry; E. S. Kubriakova (Moscow). On the relatively bound and relatively free morphemes in language; A. N. Baskakov (Moscow). Types of asyndetic compound sentences in Turkish; V. V. Vertogradova (Moscow). On the interpretation of Middle Indian intervocalic fricatives; S. J. Lurje (Lvov). On the problem of Greek accent; **Applied and mathematical linguistics**: V. M. Kalinin (Leningrad). On the statistics of literary text; **Critics and bibliography**; **Scientific life**: Working-plans of scientists; A. K. Matveyev (Sverdlovsk). Work on toponymics at the A. M. Gorky State University of the Urals; A. I. Kuzmina (Tomsk). On the study of languages of the peoples of West Siberia at the Tomsk Pedagogical Institute.

SOMMAIRE

Articles: E. A. Makajev (Moscou). Grammaire comparative, descriptive et typologique; **Discussions**: A. A. Zaliznjak (Moscou). «L'accent conditionnel» dans la morphologie russe; P. S. Kuznetzov (Moscou). Le problème de «akanje» en russe; A. N. Tikhonov (Samarkand). Les préfixes «purement perfectivisants» dans le système aspectuel russe; O. S. Sirokov (Minsk). Sur la relation du système phonologique et la fréquence des «phonèmes»; **Discussion des problèmes de l'orthographe russe**: M. Yanakiev (Sofia). L'orthographe théorique et le discours; **Matériaux et notices**: A. N. Kolmogorov, A. V. Prokhorov (Moscou). Sur le «dol'nik» de la poésie russe; E. S. Kubriakova. (Moscou). Sur les morphèmes relativement fixes et relativement libres; A. N. Baskakov (Moscou). Types des propositions coordonnées asyndétiques en turc; V. V. Vertogradova (Moscou). L'interprétation des fricatifs intervocaliques en moyen indien; S. J. Lurje (Lvov). Sur le problème de l'accent grec; **Linguistique appliquée et mathématique**: V. M. Kalinin (Léningrad). Statistique du texte littéraire; **Critique et bibliographie**; **Vie scientifique**: Plans de travail des savants; A. K. Matveyev (Sverdlovsk). Oeuvre toponymique à l'Université d'état d'Oural; A. I. Kuzmina (Tomsk). Sur l'étude des langues des peuples de la Sibérie d'ouest à l'Institut pédagogique de Tomsk.

Технический редактор *Д. А. Фрейман-Крупенский*

Т-00338 Подписано к печати 29.I.1964 г. Тираж 5600 экз. Зак. 2903
Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Печ. л. 15,4 Бум. л. 5¹/₂ Уч.-изд. листов 17,4

2-я типография Издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, в совершенно готовом для печати виде, хорошо обработанные литературно и подписанные автором. И текст и подстрочные примечания обязательно должны быть напечатаны на машинке через два интервала.

После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон.

2. Объем статьи не должен превышать 25 стр., объем рецензии — 15 стр. машинописи. Редакция заинтересована в получении кратких сообщений и заметок по конкретной тематике объемом до 15 стр. машинописи.

3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.

4. При ссылках (в тексте и сносках) необходимо придерживаться порядка: автор, название книги или статьи, название издания (для статьи), заключенное в кавычки, место издания, год издания, страницы. (Страницы, определяющие границы статьи в издании, указываются лишь в критико-библиографических обзорах).

5. Все примеры на иностранных языках должны быть снабжены переводами. Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значение их — в кавычках.

6. Непринятые рукописи, как правило, авторам не возвращаются.

7. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются (за исключением раздела «По страницам зарубежных журналов»).

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. С. Ахманова, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев, В. В. Виноградов (главный редактор), *В. М. Жирмунский* (зам. главного редактора), *А. И. Ефимов, Н. И. Конрад* (зам. главного редактора), *М. В. Панов, Г. Д. Санжеев, Б. А. Серебренников, Н. И. Толстой* (и. о. отв. секретаря редакции), *А. С. Чикобава*

Адрес редакции: Москва, К-31. Кузнецкий мост, 9/10. Тел. Б 8-75-55